

Что было, что будет

Элис Хоффман

Общий тираж книг более
50 миллионов экземпляров

Элис Хоффман

Что было, что будет

Посвящается Тому

*В память о моей матери, Шерри Хоффман, не
верившей в пределы возможного, и о моей дорогой
подруге Маклин Бокок Джерард, чудесной
писательнице и чудесном человеке.*

Часть первая

Видение

1

Каждый, кто родился и вырос в Массачусетсе, с первых дней жизни умеет распознавать конец зимы. Младенцы в люльках, еще не научившиеся ползать, указывают ручонкой на заголубевшее небо. Хладнокровные мужчины роняют слезы при первых звуках птичьих трелей. Здоровые, крепкие женщины сбрасывают одежду и ныряют в пруды и бухты, хотя лед еще полностью не растаял; их ничуть не заботит, что они могут отморозить себе пальцы. Весенняя лихорадка поражает молодых и старых; она никого не щадит, не делает различий, налетает, когда меньше всего ждешь счастья, когда радость живет только в воспоминаниях, когда небеса все еще подернуты облаками и стылая земля укрыта высокими сугробами.

И кто осудит жителей Массачусетса за их радостное настроение в ту пору, когда весна совсем близко? Зима в Новой Англии жестока и беспощадна, она ввергает людей в меланхолию, внушает безнадежность, которую ничем не прогнать. В пригородах Бостона свинцовые небеса и заснеженные пейзажи вызывают временный дальтонизм, который излечивается только с появлением первых зеленых побегов весны. В марте население некоторых городков, к своему удивлению, убеждается, что еще способно проливать слезы; встречаются и те, кто утверждает, что впервые в жизни обрели остроту зрения.

Однако есть и такие, кто не сразу различает признаки весны. Они не доверяют марту и объявляют его самым опасным месяцем года. Эти упрямцы продолжают ходить в теплых пальто чудесными солнечными днями и настаивают, что даже при стопроцентном зрении издалека не отличить ковер подснежников от скользкой ледяной полосы. Таких людей не убедить, что лев когда-нибудь может обрести смирение ягненка. По их мнению, любой, кто родился в марте, обязательно обладает странными чертами, под стать переменчивому месяцу — то жаркому, то холодному. Непостоянство — второе название марта, никто не спорит. И дети, родившиеся в первый месяц весны, тоже непредсказуемы.

В некоторых случаях, безусловно, так и есть. Взять, к примеру, семейство Спарроу: сколько существовал их род, у них рождались одни девочки, и каждая из этих дочерей сохранила фамилию и отмечала свой день рождения в марте. Даже те младенцы, которым, по всем подсчетам, полагалось появиться на свет в благополучное время — в снежном феврале или зеленом апреле, — умудрялись родиться в марте. Неважно, какой срок

выпадал малышу — как только в Новой Англии расцветали первые подснежники, ребенок семейства Спарроу заявлял о себе. Начинали набухать почки, расцветать крокусы, и материнская утроба уже не могла удержать такого младенца, ведь приближалась весенняя лихорадка.

Тем не менее младенцы Спарроу отличались таким же разнообразием, как мартовские дни. Некоторые рождались спокойными, любопытными, с распростертыми ручонками, что служит верным признаком щедрости природы, тогда как другие появлялись на белый свет с возмущенным визгом, переполненные гневом, так что их поспешно кутали в голубые одеяльца, чтобы предотвратить нервные заболевания и апоплексию. Одни отпрыски семейства Спарроу рождались под тихий снегопад, когда Бостонский порт был скован льдом, а появление на свет других приходилось на теплые дни, и они делали свой первый вдох, когда дрозды вили гнезда из соломинок и веточек, а красные клены розовели первыми почками.

За все время, погожее и ненастное, только один младенец родился ножками вперед (знак целителя), и этим младенцем была Стелла Спарроу Эйвери. Тринадцать поколений девочек Спарроу приходили в этот мир с иссиня-черными волосами и темными глазами, а Стелла была бледненькой, пепельные волосенки и карие глазки она унаследовала по отцовской линии, как решили акушерки, восхищавшиеся красавчиком папашей. Роды проходили трудно, под угрозой была жизнь и матери, и ребенка. Все попытки повернуть плод ни к чему не привели, и вскоре доктора начали опасаться за исход дела. Мать, Дженни Эйвери, самостоятельная, трезво мыслящая женщина, которая в семнадцать лет убежала из дома и не питала никаких сантиментов, полагаясь только на себя, вдруг начала во весь голос кричать: «Мама!» — чего никак не ожидала. То, что она звала мать, такую далекую и холодную, с которой не разговаривала больше десяти лет, поразило Дженни сильнее, чем мучительные схватки. Удивительно, как это мать ее не услышала, ибо, хотя Элинор Спарроу находилась милях в пятидесяти от Бостона, отчаянные крики Дженни пробивались в самые отдаленные уголки, не оставляя равнодушными даже наиболее бесчувственных. Другие роженицы, у которых схватки только начались, затыкали пальцами уши и принимались дышать как на инструктаже, молясь, чтобы у них все прошло легче. Санитарки жалели, что вышли в эту смену, а не лежат теперь дома в постели, закрывшись с головой одеялом. У пациентов в кардиологическом отделении началось сердцебиение, а в кафетерии на первом этаже свернулся лимонный пудинг, и его пришлось выбросить.

Наконец после семнадцати часов мучений ребенок появился. Акушерка

резко потянула за крошечное плечико, чтобы облегчить страдания матери, пульс которой начал слабеть. Именно в этот момент, когда высвободилась головка ребенка и Дженни Эйвери едва не потеряла сознание, облака расступились и на небе замерцали серебристые брызги Млечного Пути, сердца Вселенной. Дженни заморгала от внезапного света, проникшего сквозь окно. Она словно впервые увидела, как красив мир. И звезды, и черное небо, и рождение ребенка — все слилось в едином сиянии.

Дженни не особенно хотела малыша, не то что некоторые женщины, с тоской глядевшие на колыбельки и деревянных лошадок. Ее непростые взаимоотношения с собственной матерью заставляли относиться с настороженностью к семейным узам, а брак с Уиллом Эйвери, безусловно одним из самых безответственных мужчин Новой Англии, не создал подходящую обстановку для воспитания ребенка. И все же это случилось: младенец родился в одну из звездных ночей марта, семейного месяца всех Спарроу, месяца снега и весны, львов и агнцев, завершений и начинаний, зеленого месяца, белого месяца, месяца сердечной боли, месяца невероятного везения.

Малышка заплакала, только когда ее засунули во фланелевый конвертик; из крошечного ротика вырывалось тихое мяуканье, словно котенок угодил в лужу. Девочку легко успокоили — доктор лишь раз или два похлопал по ее спинке, — но было слишком поздно: детский плач пронзил Дженни насквозь, проник в самое сердце. Дженни Спарроу Эйвери в ту же секунду позабыла о муже и медсестрах, с которыми он флиртовал. Ее больше не волновали ни дрожь в коленях, ни кровь на полу, ни тем более небесный Млечный Путь. Глаза заболели от ослепительного света, колотившего как иголками. И дело вовсе не в звездах, это было что-то совершенно иное. То, чего она не могла понять до тех пор, пока доктор не передал ей на руки ребенка с перебинтованным плечиком, будто со сломанным белым крылышком. Дженни посмотрела в спокойное личико дочки и в то же мгновение почувствовала, что оказалась полностью во власти этого существа. Тогда же и там же, на пятом этаже больницы, она поняла, что означает быть ослепленной любовью.

Акушерки и нянечки вскоре ворковали на все лады над младенцем. Хотя они принимали сотни родов, именно этот ребенок показался им особенным. И вовсе не потому, что родился со светлыми волосиками и розовыми Щечками. Девочка отличалась от других чудесным спокойным нравом. Чистое золото, приговаривали нянечки, тихая как мышка. Даже самые бесчувственные неохотно соглашались, что ребенок действительно не такой, как все. Вероятно, характер девочки был обусловлен датой ее

рождения, ибо дочь Дженни появилась на свет двадцатого марта, в весеннее равноденствие, когда день равен ночи. И в самом деле, в этом крошечном измученном тельце, казалось, ужились все признаки марта, чет и нечет, тьма и свет; такому ребенку суждено было ладить и со львами, и с агнцами.

Дженни назвала дочку Стеллой, с одобрения Уилла, разумеется. Хотя их семью и раздирало множество проблем, в одном супруги согласились: ребенок стал для них яркой, чудесной звездой. Чего только не делала Дженни для дочери! Она, которая уже много лет не разговаривала с матерью и даже ни разу открытки не отправила домой после побега с Уиллом, теперь оказалась не в силах сопротивляться собственному мощному материнскому инстинкту. Крошечное существо буквально околдовало ее; весь мир мог провалиться в тартарары, лишь бы осталась только их Стелла. Дженни не расставалась с крошкой ни на секунду. Даже в больнице она не позволяла уносить Стеллу из палаты на ночь. Дженни Спарроу Эйвери прекрасно знала, что может случиться, если не приглядывать за собственным ребенком. Кто-кто, а она была в курсе, как порою не ладятся отношения между матерью и дочерью.

Однако не все обречены повторять историю. Семейные неурядицы и прошлые обиды не обязательно должны править жизнью — так, по крайней мере, убеждала себя Дженни каждую ночь, проверяя, спит ли малышка. В конце концов, что есть прошлое, как не свинцовые оковы, которые нужно попытаться сбросить? Дженни была уверена, что всегда можно разорвать цепи, пусть даже самые старые и ржавые. И всегда можно выковать совершенно новую жизнь. Но разорвать цепи родства и памяти в тысячу раз сложнее, чем стальные, и прошлое способно поглотить человека, если забыть об осторожности. Стоит только потерять бдительность, как начнешь совершать те же ошибки, что когда-то совершала собственная мать, и тогда снова закипят старые обиды.

Дженни не собиралась давать себе послабление или воспринимать все хорошее как должное. Ни дня не проходило, чтобы она не была начеку. Пусть другие мамы часами висят на телефоне и нанимают пришлых нянек; пусть другие в солнечные дни сидят на одеялах в парке, а зимой играют в снежки. У Дженни на такую чепуху не было времени. У нее в запасе оставалось всего тринадцать лет, чтобы играть первую скрипку в семье, а на другую роль она не соглашалась ни за какую цену.

Очень быстро она превратилась в мамочку, не допускавшую никаких сквозняков, неурочных игр допоздна или прогулок в дождливые дни — верный способ заработать бронхит или плеврит. В доме не разрешалось

держат кошек из-за перхоти; собаки тоже не допускались из-за чумки, не говоря уже об аллергии и блохах. И неважно, что Дженни пришлось пойти на ненавистную работу в банк, неважно, что она выпала из привычного круга общения. Она позабыла о друзьях, избегала знакомых, целыми днями скучала в банке над стопкой закладных, но все это для нее были мелочи, на которые она почти не обращала внимания. Ее интересовала только Стелла. В выходные она кромсала капусту, готовя питательные супчики с брокколи, ночами сидела у постели дочери, когда та подхватывала то ветрянку, то грипп, мучилась ушной болью или коликами. Девочка шнуровала ботинки, повторяла уроки и никогда ни на что не жаловалась. Разочарования, ненадежные друзья, задания по математике, всевозможные болезни — все эти проблемы решались по мере возникновения. И если Стелла выросла подозрительной, довольно суровой девочкой — что ж, разве это не лучше оголтелой дикарки, которой когда-то была Дженни? Разве быть осторожной не лучше, чем постоянно ощущать себя жалкой и несчастной? Эгоистичные удовольствия тают без следа, как мечты, Дженни точно это знала, они исчезают, не оставляя после себя ничего, кроме отпечатка на подушке, пустоты в сердце и такого длинного списка сожалений, что в него можно завернуться, как в одеяло, сшитое из множества разных лоскутков.

Весьма скоро брак Дженни с Уиллом Эйвери распался, разошелся по швам, распоротый недоверием и ложью, ниточка за ниточкой, предательство за предательством. Довольно долго этих двоих ничто не связывало, разве только общее прошлое, всего лишь тот факт, что они вместе выросли и в детстве любили друг друга. По правде говоря, они и так продержались вместе дольше, чем могли бы, и все ради дочери, ради Стеллы, их звезды. Но дети сразу чувствуют, когда любовь потеряна, они отличают молчание, означающее умиротворение, от того, что служит признаком отчаяния. Дженни старалась не думать, что сказала бы мать, узнай она, как плохо закончилось ее замужество. Как бы торжествовала Элинор Спарроу, если бы когда-нибудь услышала, что Уилл, ради которого Дженни пожертвовала столь многим, живет теперь отдельно, в квартире на Мальборо-стрит, где наконец волен поступать, как ему вздумается! Впрочем, он и раньше так поступал.

Ей сразу следовало разглядеть, что Уилл не отличался постоянством: стоило ему солгать, как его ногти покрывались белыми пятнышками, и каждый раз, когда он изменял ей с другой женщиной, у него появлялся «кашель лгуна», как называла это мать Дженни: он постоянно прочищал горло, словно поперхнулся на правде. Возвращаясь к жене, Уилл всякий

раз клялся, что теперь он другой человек, но в действительности оставался тем же самым, каким был в шестнадцать лет, когда Дженни впервые заметила его на лужайке из окна своей спальни. Мальчишке, который постоянно напрашивался на неприятности, долго ждать не пришлось: они находили его повсюду, днем и ночью. Они преследовали его до самого дома, проскальзывали под дверь и укладывались рядышком. Как бы там ни было, Уилл Эйвери никогда не старался строить из себя кого-то другого, не скрывал, что он безответственный тип. Он никогда не прикидывался, будто у него есть совесть. Никогда ни на что не претендовал. Дженни сама вбила себе в голову, что не может без него жить. Дженни сама прощала Уилла, покоренная одним из его снов, служившим ей напоминанием, почему она с самого начала в него влюбилась.

На самом деле если бы Элинор Спарроу узнала, что они разошлись, она, безусловно, не удивилась бы. Она не ошиблась, сразу поняв, что перед нею лжец, как только впервые увидела Уилла Эйвери. Она с первого взгляда его раскусила. В конце концов, в этом и состоял ее талант. Одна фраза — и с нее довольно. Одно пожатие плечами. Один надуманный предлог. Она выставила Уилла Эйвери вон, когда обнаружила его прячущимся в гостиной, и с тех пор ни разу не позволила ему переступить порог своего дома, несмотря на все мольбы дочери. Элинор не меняла своего мнения. Она назвала его лжецом и тогда, когда в один солнечный день Дженни ушла из дома. Случилось это весной, в выпускной год Дженни, самое суматошное время, когда столь легко принимаются поспешные решения. В то время как одноклассники Дженни Спарроу готовились к экзаменам и выпускному балу, Дженни работала в кафе-мороженом «Бейлис» в Кембридже, давая возможность учиться Уиллу, умудрившемуся завалить свою академическую карьеру из-за того, что не прилагал никаких усилий. А вот Дженни, наоборот, только и делала, что прилагала усилия. Отработав целый день, она мыла посуду, по субботам отвозила белье в прачечную. В восемнадцать лет, не доучившись последний год в школе, она превратилась в идеальную жену, замученную, слишком занятую для того, чтобы испытывать сожаление. Спустя какое-то время прошлая жизнь в родном городке Юнити уже казалась Дженни сном, в котором ей пригрезились и луг напротив Городского собрания, где располагался военный мемориал, и липовые деревья, и запах лавра, такой пряный перед самым цветением, и то, как стремительно все зеленело, словно зима тоже была сном, мимолетным кошмаром, сотканным из льда, бессердечия и печали.

Март был особенно переменчивым в городишке Юнити; погода менялась мгновенно: жара за ночь могла перейти в снежную бурю. Центр городка, всего в сорока минутах езды от Бостона, на полпути между федеральной автострадой и топиями, находился на широте, пересекавшейся с маршрутом перелета множества птиц — черных дроздов, воловьих птиц и воробьев, — огромные стаи которых каждый год закрывали солнце на целый день, создавая живое крылатое затмение в неярком переменчивом небе. Жители Юнити всегда проявляли интерес к жилищу семейства Спарроу, Кейк-хаусу; в пору птичьих перелетов они часто устраивали пикники на краю лужайки. Многие невольно гордились этим строением, объявленным одним из самых старых домов в округе. Друзей и гостей родственников из других штатов часто приводили на холм, откуда открывался чудесный вид на Кейк-хаус, если визитер был не против поглазеть на домик-пряник сквозь зеленую изгородь лавра или, опустившись на четвереньки, заглянуть в дыру в самшитовых зарослях, проделанную кроликами и енотами.

Этот дом вначале существовал как лачуга прачки, примитивная хижина с земляным полом. Щели между бревнами были тогда заделаны илом и водорослями, крыша — соломенная. Но каждое поколение что-то добавляло к домику, нагромождая террасы и мансарды, эркеры и круглые печи, словно обмазывало свадебный торт глазурью. Вот и получилось причудливое строение из кирпичей и раствора, извести и зеленого стекла, выросшее, словно живое. Местные жители любили пояснять, что Кейк-хаус — единственное здание в городе, если не считать пекарню, где теперь устроена чайная Халлов, пережившее пожар 1785 года. Март тогда выдался настолько жаркий, что леса превратились в сухие головешки, и одной-единственной искорки из фонаря оказалось достаточно, чтобы запылала вся главная улица.

Любители истории неизменно указывали на три каминные трубы Кейк-хауса, воздвигнутые каждая в своем веке, — одна из красного кирпича, одна из серого и одна из простого камня. Те же самые знатоки никогда не осмеливались приближаться к дому семейства Спарроу даже во время пикников, несмотря на архитектурную привлекательность строения. Они держались на расстоянии не только из-за табличек «Частная собственность» и не только из-за колючей ежевики в лесу. Все, что манило рядом с домом, зачастую оказывалось небезопасным. Сделаешь шаг и, возможно, пожалеешь. Ненароком перевернешь какой-нибудь камешек — а там змея или осиное гнездо. Приезжих гостей заранее предупреждали не срывать на лужайке никаких цветов; розы там росли с шипами, острее чем

стекло, а зеленая лавровая изгородь с красивыми розовыми бутонами была такой ядовитой, что медом, собранным с тех цветов, можно было смертельно отравиться.

Что касается спокойного зеленого озера Песочные Часы, где мирно покачивались желтые кувшинки, несколько очевидцев заявляли, что сомы, плескавшиеся на мелководье, отличались невероятной свирепостью и буквально выползали на траву, преследуя кроликов, случайно подобранных слишком близко к кромке воды. Даже самые исторически просвещенные жители Юнити — члены Мемориального общества, руководство городского совета, библиотекари и архивисты — отказывались пройти несколько лишних шагов по подъездной дорожке, ибо в колеях там водились кусающиеся черепахи^[1] и осы, жалившие без всякой причины. Самые неуправляемые мальчишки в городе, готовые на спор спрыгнуть с плотины или пробежать сквозь заросли жгучей крапивы, не осмеливались забраться в камыши жарким летним днем или нырнуть в озеро, где много-много лет тому назад утопили Ребекку Спарроу, у которой во всех швах одежды были зашиты черные камни.

В утро своего тринадцатилетия Дженни Спарроу проснулась от хора лягушек, доносившегося с озера. В то время на ней не лежало никакой ответственности. Откровенно говоря, она только ждала, что сейчас начнется ее жизнь. И сразу, в первые часы этого праздничного дня она поняла, что произошло нечто необратимое и прекрасное. Дженни не испытывала сожалений по поводу ушедшего детства, несчастного и одинокого. Много часов она провела у себя в комнате среди акварелей и книг, глядя на циферблат ходиков, впустую теряя время. Всю жизнь она предвкушала именно это утро, считала минуты, перед сном вычеркивала дни в календаре. Другие дети завидовали ей, потому что она живет в Кейкхаусе; они почему-то пребывали в уверенности, что комната Дженни Спарроу больше, чем любое классное помещение в их школе. У нее единственной была собственная лодочка, и летом она часами дрейфовала по озеру, не думая о черепахах, которые любому другому на ее месте наверняка пооткусывали бы все пальцы. Ребятишки утверждали, что родной отец называет ее Жемчужина, потому что она для него сокровище. А ее мать, добавляли шептуны по углам, позволяет ей делать все, что она хочет, особенно после смерти отца в результате несчастного случая, ввергшей Элинор Спарроу, как говорили многие, в помутнение рассудка.

Никто никогда не присматривал за Дженни, в этом соседи не сомневались; она часто оказывалась последним посетителем у стойки с

мороженым в старой аптеке на Мейн-стрит. Из окон своих спален городские дети нередко наблюдали, как она идет домой в темноте, заворачивает за угол Локхарт-авеню, где рос старый дуб. Бесстрашная девочка, одна-одинешенька, без взрослых, шла себе по улице, когда другие дети, надев пижамки, готовились лечь спать, а их чересчур заботливые родители и думать не могли, чтобы отпустить своих чад бродить самостоятельно где вздумается.

Мальчики и девочки с завистью пялились на Дженни и даже не представляли, что в зимние месяцы в спальнях Кейк-хауса стоял собачий холод: изо рта Дженни шел пар и, зависая в воздухе, превращался в ледяные кристаллики. Водопровод в стенах гудел, а иногда вообще отказывал, так что для смыва в туалете приходилось таскать воду из озера. В столбиках террасы жили пчелы, в каминных трубах гнездились птицы, над фундаментом и балками трудились жуки-древоточцы. Дом, сшитый из лоскутков, теперь расползлся, как старое обтрепанное одеяло. Вещи ломались, все выходило из строя и было не тем, чем казалось. Дженни, это свободное существо, которое под завистливыми взглядами детей пробегало мимо их окон, на самом деле жутко боялась темноты. А еще у нее случались приступы астмы, головной боли и желудочных колик, не говоря уже о том, что она грызла ногти. Ее постоянно преследовали ночные кошмары, но в отличие от прочих детей, когда она с криком просыпалась среди ночи, никто не спешил ей на помощь. Она ни разу не слышала торопливых шагов по коридору, никто не приносил ей чашку теплого чая, никто не держал за руку, пока она снова не уснет. Никто даже не слышал ее крика.

Отец Дженни умер в тот год, когда ей исполнилось десять, и после этого мать все больше отстранялась от нее, закрывая за собой дверь спальни или садовую калитку, вся в броне равнодушия и досады. Скорбь Элинон Спарроу о потере мужа — тяжелой потере, невыносимой потере с неожиданными открытиями — переросла в полное отчуждение от всего мира, включая Дженни, особенно Дженни, Дженни, которой было бы полезно научиться крепко стоять на ногах и заботиться о себе, а не поддаваться эмоциям — только так, безусловно, и можно было существовать в этом мире.

По правде говоря, Кейк-хаус был холодной обителью, холодной по духу, холодной в каждой своей комнате. Промозглость проникала сквозь окна и плохо пригнанные двери, резкие сквозняки вызывали желание остаться в постели, вообще не вставать, а лежать целый день под горой одеял и не видеть никого и ничего, отгородиться от жизни, когда та

становилась чересчур трудной, с чего, в сущности, начиналось каждое утро. Но утро, когда Дженни исполнилось тринадцать, оказалось другим. В этот день ярко светило солнце, хорошо прогрел воздух. В этот день Дженни резко села в постели, готовясь встретить начало своей жизни.

У нее были длинные черные волосы, спутанные после беспокойного сна, и оливковая кожа, совсем как у матери и бабушки, да и у всех прочих женщин рода Спарроу, живших до нее. Подобно им, она проснулась в утро своего тринадцатого дня рождения и почувствовала, что обладает уникальным даром, которого нет ни у кого другого. Точно так происходило каждый раз с тех пор, как Ребекка Спарроу проснулась утром своего дня рождения; ей исполнилось тринадцать, и она обнаружила, что больше не чувствует боли — даже если пройдет сквозь колючие кусты, или подержит руку прямо над пламенем, или наступит босой ногой на разбитое стекло.

С тех пор у каждого поколения женщин Спарроу был свой дар. Точно так, как мать Дженни сразу чувствовала ложь, ее бабушка, Амелия, одним прикосновением руки могла снять боль у роженицы. Прабабушка Дженни, Элизабет, как гласило предание, обладала способностью готовить еду из чего угодно: камни и песок, картофель и пепел — все превращалось в суп в ее умелых руках. Мать Элизабет, Корал, прославилась тем, что предсказывала погоду. Ханна, мать Корал, могла найти любую потерю, будь то оброненное кольцо, сбежавший жених или просроченная библиотечная книга. Софи Спарроу, как говорили, видела в темноте. Констанс Спарроу умела оставаться под водой, задерживая дыхание так долго, что любой другой давно бы посинел. Лиони Спарроу, как утверждалось, проходила сквозь огонь, а ее мать, Розмари, бегала быстрее любого мужчины штата. Дочь Ребекки Спарроу, Сара, обходилась без сна — лишь прикорнет на несколько минут и уже полна энергии десяти здоровых мужчин.

Что касается Дженни, то она проснулась в свой день рождения после того, как ей пригрезились во сне ангел с темными волосами, женщина, не боявшаяся воды, и мужчина, который мог удержать в ладони пчелу, даже не почувствовав ее укуса. Сон был такой странный и такой приятный, что ей захотелось одновременно и плакать, и смеяться. Но как только Дженни открыла глаза, она поняла, что сон этот был чужой. Кто-то другой, не она, вообразил и женщину, и пчелу, и неподвижную воду, и ангела. Все это принадлежало кому-то другому. Именно этот человек, кто бы он ни был, и заинтересовал ее.

Она поняла, какой дар получила — способность видеть чужие сны. Ничего полезного, вроде предсказания погоды или распознавания лжи.

Ничего стоящего, как, например, способность выносить боль, или талант видеть в темноте, или возможность бегать быстрее лани. Какой толк от сновидения, тем более чужого? Дождь и снег, младенцы и лгуны — все пересеклось в непреклонной вселенной пробуждающегося мира. Зато когда приходишь в сознание с чужим сновидением в голове, то словно заходишь в облако. Один шаг — и можно провалиться в пропасть. Дженни понимала, что не успеет себя остановить, как ей захочется того, что никак ей не принадлежит; сновидения без всякого смысла превратятся в указательные столбы ее каждодневных желаний.

В то утро, ровно в середине самого непостоянного месяца года, Дженни, к своему удивлению, услышала голоса, доносившиеся с подъездной дороги. Местные жители избегали этой немощеной дороги, прозванной местными ребятишками аллеей Дохлой Лошади. Хоть они и устраивали пикники на лужайке по случаю весеннего перелета птиц, но во все прочие дни старательно обходили домик-пряник лесом, избегая лавровой изгороди и кусающихся черепах, возвращаясь на Локхарт-авеню кружным путем, в два раза длиннее прямого. Прибитые к деревьям таблички «Частная собственность» служили надежной охраной: все ближайшие соседи — Стюарты, Эллиоты и Фостеры — осмотрительно не пересекали границ чужого владения, иначе Элинор тут же звонила в полицию и в городском суде регистрировалась жалоба о нарушении покоя.

И все же с дороги определенно раздавались голоса, и один из них принадлежал обладателю сна, увиденного Дженни, сна, который пробудил ее к началу новой жизни. Дженни проснулась и захотела, чтобы этот человек стал ей родным. Она подошла к окну, еще окончательно не проснувшись, с заспанными глазами, подталкиваемая любопытством увидеть того, с кем разделила общий сон. День был теплый, в воздухе пахло мятой. Вокруг все зеленело и благоухало, у Дженни даже голова закружилась от цветочной пыльцы. Пчелы давно принялись за работу, жужжа в первых бутонах лавровой изгороди, но Дженни не обратила внимания на их гудение. Ведь в конце дороги стоял он, местный парнишка по имени Уилл Эйвери, шестнадцатилетний подросток, который, несмотря на ранний час, уже напрашивался на неприятности. Его младший брат Мэтт, настолько серьезный, насколько бесшабашный был Уилл, увязался за ним. Братья на спор провели ночь на дальнем берегу озера; победителем объявлялся тот, кто продержится двенадцать часов и не сбежит, даже если в неподвижной воде всплывет легендарная дохлая лошадь. Оказалось, они оба выдержали испытание до самого утра, несмотря на лягушек, грязь и первых комаров, и теперь в воздухе разносился веселый мальчишеский

смех.

Дженни уставилась на Уилла Эйвери сквозь весеннюю легкую дымку. И тут же поняла, отчего у нее кружится голова. Она всегда благоговела перед Уиллом и стеснялась заговорить с ним. Этот красавчик с золотистыми кудрями держался нахально и думал только о собственных удовольствиях, а потому не считался ни с другими людьми, ни с общепринятыми правилами. Если где-то возникала опасность или затевалось безрассудное озорство, Уилл Эйвери мигом оказывался в нужном месте. Он хорошо успевал в школе, не прилагая никаких стараний, любил от души повеселиться, не боялся рисковать. Если появлялся повод для веселья, если нужно было что-то сломать или сжечь, он оказывался в первых рядах. Люди, знавшие Уилла, опасались за его безопасность, но тех, кто знал озорника очень хорошо, больше волновала безопасность окружавших его мальчишек.

Теперь, когда Дженни увидела его сон, она осмелела. Ей показалось, что Уилл Эйвери уже породнился с ней, что их сны и реальная жизнь переплелись и стали одним целым. Дженни потрясла головой, распутывая волосы, и сложила пальцы крестом на удачу. Она приказала себе ничего не бояться, вроде той бесстрашной женщины в его сне, что была готова пройти по воде ради любимого, — темноволосой незнакомки, смело добивавшейся желаемого.

— Иди сюда, — тихо произнесла Дженни первые слова в день своего тринадцатилетия.

Лягушки оглушительно квакали. Кровь закипала от весенней лихорадки. Другие девочки, ее сверстницы, знали, что хотят получить в день рождения, задолго до того, как этот день наступал: серебряные браслеты, золотые колечки, белые розы, подарки, обвязанные шелковой ленточкой. Все эти пустяки не интересовали Дженни Спарроу. Она понятия не имела, что бы ей такого захотеть, пока не увидела Уилла Эйвери. Вот тогда она поняла: ей нужен он.

— Обернись, — прошептала она, и в ту же секунду Уилл взглянул на дом.

Дженни быстро оделась, босая сбежала вниз и шагнула в весну. Ей казалось, она летит, а Кейк-хаус за ее спиной, с его сырыми заброшенными комнатами, обращается в пепел. Если это и было желание — холодная трава под ступнями, запах мяты, который она вдыхала, бешеное биение пульса, — то ей хотелось, чтобы оно не проходило. Пусть длится вечно.

Несколько дней тому назад началась весенняя миграция, и небо заполнилось птицами. Волосьи птицы, слишком ленивые, чтобы выводить

собственных птенцов, находили гнезда воробьев и соек и, примостившись на краю, выбрасывали голубые и пятнистые яйца, по праву находившиеся внутри, заменяя их собственным, более крупным потомством, которому предстояло вылупиться раньше. Мартовское солнце светило на удивление ярко и горячо; такое тепло было способно проникнуть под одежду и растечься по всем жилам. До этого утра Дженни, тихая и мрачная, боялась темноты и собственной тени. Теперь она превратилась в другого человека, девочку, щурившуюся от ослепительного света; она могла взлететь, если бы захотела, и ни секунды не колебалась, когда Уилл Эйвери попросил у нее позволения войти в дом. Она смело взяла его за руку и повела прямо к двери.

Они оставили братишку Уилла под кустами форзиции — присевшего на корточки, ежившегося от пробиравшего его холода. Уилл позвал брата за собой, но Мэтт, всегда такой осторожный, даже чересчур осмотрительный, отказался. Он слышал истории о том, что случалось с непрошеными гостями, забредавшими в Кейк-хаус. Хоть Мэтту Эйвери и было всего двенадцать, он не нарушал правил. Конечно, ему, как любому другому, хотелось осмотреть дом семейства Спарроу, но он изучал историю и знал, что произошло с Ребеккой Спарроу более трехсот лет тому назад. Ее судьба наводила на него ужас, от которого пересыхало в горле. Он помнил, что местные мальчишки издавна зовут эту утопанную дорогу аллеей Дохлой Лошади и что большинство жителей избегает здесь появляться; даже городские старики клялись, что под листьями кувшинок среди камышей плавает скелет. Мэтт не сдвинулся с места, умирая от стыда, но не в силах нарушить правило.

Зато Уилл Эйвери никогда бы не позволил какой-то там дохлой лошади или древнему предрассудку помешать ему развлечься. Как-то раз он даже выкупался в озере. Генри Эллиот тогда поспорил с ним на двадцать долларов, что у него не хватит духу, и поплатился Уилл всего лишь тем, что заработал ушную инфекцию. А сейчас хорошенькая девчонка вела его по лужайке, и черта с два он бы отступил, несмотря на всякие слухи. Он продолжал идти, даже когда Мэтт прокричал ему вслед, прося вернуться и напоминая, что мать скоро их хватится, увидев пустые кровати. Пусть себе добрый, славный Мэтт прячется в кустах. Пусть себе боится какой-то там колдуньи, умершей более трех сотен лет тому назад. Наступит понедельник, и Уилл объявит своим друзьям, что побывал в доме у Спарроу, и потом еще долго будет пересказывать эту историю. Если повезет, он, возможно, урвет поцелуй, чтобы потом хвастаться, или даже утянет сувенирчик и станет демонстрировать его на школьном дворе

восхищенной толпе, которая притихнет от одной мысли о таком подвиге.

Представляя будущее низкопоклонство товарищей, Уилл трепетал от восторга. Уже тогда он любил быть центром внимания. Он улыбнулся Дженни, когда они потихоньку проскользнули в дверь, и эту ослепительную улыбку стоило видеть. Дженни заморгала, удивленная таким вниманием с его стороны, но потом все-таки улыбнулась ему в ответ. Уилл только того и ожидал. Он давно знал по личному опыту, как девочки реагируют, когда он проявляет к ним интерес, хоть и наигранный. Поэтому Уилл крепче сжал руку Дженни, совсем чуть-чуть, но достаточно, чтобы показать, как она ему нравится. Многие девчонки любую его выходку считали очаровательной и попадались на эту удочку, хотя он частенько притворялся, что симпатизирует им.

— У тебя сохранилось что-нибудь от Ребекки? — спросил Уилл, как только они миновали прихожую, ибо именно это всех интересовало: осталось ли хоть что-нибудь из того, что когда-то принадлежало колдунье с севера.

Дженни кивнула, чувствуя, что сердце ее вот-вот разорвется. Попроси он в эту секунду позволения сжечь дом, она бы, наверное, согласилась. Попроси он поцелуя, она совершенно точно сказала бы «да». «Наравное, это любовь, — подумала Дженни, — и ничто иное». Ей до сих пор не верилось, что рядом с ней Уилл Эйвери. Она, обходившаяся без друзей, еще более одинокая, чем Лиза Халл — самая невзрачная девочка в школе, — теперь безраздельно владела вниманием Уилла. А потому Дженни не собиралась говорить ему «нет». Она привела его прямо в гостиную, хотя ей было строго-настрого наказано не пускать туда чужих. Гостей в Кейк-хаус не приглашали даже по праздникам и дням рождения. А если какому-нибудь разносчику или коммивояжеру удавалось проникнуть в дом, то его, безусловно, никогда не вели в гостиную с потертыми коврами и старыми бархатными диванами, на которых больше никто не сидел, так что диванные подушки выпускали облака пыли, когда их взбивали. Даже мальчишка, развозивший газеты, швырял экземпляр «Юнити трибьюн» на крыльцо, не сходя с дороги, и всегда получал свою плату по почте, так что Элинор не приходилось с ним общаться. Временами в дом пускали водопроводчика, Эдди Болдуина, но его всегда просили разуться, и Элинор неизменно стояла у него над душой, пока он устранял засоры — вылавливал лягушек из туалета или очищал трубу кухонной раковины от водорослей и чайных листьев.

Самое важное — ни одному постороннему ни при каких обстоятельствах нельзя было показывать ни одной вещи, принадлежавшей

Ребекке Спарроу. Никому из назойливых кумушек-библиотекарш, вечно клянчивших то лоскуток, то безделушку для городской исторической выставки, ни разу не позволили переступить порог дома. Но этот день, разумеется, отличался от прочих, как и этот гость. Неужели Дженни загипнотизировал сон Уилла Эйвери? Неужели общее сновидение заставило ее привести гостя в дальний конец гостиной, где хранились реликвии? Или это любовь заставила ее раскрыть семейные сокровища, а может быть, всего лишь весенняя лихорадка, весь этот прозрачный зеленоватый свет, густо насыщенный пылью, и хор лягушек в мутном озерном мелководье, оравших так, словно белый свет зарождался и в то же время близился к концу.

Как всякий другой житель города, Уилл Эйвери хотел увидеть собственными глазами то, что Дженни всегда пыталась игнорировать, называя про себя «частным музеем боли рода Спарроу». Какое другое семейство проявило бы такую глупость — хранить вещи, причинявшие ему невыносимую боль? Только Спарроу были на это способны, хотя Элинора и Дженни изо всех сил старались не обращать внимания на боль. Угол, где хранились реликвии, был пыльным и заброшенным. Вдоль стены выстроились дубовые книжные полки, но за кожаными переплетами книг уже много лет никто не ухаживал, морские раковины, некогда розовые, посерели от времени, резные фигурки пчел и ос не выдерживали атак жуков-древоточцев и рассыпались в опилки, стоило до них дотронуться. Только стеклянный шкаф не пострадал, хорошо защищенный от возможных неприятностей.

Дженни стянула вышитое покрывало, оберегавшее семейные ценности от солнечных лучей. Уилл, увидев, что хранилось в шкафу, шумно сглотнул; впервые в жизни он не находил слов. То, что он всегда принимал за пустые слухи, оказалось реальностью. Вот теперь ему будет чем похвастать перед приятелями. И он тут же заулыбался. В понедельник они обступят его толпой и если не поверят рассказу о Ребекке Спарроу, то, по крайней мере, он сам будет знать, что говорит правду.

Уилл подался вперед, взволнованный, сам не понимая почему, словно у него было сердце. Там, за стеклянной дверцей, лежали десять наконечников стрел, о которых болтали люди. Эти наконечники передавались из поколения в поколение, их бережно хранили под стеклом, подобно тому как другие семьи хранят свою историю в фотографиях или газетных вырезках с объявлениями о свадьбах и рожденьях. На атласном куске ткани, некогда красном, а теперь розовом, были аккуратно разложены еще три экспоната из архивов рода Спарроу: серебряный

компас, тусклый колокольчик и, как почудилось Уиллу в первую секунду, свернувшаяся кольцом змея, оказавшаяся на поверку сплетенными в косу волосами.

Но больше всего Уилла заинтересовали каменные наконечники стрел, обработанные вручную. На каждом из них запеклась кровь. Непонятно, однако, хранились ли эти сувениры как свидетельство человеческой жестокости или слабости. О том времени было известно немного — только то, что записал в своем дневнике некий фермер по имени Хатауэй (этот дневник занесен в каталог библиотечного архива на Мейн-стрит). Однажды Хатауэй отправился в доки, чтобы забрать зеркало, невероятно дорогой подарок для жены. Было это в те времена, когда топи еще не заполнились илом и грязью и представляли собой глубокую гавань. Забрав свое сокровище, заказанное за год и пробывшее все это время в море, Хатауэй споткнулся о корявый корень болотного ясеня и не успел глазом моргнуть, как зеркало упало и разбилось на сотни ярких осколков. Хатауэй буквально врос в землю — все никак не мог придумать, что теперь скажет жене; он простоял так долго, что невольно явился свидетелем того, как Ребекка Спарроу прошла босая по битому стеклу с целым ворохом стираного белья. Она изрезала до крови все ступни, но даже не охнула.

Как только фермерские мальчишки прознали, что Ребекка Спарроу не чувствует боли, они начали пускать в нее стрелы, просто так, для забавы. Они выслеживали ее, как фазана или оленя, безжалостно поправ все нормы милосердия. Они весело прицеливались, стоило ей появиться на дальнем берегу озера Песочные Часы, куда она относила белье, собранное у городских домохозяек — они могли позволить себе отдать в стирку домотканые простыни, чтобы ими занималась та, чьи руки и без того сожжены щелоком. В городской библиотеке сохранилось несколько писем тех мальчишек, подтверждавших тот факт, что их жертва ни разу не поморщилась. Ребекка только шлепала себя по рукам и ногам, словно прихлопывала комаров, а сама продолжала работать — отстирывать шерстяное белье едким мылом, сваренным из золы и жира, или тщательно замачивать деликатные шелковые вещи в зеленом чае. Она даже не замечала, когда стрелы попадали в цель. Но, приходя домой, она раздевалась и обнаруживала, что ранена одним из наконечников. Она даже не подозревала о ране, пока не проводила пальцем по следу, оставленному кровью.

Не удивительно, что Дженни с тревогой ждала тринадцатого дня рождения дочери. Она так боялась этого дня, что успела сгрызть ногти до

живого мяса: эта детская привычка то и дело напоминала о себе в трудные минуты. Возможно, другие люди забывали собственную историю, но Дженни помнила свою слишком хорошо. Она помнила, как бежала по прохладной мокрой траве, словно это было несколько часов тому назад. Стоило ей захотеть, и тут же всплывали воспоминания о лягушачьих трелях и о том, как билось в груди сердце, пока они с Уиллом, стоя в гостиной, рассматривали шкаф с сувенирами. Именно это воспоминание вынудило Дженни провести ночь накануне дня рождения Стеллы на стуле рядом с кроватью, где спала девочка. В очередной раз кому-то из рода Спарроу исполнялось тринадцать, и поэтому темные волосы Дженни спутались в узлы, лицо приобрело пепельный оттенок, а ногти были изгрызены до крови.

«Пусть она проснется прежней, какой была, закрывая глаза, — только этого и хотела Дженни. Только об этом она молила мартовской ночью, абсолютно равной по протяженности дню — Пусть она будет той же милой девочкой, не обремененной никакими дарами и печальями».

Так они и провели ночь, страж и подопечная, но от времени не убережешься, каким бы бдительным и неусыпным ни был стражник. Дженни поняла, что час настал, когда услышала отголоски утреннего движения с федеральной автострады и шоссе Сторроу-драйв. Только моргнешь, а годы уже пролетели. Два раза обернешься вокруг оси — и уже шагаешь по земле будущего. Над Мальборо-стрит занимался рассвет, день вступал в свою силу, и Дженни не в силах была этому помешать, даже если бы оставила шторы не раздвинутыми и дверь запертой на все замки. Начали разносить газеты, в переулках забирать мусор, на подоконниках и телефонных проводах заворковали голуби. Наступил день, ясный и прохладный и абсолютно неизбежный.

Стелла открыла глаза и увидела, что на нее не мигая смотрит мать. Когда Дженни так принималась следить за ней, словно насадка, со спутанной гривой волос, значит, быть беде. Начало дня не предвещало ничего хорошего, хотя это и был ее день рождения. Стелла приподнялась на локтях, как следует не раскрыв глаз. Перед сном она не стала расплетать косы — не захотела утруждаться, — поэтому у нее во все стороны торчали выбившиеся пряди. Всю ночь ей снилась темная вода, и теперь она заморгала от яркого утреннего света.

— Что ты здесь делаешь? — спросила Стелла все еще сонным голосом.

Дженни понимала, почему девочка говорит так плавно и мелодично: ночью она ненароком вздремнула и подсмотрела кусочек дочкиного сна, который отнюдь ее не утешил. Дженни Спарроу совершенно точно знала,

где именно есть такая темная вода, а потому она выпила кофе и колу, чтобы больше не спать.

— Что ты хочешь увидеть? — чуть встревоженно поинтересовалась Стелла, когда мать не ответила.

Что могла ответить Дженни, когда сама толком не знала? Она всматривалась, не вспыхнет ли в ее родной звездочке огонь, только и всего. Не проявится ли в ней черточка, которая наверняка сделает ее изгоем, словно она превратилась в великаншу, или пожирательницу огня, или девочку, способную пройти босиком по стеклу и не почувствовать ни малейшей боли.

— Я просто хотела узнать, что тебе приготовить на завтрак в день рождения. Тосты? Вафли? Яичницу? У меня есть булочки с изюмом и орехами.

Если суждено этому случиться, то пусть у нее проявится нечто простое и полезное, вроде способности починить одежду одним стежком или таланта к тригонометрии. Пусть это будет склонность к иностранным языкам, или открытое сердце, или неувядающее жизнелюбие. В самом худшем случае, пусть она научится видеть в темноте, что всегда пригодится, или усмирять одним жестом диких собак.

— Отныне я не стану завтракать. Чтобы ты знала. И мне нельзя опаздывать. На первом уроке у меня контрольная по математике, а мисс Хьюитт наплевать на дни рождения. Ей на все наплевать, кроме алгебры.

Стелла выбралась из кровати и сразу принялась перебирать мятую одежду, сваленную на полу в кучу.

— Хочешь, я поглажу? — спросила Дженни, когда из спутанного вороха джинсов и белья была наконец извлечена неряшливая школьная форма.

Стелла осмотрела форму и встряхнула синюю юбку с блейзером.

— Вот и все, — сказала она с ноткой вызова, появившейся еще в начале девятого класса.

Стелла пропустила один школьный год, перейдя из четвертого прямо в шестой класс. Она была такой смышленной, так много читала, что родители, естественно, гордились своим способным ребенком. Но теперь Дженни часто спрашивала себя, не совершили ли они ошибку, преждевременно подтолкнув Стеллу к тому, к чему она пока не была готова.

— Превосходно, — произнесла Стелла, имея в виду одежду.

Обернувшись, она перехватила неподвижный материнский взгляд. Вот опять Дженни смотрит, только теперь с каким-то кислым выражением, словно обнаружила у дочери вшей или блох.

— Со мной что-то не так? Потому ты так смотришь на меня?

— Конечно нет. — По крайней мере, сейчас не было никакого зеленого света, призывного крика лягушек и развилки на дороге, что, безусловно, привело бы к катастрофе. — Хотя тебе не мешало бы причесаться.

Стелла уставилась на себя в зеркало. Долговязая худая девчонка с кривоватыми зубами, правда без пластинок, и волосами цвета мокрой соломки. Она нахмурилась собственному отражению, затем по-прежнему с вызовом повернулась к матери:

— Сойдет и так, спасибо.

Ночью Дженни посчитала все поколения Спарроу в обратном порядке, пока не дошла до Ребекки, самого дальнего известного предка. Ее дочь, как выяснилось, была тринадцатой в истории их рода. Зловещее, несчастливое число. Да что там, некоторые никогда бы не стали держать у себя в кармане тринадцать долларов, во многих домах после двенадцатого этажа следовал четырнадцатый, чтобы лифт никогда не останавливался на этаже с этим роковым числом. И вот теперь Стелла на целый год оказалась в несчастливой ловушке, расставленной судьбой. Тринадцать, независимо от того, как считать. Тринадцать, пока не пройдут следующие двенадцать месяцев.

— А как насчет подарка?

Дженни протянула дочери нарядную коробку. Она долго ходила по магазинам, стараясь выбрать то, что могло понравиться Стелле, но ее попытка была обречена на провал. Поэтому Дженни не удивилась, увидев на личике Стеллы разочарование, как только был развернут выбранный ею кашемировый свитер.

— Розовый? — сказала Стелла.

Что Дженни ни делала, все было не так — это единственное, в чем мать и дочь соглашались в последнее время.

— По-моему, ты совсем меня не знаешь.

Стелла аккуратно сложила свитер и вернула в коробку.

Действительно, все вещи в гардеробе Стеллы были черные, синие или белые.

Первая трещина в отношениях матери и дочери появилась примерно в то время, когда Уилл ушел из дома, прошлым летом, а возможно, в последние месяцы их брака, когда Уилл и Дженни только и делали, что ругались. Они пали так низко, что Дженни плеснула в лицо мужу стакан молока, после того как обнаружила в кармане его пиджака телефонный номер какой-то женщины. Уилл ответил тем, что грохнул об пол ее любимую тарелку. Так они и стояли, шумно дыша и не глядя друг другу в глаза, среди осколков и белых молочных лужиц. Вот тогда они поняли, что их браку пришел конец.

Тем же вечером Уилл упаковал вещи и ушел, хотя Стелла старалась его удержать. Она умоляла отца, но он и слышать ничего не хотел. Стелла

стояла у окна и смотрела, как он ждет внизу такси.

— Он не уедет, — шептала девочка с надеждой, померкшей, когда к обочине подъехало такси.

Стало ясно, что Уилл уезжает, хотя ему давно следовало бы это сделать, и Стелла повернулась к Дженни.

— Верни папу. — Голос Стеллы нервно звенел. — Не отпускай его!

Но Уилл успел уехать, исчезнуть навсегда. Дженни вспоминала тот день, когда увидела его на лужайке; увидев его сон, она впервые узнала вкус желанья. С тех пор они провели вместе много ночей, но никогда больше она не проникала в его сны. Зато видела сны других людей — квартирной хозяйки, например, или соседей; эти сновидения являлись к ней непрошеными, затмевая ее собственные сны. Она видела разгоряченные эротические сны молодого человека с первого этажа, так что каждый раз смущенно отводила взгляд, если они сталкивались у мусоросжигателя. Она видела спокойные, скромные сны пожилой женщины из квартиры в конце коридора; эти пейзажи с голубым Нилом полувековой давности всегда освежали Дженни, даже если ей случалось провести на работе весь день на ногах. Проходя через Бостонский парк, она улавливала обрывки снов бездомных, которые дремали на скамейках: им снились теплые шерстяные пальто, жареная индейка к обеду и все то, что эти люди потеряли или от чего отказались.

И все же рядом с собственным мужем она видела по ночам только пустоту, черную пропасть, в которую, засыпая, погружался человек, не имевший ни единой мысли, ни единой заботы в этом мире. Сны такие же пустые, какой была Мальборо-стрит в тот вечер, когда он сел в такси и уехал из дома, сны темные, как бостонские сумерки, которые всегда наступают так быстро, словно кто-то задергивает занавеску на окне.

— Я тебя ненавижу, — сказала в тот вечер Стелла.

Она ушла в свою комнату и закрыла дверь. С тех пор так у них и повелось. Дженни словно вновь оказалась в своем детстве, только теперь за закрытыми дверями была не ее мать, а дочь. Даже сегодня, в свой день рождения, Стелле не нужна была рядом мать.

— Я хочу одеться, ты не возражаешь? Или тебе и сейчас нужно следить за мной?

Стелла подбоченилась, будто разговаривала с назойливой горничной, сующей нос в чужие дела и не способной запомнить свои обязанности, бедной дурочкой, с которой приходилось мириться до дня, когда она наконец станет взрослой и свободной.

Дженни прошла на кухню, сварила себе кофе, разогрела для Стеллы

кукурузную лепешку. Дженни пребывала в уверенности, что завтрак — самый важный прием пищи за день, что бы там ни говорила Стелла.

— Я готовлю тебе перекусить! — прокричала Дженни в переднюю, когда услышала, что там возится Стелла. — Просто для поддержки сил.

Прихватив лепешку и высокий стакан с апельсиновым соком, Дженни двинулась в гостиную, но, дойдя до порога, остановилась как вкопанная. Стелла перерыла весь шкаф в прихожей, пытаясь отыскать свои черные ботинки, но вместо них нашла совсем другое и теперь сидела на полу, скрестив ноги и рассматривая коробку, прибывшую из Юнити. Отвратительное начало самого коварного дня.

Дженни считала, что хорошенько спрятала подарок, засунув большую коробку подальше за все пальто и куртки. Она думала, у Стеллы не будет причины заглядывать в шкаф и она, улучив минутку, избавится от этого подарка, точно так, как избавлялась от всех прочих подарков ко дню рождения последние тринадцать лет. Каждый раз, когда Элинор Спарроу присылала подарок, Дженни уничтожала его, пока Стелла не обнаружила и не прониклась к бабушке теплыми чувствами. Неважно, что было в коробке — кукла или свитер, музыкальная шкатулка или книга; любая почтовая посылка со штемпелем Юнити отправлялась в мусоросжигатель. Но теперь прошлое протянуло к ним свои щупальца и вернуло назад, ко всему тому, что Дженни когда-то оставила. Да что там, в это утро она бы не удивилась, обнаружив в раковине собственной ванной кусающуюся черепаху или под ковром в передней грязную лужу, а может быть, даже прямо в руках у дочери какой-нибудь экспонат из музея боли, тщательно завернутый в мягкую бумагу и перевязанный бечевкой. То, что началось, она уже не могла остановить: Стелла успела сорвать клейкую ленту. На ковер посыпалась упаковочная стружка.

— Так-так, — произнесла дочь восторженно и одновременно гневно.

В посылке оказался игрушечный домик Дженни, тот самый, что смастерил для нее отец, точная копия Кейк-хауса, со всеми тремя каминными трубами, каждая на своем месте. Были там и пестро раскрашенные садовые ворота, и птичьи гнезда из палочек и шнурочков, укрепленные над крыльцом. Была там и форзиция, и живая изгородь из лавра с крошечными фетровыми листочками, приклеенными к каждой извилистой веточке, и даже миниатюрные пчелы из атласа и вишневых косточек, припавшие к бледным полупрозрачным цветкам.

— И когда ты собиралась показать это мне? — Стружки, как белые головки одуванчиков, прилипли к юбке Стеллы. — Никогда?

Отец Дженни, Сол, целый год трудился над домиком, но после его

смерти она больше не играла с этой игрушкой. Миниатюрный домик перекочевал с полки в ее спальне в угол гостиной, а оттуда в подвальную кладовую, где и плесневел много лет. Теперь кто-то отчистил полы зубной щеткой, выстирал коврики, надраил до блеска вырезанный из местной сосны кухонный стол, использовав лимонное масло. Дженни сразу уловила его запах, который напоминал ей об отце и часто заставлял плакать.

Стелла перенесла модель Кейк-хауса на складной столик в передней.

— Ты собиралась уничтожить его, как все прочее, что присылала мне бабушка?

Дженни отпрянула, словно получила пощечину. В глазах ее стояли слезы, вызванные лимонным маслом. Она открыла было рот, чтобы оправдаться, но не нашла слов. Стелла оказалась права в своих подозрениях. У нее не было ни одной причины так поступать, помимо собственной эгоистичной гордыни.

— Только не говори, будто думала, что я ничего не знаю.

На щеках дочери выступили красные пятна. Когда она успела повзрослеть? Неужели за одну ночь? Или она всегда выглядела такой взрослой? Такой уверенной в своей правоте?

— Неужели ты считаешь меня совсем глупой? Мне все известно с семи лет, когда я в свой день рождения вышла за тобой в коридор и увидела, как ты швыряешь мой подарок в мусоросжигатель.

— Да что ты, конечно, я не считаю тебя глупой, — возразила Дженни. — Я только...

— Пыталась меня защитить? Чтобы я не заразилась? Каким образом? От плюшевого мишки? Или кукольного домика? Или ты думала, что она пропитывает подарки ядом? Я дотронулась до такого, и мышьяк тут же проникнет мне в кровь, так, что ли? А быть может, я просто узнала бы, что кому-то небезразлична.

— Стелла, ты не знаешь моей матери. Она умело манипулирует людьми, когда хочет чего-то добиться. Теперь ей понадобилась ты. Вероятно, она может исправить свои ошибки. Но только не для меня. Всю жизнь она думала лишь о себе.

Стелла рассмеялась, но с горечью. Она давно тренировала перед зеркалом презрительную усмешку и сейчас воплотила ее на практике.

— Ты это говоришь несерьезно. — Стелла с побелевшим лицом и плотно сжатыми губами принялась напяливать ботинки. — Бабушка думала только о себе, а ты, разумеется, идеал. Она меня предупреждала, что именно так все и будет. Она говорила, что ты попытаешься настроить меня против нее. А еще она сказала, что ты обвинишь ее во всем, что

случилось.

— Что это значит — «она сказала»? — В этот самый день, в эту самую секунду все лучшие побуждения Дженни перестали быть таковыми. Все, что она пыталась сделать для пользы дочери, теперь оказалось только во вред. — Ты разве разговаривала с бабушкой?

— Разговаривала, и не один раз, а все эти годы. Вот именно! Мы перезваниваемся, когда тебя нет дома. Когда ты не можешь вмешаться и разрушить для нас все, как обычно делаешь.

Стелла замотала шею шарфом. Глаза ее с золотыми искорками смотрели холодно. Точно такие глаза, как у ее отца. Она унаследовала от него даже больше черт, чем думала. Это стало ей ясно в ту секунду, когда она увидела, какую боль причинила матери. Больше не нужно было строить из себя примерную девочку, воспитанную и послушную. Стелла поняла, что баланс сил сместился, и ей это нравилось. Каким-то образом, когда мать потеряла бдительность, Стелла обрела власть.

— Так вот, мне все равно, что ты думаешь, и мне нравится этот подарок, который прислала бабушка. Если, когда я вернусь из школы, его здесь не будет, я уйду из дома. Без шуток. Я перееду к отцу.

— Стелла, не будь смешной.

Уилл был слишком занят собой, чтобы заботиться о ком-то другом; он даже ни разу не позволил Стелле остаться у него на ночь. Иначе ему пришлось бы прибраться в квартире, сходить на рынок, купить хлеба и молока, завести будильник, подумать еще о ком-то, кроме себя.

И все же у Дженни от страха по спине пробежали мурашки. Люди все время теряют друг друга, разве нет? Люди уходят навсегда.

«Попридержи язык, — велела себе Дженни. — Пережди этот день, будь умной. Тринадцать, — в очередной раз вспомнила она. — В этом все дело. Это не только число, это болезнь, и, как всякая болезнь, пройдет».

— Я не шучу, — повторила Стелла, уходя в школу. Она уже опаздывала, но тем не менее не торопилась, переполненная новым для себя ощущением власти. — Уйду и не вернусь.

Точно так когда-то говорила своей матери Дженни, а вскоре она осуществила угрозу. Поэтому теперь ей хватило мудрости не спорить со Стеллой. Услышав, как захлопнулась входная дверь, она заставила себя взглянуть на маленький домик, присланный из Юнити, хотя от одного его вида ей стало не по себе. Она успела забыть, что этот дом, круглый по форме и выкрашенный белой известью, очень похож на свадебный торт. Она успела забыть, как симпатично он выглядит на расстоянии, если не знать, что там внутри. В задней половине дома находилась ее спальня с

прозрачными занавесками на окнах, где она провела столько одиноких часов в ожидании, когда повзрослеет. А вот и парадная дверь, которой она грохнула, поссорившись в последний раз с матерью, когда убежала на свидание с Уиллом и покинула Юнити. А там, в углу гостиной, за диванами, сшитыми из бархатных лоскутков, рядом с книжными шкафами с тщательно нанесенными на них пятнышками, чтобы было похоже на золотистый дуб, стояла копия стеклянного сувенирного шкафа. Десять крошечных стрел с наконечниками, выкрашенными алой краской, были аккуратно разложены в два ряда.

Вокруг дома располагались кустарники лавра, посаженные на раствор, вечно цветущие, из фетра и проволоки. Оригинал живой изгороди в Юнити, как говорили, был самым высоким в штате и с каждым годом становился все выше и гуще. Дженни провела пальцем по крошечным пчелам, прикрепленным к цветкам, и ощутила их ворсистость. В нос ей ударил запах копытня и озерной воды — густой влажный аромат, пропитывавший одежду и волосы, прилипавший к телу, словно мокрая ткань.

Снова увидев все это — живую изгородь и потертые ковры, сувенирный шкаф со стрелами и садовые ворота, — Дженни Спарроу поняла, что прошлое на самом деле возвращается. Действие вызывает противодействие; щепотка соли, брошенная против ветра, летит прямо тебе в глаза. И с каждым годом жжет все больше, а если забыть об осторожности, то можно и ослепнуть. Нравится тебе это или нет, но время ушло. То, чего Дженни опасалась больше всего, уже произошло, и не существовало способа что-либо предотвратить, не обратить внимания на случившееся.

Стелле исполнилось тринадцать.

2

По дороге в школу Стелла поддернула синюю форменную юбку, чтобы выглядела короче, и расплела косы. Волосы рассыпались по спине, доходя почти до пояса. Единственная подруга, Джулиет Эронсон, давно просветила Стеллу насчет ее внешности, заявив, что самое привлекательное в ней — пепельные волосы. Стелла же считала их своей единственной привлекательной чертой. Как бы там ни было, косы заплетали только примерные девочки, какой желала бы видеть ее мать: они носили розовые свитера, избирались президентами класса, активно участвовали в общественной жизни, начиная с драматических кружков и заканчивая олимпиадами по математике. Совершенно ясно, что Стелла не входила в их число.

Свернув с Мальборо-стрит, Стелла остановилась на углу и вынула из рюкзака тюбик с помадой. Алый оттенок назывался «Задарма» и придавал ей угрюмый и болезненный вид. Джулиет Эронсон считала, что с этой помадой Стелла выглядит на десять лет старше. Когда речь шла о непослушании, косметике и предначертанной судьбе, Джулиет была экспертом.

Подойдя к Рэббит, школе для девочек, которую она презирала с детского сада, Стелла потеряла виски. Эту школу, скорее всего, она ненавидела бы, даже если бы не была принята туда из милости, одной из немногих учениц, которым выплачивалась стипендия, чужой для всех, с тех пор как ей исполнилось пять лет. Она протиснулась сквозь толпу, скопившуюся в тяжелых дубовых дверях, и прошла к своему шкафчику, чтобы повесить пальто. Стоя там под лампами дневного света, Стелла поняла, что мучается не столько от головной боли, сколько от какого-то странного шума в голове. В течение всей перекички она чувствовала себя опустошенной, вымотанной, наверное, от перепалки с матерью, продолжавшей влезать во все ее дела, не давая ни секунды побыть наедине с собой, даже в собственных снах.

Стелла никогда не могла сохранить ни одной тайны от матери и даже не пыталась иметь свою частную жизнь. Если Стелле снилось, что она прогуливается по крыше высокого здания, то на следующее утро, за тарелкой вафель, которые впихивались в девочку чуть ли не силком, Дженни заговаривала об исследованиях, подтверждавших тот факт, что у каждого есть свои иррациональные страхи. Если после танцев ей снился

какой-нибудь мальчишка из школы Кабот, один из тех, кто никогда ее не замечал, то следующим же утром мать заявляла, что Стелле не разрешается ходить на свидания, пока ей не исполнится шестнадцать. Можно подумать, кто-то добивался этого свидания или она бы отказала, если бы это было так.

— Ты что, спишь на ходу? — прокричала за ее спиной Джулиет Эронсон, когда Стелла шла по коридору. — Подожди меня!

Из-за того, что Стелла из четвертого перешла сразу в шестой, Джулиет Эронсон, хоть и училась с ней в одном классе, была на год старше. Обладательница коротких каштановых волос, серых глаз и особого таланта делать все по-своему. Нахальства ей было не занимать. Тяжелое детство учит многому, и Джулиет хорошо усвоила эту науку. К примеру, она сумела убедить директрису, что носит высокие каблуки по настоянию физиотерапевта — у нее, видите ли, какой-то дефект в позвоночнике. А что это за темная помада цвета фуксии на губах? Без нее Джулиет совершенно не могла обойтись из-за реакции на солнечный свет: если бы не темный оттенок, маскировавший чувствительную кожу, она покрылась бы кровавыми пузырями. Сейчас Джулиет семенила, цокая, за Стеллой на своих двухдюймовых каблучках и совсем выдохлась к тому времени, как догнала подружку у лестницы.

— С днем рождения! Я звала тебя еще в вестибюле.

— Жаль, что мне исполнилось не тридцать, — сказала Стелла. — Тогда бы я сама отвечала за свою жизнь.

— Тебе вовсе этого не хочется. В тридцать появляются морщины. И тебя волновало бы, почему ты до сих пор не замужем, почему бесполезно растрачиваешь себя на какой-то дерьмовой работе или почему тебя водит за нос, принимая за дурочку, какой-нибудь недалекий мужик, к тому же женатый. Радуйся, пока молода, девочка. Поверь мне, оглянуться не успеешь, как стукнет четырнадцать. По своему опыту знаю: чем старше становишься, тем отстойнее жизнь. Держи. Это развеет твою грусть. — Джулиет протянула ей бумажную сумку с ручками. — С днем рождения.

Стелла улыбнулась, несмотря на гудящую голову. Школа Рэббит, одно из немногих частных заведений в Бостоне, куда учеников, исключительно девочек, отбирали по конкурсу, осуществляла и благотворительный прием. Джулиет Эронсон была единственной одноклассницей Стеллы, которую тоже держали из милости. В общем, одного поля ягоды, это точно; Джулиет и Стелле повезло, что они нашли друг друга. Объединившись в команду, они давали отпор любому, прежде чем кто-то успевал задеть их за живое. В конце концов, ни одна, ни другая не могла себе позволить делать

покупки на Ньюбери-стрит или отдыхать летом в лагере штата Мэн. У матери Стеллы была стабильная, но маленькая зарплата, а отец зарабатывал крохи в музыкальной школе, где время от времени давал уроки. Одноклассницы несколько дней не могли успокоиться, все перешептывались, после того как Уилл Эйвери явился на праздник урожая явно под хмельком и включил свое обаяние на полную катушку для сеньориты Смит, которая, как дурочка, западала на любого мужика, хотя бы отдаленно напоминавшего ей Дон Кихота.

«Только не подавай виду, что тебе больно», — наставляла подругу Джулиет всего неделю назад. Ни та ни другая не получили приглашения на вечеринку Хиллари Эндикотт, устроенную по случаю ее дня рождения в Музее изобразительных искусств. «Думаю, вам не подойдет компания», — сказала им Хиллари после праздника урожая вполне по-дружески, словно совершая акт милосердия, но Джулиет не растерялась — плюнула ей на дорогой кожаный сапожок. В день вечеринки, чтобы как-то утешиться, они отправились в универмаг «Сакс» разжиться шелковыми шарфами. «Держись так, словно тебе наплевать, — поучала Джулиет, когда они нырнули в Бостонскую публичную библиотеку, чтобы посидеть с удобствами в читальном зале и как следует рассмотреть награбленное добро, — и очень скоро станет легче».

Наплеватьство — вот в чем Джулиет действительно преуспела. Десять лет тому назад газеты широко освещали одно преступление: мать Джулиет отравила мужа, отца девочки. Прожив несколько лет под опекой, Джулиет затем поселилась у младшей сестры матери, студентки последнего курса колледжа Эмерсон, в небольшой квартирке в Чарльстауне. Молодая тетушка всеми правдами и неправдами добилась для племянницы стипендии в школе Рэббит, когда Джулиет перешла в шестой класс, впрочем, той было совершенно наплевать — примут ее или нет. Ее совершенно не волновало чье-либо одобрение, и она давно не испытывала того, что хотя бы отдаленно напоминало надежду.

— Ну же, посмотри, — заговорила Джулиет о своем подарке. — Тебе понравится.

Внутри оказалось черное платье, украденное из дизайнерского бутика на втором этаже универмага «Сакс». Превосходное платьице, маленькое и полупрозрачное, из тех вещей, что мать Стеллы никогда не разрешит ей надеть. Этот красивейший наряд был из другой вселенной, на расстоянии в несколько световых лет от розового кашемирового свитера, который, как надеялась Стелла, остаток своей естественной жизни проведет в коробке, преданный забвению на дне шкафа.

Стелла бросилась обнимать подругу.

— Как оно мне нравится!

— Вообще-то неплохо, что я раздобыла для тебя хотя бы одну приличную вещь.

Стелла тупо посмотрела на Джулиет. В голове немилосердно стучало.

— Земля вызывает Стеллу. Да что с тобой такое? Слышала когда-нибудь о критических днях? Ты потекла.

Они бросились в туалет, прекрасно понимая, что опоздают на урок математики к мисс Хьюитт и, соответственно, на контрольную, которой обе боялись.

— Вот черт. — Это была первая в жизни Стеллы менструация, и она чуть не расплакалась. — Ну почему именно сегодня? Кому еще так не везет?

— Вообще-то мне кажется, это я чемпион по невезению.

Джулиет ходила на могилу отца раз в две недели по воскресеньям, а потому не могла посещать дни рождения, даже если бы ее приглашали. И регулярно рвала, не читая, письма матери из Фрамингемской государственной тюрьмы. Все эти раскаяния и объяснения причин она слышала раньше. Ни одно из них не имело для Джулиет Эронсон значения. Она сама подписывала свои табели успеваемости, сама готовила себе завтраки и держала под кроватью веревочную лестницу на случай пожара в квартире, так как тетка курила, когда занималась, и часто засыпала над раскрытыми книгами, оставив непотушенную сигарету в пепельнице. Джулиет привыкла к катастрофам, а потому на нее всегда можно было рассчитывать в случае непредвиденной аварии. Сейчас, например, она вынула из своего рюкзака запасную пару трусиков. Будь готова ко всему — под таким девизом она жила. Всегда ожидай худшего.

— Тебе еще нечего жаловаться. Вот у меня в первый раз эти дела случились, когда я ехала поездом в Кембридж. Так и сидела на месте, истекая кровью, пока мы не доехали до Гарвард-сквер. Там я зашла в кооперативную лавку и не уходила до тех пор, пока мне не выдали пару треников.

Джулиет уселась на раковину и закурила сигарету из пачки, купленной в магазинчике на углу; ей недавно удалось убедить хозяина лавочки, что она студентка двадцати трех лет, правда, не без помощи теткингого удостоверения, позаимствованного тайком.

— Кажется, тебя полагается шлепнуть или еще что-то. Поздравить с переходом в мир женщин. Тетка меня шлепнула, но, возможно, потому что я уехала в тот раз в ее белых джинсах. Их пришлось выбросить.

— Чудно. Шлепнуть. Блеск. — Неудивительно, что голова у Стеллы шумела и крутило живот. Неудивительно, что она была в таком отвратном настроении. — Добро пожаловать в мир боли.

Стелла переделалась. Свернув грязную юбку и трусики, спрятала их в рюкзак и надела поверх нового черного платья синий блейзер. Она сознавала, что ткань была практически прозрачной. Нужно иметь смелость, чтобы носить такую вещь, даже если она наполовину скрыта пиджаком. Нужно верить, что когда ты скинешь пиджак, то не будешь выглядеть полной дурой. Стелла одернула юбку и застегнула на все пуговицы блейзер, после чего подошла к раковине вымыть руки. Переход в новый статус женщины оказался утомительным.

— Ненавижу свою мать, — небрежно заявила Стелла, пока сушила руки и подкрашивала губы. В мигающем свете умывальной она казалась особенно бледной без краски на губах и невероятно порочной, после того как нарядилась. — Она следит за мной, как за чахлым цветком.

— Ты считаешь, это плохо? Она хотя бы никого не убивала.

— Разве что мысленно.

Они рассмеялись и помчались на урок мисс Хьюитт.

— Если кто-то станет доставать тебя по поводу школьной формы — зашептала Джулиет, — скажешь, что из тебя хлещет кровь. Тогда все заткнется.

— Ладно.

Стелла стеснялась своего черного платья. Ее также мучил вопрос, не переусердствовала ли она с помадой.

— С классной дамой позволь разобраться мне. Ты ведь знаешь, какой искренней я могу притвориться.

Войдя в класс, Стелла поспешно юркнула на место, пока Джулиет извинялась перед мисс Хьюитт за опоздание. Джулиет объяснила, что у них были женские проблемы, те самые, о которых ее мать не успела ей рассказать, так как, напомним, она мисс Хьюитт, миссис Эронсон сидит в государственной тюрьме в Фрамингеме как злостная убийца, предоставив Джулиет полную свободу заботиться о себе самой в этом жестоком мире. Разве могла мисс Хьюитт что-то возразить? Разве могла после такого снизить им оценки за опоздание? Стелла в очередной раз прониклась к Джулиет уважением. Верная подруга всегда может выручить, даже в такой ужасный день, как этот.

Стелла быстро приступила к контрольной. Она готовилась, надеясь выбраться из царства унижительных троек, и, возможно, на сей раз ей бы это удалось, если бы она не подняла глаза, проставив свое имя. Ее взгляд

случайно остановился на мисс Хьюитт, и потом она уже не могла его отвести. В горле учительницы математики она, ясно как день, увидела застрявшую рыбью кость.

Стелла заморгала. У нее все утро кружилась голова; вероятно, это был обман зрения. Но когда она посмотрела снова, то кость плотно сидела в том же месте. Тоненькая такая косточка, узкая и белая, скорее всего, форелевая. Судя по форме и расположению, можно было утверждать, что ее нельзя выкашлять, раз она угодила в трахею.

У Стеллы застучало в висках, язык пересох. Она сразу поняла, что каким-то образом умудрилась увидеть будущее мисс Хьюитт, причину смерти учительницы математики. Сидя за партой, позабыв о контрольной, к которой так прилежно готовилась, беспомощная перед силами судьбы, Стелла вдруг побледнела как полотно. Сердце стучало о ребра, голова кружилась. Когда она потеряла сознание, остальные девочки охнули и, вскочив из-за парт, окружили ее кольцом. Кто-то одернул на девочке прозрачную юбку, из соображений скромности; другая одноклассница скатала валиком блейзер и подложила под голову Стелле, лежавшей на плиточном полу.

Разумеется, все поняли, в чем дело, как только Джулиет объявила во всеуслышание, что у Стеллы первые в жизни месячные и она очень страдает от боли. Позвали школьную медсестру, которая явилась с нюхательными солями и холодным компрессом. Наконец Стелла очнулась и медленно села, обхватив руками гудящую голову. В первую секунду она даже не поняла, где находится, пока не увидела встревоженное лицо Джулиет Эронсон.

— С днем рождения, — произнесла подруга.

Именно Джулиет уговорила учительницу математики разрешить Стелле уйти пораньше. Бедная мисс Хьюитт, не подозревая о своей тяжелой участи и оставаясь слепой к манипуляциям Джулиет Эронсон, заверила Стеллу, что контрольную она сможет написать позже, после выходных. Вызвали такси, принесли из шкафчика пальто — казалось, на этом и должны были закончиться беды Стеллы. Но по дороге домой Стелла узрела в черепе таксиста какой-то предмет размером с горошину. Она чуть снова не потеряла сознание, но усилием воли удержалась на плаву. Нет, она не станет вести себя как ребенок. Она не позволит этому, чем бы оно ни было, взять над собой верх — будь то проклятие, знак свыше или перепутавшиеся винтики у нее в мозгу. Она опустила стекло и заставила себя глубоко дышать; а чтобы больше ничего не увидеть, остаток пути до Бикон-стрит проделала с закрытыми глазами.

Оказавшись дома, Стелла взбежала на третий этаж и заперлась на все замки. Набрав в кухне стакан воды, она прошла в переднюю, пододвинула стул к кукольному домику, присланному бабушкой, и постаралась забыть события этого дня. Сосредоточившись на маленьком домике, она несколько успокоилась и все разглядела до мельчайших деталей: идеальные миниатюрные коврики, коричневый и белый фарфор, крошечные каминны — один из красного кирпича, один из серого и один из камня — и стеклянный шкафчик в углу гостиной, закрытый лоскутком вышитой ткани.

Вскоре Стелла уже затерялась в комнатах Кейк-хауса, места, куда ее никогда не отпускали. Она попыталась не думать о том, какой ужасный получился у нее день рождения. Вчера, когда она разговаривала с бабушкой, Элинор Спарроу посоветовала ей ждать сюрприза. Возможно, бабушка имела в виду именно это — шум в голове, видения, рыбью кость, чересчур взрослое черное платье, обморок посреди урока, когда она упала на пол, не выдержав столкновения со смертью.

Хорошо хоть, мать до сих пор на работе. Стелла получила возможность немножко побыть наедине с собой. Она прошла в свою комнату, спрятала там черное платье под кровать, потом влезла в старые джинсы и любимую белую блузку. Довольно часто день рождения Стеллы начинался с солнечного сияния, а заканчивался снегопадом, а иногда с утра дул сильный ветер, сменявшийся легким свежим ветерком. В равноденствие всегда так, не знаешь, что тебя ждет. Вот и сейчас погода менялась. Стелла открыла окно и уловила запах сырости, очень похожий на сладковатый запах озерной воды — темной и грязной. Стелла подумала о крючках и рыбьих костях, об опухолях, напоминавших садовый горошек, о днях рождения и крови. Подумав хорошенько обо всем этом, она отправилась в переднюю, чтобы позвонить отцу в музыкальную школу.

— Папочка, — произнесла она с облегчением, как только услышала его голос. Любовь всегда так действует, она дарит утешение в самую трудную минуту. Она дарит надежду, когда кажется, что все пропало. — Приезжай и забери меня прямо сейчас.

3

Уилл Эйвери опоздал на сорок минут, что для него означало прийти почти вовремя. Свернув на Мальборо-стрит, он увидел, что дочка ждет его, примостившись на каменных ступенях, и почувствовал прилив радости. Стелла по-прежнему верила в него, несмотря на то, что все остальные в нем давно разочаровались. Только дочь полагала, что он еще проявит себя, и поэтому он из кожи вон лез ради нее — когда мог, разумеется, что случалось не так часто, как ему бы хотелось. Лучше, чем кто бы то ни было, Уилл сознавал собственное легкомыслие и эгоизм. Эти черты были ему присущи точно так же, как привлекательная внешность.

Он никогда особенно не задумывался об этих недостатках, как не думал о своем типе крови или телосложении, но в последнее время внутри его что-то начало меняться. Уже несколько месяцев он испытывал чувство, которому никак не мог подобрать названия. Он без всякой на то причины вдруг стал слезлив. Проводя почти все время в одиночестве, он мучился чем-то вроде гнетущего сожаления. Еще немного — и он мог превратиться в одного из тех бедняг, которые начинают лить слезы после двух рюмок спиртного и стремятся открыть душу любому случайному незнакомцу, горюя о загубленной жизни.

— Привет, малышка! — крикнул он, когда Стелла рванулась ему навстречу.

Стелла стянула на затылке волосы и оделась в белую рубашку и джинсы, накинув сверху старое темно-синее пальтишко. Не очень праздничный вид. Действительно, лицо ее искажали усталость и беспокойство.

— С тобой все в порядке? Дай-ка я хорошенько тебя рассмотрю. — Уилл внимательно взгляделся в дочь. Он знал, чем развеселить женщину. Это единственное, в чем он преуспел, если не считать музыки. — Как всегда, выглядишь шикарно.

— Ну да, конечно.

И все же Стелла улыбнулась, невольно испытав удовольствие.

— Где твоя мать? Разве мы не должны были все вместе пойти куда-нибудь и пообедать ради праздника? План изменился?

Стелла вцепилась в руку отца.

— Вообще-то я собиралась уйти до того, как мама вернется домой. Хочу отпраздновать день рождения только с тобой. Она этого не поймет.

— Ага. Значит, мамочку побоку.

Уилл охотно согласился на предложение. Такой ход событий был ему вполне понятен. Стоило ему сбиться с пути, перебрать спиртного или как-то иначе разочаровать Дженни, он поступал точно так же. Если уж на то пошло, разве Дженни Спарроу-Эйвери не заслуживала такого обращения? Она всегда была чертовски обидчива. И буквально отказывалась усвоить хоть какой-то жизненный урок. Разве Уилл виноват, что Дженни так наивна? Разве он за это в ответе? Быть может, он даже оказал ей услугу: пробудил от сновидений наяву, показал, что существует и другой мир, реальный, где полно плутов и обманщиков — людей вроде него, у которых такие же права, как у Дженни, ходить по этой земле.

Уилл и Стелла поспешили удрать на Бикон-стрит, прежде чем Дженни прознает об их проделках. Они промчались с хохотом несколько кварталов до своего любимого ресторана «Осиное гнездо», известного своими крепкими напитками и божественным бостонским пирогом с кремом. Сегодня им было что отпраздновать, и Уилл впервые не забыл приготовить подарок — естественно, после напоминания, оставленного Дженни на автоответчике. Он выбрал браслет с золотым бубенчиком, который Стелле вроде бы очень понравился. Но вскоре Уилл почувствовал, что все идет не так гладко. Стелла болтала без умолку, а это было совсем на нее не похоже, да и веселость девочки казалась наигранной. Она унаследовала его внешность, тонкие черты лица, золотые искорки в глазах. Теперь же Уилл горячо надеялся, что она не унаследовала его характер. Да что там, он врал с того дня, как научился говорить. Ложь давалась ему так же легко, как музыка; у него, видимо, был к ней природный талант. Небесполезное качество, ибо он никогда ни к чему не прикладывал усилий. Даже не рассматривал такую возможность. Он просто подставлял руки, и фортуна сама находила его, или, по крайней мере, так было до сих пор.

За все время нашелся только один-единственный человек, который умудрился увидеть его насквозь. Не Дженни. Ей понадобилось тридцать лет, чтобы понять, что ему нельзя доверять. Нет, не Дженни, а ее мать мгновенно его раскусила. Элинор Спарроу поняла, что перед нею лгунишка, когда впервые увидела его в гостиной своего дома. В те дни Уилл был совершенно безбашенный, его не отпугнули пыльные комнаты Кейк-хауса, но, разумеется, он никак не ожидал, что Элинор Спарроу застигнет их как раз в тот момент, когда они начнут рассматривать личные вещи Ребекки Спарроу, хранившиеся под замком.

«Не шевелись», — прошептала ему Дженни тогда, услышав шаги матери в передней.

Но конечно, он не послушался. Уилл всегда оставался Уиллом, подчиниться для него было невозможно. Как только Дженни выбежала из комнаты, чтобы попытаться отвлечь мать, Уилл потянулся к ключу, висевшему на крючке, и, не думая ни о чем, отпер стеклянный шкаф, чтобы рассмотреть сокровища получше. К несчастью, Элино́р Спарроу не поддалась ни на какие уловки. Тем более когда услышала скрип открываемой дверцы. Стоя в передней, она уловила сладковатый приторный запах, верный признак лгуна и вора. А вот и он: глупый мальчишка в гостиной рассматривает семейные архивы, словно добропорядочный гость, имеющий на это право, шарит среди старых и кровавых свидетельств боли.

Элино́р Спарроу была сильная женщина и довольно большая, более шести футов росту; когда она схватила Уилла за плечо, то больно впи­лась в него ногтями.

«Что ты взял? — Она затрясла его, будто старалась вытрясти правду. Обращалась с ним так, словно он крот в ее саду, крыса в подвале, не более чем домашний грызун, пойманный в ловушку. — Что украл?»

«Ничего! — выпалил он с горячностью лгуна слишком легко и приторно. — Вы ошибаетесь. Я просто зашел в гости».

Элино́р зло ухмыльнулась. Она успела заметить, как он облизывая губы, то и дело косился в сторону; ее не тронули сладенькие нотки в его голосе. Он был помечен клеймом лжи — резким запахом, отдававшим кожей, по которому Элино́р нашла бы его даже в стогу сена. От мальчишки несло, как от старого башмака, как от типа, способного украсть у человека дочь, если этот человек забудет об осторожности.

Элино́р затрясла Уилла сильнее; она легко сломала бы ему ключицу, если бы не Мэтт Эйвери: он услышал шум и прибежал на выручку брату. Мэтт распахнул дверь с террасы, загрохотав стеклами, в руке он держал лопату, найденную возле крыльца. Мэтт всегда держался чрезвычайно застенчиво и редко открывал рот, если только к нему не обращались, но перед лицом Элино́р Спарроу, с лопатой в руке, он проявил решительность.

«Отпустите его. Немедленно!»

Элино́р рассмеялась от дерзости незваного гостя. С виду лет одиннадцати, самое большее — двенадцати.

«Ну и что ты сделаешь? — презрительно поинтересовалась она, а когда Мэтт задумался над ответом, снова рассмеялась. — Я сама отвечу. Ничего».

Мэтт никогда бы не пустил в ход лопату, разве что в качестве щита, но

Элино́р подняла его на смех и вновь принялась трясти Уилла, тогда Мэтт принял вызов и скакнул вперед. Не зная другого способа, как освободить брата, он со всей силы наступил на ногу хозяйки дома. Элино́р Спарроу взвыла и выпустила Уилла.

«Пусть вернет то, что украл!» — закричала Элино́р.

Но Мэтт, ухватив брата за рукав рубашки, размахивал лопатой, не позволяя Элино́р приблизиться.

«Мой брат не вор. Ему не нужно ничего чужого, тем более вашего».

На подъеме стопы разливался синяк, но уверенность Мэтта заставила Элино́р усомниться. На секунду она, видимо, позабыла, кто из них потерпевшая сторона. Братья не стали дожидаться, пока Элино́р соберется с мыслями. Они выбежали через дверь террасы так быстро, что у них едва не полопались легкие, как им показалось. Промчавшись мимо форзиции и лавровой изгороди, мальчишки не останавливались, пока не достигли конца подъездной дороги. Только тогда они перевели дух. Мэтта трясло. А Уилл бросился на траву и так хохотал, что чуть не задохнулся.

«Что смешного?»

Мэтт так и не бросил лопату, когда они убежали, и продолжал крепко, до мозолей, сжимать черенок. Мэтту Эйвери все никак не верилось, что он посмел дать отпор самой Элино́р Спарроу. Оставалось только надеяться, что когда он пойдет спать в ту ночь, то не найдет под подушкой луковицу, утыканную булавками. Он знал нескольких горожан, утверждавших, что именно такая участь ждет любого, кто пересечется с Элино́р: небольшой подарочек, получение которого сопровождалось, по слухам, семью годами невезения.

Мэтт отшвырнул лопату и уселся рядом с братом. Тот все никак не мог успокоиться и побряхтывал от удовольствия, ужасно довольный собой.

«Выкладывай. — Мэтт всегда все узнавал последним. — Что смешного?»

Уилл раскрыл потную ладошку перед носом брата. На ней лежал один из наконечников стрел. Со следом, оставленным кровью Ребекки Спарроу.

Мэтт в ярости вскочил.

«Ублюдок! — Уилл не помнил, чтобы братишка раньше ругался. — Ты сделал из меня лгуна».

Мэтт повернулся и побежал прямо через высокий бурьян, оставаясь глухим к пожеланиям Уилла поскорее вырасти и не быть таким олухом. Что плохого в том, чтобы соврать, если это тебе поможет? Уилл был готов поделиться добычей с братом, если тому нужно. Он даже не возражал бы, если бы Мэтт заявил во всеуслышание, что был рядом, когда Уилл стянул

из шкафа проклятый наконечник. Он мог бы разделить с Мэттом славу. Но Мэтт даже не обернулся, просто забрал спальный мешок и фонарь с дальнего берега озера и был таков задолго до того, как пришла Дженни.

Она явилась босая и разгоряченная перепалкой с матерью. Они наговорили друг другу много резкостей, швыряя оскорбления, как бомбы. Как только Уилл услышал, что приближается Дженни, он тут же спрятал наконечник в карман. Пусть она думает о нем только хорошо. Когда она уселась рядом на зеленую траву тем мартовским днем, раскрасневшаяся, с нерасчесанными волосами, Уилл впервые подметил в ней красоту, которой не замечал раньше.

«Если мать причинила тебе боль, она еще пожалеет», — произнесла Дженни.

«Она не смогла бы этого сделать, даже если бы попыталась», — презрительно фыркнул Уилл, хотя плечо побаливало.

Все равно он был тронут заботой Дженни, и ему захотелось послушать ее еще. Эта девчонка оказалась совсем непохожей на тех, кто бегал за ним. С ней было интересно.

«Прошлой ночью тебе снился ангел с темными волосами? А еще в этом сне была пчела и женщина, которая ничего не боялась. Даже самой глубокой воды».

Уилл слушал как зачарованный. Из леса доносился хор певчих дроздов, в грязи квакали лягушки. Дженни выглядела очень необычно: черные волосы, разметавшиеся по спине, темные бездонные глаза — в Юнити второй такой не было. Даже Уилл Эйвери не избежал весенней лихорадки. Он чувствовал, как она потихоньку охватывает его, туманя разум. Под слепящим солнцем все выглядело радужным и новым.

«Да, это мой сон», — подтвердил он.

«Я так и знала. — Дженни пришла в восторг. — Я была уверена, что это ты».

Девочка отбросила с лица черные пряди. От нее пахло вербеной и сеном. Уилл понял, что она доверяет ему, верит в него, и от этой мысли он совсем потерял голову. Сидя рядом с Дженни, Уилл на время забыл, кто он такой и на что способен.

А теперь, после стольких лет, ему вдруг пришла в голову мысль, не о том ли ангеле говорила Дженни, которого он иногда видит в темноте, поджидающего на уличных углах или стоящего у изголовья кровати. Конечно, это была галлюцинация, но она почему-то неотступно преследовала его в последние дни. Это видение почти каждый вечер являлось к нему, когда он сидел в баре «Осинового гнезда». Именно по

этой причине он и пил так много по случаю дня рождения Стеллы и к тому времени, как принесли салаты, уже потягивал вторую порцию «Джонни Уокера».

Сегодня выдался один из тех вечеров, который наверняка закончится для него слезами. Время ушло; его маленькая девочка превратилась в подростка и обязательно в самом скором времени поймет, кто он есть на самом деле. Стелла занялась своим браслетом; она казалась мрачной, совершенно на себя непохожей, хотя то, что она не обращала на него внимания, позволило Уиллу пофлиртовать с официанткой, хорошенькой девчушкой, явно слишком молодой для него. Скорее всего, она была студенткой последнего курса, а потому ожидала от него долгих бесед о том, что важно для нее, о будущей карьере, например, или о взглядах на жизнь. Соблазнение, в чем недавно убедился Уилл, было чертовски нудной работенкой. Гораздо проще с тем, кто тебя знает, когда можно забыть об осторожности.

— Твоя мать часто обо мне спрашивает? — поинтересовался он у Стеллы.

Дочка тряхнула запястьем. Маленький бубенчик на новом браслете издал холодный металлический звук.

— Не часто.

— Вот как?

Отца, видно, это задело, поэтому Стелла пошла на попятную.

— Ну, иногда. Мы не очень много с ней беседуем. Все равно у меня не получается разговаривать с ней так, как с тобой.

Уилл заулыбался, довольный. По крайней мере, хоть кто-то до сих пор в него верил.

Стелла подалась вперед, опершись на локоть.

— Вообще-то мне нужно кое о чем с тобой поговорить прямо сейчас. О том, чего она никогда не поймет.

Так вот почему девочка весь обед была сама не своя. Уилл очень надеялся, что разговор пойдет не о сексе или наркотиках. Он сам далеко не образец добродетели, так что вряд ли сумеет весомо аргументировать. Стелла тем временем смотрела на него так, словно он был для нее спасительной соломинкой, и это само по себе вызывало в нем тревогу. У нее в глазах мерцали такие же, как у него, золотые искорки, а еще она так же, как он, понижала голос, если речь заходила о чем-то серьезном.

— Кажется, я могу определять, что произойдет с некоторыми людьми, — призналась она отцу.

Уилл громко расхохотался. Не мог удержаться, тем более когда

вспомнил, в каких переделках побывал в ее возрасте. Сколько раз он повергал свою бедную мать в ужас, сколько ночей не являлся домой, сколько правил чувствовал себя обязанным нарушить: тут тебе и гашиш, припрятанный в кладовке, и мешочки с марихуаной в ящике стола, и пожары, которые он разжигал просто из желания немного развеяться, и множество других проступков, а бедняга Мэтт каждый раз его прикрывал, беря вину на себя.

— Прости, — сказал Уилл, увидев, что дочка обиделась. — Я не над тобой смеюсь. Просто у меня камень с души свалился. Я было подумал, ты собираешься рассказать что-то ужасное.

— Так оно и есть.

— Детка, послушай, я тоже могу предсказать будущее некоторым людям. — Он кивнул на столик в углу, где сидела парочка и весь вечер ссорилась — Видишь тех двоих? Не пройдет и года, как они разведутся. Можешь мне поверить. И еще одно: уверен, твоя мать здорово рассердится, что мы ушли в ресторан без нее. Очень ясно вижу.

— Я имею в виду совсем другое. — Стелла придвинулась к нему поближе, звякнув бубенчиком на браслете. — Я знаю, как они умрут.

— Ага.

Уилл закурил сигарету и задумался. За окном вся Бикон-стрит была окутана коричневыми сумерками. По тротуару расхаживали голуби, поблескивая в гаснущем свете бледными перышками.

— Я бы на твоём месте потушила сигарету, — сказала Стелла.

Она говорила так уверенно, совсем по-взрослому. Уилл даже испугался. По спине пробежал холодок. Что, если она говорит о его будущем? О вполне заслуженной судьбе? В последнее время у него часто случаются приступы кашля, да и горло с утра саднит.

— Почему? Потому что это убьёт меня?

На губах Стеллы заиграла улыбка.

— Нет. Потому что мы сидим в секции для некурящих.

Уилл засмеялся и потушил сигарету о недоеденную булочку. И действительно, на стене висела табличка: «Не курить».

— Значит, я не умру в обозримом будущем от рака легких?

— Насчет тебя ничего не могу сказать. Я знаю, что будет только с некоторыми, и никак не могу предугадать, чью судьбу увижу. Это не контролируется.

Уилл допил свою порцию спиртного и заказал еще одну. Напряжение начало отступать. Все оказалось не так страшно. Предчувствия, страхи, все в таком роде; естественно, это скоро пройдет. Девочка, видимо, баловалась

с доской Уиджа^[2] или колодой гадальных карт. Пустяки по сравнению с бедами, которые сваливаются на других родителей: шизофрения, анорексия, kleптомания. Разве можно сравнить с этим какие-то видения? Уилл так оценил ситуацию: Стелла переживала переходный возраст, а потому естественный страх перед смертью смешался у нее с волнениями, вызванными родительским разрывом. Он читал в одной книге, как дети реагируют на развод; вообще-то он добрался только до середины книжки, так как философствование навевало на него скуку. Но теперь, однако, он засомневался, не стоило ли прочесть труд до конца. Быть может, Дженни была права; вероятно, им действительно следовало обратиться к семейному психологу, но, разумеется, Уилл тогда отказался. Какой смысл выкладывать уйму денег за целый час вопросов и ответов, когда все равно он будет бесстыдно лгать?

— А про кого-нибудь из сидящих здесь можешь сказать? — Уилл решил отнести к мнимому недугу Стеллы как к салонной игре. «Скажи, сколько у меня тузов на руках и сколько паршивых валетов, ответь, сколько мне осталось ходить по этой земле». — Как насчет тех двоих в углу?

Естественно, он выбрал их — двух привлекательных женщин лет за тридцать, хорошо проводящих время в ресторане. Одна из них — блондинка, бледненькая, с убранными на затылок волосами; ее подруга в черном платье, очень похожем на то, которое Джулиет подарила Стелле, нацепила на руки не меньше десятка серебряных браслетов.

Стелла бросила взгляд на их столик и тут же повернулась к отцу. В лице — ни кровинки. Ей хватило одного мгновения. Один взгляд — и она все узнала. От отца пахло виски и немного табаком. С соседнего столика убирали грязные тарелки, тихо ими позвякивая.

— Та, что в черном, умрет в собственной постели глубокой старухой. У нее остановится сердце.

— Хорошо. — Уилл пьянел все больше — Если хочешь знать, Стелла, это отличная смерть. Черт возьми, хотелось бы и мне так откинуть коньки. В том, что ты увидела, нет ничего плохого.

Уилл снова повеселел. «Разговаривайте со своими детьми-подростками, — советовала прочитанная до середины книга. — Относитесь к ним так, словно их идеи имеют какое-то значение».

— Как бы там ни было, уверен, что это твое ясновидение вроде гриппа. Поболееешь сутки — и все. Прими два аспирина, хорошенько выпись, Стелла, моя звездочка, а утром почувствуешь себя прекрасно. Проснешься с ясной головой.

Стелла тоже на это надеялась, потому что все эти видения были ей ни к чему. Любая девочка тринадцати лет на ее месте не нашла бы в них никакого утешения. Она заставила себя дышать медленно и ровно, перед тем как рассказать отцу все до конца. А потому не обратила внимания, когда официантка принесла счет вместе со своим телефонным номером и Уилл спрятал бумажку с небрежно нацарапанными цифрами к себе в бумажник. Стелла старалась не смотреть на вторую женщину за столиком в углу, рыжеватую блондинку с перерезанным горлом.

Официантка ушла, а Стелла удивила Уилла, усевшись к нему на колени, чего не делала уже много лет.

— Привет, — сказал Уилл, довольный. Возможно, у него все-таки был шанс стать хорошим отцом, да и вообще неплохим человеком. — Вот моя маленькая девочка.

Он даже не сразу понял, что Стелла плачет, уткнувшись в него лицом. Он почувствовал, как ее слезы промочили ему рубашку насквозь. А еще он почувствовал любовь к Стелле, пусть и бесполезную.

— Сегодня ведь твой день рождения, Стелла. Не плачь.

— Тогда обещай, что поверишь мне, — заговорила Стелла почему-то сердито. — Я серьезно. Поклянись.

Она пересела обратно на свой стул, чтобы видеть, как Уилл торжественно начертит в воздухе крест над своим сердцем или хотя бы на том месте, где должно быть сердце. Он внимательно слушал, пока дочь рассказывала об ужасной смерти женщины за угловым столиком, о том, как ее зарежут в собственной постели, как она откроет глаза и поймет, что через секунду темнота ее поглотит, о том, что у нее не будет ни одного шанса, если все так оставить и не предупредить бедняжку об опасности.

— Ты должен что-то сделать, — настаивала Стелла, — просто должен.

Ее уверенность не оставила Уилла равнодушным, и он на секунду даже стал как будто лучше. Ему ничего не оставалось, как попытаться оправдать свою высокую роль отца Стеллы.

— Ладно. Я скажу, чтобы она запирала окна и опасалась незнакомцев, но, если меня отволокут в психушку, тебе придется подтвердить, что это была целиком твоя идея.

Уилл Эйвери отправился к столику женщин и представился. Он указал на свою дочь, очаровательную девочку, которая смотрела на них немигающим взглядом через весь зал. Женщины рассмеялись, когда Уилл робко поведал им о предчувствиях Стеллы. Они вспомнили, как сами в тринадцать лет страдали от разыгравшегося воображения, верили в призраков, в любовь с первого взгляда — и куда это их привело? Взгляните

на них: взрослые женщины, которые ни во что не верят, все подвергают сомнению, хотя, впрочем, не настолько, чтобы не дать своего телефона. Через секунду Уилл уже прятал в бумажник рядом с мятой запиской официантки номер блондинки.

— Кажется, они мне не поверили, — сообщил он Стелле, выходя из ресторана.

— В таком случае нам придется рассказать кому-то еще. Это наш долг, правда? Мы несем ответственность.

Ответственность. Сказывалось влияние Дженни. Только и думала, что о здоровом питании по часам, домашних заданиях, обязанностях по дому. А как Уилл повлиял на дочь? Чему он научил свою девочку? Руководствоваться в жизни только своими аппетитами и желаниями? Поступать как вздумается, не думая о том, кому это может повредить?

Они свернули на Мальборо-стрит и направились к дому. Мягкая сырость, какая бывает только в марте, обволакивала одежду, заставляла раскрываться бутоны магнолий. Уилл больше не поднимался в квартиру. Просто доводил Стеллу до дверей и отправлялся по своим делам. Хотя каким там делам? Выпить как следует, не меньше трех порций, чтобы заснуть? Ни с кем не общаться почти все время, не говоря уже о том, чтобы о ком-то позаботиться, кроме себя самого?

— Нам нужно что-то предпринять, — настаивала Стелла. — Ты должен придумать.

— Должен, — повторил Уилл.

Такая мысль до сих пор ни разу не приходила ему в голову. Стоя перед домом, где он прожил много лет, Уилл впервые подумал о ком-то другом, а не о себе. Интересно, рассуждал он, неужели все самоотверженные люди чувствуют то же самое: эту легкость внутри, невесомость.

— Обещай что-то сделать, папочка.

Стелла выглядела такой хрупкой, словно стеклянной, и в то же время твердой, как камень, незыблемо уверенной в своей правоте. Какое счастье, что она у него есть. Какое счастье, что она смотрит на него такими глазами.

Уилл Эйвери прижал руку к сердцу и поклялся сделать то, что никогда прежде не пытался делать и даже не обещал. Он заверил дочь, что поступит так, как велит ему долг. Потом он поцеловал ее на ночь, проследил, как она поднимается по лестнице, и только тогда ушел в темноту. Ему казалось, что он дрейфует по Мальборо-стрит, словно сырой воздух превратился в воду, а он — в рыбу, плывущую по течению. Он стал стрелой, направленной в цель доверием и преданностью. Небо заполнилось

сонным светом, как всегда называла его Дженни, сиянием тех созвездий, которые, как ей казалось, навевали сны большинству спящих. Вот чего ему особенно не хватало теперь, когда разрушился их брак: он очень любил слушать, когда Дженни пересказывала ему чужие сны. Он сам спал почти без сновидений. И чем дальше, тем меньше утешения дарил ему сон, превратившись в плоскую равнину сожаления, пустынный пейзаж, приходящий ночью к тому, кто так долго лгал, что больше не в состоянии узнать правду.

Уилл жалел, что много лет тому назад, в то утро, когда Дженни догнала его, она пересказала не его сон, а чей-то чужой. Как бы ему хотелось самому представить темных ангелов, бесстрашных женщин, безобидных пчел. И все же на земле существовал один ангел, который верил в него, и он дал этому ангелу обещание, которое собирался исполнить во что бы то ни стало. Такое произошло с ним впервые. Он даже не предполагал, что способен на самоотверженный поступок. Поразительно, что делает с людьми любовь. Какие перемены она может вызвать. Она может изменить всю историю, остановить или начать войны, она даже может сделать из Уилла Эйвери честного человека. К тому времени, как Уилл дошел до полицейского участка, он уже насвистывал — верный признак чистой совести. Действительно, он был отчаянным лгуном, но даже у лгуна есть сердце, что бы там ни думали некоторые. Даже лгун иногда убеждает себя, что способен на правильный поступок.

4

Звонок на работу раздался, когда Дженни не оказалось на месте: она как раз отлучилась в угловой магазинчик на Чарлз-стрит, чтобы забрать сделанный по телефону заказ: салат «Цезарь» на вынос и чашку крепкого черного чая. То, что Уилл Эйвери указал ее как ближайшую родственницу, было просто смешно, учитывая тот факт, что за последние полгода они едва перемолвились парой слов, но, видимо, именно так он и поступил: на столе она нашла записку, сообщавшую, что его задержали по подозрению в убийстве. Вероятно, тот, кто разговаривал по телефону, разнес потом новость направо и налево, начиная с отдела ипотеки и заканчивая отделом ценных бумаг, поэтому, когда Дженни шла к своему столу, к ней были прикованы все взгляды; люди знали, что она испытает шок, прочитав записку, прицепленную к еженедельному календарю.

Дженни выбросила салат в мусорную корзину: теперь о ланче не могло быть и речи. Внутри у нее все трепетало, словно она летела в бездонную пропасть, и в пальцах на руках и ногах началось покалывание, как всегда происходило перед очередным ударом судьбы. Да что там, в день свадьбы, прямо на ступенях городской ратуши в Кембридже, пальцы ног у нее сковала такая боль, что она едва могла сделать шаг. Любая другая на ее месте сразу поняла бы, что грядет несчастье; это было очевидно уже по тому, какие колебания она испытывала по дороге к секретарю муниципалитета, как будто там ее ждала смоляная яма, а не свадебное блаженство. Любая другая тут же повернула бы назад и убежала, пусть даже прихрамывая весь путь. Но только не Дженни. Дженни продолжала идти вперед, несмотря ни на что; она не могла признать, что совершила ошибку. Об этом ее недостатке вечно твердила ей мать. «Ты никогда не уступишь, — говорила Элинора. — Ни ради любви, ни ради денег. Даже если совершила самую серьезную ошибку».

Дженни надеялась сделать несколько глотков горячего чая вместо ланча, пока ждала, когда полицейский коммутатор соединит ее с детективом. Вскоре ей сообщили, что мужа допрашивают в связи с убийством, происшедшим через неделю после дня рождения Стеллы. В Брайтоне кто-то забрался через открытое окно или сумел войти через дверь и перерезал женщине горло. Свидетелей не было, как не было и очевидного мотива. Дженни вспомнила, как испугалась, услышав эту историю в шестичасовых новостях. Речь шла об учительнице, уважаемой

женщине с хорошей репутацией, симпатичной, тридцати трех лет, которую постигла столь ужасная участь. Дженни тогда еще подумала, что обязательно вызовет слесаря — пусть проверит, не нужно ли им сменить замок на модель поновее.

Но какое отношение имело это убийство к их семье? Оказалось — прямое. Ее муж, как теперь узнала Дженни, явился в полицию еще до убийства и наговорил там с три короба, вот его и задержали для дальнейших расспросов. Детективы проявили к Уиллу Эйвери особый интерес, когда обнаружили среди его вещей телефонный номер погибшей.

— Бывший, — поспешила исправить Дженни.

— Простите?

— Мой бывший муж. Мы официально разъехались летом и в любой момент можем развестись. Без судебного разбирательства.

— Вы опасались за свою безопасность во время разрыва?

— Нет. Разумеется, нет.

Возможно, она опасалась за свое душевное здоровье и, несомненно, за самоуважение.

— А как обстояло дело после разъезда? Вы добивались судебного запрета на посещения?

Вот, значит, какую линию выбрал детектив.

— Уилл Эйвери по своей природе не способен на насилие. Я знаю его лучше, чем кто бы то ни было, и могу сказать прямо сейчас, что от вида крови он теряет сознание. Особенно от вида собственной крови. Стоит ему порезаться во время бритья, как он хватается за бумажный пакет и дышит в него.

Именно за этим занятием и застала его Дженни, когда добралась до тюрьмы на другом конце Чарлз-стрит. Уилл, сидя в камере предварительного заключения, шумно пыхтел в бумажный коричневый пакет, в котором детективам доставили кофе и выпечку. Они пожалели его, видя, что он никак не может восстановить дыхание. Именно жалости заслуживал Уилл Эйвери. В кутузку он угодил прошлым вечером. Бессонная ночь и выпитое накануне не могли не сказаться на его виде. В зловонном свете гудящих ламп он выглядел скорее желтым, чем золотистым. Уилл, который всегда так пекся о своей внешности, зарос щетиной, руки у него тряслись, и вообще он здорово смахивал на обычного преступника. Случись Дженни пройти мимо него на улице, она приняла бы его за одного из тех жалких потерянных мужчин, что дремлют на скамейках городского парка и представляют в своих снах горячий душ, яблочный пирог и мир, в котором каждый получает то, что действительно заслуживает.

Когда на прошлой неделе Уилл, весело насвистывая, зашел в полицейский участок, готовый рассказать свою вопиющую историю любому, желающему послушать, его там подняли на смех. Учув алкогольный перегар, полицейские удостоверились, что он не поведет машину. Машины нет, заверил он стражей порядка; он пойдет домой пешком, пусть даже спотыкаясь на каждом шагу. Его возмущению не было конца, Уилл чувствовал себя оскорбленным: разве он дурак, чтобы сесть за руль в таком состоянии? Желая его унять, дежурный сержант зарегистрировал заявление Уилла насчет убийства, которое пока не произошло. Он покидал участок чуть ли не под улюлюканье полицейских.

Но после убийства в Брайтоне один из дежуривших в ту ночь офицеров припомнил заявление Уилла и откопал его на свет божий. В нем он нашел описание жертвы и точную причину смерти, указанную за шесть дней до того, как случилась трагедия.

— Ты идиот, — сказала Дженни, когда ее пустили повидаться с мужем.

Она сидела напротив Уилла, их колени соприкасались.

— Это не обсуждается.

Уилл посмотрел на свою бывшую и выдавил улыбку. Между ними на секунду промелькнуло то, что когда-то было. Именно промелькнуло, не задержалось. Они больше походили на людей, прошедших вместе войну, на товарищей, у которых почти ничего не осталось общего, кроме самой битвы.

— Я позвонил брату. Он хлопчет об адвокате. Помнишь Генри Эллиота, с которым мы учились в школе? Сейчас он практикует в Бостоне. Видимо, он один из лучших.

— Ты звонил Мэтту?

Смешно, но Дженни почему-то стало обидно, что он не позвонил ей первой. И отчего именно Мэтт? Они много лет почти с ним не общались. Он приезжал к ним ненадолго, когда они только переехали в Кембридж, и, разумеется, они виделись на похоронах Кэтрин Эйвери. Но Уилл и Дженни оба испытывали отвращение к своему родному городу, а потому после смерти Кэтрин братья совсем отдалились друг от друга. Мэтт Эйвери застрял в Юнити, почти никогда его не покидал. Он заботился о матери в последние годы ее жизни, брался за любую работу: убирал снег, занимался ландшафтом, выполняя задания Паркового департамента. У братьев было мало общего, а потом, разумеется, их общению мешала та ужасная драка. Случилась она через год после рождения Стеллы, когда Мэтт приехал на новогодние праздники. Во время вечеринки, которую устроили Дженни с Уиллом, между братьями произошла какая-то размолвка, оба выскочили на

улицу и принялись дубасить друг друга так, словно от исхода драки зависела их жизнь. К тому времени, как их разняли и Дженни успокоила возмущенную хозяйку и соседей, которым до чертиков надоели выходки Уилла, Мэтт исчез. А теперь он согласился оплатить дорогостоящие услуги адвоката по уголовным делам.

— Кровь — не водица, — с надеждой произнес Уилл.

Ему смертельно хотелось курить, но, естественно, полицейские отобрали у него все вещи, включая сигареты и серебряную зажигалку — подарок Стеллы на День отца. «Лучшему папочке в мире», — гласила гравировка. «Бедняжка, — подумал тогда Уилл — Ее ждет разочарование».

— Возможно, старина Мэтт чувствует вину, что мать оставила ему дом. Думаешь, он был ее любимчиком?

На его лице снова промелькнула улыбка.

— Конечно. Ты ведь ее почти не навещал. Я просто рада, что Мэтт может нанять лучшего адвоката, потому что мне это не по карману.

— Да, видимо, денежки у него водятся. Должно быть, он перелопатил целые горы снега.

Оба расхохотались, представив, как Мэтт расчищает заваленный снегом городок. Потом наступило молчание. Дженни поняла, что только сейчас они по-настоящему встревожились.

— Пожалуй, лучше Стелле ни о чем не говорить. Незачем ей знать все это.

— Ха. Ничего не получится. Газеты обязательно что-то разносят. Черт возьми, «Бостон геральд» и «Бостон глоуб», вероятно, успели сострять сенсацию. Нам не удастся скрыть от нее, Джен.

— Тогда скажи мне все, как есть. Раз в жизни скажи правду.

«Лгунишка, лгунишка, на тебе горят штанишки. Какую на этот раз ты выдашь сладенькую историю? Какую очередную дуру обведешь вокруг пальца? Какую бессовестную ложь изобретешь в качестве алиби?»

— Это сделал не я. Клянусь.

Дженни внимательно в него взгляделась, потому что он действительно врал всегда мастерски. Он мог, например, сказать ей на улице, что идет дождь, хотя на небе не было ни облачка, и убедить ее, что она скоро промокнет до нитки. После стольких лет она так и не поняла, можно ли ему доверять.

— Действительно, я сделал заявление. Это правда, — признал Уилл. — Но я так поступил, потому что пообещал Стелле.

— Ну вот, теперь, оказывается, Стелла во всем виновата.

Он рассказал Дженни о том, что случилось в тот вечер, как Стелла

раскрыла ему свой секрет в собственный день рождения, как умоляла его сообщить об убийстве, которое, как она видела, должно было скоро произойти. Наконец Дженни все поняла. Так вот какая кара пала на голову Стеллы в тот день, когда ей исполнилось тринадцать. Вот какой у нее появился талант. Она видит смерть, определяет, сколько кому осталось; не дар свыше, а ночной кошмар. И с этим девочка обратилась к Уиллу — вот что главное; она доверилась отцу, а не Дженни. Она верила в него.

Дженни невольно вспомнила о Ребекке Спарроу и всех ее горестях. Однажды она наткнулась на портрет Ребекки, миниатюру, возможно, эскиз к большому портрету, висевшему в библиотеке. Миниатюру когда-то завернули в кусок шелка и позабыли о ней. Дженни никогда бы ее не увидела, если бы случайно не нашла, когда искала в забитом посудой шкафу соусник. Она унесла сокровище в лачугу, развернула шелковую ткань и увидела девочку с длинными черными волосами, которая, похоже, недавно плакала. Девочка до того была похожа на нее, что Дженни даже перепугалась. Словно какие-то ее черты были запечатлены художником за триста лет до ее рождения.

Ребекку Спарроу взяла к себе прачка, жившая у озера. Она объяснила девочке, как добывать из мерзлого картофеля крахмал, чтобы стирать воротнички и манжеты, она приучила ее много работать, пока руки не сотрутся в кровь. Прачка говорила, что лягушка, запрыгнувшая в лохань, приносит удачу. Девочка быстро поняла, что, глядя на руки прачек, можно дать этим женщинам на десять лет больше, чем на самом деле. Каждая мозоль свидетельствовала о той жизни, что они вели. Каждый рубец от ожога подтверждал их мужество.

Едва Ребекке исполнилось тринадцать, как старуха, взявшая ее к себе, внезапно умерла. Тогда Ребекка сама стала прачкой. Это была ее судьба, это был ее долг, ничего другого она не умела. Она построила вторую лачугу в лесу, чтобы варить мыло из золы и жира — дело это дымное и неприятное; мыловарню следовало отдалить от того места, где спишь. Когда Ребекка переходила из одной хижины в другую по тропинке, где сейчас ничего не растет, ее ноги становились зелеными, ведь тогда там было полно лесных фиалок, копытня и лапчатки. Дженни так и не узнала, был ли написан тот портрет, что она нашла, до или после тринадцатого дня рождения Ребекки. Она догадывалась, что Ребекка получила его вместо оплаты за выстиранное белье. Портрет был слишком красив, чтобы оставить его валяться на дне ящика, обернутым в шелк и загнанным в рамку из ясеня. Ясень больше не рос в Юнити; первые поселенцы так яростно его вырубали, что он вообще исчез в этом округе. Дженни решила

хранить портрет в мыловарне, где, как ей казалось, ему самое место. Она представляла, как много лет тому назад он висел там на гвоздике. Дженни, у которой были способности к рисованию, тогда же начала создавать собственные миниатюры на крошечных кусочках холста или древесины, используя кисточку в один лошадиный волос и увеличительное стекло, найденное в ящике отцовского стола.

Когда Элинор запретила Дженни видеться с Уиллом, они выбрали местом своих встреч мыловарню; очень скоро к их желанию примешался витавший в воздухе запах едкого мыла. Окна лачуги никогда не знали стеклов; Ребекка даже не стала затягивать их промасленной бумагой, ей хотелось свежего воздуха. И все же хижина легко обогревалась огнем, который Уилл разводил в огромном очаге — когда-то Ребекка кипятила там белье в котлах, подвешенных к железной перекладине. Один из таких костров чуть не разрушил строение, когда Уилл и Дженни были подростками. Они провели в прачечной всю ночь, но Уилл задержался подольше, после того как Дженни ускользнула в Кейк-хаус, чтобы одеться. Тем же утром, сидя на уроке естествознания, Дженни выглянула в окно и заметила дым. Она сразу догадалась, что произошло. Были вызваны три пожарные бригады из соседних городов, не считая местной команды, организованной, как утверждали некоторые, Лиони Спарроу, той самой, что вынимала горячий хлеб из печки голыми руками и могла пройти сквозь огонь, не получив ожогов.

К тому времени, когда пожарные закончили работу, лачуга обгорела и была полузатоплена, но все же выстояла. Дженни еще подумала, не виновата ли в пожаре беспечность Уилла, но, стоя там и наблюдая за последними тлеющими головешками, Уилл с пеной у рта отрицал свою причастность к пожару. Он ел яблоко и одновременно объяснял Дженни, как тщательно затушил огонь в очаге, прежде чем уйти в то утро. Доев яблоко, он швырнул огрызок в догоравшие угольки очага. Есть примета: когда яблочные косточки, брошенные в огонь, с шумом взрываются, значит, где-то поблизости ходит истинная любовь. Но в этот день слышалось только шипение того, что сгорело и разрушилось, да крик ворон над головой.

Элинор Спарроу обвинила Уилла в поджоге. Ее губы скривились, что происходило каждый раз, когда рядом был лгун, но обвинения вскоре пришлось снять. У нее не было ни доказательств, ни свидетелей, к тому же судьей выступал двоюродный брат Кэтрин Эйвери, Морис. Только пятнадцать лет спустя, после рождения Стеллы, когда они жили на Мальборо-стрит, зашла речь о том пожаре. Уилл и Дженни смотрели

репортаж в программе новостей о пожарах, захлестнувших калифорнийские каньоны; глядя, как сгорает дотла дом за домом, Дженни заметила что-то насчет внушительного пламени.

«Лачуга занялась быстрее», — сказал тогда Уилл.

Вот тут-то Дженни и поняла, что мать была права. Он стоял там и смотрел, как горит прачечная Ребекки, а затем лгал, глядя Дженни прямо в глаза. Она потеряла тот миниатюрный портрет, которым так дорожила, а ему даже в голову не пришло сказать правду. Так разве можно верить ему сейчас, когда она сидит напротив него в тюремной камере и слушает очередную историю — то ли правду, то ли ложь?

— Я сожалею, знаешь ли, — сказал Уилл на прощание, когда Дженни заторопилась в школу к Стелле, пока до той не дошла новость об аресте отца.

У бывшего мужа было столько причин для раскаяния, что Дженни даже не сообразила, что он имеет в виду.

— Ты о чем?

— О том, что причинял тебе боль.

Проблеск правды сверкнул, как светлячок, и тут же погас. Но, откровенно говоря, Дженни сознавала, что во всех неудачах ей некого винить, кроме себя. Это она была упрямой девчонкой, не слушавшей никого, это она была дурехой, помешанной на весенней лихорадке и собственном неверном представлении о любви.

— Что сделано, то сделано. Не хочешь ли заодно признаться еще в чем-нибудь?

— Не в чем мне признаваться, — заявил Уилл так поспешно, что даже Дженни стало ясно: он лжет.

Все равно перед уходом она его поцеловала. Дело в том, что она тоже сожалела.

Всю дорогу до школы Рэббит Дженни бежала, не обращая внимания на светофоры, и поэтому чуть не угодила под машину. Но она могла бы и не торопиться. В девять утра несколько девочек из девятого класса уже обсуждали статью в «Геральд», где упоминался Уилл Эйвери. В десять явились двое детективов для разговора со Стеллой. Когда пришла Дженни, Стелла, у которой разболелась голова, спасалась в директорском кабинете. Дженни увидела дочь с распущенными косами, с вымазанными помадой губами, с перекошенным лицом, свернувшуюся калачиком в мягком кресле на гнутых ножках. Десятки раз в этом кресле ученицы ждали своих родителей, которых вызывали в школу, чтобы сообщить об очередной

провинности их чад: кто-то недостаточно прилежно занимался, кто-то совал пальцы в рот, желая избавиться от калорий; кто-то провалил геометрию, а кто-то порезал себе запястья бритвой. Теперь в кресле оказалась Стелла, их ясная звездочка. Стелла даже не подняла глаз, а продолжала играть браслетом, позвякивая бубенчиком на весь кабинет.

В данном случае директрисе, Маргарите Фланн, сказать было почти нечего. Она оставила их одних, чтобы Дженни попыталась объяснить, что же все-таки произошло.

— Не беспокойся, — прервала ее Стелла. — Я знаю, почему ты здесь. Приходили полицейские, задавали вопросы. Я знаю, что они сделали с папочкой.

— Они не имели права допрашивать тебя в отсутствие родителей. — Возмущению Дженни не было предела, но она все-таки на секунду отвлеклась, внимательно вглядываясь в дочь. — Ты что, накрасилась красной помадой?

— Это была всего лишь неофициальная беседа. Они предупредили, что я могу не отвечать. Но я рассказала им правду. Вообще-то она алая.

Дженни плюхнулась в кожаное кресло директрисы. Вот, значит, как — «алая».

— И какова же эта правда? — спросила она.

— Я сказала, что увидела, как именно умрет эта женщина. Я могу это видеть только у некоторых людей, но в ее случае я была совершенно уверена и заставила папу пойти в полицию. Полицейские мне не поверили. Они решили, что я выгораживаю папу.

Сразу было видно, что Стелла обожает отца, да и почему должно быть иначе? В кабинете директрисы пахло мебельным воском, этот запах всегда вызывал у Дженни воспоминания о собственном отце, профессоре экономики и столяре-любителе, который в течение года мастерил в свободное время кукольный домик для Дженни, который называл ее Жемчужиной, который одним весенним вечером выехал из Бостона после лекций и не справился с управлением. Внезапное похолодание оставило на асфальте корку прозрачного льда. Стоял март, самый непредсказуемый месяц весны, и отцу следовало бы знать, что нельзя ехать с такой скоростью. Домой он так и не вернулся, зато после него на верстаке осталась почти законченная модель Кейк-хауса, внутри все деревянные части он успел натереть маслом, поэтому когда Дженни заглядывала под крышу, то чувствовала приятный запах. До сих пор, попадая в незнакомую квартиру, она могла начать плакать без видимой причины — а дело было в том, что дубовый столовый гарнитур или вишневый письменный стол

совсем недавно натерли до блеска и цитрусовый запах в воздухе означал всего лишь лимонное масло, средство, которое отец считал наилучшим.

Статистика, в чем рано убедилась Дженни, теряет всякий смысл, когда дело касается тебя самого, пусть ты оказываешься тем единственным человеком из тысячи, кого поразила молния, или той самой девочкой, чей отец не придет домой, — и неважно, разбился ли он в машине на скользкой дороге или сидит в тюремной камере. Дженни невольно испытала досаду на остальных учениц школы Рэббит: в конце дня они пойдут домой, думая о каких-то пустяках вроде оценок, шмоток или мальчишек, тогда как ее собственную дочь будут волновать совсем другие вещи — как бы не потерять в этом мире дорогого ей человека.

— Я и вправду увидела, как все будет... то же самое произошло, когда я взглянула на мисс Хьюитт и на водителя такси, а потом уже и на ту женщину в ресторане. Полиция мне не поверила, — стояла на своем Стелла, — но отец не имеет к убийству никакого отношения. Клянусь.

Тринадцатая по счету, родилась в день равноденствия ножками вперед. Чего другого могла ожидать Дженни? Неужели она действительно полагала, что Стелла подрастет и превратится в обыкновенную девочку, незаметную в толпе, не знающую бед, и впереди ее ждет только счастье?

— Я тебе верю.

Дженни прекрасно сознавала, что ее дочь принадлежит тому дню в марте, когда птицы совершают свой перелет, когда земля начинает дышать, а на небе появляются весенние созвездия, Лев, а рядышком Овен на одном и том же небосводе, пусть даже временно.

Дженни и Стелла предполагали, что их неприятности останутся их личным делом, но с бедой так не бывает: она просачивается во все щели, обрастает слухами и возвращается. Дженни с дочерью понятия не имели, сколько людей посвящено в ситуацию с Уиллом, до тех пор, пока не попытались покинуть школу. В дверях их остановила Джулиет Эронсон — неподходящая компания, по мнению Дженни, — и, едва отдышавшись, принялась сыпать советами:

— Вам туда лучше не ходить.

У нее был готов план; она собиралась выйти на крыльцо, назваться Стеллой Спарроу-Эйвери и таким образом отвлечь собравшуюся на тротуаре стаю репортеров. Уже много лет, со времени суда над ее матерью, она имела дело с подобными типами, падкими на мертвечину. И сейчас даже обрадовалась возможности поквитаться с ними.

— Думаю, Джулиет права. Вам лучше воспользоваться черным ходом, — поддержала ученицу Маргарита Фланн, директриса.

А все потому, что прибыла телевизионная команда с Четвертого канала. Миссис Фланн сопровождала ученицу и ее мать ко второму выходу, ведущему в переулок.

— Пожалуй, пусть Стелла побудет дома до конца недели. Пока не уляжется вся эта шумиха.

А потом они оказались в узком проулке, где никого не было, кроме бродячих кошек. Мать и дочь посмотрели друг на друга. В воздухе витали крошечные искорки неуверенности. Здесь пахло не только мусором, но и страхом.

— Никакой школы целую неделю. Ты должна радоваться, — заметила Дженни.

— Так и есть. — Стелла застегнула блейзер на все пуговицы, хотя день был довольно теплый. — Я в восторге.

Они побрели по улочке мимо переполненных мусорных баков. Здесь же были припаркованы несколько машин учителей, а также школьный автобус, на котором ученицы Рэббит иногда ездили на пикники.

— Когда мы выйдем на улицу, возможно, придется бежать, — предупредила Дженни.

— Бежать?

Стелла выглядела бледнее обычного и даже более юной, чем утром, несмотря на алую помаду. Гольфики у нее сползли, как у маленькой девочки.

И действительно, выйдя из переулка, они пустились бежать. Раздался чей-то крик, и они поняли, что толпа их увидела. Они неслись во всю прыть, надеясь оторваться от преследователей. Но все равно двое самых ушлых репортеров продолжали следовать за ними по пятам. Тогда они нырнули в аптеку. Это оказалась та самая аптека, в которой Стелла совсем недавно украла свою помаду. «Задарма, — подумала Стелла, прячась с матерью в отделе средств ухода за волосами. — Действительно, дешевле не бывает».

Один из самых стойких репортеров не сдался. Выследил их в проходе между стеллажами.

— Я просто хочу поговорить с вами.

— Ничего подобного. — Дженни загородила собой Стеллу. — Вы хотите досадить нам.

Владелец аптеки, престарелый господин, которого Стелла узнала по своему прошлому набегу на прилавок с косметикой, выставил репортера вон, бросив на ходу:

— Стервятник.

К тому же не единственный. Когда они наконец добрались домой окружным путем, через общественный парк, на автоответчике скопилось более десятка сообщений от различных компаний, выпускающих новости, включая два нью-йоркских ток-шоу, в которых ведущие расспрашивали людей об их личных трагедиях.

— Опять звонит, — встревожилась Стелла, когда они в конце концов уселись за стол.

Обед был скучный — консервированный суп и пригоревшие тосты.

Телефон звонил не переставая, на том конце провода оказывался то один любознательный, то другой. Последней позвонила Маргарита Фланн, которая, обдумав серьезность ситуации и собственные возможности, теперь рекомендовала Стелле не возвращаться в школу Рэббит до конца семестра. Для пользы ребенка, разумеется, хотя, по правде говоря, миссис Фланн целый день отвечала на звонки всевозможных газет, а известность подобного рода не совсем в духе школы.

Очередного неприятного звонка они просто бы не выдержали, поэтому Дженни встала и выдернула телефонный провод из розетки.

— Ну вот он и перестал звонить.

Обе расхохотались, но Стелла тут же стала серьезной.

— Теперь я точно завалю математику. И если в Рэббит мне ходить нельзя, то где же я буду учиться?

— Мы что-нибудь придумаем, — заверила дочку Дженни, хотя сама не представляла, что делать дальше.

В Бостоне не было ни одной школы, муниципальной или частной, где Стеллу не достали бы сплетни и слухи. Уже сейчас их история передавалась в шестичасовых новостях по всем местным каналам. А в одиннадцать один из них показал, как Дженни и Стелла потихоньку пробираются позади школы, а потом пускаются бегом, словно сами совершили преступление.

В ту ночь Дженни уснула в кресле у окна. Она думала о миниатюрном Кейк-хаусе, который отец сделал для нее. Она вспоминала истории, которые он ей рассказывал, — например, о том, что вишневые деревья в лесах вокруг Юнити выросли из косточек, оброненных воронами, а персиковые деревья, прижившиеся по всему городу, море вынесло на берег после какого-то кораблекрушения. Потом Дженни приснился сон: она увидела натянутую веревку между двух больших деревьев. Это были вишня и персик, все в цвету, когда тысячи белых бутонов сияют на ветках, словно звездочки. Ей снилось, что она падает куда-то, летит по спирали, не в силах остановиться. За секунду до удара о землю она проснулась в

панике, с бьющимся сердцем. Впервые ей приснился собственный сон, а не чужой. И она точно знала, что он означает. Она знала, к чему он приведет.

За окном улица была погружена в кромешную тьму, если не считать янтарных лужиц на асфальте у фонарных столбов. Не успела она воткнуть на место телефонную вилку, как снова раздался звонок. Дженни сняла трубку. Ее поприветствовал репортер, выследивший их в аптеке. Он служил в одной из отвратительных бульварных газет, но, видимо, считал, что обладает даром убеждения, и пытался сладкими речами уговорить Дженни дать интервью, все выпрашивал, как отреагировала ее дочь на известие, что отец совершил зверское убийство. Дженни бросила трубку. Он снова позвонил. На этот раз Дженни молча сняла трубку. Зато журналист не молчал.

— Я во что бы то ни стало добьюсь разговора с вашей дочуркой. Можете не сомневаться.

Дженни бросила трубку на рычаг, но тут же потянулась за ней снова, чтобы набрать номер, прежде чем наглец успеет позвонить в третий раз. Придется договориться на станции, чтобы их телефонный номер изъяли из списка абонентов. Придется поставить на двери новый замок. Но сейчас на это не осталось времени. Дженни решила, что нужно делать в первую очередь. Час был поздний, луна переместилась в центр неба, голуби наконец утихомирились, и до дневного света, казалось, пролегают сотни миль, как до чужого государства. На улице не было ни души, когда Дженни набрала номер Кейк-хауса, который все еще знала наизусть. Поразительно, но спустя столько лет она не забыла, что именно в эту неделю распускается форзиция и каждая веточка буквально взрывается капельками цвета. Странно, но она вспомнила расписание поездов в Юнити, а самое удивительное, что сразу узнала голос матери, стоило Элинор снять трубку, будто последний раз они разговаривали только вчера, будто общались все это время.

Предсказание

1

Что есть роза, как не живое доказательство желания, единственное свидетельство человеческого стремления и совершенной преданности? Но желание все-таки можно сломить, и тогда появляется «ревность» — так называется роза, хорошо растущая на засушливых почвах. «Красный дьявол» прекрасно себя чувствовал там, где не росли никакие другие розы, в конце сада, в тени. Розы во многом напоминали человеческое сердце; одни росли совсем дикие, другим требовалась постоянная забота. Хотя множество сортов были изменены и окультурены, среди них не нашлось бы двух совершенно одинаковых. Одни цветы отдавали вишней, другие пахли лимоном. Одни проявляли жизнестойкость, тогда как другие увядали за один день. Одни росли на болотах, а другим требовались огромные дозы удобрений. Ископаемая роза насчитывала три с половиной миллиарда лет, но за все это время ни разу не расцвел голубой бутон, ибо семейство роз не обладает этим пигментом. Садоводам пришлось довольствоваться подделками: «голубой луной» с розовато-лиловыми цветками или «голубым пурпуром», злостным бродягой, который, по сути, был фиолетовым и разрастался с молниеносной скоростью, так что с ним приходилось беспощадно бороться.

Ни один из этих фальшивых сортов не рос в саду Элинон Спарроу. Ей нужен был настоящий голубой, как яйца в гнезде дрозда, как цветы дельфиниума, как далекое небо над головой. Ясно, что она ничего не имела против недостижимой задачи. Другие садовники отступали перед законами генетики, но только не Элинон. Ее не отпугивало то, что другие считали невозможным, как не отпугивали тучи комаров, налетавшие в сумерках в это время года, едва земля начинала прогреваться и таял последний снег.

До несчастного случая с мужем Элинон Спарроу не интересовалась садоводством. Сад при Кейк-хаусе, заложенный в далеком прошлом, последние десятилетия был заброшен. Несколько старых роз, посаженных еще Ребеккой Спарроу, до сих пор умудрялись расцвести среди молочая и колючей крапивы. Каменная ограда, в которой Сара Спарроу, дочь Ребекки, тщательно заделала все щели, все еще стояла, а кованые железные ворота, навешенные прабабушкой Элинон, Корал, не совсем проржавели, а потому легко очистились щелоком и борной кислотой.

Когда Сол погиб в дорожной катастрофе в пригороде Бостона, Элинон могла бы посвятить свою жизнь Дженни, но вместо этого она ушла в сад и больше оттуда не вернулась. Да, конечно, она по-прежнему делала покупки

в бакалейной лавке, ходила в аптеку мимо соседей на Мейн-стрит, но ей хотелось только одного — остаться в одиночестве. Она находила утешение, когда чувствовала под пальцами землю, занимаясь монотонной работой по сезону. Здесь, по крайней мере, она могла дать жизнь чему-то новому. Здесь то, что было похоронено, вновь оживало, если получало нужное количество света, удобрений и дождя.

В последние годы в саду Элинон Спарроу все расцветало в рекордно короткие сроки: ароматные ночные фиалки размером с лошадиную подкову, декоративный шиповник, цветущий до января, чайные розы, такие великолепные, что воры несколько раз пытались украсть черенки, но волкодав Аргус, чьи клыки давно стерлись до пеньков, сумел все-таки отпугнуть незваных гостей утробным лаем. Видя всю эту зелень за каменной оградой, даже в марте, когда только начинают формироваться бутоны, никто не представлял, как трудно было Элинон привести весь сад в порядок. Два года после смерти Сола здесь вообще ничего не росло, несмотря на все усилия хозяйки. Возможно, виновата в том была соль, пропитавшая ее кожу, или горечь у нее на сердце. Какова бы ни была причина, все засыхало на корню, даже розы, посаженные Ребеккой Спарроу. Элинон нанимала садовников-декораторов, но они лишь беспомощно разводили руками или просто предлагали ей воспользоваться инсектицидами и серой. Она отсылала образцы почв в лабораторию Массачусетского технологического института, и ей отвечали, что все в порядке, требуется лишь правильный уход и немного костяной муки.

Однажды, когда Элинон работала в саду, уже готовая сдать и бросить это дело, рядом остановился Брок Стюарт, городской врач. Доктор Стюарт тогда еще ходил на вызовы; в тот день он заглянул в Кейк-хаус потому, что Дженни, которой было всего двенадцать, позвонила и попросила его прийти. Девочка давно болела простудой, сопровождавшейся сухим кашлем и головными болями, такими сильными, что она вообще не раздвигала штор в своей комнате, проводя все время в темноте. Она ходила в шестой класс, но уже научилась заботиться о себе.

— Где твоя мама? — спросил доктор Стюарт, осмотрев Дженни.

У девочки была высокая температура, а на тумбочке даже стакана воды не нашлось, да и холодный компресс на лоб ей бы не помешал.

— Она в саду. — Уже тогда Дженни отличалась серьезностью. — Это единственное, что ее заботит, поэтому я наслала на него проклятие.

— Вот как? — Доктор Стюарт был отличным терапевтом и никогда не пропускал мимо ушей детские суждения. — Какого рода проклятие?

Дженни села в кровати. Вообще-то она хотела сохранить свой секрет,

но интерес доктора Брока так ей польстил, что она посвятила его в сложности колдовства.

«Не прилетай сюда больше, ни утром, ни вечером, ни в дождь, ни в солнечный день».

Дженни улыбнулась доктору, довольная, что он выслушал заклинание так серьезно.

— Я нашла его в книге, что хранится в углу нашей гостиной. Эта присказка держит пчел на расстоянии. А без пчел не растет ни один сад.

— Я не знал этого.

Как единственный городской врач, Брок Стюарт не переставал изумляться, сколь различными способами люди могут навредить друг другу, даже не прилагая к этому видимых усилий. Его все еще поражала в людях хрупкость их бытия и в то же время удивительное жизнелюбие; человек мог выстоять и в болезни, и в горе самым неожиданным образом.

— Это мне папа рассказал, что пчелы не любят сквернословия. — У Дженни развязался язык. — Но больше всего они не выносят, когда в доме кто-то умирает. Если такое случается, они покидают сад.

Лицо девочки пылало, а спутанные волосы казались совершенно черными. Это был очень педантичный ребенок, ненавидевший цветы, грязь, дождевых червей и беспорядок. На стенах у нее висели в один ряд небольшие картинки, приклеенные скотчем, — затейливые акварели, в которых предметы идеально подходили друг другу: стол и коврик, дом и небо, мать и дочь.

— Понятно. — Доктор Стюарт все записал. Детям, даже тем, кто был постарше, всегда нравилось, когда он так поступал; они видели, что он воспринимает их слова всерьез, раз записывает на бумаге. — А есть избавление от этого проклятия?

— Если кто-то умирает или если произнести вслух прогоняющий стишок, то пчелы не вернутся до тех пор, пока им не предложить кусочек торта. Подойдет любое сладкое. И нужно попросить их вернуться. Вежливо. Без шуток. От души.

Доктор Стюарт позвонил в аптеку, попросил доставить антибиотик, потом ласково потрепал Дженни по разгоряченной головке и отправился в сад. Элинор Спарроу, стоя на четвереньках, пропалывала клумбу, все растения на которой покрылись пятнами и сбросили листья. Людей Элинор едва замечала. Рана, нанесенная судьбой, была слишком глубокой, чтобы вдова обращала внимание на что-нибудь еще, кроме своего пустого сада.

— Я вижу, что у вас ничего не растет! — крикнул издали Брок Стюарт.

— Поздравляю с очевидным выводом. — Элино́р не выноси́ла большинство людей, но Брока она, по крайней мере, уважала, поэтому сразу не прогнала. Она еще ни разу не поймала его на лжи, не то что других жителей города. — Я получу счет за это мнение или оно бесплатное?

— На тебя легло проклятие, — сообщил своей соседке доктор Стюарт. — И вероятно, вполне заслуженно.

Каждый раз при встрече с Элино́р доктор вспоминал, как она на него посмотрела в тот холодный вечер, когда ему пришлось сообщать ей о смерти Сола. Она тогда заглянула прямо в его душу, словно искала там правду. Вот и теперь ее взгляд проник в самое его нутро. Доктор Стюарт был высокий мужчина, и некоторых ребятишек города пугали его рост и строгость тона. Но те, кто хорошо его знал, совсем не боялись доктора. Они выпрашивали у него леденцы, рассказывали ему о своих важных делах, таких, к примеру, как заклинания против пчел.

— Ты не учитываешь очень важный момент, Элли. Прислушайся.

Они уставились друг на друга через садовые ворота. Элино́р Спарроу не могла поверить, что этот человек дерзнул назвать ее «Элли», но она не стала устраивать скандал. Внимательно прислушалась. По небу плыли белые облака, и солнце светило особенно ярко, отбрасывая молочные блики, на которые всегда обращали внимание приезжие.

— Ничего не слышу, — раздраженно бросила Элино́р, стряхивая с колен грязь.

— В самую точку. Нет пчел.

— Нет пчел. — Элино́р почувствовала себя идиоткой. Почему она раньше этого не заметила? Тишина была такой явной, проблема такой очевидной. — Кто мог наслать на меня такое проклятие?

Доктор Стюарт пожал плечами. Проработав много лет единственным врачом в маленьком городишке, он прекрасно знал, что нельзя никого обвинять, особенно если виновный находится так близко.

— Теперь, когда ты знаешь причину, дело можно исправить. Причем очень просто: угости их тортом. — Доктор Стюарт говорил по-деловому, точно так он порекомендовал бы аспирин от головной боли или имбирный эль и сироп солодки от колик. — А потом попроси их вернуться. И когда будешь просить, не забывай о вежливости. Как-никак были задеты их чувства. Причем не только у них, если это тебе интересно.

Как только доктор ушел, Элино́р отправилась на кухню. Перерыла всю кладовку, пока не нашла бисквит недельной давности, который залила бренди и сливками. Но не успела она вынести тарелку в сад, как позвонили

в дверь. Посыльный из аптеки швырнул на порог лекарство для Дженни и стремглав помчался к машине, чтобы поспешно развернуться и уехать, пока Элино́р не успела обвинить его в нарушении границ частной собственности.

Рассматривая пузырек с беловатым пенициллином, Элино́р Спарроу кое-что поняла насчет своего дома. В Кейк-хаусе стояла такая же глухая тишина, как в ее саду без пчел, даже еще глуше. Она задела чувства близких людей, сама того не подозревая. Она запуталась в паутине, сплетенной из дней, месяцев, лет. И тогда она поняла, откуда пришло проклятие. Это она натворила дел, это она отвернулась от ребенка, предоставив дочери самой заботиться о себе.

Когда Элино́р поднялась наверх с лекарством, Дженни дремала.

— Прими таблетку, и поживее, — велела Элино́р.

Девочка очень удивилась такому вниманию и быстро проглотила лекарство.

— А теперь вылезай из кровати и пойдем со мной.

Дженни набросила халат и босиком последовала за матерью, в полном недоумении. Ей пришло на ум несколько причин, откуда у матери проснулся к ней внезапный интерес: озеро вышло из берегов, прорвало водопровод в доме, осы на чердаке пробились сквозь картонную перегородку. Наверняка произошло какое-то чрезвычайное событие, раз мать подумала о ней.

— Я перестала на многое обращать внимание.

Они зашли в кладовку, откуда Элино́р забрала липкое угощение. На тарелку успели заползти муравьи, а от запаха бренди деваться было некуда.

— Теперь мне придется отдать это пчелам. Я должна попросить у них прощения и пригласить вернуться. — Она взглянула на дочь, лохматую, настороженную. — Надеюсь, еще не слишком поздно.

Элино́р вынесла бисквит из дома. Не прошла она и двух шагов, как над ней закружила пчела.

— Это доктор Стюарт тебе рассказал о пчелах? — Девочка горела от лихорадки, у нее кружилась голова. Стоя на крыльце, она прислонилась к перилам. — Я рассказала ему секрет, а он пошел и передал тебе.

— Ну конечно, а как же иначе? Теперь будем надеяться, что у нас все получится.

Что касается Элино́р, то у нее тоже закружилась голова. Она по-глупому отказалась от чего-то, а теперь старалась изо всех сил это вернуть. Угощение для пчел пахло весной, пьянящей смесью пыльцы, меда, сирени и коньяка. Десятки пчел полетели за Элино́р через лужайку. Возможно,

кое-что все-таки можно исправить: то, что разрушено, то, что потеряно, то, что почти отвергнуто.

— Пожалуйста, придите в мой сад.

Элино́р открыла ворота, и пчелы последовали за ней, но Дженни не сдвинулась с места — упрямая, не умеющая прощать девочка.

— Идем со мной, — позвала Элино́р дочь.

К тому времени сотни пчел летели на Локхарт-авеню, едва касаясь колючих кустарников на аллее Дохлой Лошади, с гулом продираясь сквозь форзицию и лавр.

Дженни было жарко от лихорадки и холодно от промозглого дня. Она подумала, что мать даже словом не обмолвилась, чтобы она не ходила босой; Элино́р была не такая мать, кем бы она там ни притворялась. У Дженни закололо пальцы на ногах — верный признак беды. Но откуда было ждать эту беду? Она могла пойти за матерью, или сделать шаг назад, или остаться на своем месте и не шевелиться — она выбрала последнее в тот пчелиный день. Она не шевельнулась.

Попытка Элино́р наладить утраченные отношения с дочерью провалилась, зато она с тех пор начала чаще обращаться к Брокку Стюарту за советом. Если ей предстояло принять какое-то решение, она звонила и спрашивала мнение доктора, хотя не обязательно к нему прислушивалась. Да что там, она могла часами с ним спорить, подвергая сомнению каждое слово. Дело дошло до того, что семейство доктора, его жена Адель, одна из кузин Хэпгудов, и его сын, Дэвид, знали, что когда телефон звонит в неурочный час, то это наверняка не вызов в Гамильтонскую больницу и не пациент. Это Элино́р Спарроу. Почему доктора не раздражало ее вечное брюзжание, никто в точности не знал.

Элино́р, со своей стороны, рассуждала так: по крайней мере, есть к кому обратиться за правдой. Хорошо, что в городе живет хотя бы один честный человек. Прошли годы, не стало Ад ели, потом не стало и молодой жены бедного Дэвида, а Брок Стюарт был единственной компанией Элино́р, если не считать ее пса, Аргуса. Остальных она не выносила. Тим Эрли, городской ветеринар, не переставал удивляться, что волкодаву пошел двадцатый год — неслыханный возраст для этой породы. Доктор Эрли был убежден, что Аргус просто отказывается умереть, пока жива хозяйка. Настолько он предан, шутил доктор, верен до конца.

Будь Элино́р более приветливой, она могла бы рассмеяться и сказать: «Ну, в таком случае, бедняга не долго протянет». А так она просто отбрила ветеринара: «Надо полагать, плату за визит вы не уменьшите», как всегда нагнав на Тима Эрли такого страху, что он добавил бесплатную бутылочку

витаминов для пса.

Элино́р заболела именно тогда, когда собралась цвести последняя привитая ею роза. Она взяла одну из старых роз Ребекки (этот сорт рос только в Юнити, и ходили слухи, что он увядает от человеческого взгляда) и скрестила ее с пурпурным выющимся гибридом, который разводила уже несколько лет. Пока что новая роза ничего особенного из себя не представляла. Случись забрести в сад какому-нибудь воришке, он наверняка прошел бы мимо неопрятного кустарника возле каменной стены, где тот рос, защищенный от ветра и жары. Воришка предпочел бы экземпляры посимпатичнее, тщательно подрезанные и ухоженные, которыми Элино́р абсолютно не дорожила. Успеет она увидеть, как цветет ее новый сорт, или нет, Элино́р не представляла. Брок отказался просветить ее на сей счет, несмотря на все требования узнать статистику.

«Прямо сейчас какое-нибудь дерево возьмет и упадет на нас, — ответил он. — Или молния ударит, и к чему тогда твоя статистика?»

Элино́р часто вспоминала мать Уилла, Кэтрин, — как быстро та сгорела, после того как у нее обнаружили рак. Элино́р не особенно любила семью Эйвери, но зла им не желала. И разумеется, она не прятала под матрас Кэтрин Эйвери веревку с черными перьями, чтобы проклясть все семейство, когда Уилл и Дженни убежали, хотя в городе пошли такие слухи. Как бы там ни было, все это дела давно минувших дней, и теперь, глядя в прошлое, Элино́р понимала, что винить в том опрометчивом браке некого. Просто весна заставила их убежать, чистейшая весенняя лихорадка, опасная для каждого. Между прочим, Элино́р сочувствовала Кэтрин, что та вырастила такого лгуна, как Уилл Эйвери, хотя младший мальчик, Мэтт, получился славный.

Пятнадцать лет Элино́р нанимала Мэтта Эйвери расчищать сад от обломков и поваленных деревьев после бурь. Время от времени на заднем крыльце Элино́р появлялась корзинка с мятой и розмарином, и Элино́р подозревала, что это оставляет Мэтт — возможно, в благодарность за визиты к его матери в последние недели ее жизни. Все лето, пока умирала Кэтрин, Элино́р приносила ей свежие розы сорта «Волшебный розовый», которые Кэтрин предпочитала всем прочим сортам, хотя сама Элино́р не очень его жаловала. Элино́р все время вспоминала, как мужественно держалась Кэтрин, когда сама проходила курс лечения в Гамильтонской больнице. Зимой ей делали химиотерапию, но она никому ничего не сказала, все держала в себе.

В этом был ее недостаток, в этом была ее сила; она отказывалась довериться кому-либо, или попросить о помощи, или просто проявить

обычные человеческие чувства. К тому времени, как она все-таки призналась Броку, что у нее побаливают кости — не обычный артрит, а нечто гораздо глубже и сильнее, — было уже слишком поздно. Теперь, когда в Монро появился новый врач, доктор Стюарт делил свое время между клиникой в Норт-Артуре и домом для престарелых; Элино́р осталась его единственной пациенткой. Если ночью раздавался телефонный звонок, значит, он понадобился одному-единственному человеку, своей пациентке Элино́р Спарроу, которую он все-таки подвел.

«Ты ведь не мог знать о том, чего я не хотела тебе рассказывать», — настаивала Элино́р, как всегда, проявляя упрямство.

Вероятно, она была права; вряд ли он сумел бы найти способ ее спасти. Все равно доктор часто просыпался среди ночи от сердцебиения, даже когда телефон не звонил. Он просыпался, думая об Элино́р, как было уже много лет, еще до ухода Адель, еще до того, как его сын, Дэвид, и сто внук, Хэп, переехали жить к нему. Утром Брок Стюарт часто испытывал потребность позвонить и проверить, как она там, но Элино́р никогда в этот час не снимала трубку; она работала в саду, который восстановила так, как не сумела восстановить свою жизнь.

В тот день, когда дочь возвращалась в родной город, она тоже работала в саду. Славный выдался денек. Элино́р в маске и перчатках посыпала почву удобрением. Всю зиму большинство растений в ее саду выглядели не лучше, чем горсть палок, но сейчас эти палки начали зеленеть, выпуская новые побеги, и скоро им предстояла обрезка. После холодных суровых месяцев розовые кусты особенно жадно откликались на подкормку из костной и рыбьей муки и человеческое внимание. Маленький гибрид возле стены казался совершенно ненасытным, поэтому сегодня Элино́р решила покрыть почву вокруг него дополнительной дозой удобрений.

Покончив с делом, Элино́р вернулась в дом в сопровождении старого пса. Кости в коленях и голенях причиняли ей особенно сильное беспокойство, от острой боли у нее часто кружилась голова; в последнее время она уже не обходилась без трости. Элино́р Спарроу, женщина, которая никогда ни на кого не опиралась, теперь зависела от палки.

«Костная мука, — подумала она, ковыляя к дому, — вот что я такое».

Впрочем, даже мука из нее выйдет паршивенькая, учитывая, как поработал над ней рак. Она видела рентгеновские снимки; кости у нее превратились в кружево, филигрань, красивую и мертвую, очень похоже на листья, после того как над ними потрудятся жучки, хрущики японские. Элино́р вымыла руки, затем достала сумку и ключи от машины. Аргусу она велела сидеть дома, хотя он заскулил и вышел с ней на крыльцо. Пес не

сводил с нее глаз, пока Элино́р усаживалась в джип с проржавевшими дверцами и днищем. Было бы неплохо установить на него и новую трансмиссию. Дорога еще не просохла, и Элино́р ехала зигзагами, стараясь объезжать особенно глубокие лужи. Последние пять лет она собиралась попросить Мэтта Эйвери выровнять подъездную аллею, но все как-то не получалось. Всплески грязи оседали на крыльях джипа, на колесах. Снег в лесу кое-где задержался, не растаял даже в такой теплый день, и тут же рядом расцветали ландыши. Некоторые верили, будто ангел печали давным-давно превратил снежинки в ландыши, каждый год расцветавшие первыми, как утешение тем, кто пережил унылую зиму. Лично она, Элино́р Спарроу, имела на этот счет большие сомнения, а ландыши вообще считала чуть ли не сорняками.

И все же появление этих диких цветов напомнило ей, что весна действительно пришла. Элино́р опустила стекло и вдохнула ароматный воздух. Да, весна определенно пришла. Еще до вечера пройдет дождь, который так нужен саду, но сейчас сырость вызвана озерным воздухом; горизонт был наполнен чудесным зеленоватым светом, который бывает в это время года, особенно возле берегов озера Песочные Часы. Глянув в зеркало заднего вида, Элино́р убедилась, что пес так и торчит на крыльце, преданный, как всегда. Она не хотела заводить собаку, но однажды появился Аргус — приехал на заднем сиденье в машине Брока Стюарта. Доктор нашел щенка на обочине дороги, а у его сына Дэвида, вдовца, переехавшего в дом Брока с собственным сыном, была аллергия на собак, как и у дочери Элино́р. Но дочь Элино́р уже давно не жила с матерью, а щенок нуждался в хозяине.

— Приюти его на недельку, — предложил доктор Стюарт. — Если поймешь, что он тебе не нравится, я найду для него другой дом.

Никогда не соглашайтесь взять щенка хотя бы на неделю, Элино́р теперь знала, как это бывает. Всего неделя — и ты уже полностью покорен этим существом, несмотря на все его безобразия — кучи на ковре, разорванные книги, зажеванные туфли. Она не думала, что оставит его у себя, пока не случилась напугавшая щенка гроза. Элино́р пришлось усесться прямо на пол кухни в своем большом пустом доме и успокаивать малыша. Она протянула руку, чтобы погладить его, и почувствовала, как бьется маленькое сердечко. Она так и не позвонила Броку Стюарту, чтобы он забрал собаку, а в следующий раз, когда доктор приехал с визитом, Аргус уже спал в комнате Элино́р, нес охранную службу у дверей.

Но сегодня охранную службу несла Элино́р, стоя на вокзальной платформе. Вокзал в их городе был маленький и удобный, построенный из

коричневого гранита в неоготическом стиле. Строительством занималась какая-то бригада приезжих. Они потрудились хорошо, сделали все красиво и установили на скате крыши латунные часы, громко отбивавшие каждый час, так что старшекласники на другом конце города жаловались, что их бой мешает им во время экзаменов. Дневной поезд, выехавший с Южного вокзала Бостона без четверти одиннадцать, опаздывал, что было не удивительно. Когда поезд в конце концов подъехал, началась суматоха. Пассажиры должны были высаживаться в спешном порядке, чтобы поезд покати́л дальше в Гамильтон, не особенно нарушая расписание. Илай Хатауэй, несомненно один из старейших таксистов штата, сигна́лил, предлагая услуги своего древнего синего «универсала», на боку которого было выведено черной краской: «Лучшее и единственное такси в Юнити». Сисси Эллиот, древняя и вредная старуха, едва ковыляла с помощью ходунка — намного хуже трости, не без удовольствия отметила про себя Элино́р, — и войти в вагон ей помогала дочь, Айрис, что вообще приостановило на время высадку пассажиров.

Элино́р узнала Сисси Эллиот, соседку справа, с которой не разговаривала лет двадцать, а вот собственную дочь в тот день она не узнала. Естественно, она ожидала увидеть семнадцатилетнюю упрямыцу, которой хватило глупости убежать из дома за два месяца до окончания школы. Дженни готовы были принять и Брауновский университет, и Колумбийский, однако она отправилась в Кембридж и поступила на работу в кафе-мороженое «Бейлис», где подавала пломбир с карамельным сиропом и малиново-лаймовые коктейли, давая возможность Уиллу учиться в Гарварде. Элино́р искала глазами именно ту девочку, совершавшую одну ошибку за другой, слушающую только голос сердца и ничего не понимающую в любви. Она высматривала на переполненной платформе особу с длинными черными волосами, в джинсах и куртке горохового цвета, но вместо этого увидела женщину за сорок, все еще с темными, но теперь уже короткими волосами, зачесанными назад, одетую в совершенно обычный светлый плащ поверх черного костюма. Но кое-что осталось прежним: Элино́р поймала тот же недоверчивый взгляд блестящих глаз, таких же темных, как у Ребекки Спарроу. Те же высокие скулы, та же холодная сдержанность. Спустя столько лет по платформе шла ее дочь.

Рядом с этой женщиной вышагивала внучка Элино́р Спарроу со спортивной сумкой в руке и рюкзачком, перекинутым через правое плечо, так как левое, поврежденное при родах, ныло в сырые дни, как этот. Девочка была светленькой, что очень удивило Элино́р. Все в роду Спарроу

всегда рождались темноволосыми, мрачными, склонными к трагизму и меланхолии, но Стелла показалась ей жизнерадостной, когда оглядывала платформу. Высокая девочка с тонкими чертами лица, наверняка смысленная, ибо сразу узнала бабушку, хотя прежде они никогда не виделись. Узнала и тут же начала махать рукой.

— Ба! — крикнула Стелла. — Мы здесь!

Возможно, страх помешал Элинон Спарроу сдвинуться с места или взгляд Дженни, когда та повернулась и посмотрела на мать. Элинон прочла в нем то же самое разочарование, которое не скрывала Дженни в тот день, когда было снято проклятие и пчелы вернулись в сад, в тот день, когда она решила, что мать опоздала со своими извинениями и ничего теперь не исправить.

К счастью, Стелла не терзалась подобными чувствами. Она подбежала к бабушке и обняла ее:

— Даже не верится, что я наконец здесь.

— А ты поверь.

Элинон одобрительно оглядела внучку: перед ней стояла приветливая, отзывчивая девочка, не боявшаяся говорить то, что думает. Такая не станет забиваться в угол и дуться там до тех пор, пока что-то изменить уже будет поздно.

Женщина в плаще приблизилась более сдержанно. На ней были дорогие кожаные сапоги, она слегка подкрасила губы, но в чем-то дочь совсем не изменилась, оставаясь прежней раздражительной особой.

— Поезд опоздал, — сказала Элинон Спарроу, глядя на Дженни.

Первые слова, обращенные к дочери почти за двадцать пять лет, прозвучали как жалоба, хотя Элинон вовсе этого не хотела.

— Ты хочешь сказать, что это моя вина? — Дженни держалась, как всегда, холодно, а тут вообще ошетибилась. — По-твоему, я несу ответственность за то, чтобы поезд ходил по расписанию, так?

Тут вмешалась Стелла, поспешив прервать назревавшую перепалку.

— Бабушка лишь сказала, что поезд опоздал. Ничего больше.

Откровенно говоря, Стелла рассуждала более здраво, чем мать или бабушка. Элинон и Дженни молча уставились друг на друга. Непонятно, кого из них увиденное потрясло сильнее. Умело подстриженные темные волосы, тонкие морщинки вокруг глаз и рта. Седой пучок на голове, трость, согбенная спина. Двадцать пять лет как-никак. Четверть века. Время взяло свое.

— Стелла права, — в конце концов согласилась Дженни. — Ты оказываешь мне услугу, и я не собираюсь с тобой конфликтовать. — Она

направилась к стоянке машин. От одного сознания, что она вернулась в Юнити, ей стало холодно, пришлось застегнуть плащ на все пуговицы. Дженни даже пожалела, что не надела шарф. — Надо полагать, тот джип-развалюха твой? — прокричала она через плечо.

— Она всегда была с тобой такой несносной? — спросила Стелла, пока они с Элинор пересекали стоянку.

Стелле хотелось, чтобы бабушка замедлила шаг. Ей хотелось побыть с ней подольше. У нее вдруг снова загудело в голове, и она слегка задохнулась, вдыхая сырой воздух. В первую же секунду, когда она увидела на платформе бабушку, она поняла, как все закончится: светлым тихим днем выпадет снег. Она поняла, что времени у них осталось только до зимы, а этого ей было мало.

— Поначалу нет, но потом я ее разочаровала.

Элинор сердилась на себя за то, что еле ковыляет. Ей понадобилась целая вечность, чтобы пересечь парковку. Дженни уже забиралась на переднее сиденье, а они не прошли даже полпути.

— Это не повод, чтобы так себя вести. — Стелле нравилась бабушка, нравилось, что у них была своя тайна — телефонные звонки, о которых Дженни не подозревала. Девочка частенько обращалась к бабушке за поддержкой и советом. — Каждый испытывает разочарование.

Когда Элинор уселась в джип, то оказалось, что Дженни успела опустить все стекла.

— Здесь пахнет старой псиной. А у меня аллергия, если ты, конечно, помнишь, — сказала она матери.

Стелла была снаружи — укладывала сумки в багажник.

— Как прошел ее день рождения? — поинтересовалась Элинор у дочери.

— Нормально, — сухо ответила Дженни, — как у обычной девочки тринадцати лет, без всякой наследственной чепухи, способной разрушить ее будущее.

— Я имела в виду не дар, а свой подарок, модель Кейк-хауса.

— Вот, кстати. Подарок ты, конечно, выслала, но этот домик принадлежал мне. Ты не имела права его дарить.

— Значит, она не получила ничего другого, какой-нибудь семейной черты. Все-таки это лучше, чем видеть чужие сны. Тебе этот дар не сослужил хорошую службу.

Элинор сразу поняла, что ее замечание больно кольнуло. Дженни взглянула на нее темными глазами, которые Элинор так хорошо помнила — казалось, они всегда упрекали ее то за одно, то за другое. Что ж, раз на

то пошло, пусть Дженни сердится. Пусть узнает правду.

— Как, например, дар распознавать лжецов, а потом судить их до конца их жизни за одну или две ошибки? Ты считаешь, мама, что такой талант предпочтительнее?

Стелла открыла заднюю дверцу и забралась в машину.

— Ругаетесь?

Элино́р и Дженни сразу умолкли. Одна из них превратилась в львицу, вторая — в ягненка, но кто стал кем — определить было невозможно.

— У меня отличная идея, — объявила Стелла. — Давайте съездим куда-нибудь перекусить.

— Мы не можем, — отрезала Дженни. — Я хочу тебя устроить и вернуться сюда, чтобы успеть на трехчасовой поезд в Бостон.

— Я сама устроюсь. Сейчас мне нужно поесть. Что скажешь, ба?

Двое против одного, Дженни прекрасно это поняла. Как хорошо они спелись. Ничего не оставалось, как заехать в чайную Халлов, где они заказали китайский чай, сэндвичи с яичным салатом и лепешки со сливками и джемом. Обслуживала их официантка-старшекласница, которую звали Синтия Эллиот. Она работала здесь по выходным и после школы. Синтия была соседкой Элино́р и приходилась правнучкой Сисси Эллиот, той властной старой даме, которая считала удобным задержать набитый пассажирами поезд, пока она будет в него усаживаться. Элино́р, однако, не узнала юную официантку.

— Здравствуйте, миссис Спарроу, я Синтия. — У нее был черный лак на ногтях, а волосы заплетены в десятки тонких рыжих косичек. — Я живу по соседству с вами.

— Очень за тебя рада, — равнодушно произнесла Элино́р, протирая не совсем чистую ложку.

— Привет, — обратилась Синтия к Стелле, чувствуя в ней родственную душу.

— Привет, — неуверенно поздоровалась Стелла.

— Не дружи с этой девочкой, — сказала Дженни, когда официантка ушла выполнять заказ. Синтия была на несколько лет старше ее дочки и, разумеется, гораздо опытнее. — Слышишь?

— Слышать-то я тебя слышу, но это не означает, что послушаюсь.

Стелла повернулась поглазеть в окно, выходящее на Мейн-стрит. Липовые деревья уже зеленели, пели птицы. Все вокруг, казалось, окутано дымкой и готово расцвести. Лужайку перед чайной заполнили ландыши, целое поле цветов, которые когда-то были печалью.

— Мне нравится этот городок, — объявила Стелла. — Здесь все

идеально.

Ее мать так потрясло это заявление, что она заерзала на стуле, случайно покачнув стол, кое-как установленный на неровном полу. Вода в бокале Дженни пролилась, а нож со звоном упал. Элинон невольно вспомнила любимую присказку своей прабабушки Корал: «Уронишь нож — придет женщина. Уронишь его дважды, и она задержится надолго».

— Не очень-то привыкай, — посоветовала Дженни дочери. — Ты здесь только до тех пор, пока не утрясутся неприятности с отцом.

— Ты полагаешь, это произойдет скоро? — поинтересовалась Элинон.

— Самое большее, ты останешься здесь до конца семестра, — продолжала Дженни, пропустив вопрос матери мимо ушей, что проделывала раньше сотни раз. — Не забудь оповестить об этом своих учителей. Ты приехала не навсегда. Ты просто временная ученица.

За едой они почти не разговаривали, а после задержались еще ненадолго: им подали десерт, хотя они его не заказывали.

— Вы только посмотрите! — воскликнула Стелла, не сводя глаз с целого блюда крошечных пирожных, которое несла к их столу владелица чайной, Лиза Халл. — Какие аппетитные.

— Дженни Спарроу, — сказала Лиза Халл, угощая их от заведения. — Глазам своим не верю! Вот уж кого не ожидала еще раз увидеть в этом городе. Наверное, все птицы действительно когда-нибудь возвращаются домой.

Лиза и Дженни учились в одном классе, но никогда особенно не дружили, так что теперь не было смысла прикидываться закадычными подругами.

— Я здесь всего на один день. Моя дочь, Стелла, останется подольше.

— Мне нравится это место, — объявила девочка во второй раз, но уже гораздо увереннее. — Мне нравится этот городок. Мне нравится эта чайная. Мне нравятся эти пирожные. Вы сами их испекли? — спросила она у Лизы, откусывая кусочек птифура.

— Я испеку их для тебя в любое время, когда тебе захочется. — В школе Лиза была простушкой, которую никто не замечал, но теперь оказалось, что у нее прелестная улыбка; она нашла себя в этой жизни, и потому от былой неуверенности не осталось и следа. — Я вижу, твоя дочь унаследовала от Уилла цвет волос и глаз. Счастливица. — Улыбка заиграла на ее губах. — Он частенько заглядывал сюда, когда его мама болела. Всегда заказывал яблочный пирог.

— Вот как? — Разумеется, Дженни он об этих визитах даже словом не обмолвился.

— Ну да. Уилл Эйвери так и остался городским мальчишкой, пусть даже он закончил Гарвард и женился на тебе. — Лиза повернулась к Стелле: — Рада, что ты поживешь у нас какое-то время. Хочешь взглянуть на кухню?

— Похоже, Уилл бегал сюда потихоньку, даже когда его мать умирала, — сказала Элинора, как только Стелла ушла осматривать пекарню. — Я ведь тебе говорила, что от него не жди ничего, кроме беды. Он был лжецом с самого первого дня.

— Послушай, ма, я больше не обязана прислушиваться к твоему мнению. Я ценю тот факт, что ты берешь к себе Стеллу, но, поверь, я бы ни о чем не попросила, если бы был другой выход.

— Это я знаю, — ответила Элинора. — Ты бы предпочла сдать ее в зоопарк ко львам.

— Откуда мне знать, что ты будешь о ней хорошо заботиться? Обо мне ты ведь никогда не заботилась. Твоя правда, я вовсе не в восторге от того, что она останется здесь, как не была в восторге, узнав о вашем с ней телефонном общении. Я хочу, чтобы Стелла получила больше, чем я.

— Понятно. — Элинора отставила чашку. Ей стало вдруг жарко. Она буквально пылала, что довольно часто случается с людьми в это время года. — А ты сама идеальная мать?

— Я этого не утверждала.

— Хорошо. Потому что Стелла тоже этого не утверждает.

Всегда одно и то же: они слишком быстро в своих спорах доходили до критической точки, бросая друг другу колкости, от которых потом было трудно отделаться, как от заноз, как от колючек или травинок.

— По крайней мере, я старалась.

— И разумеется, ты единственная, кто так поступал.

Тем временем Стелла получила в подарок от щедрой Лизы Халл целый пакет плюшек и, повернувшись к их столику, помахала обеим. Вид у нее был счастливый, даже Дженни увидела это. Ясно, что Юнити одурманил девочку; она попала под обаяние птичьих песен, светло-зеленой весны, начинающей распускаться прямо за окном форзиции, когда кажется, что все ветки кустарника обсыпаны искорками.

Здание чайной, как рассказали Стелле во время экскурсии, было единственным, если не считать Кейк-хаус, выстоявшим в пожаре 1785 года, когда весь город сгорел дотла. В то время в пекарне работала Лиони Спарроу — счастливое обстоятельство, ибо именно Лиони принялась таскать в кожаных ведрах воду из озера Песочные Часы, чтобы поливать крышу домика, таким образом не позволив соломе и черепице заняться

огнем. Лиони воспользовалась помощью нескольких посетителей, создав бригаду, а сама бросилась домой, в Кейк-хаус, где продолжала бороться с пламенем, хотя любой другой на ее месте давно бы задохнулся от дыма. Своим поступком, заявила Лиза, Лиони положила начало добровольной пожарной команде Юнити.

— Пожарную машину назвали «Лиони», — добавила Лиза. — Сейчас они получают вторую машину и планируют назвать ее «Лиони-два».

— Заедешь домой? — спросила у дочери Элино, расплачиваясь по счету.

— Думаю, у меня не хватит времени.

Было почти два часа. Настала пора уходить, выбраться из этого города, прежде чем он и ее завлечет своим зеленым светом и форзицией.

— Пожалуй, я лучше вернусь на вокзал. И еще одно, мама, — добавила Дженни таким тоном, словно собралась проглотить яду. — Как ты думаешь, нельзя ли нам перестать сражаться на то время, пока Стелла у тебя живет? Ради нее.

— Конечно можно.

Ведь могут же другие люди ходить по стеклу, обходиться без сна, распознавать лгунов, находить потерянное, видеть чужие сны.

— В таком случае, надеюсь, тебе удастся оградить ее от всего, что связано с Ребеккой Спарроу. Я не хочу, чтобы она выслушивала смехотворные байки.

Дженни поспешно поднялась из-за стола, желая уйти. Если она опоздает на поезд, то окажется в ловушке. Если она на него опоздает, то придется пройти по Локхарт-авеню до Кейк-хауса, повернув у огромного дуба, который, по заверениям некоторых, был самым старым деревом в штате. Дженни схватила сумочку и плащ. Вот тут-то на пол свалился второй нож. Услышав, как он ударился о деревянный пол, Элино почувствовала, как у нее подпрыгнуло сердце.

«Уронишь его дважды, и она задержится надолго».

Пусть Дженни старается сделать все возможное, лишь бы не ступить на тропу, где Ребекка Спарроу вынимала из своего бока наконечники стрел. Пусть себе целует дочку на прощание и торопится на вокзал, не обращая внимания на лягушачьи трели и заросли ландыша. Пусть себе бежит по Мейн-стрит, если уж это так нужно, чтобы успеть на трехчасовой поезд в Бостон. Пусть пытается держаться подальше, но уже сейчас совершенно ясно, что никуда ей не убежать. И нечего тут сомневаться. Птицы всегда возвращаются в свои гнезда. В самом скором времени Дженни Спарроу тоже вернется.

День выдался теплый, слишком теплый для шерстяного свитера, который выбрала Стелла для своего первого дня в средней школе Юнити. Она впервые пожалела, что перескочила через класс. Если бы она записалась в восьмой класс начальной школы Хатауэй, то, возможно, страх сейчас не подкатывал бы к самому горлу, не давая возможности дышать, пока она шла по аллее. Когда-то этим маршрутом ходила в школу ее мать. Стелла, правда, не знала, пронеслись ли тогда мимо голубые сойки, пахло ли тогда лавром, посаженным первыми колонистами для защиты от молнии. С тех пор он рос везде как дикий кустарник.

В этот день по небу плыли огромные кучевые облака, и Стелла ощущала в воздухе душную сырость, от которой успели закурчавиться волосы. Все в Кейк-хаусе слегка отсырело — и одеяла, и напольные покрытия. Всю ночь напролет Стелла слушала лягушек и шелест камыша. Она вспомнила, как учительница естествознания в школе Рэббит рассказывала на уроке, что облако представляет собой дрейфующее по воздуху озеро. Подумать только: такая прорва воды плывет над крышами, деревьями, над головами — целое озеро. Стелла лежала в кровати на сырых простынях и изо всех сил пыталась уснуть на новом месте. Ее поселили не в спальне матери, а в небольшой комнатке на втором этаже, простоявшей закрытой много лет, пыльной и душной, зато с красивым видом на озеро. Но лягушки так орала, что задремать было невозможно. Вскоре после полуночи Стелла спустилась вниз, к телефону в гостиной, и набрала номер Джулиет Эронсон.

— Даже не верится, что я здесь, — прошептала Стелла подруге.

Она свернулась калачиком в старом широком кресле на двоих, обивка которого настолько отсырела, что ткань в рубчик стала зеленоватой.

— А мне не верится, что ты уехала, не сказав мне ни слова, — возмутилась Джулиет — Я как сумасшедшая пробежала все утро, искала тебя. Как ты могла так поступить?

— Вообще-то это была не моя идея. Моей матери. Интересно, от чего она решила меня защитить?

— От жизни, — буркнула Джулиет.

Именно по этой причине Дженни велела Элинор Спарроу избавиться от всех газет. Бедняжка Стелла даже не подозревала, как развиваются события, связанные с убийством. Поэтому Джулиет вслух зачитала ей теперь статьи из «Бостон геральд» и «Бостон глоуб». В обеих газетах Уилл

Эйвери фигурировал как подозреваемый. Стелла почему-то встревожилась, словно предчувствуя, что теперь может случиться все, что угодно. Она потеряет отца и больше его не увидит. Такое случается даже с теми, у кого самая стабильная жизнь. Мать Стеллы, например, была на три года ее моложе, когда лишилась отца, разве нет? Возможно даже, она сидела в этой комнате, когда пришло известие о его смерти. Возможно, она глядела в это самое окошко, слушая кваканье лягушек, не в силах заснуть. С этого места в кресле Стелле были видны ветки форзиции, сиявшей в темноте. А дальше — темнота, одни только тени.

— В школе обо мне говорят?

— Не забивай себе голову подобной ерундой. Хотя, можешь мне поверить, со словом «тюрьма» рифмуется много словечек. В нашей школе учатся одни идиотки, Стелла. Сама знаешь.

— Точно.

Стелла испытала облегчение, что не придется иметь дело с одноклассниками. Возможно, в Юнити люди окажутся добрее. Да что там, они могут даже не знать о той ситуации, в какую попал ее отец; для них она будет обычной девочкой, ничем не примечательной особой, если не считать длинных светлых волос, живущей в конце тупика, в доме у своей бабушки. Заурядной девятиклассницей, не очень успевающей по математике, но обожающей естественные науки; верной подругой, умеющей слушать.

— Если бы я так не волновалась об отце, я бы даже радовалась возможности пожить здесь. Подальше от матери. Подальше от всех Хиллари Эндикотт в мире. На воле.

— И что ты там делаешь на этой самой воле? — поинтересовалась Джулиет, которая была девчонкой городской до мозга костей. — Бродишь по лесам?

— Здесь город, Джулиет. Не какое-то там захолустье. Здесь есть магазины.

— И обувной?

— Пока не видела, — призналась Стелла.

— По-моему, любое поселение, где нет обувного магазина, нельзя считать городом. Это деревня. Шутка.

Сейчас, направляясь в школу, Стелла брела по грязной дороге, подъездной аллее, такой узкой, что ветви боярышника и липы встречались наверху, образуя темный туннель. Стелла призналась самой себе, что Джулиет в очередной раз оказалась права. Это действительно деревня —

ни тебе автомобильных гудков, ни транспорта, ни пешеходов. Девочке, выросшей на пересечении Бикон-стрит с шумным федеральным шоссе, все здесь казалось пустынным и заброшенным. Стелла позвенела бубенчиком на браслете, попыталась насвистывать песенку, но все это не помогло. Начинать в новой школе всегда нелегко, и, когда она добралась до конца аллеи, ее по-настоящему била дрожь. Сворачивая на мощеную Локхарт-авеню, она заметила деревянный столб, к которому кто-то прибил дощечку с выведенной от руки надписью черной краской: «Аллея Дохлой Лошади». Чудесно. Деревня, где полно погибших животных.

— Предположительно, на дне озера находится мертвая лошадь, — произнес мальчишеский голос, напугав ее.

Стелла обернулась и увидела рядом с собой высокого парня. Он был старше ее, примерно на год, с ясными голубыми глазами. Он улыбался, словно они успели познакомиться.

— Это не строго научное утверждение. Озеро бездонное, относится к озерам ледникового происхождения, питается подземным источником. Предположительно, во времена наших прапрапрадедов какой-то идиот на спор решил проехать верхом по тропе, по которой запрещается ходить, той самой, где ничего не растет. Лошадь испугалась, сбросила наездника, и он сломал шею. Говорят, лошадь ни на секунду не остановилась. Так и продолжала нестись по озеру, пока не достигла середины, где и утонула. Но все это полная чушь, так что не пугайся.

— Меня не так-то легко напугать.

Стелла и мальчик теперь шагали по Локхарт-авеню рядом.

Мимо пролетела на полной скорости машина, так близко к обочине, что Стелле и ее спутнику пришлось отпрыгнуть в заросли крапивы.

— Увидимся, Хэп! — проорал с пассажирского сиденья какой-то подросток.

— Не сомневайся, придурок! — прокричал в ответ спутник Стеллы. — Джимми Эллиот с друзьями, — пояснил он, как только машина скрылась из виду. — Джимми — полнейший идиот. Я подтягиваю его по английскому и естественным наукам, так что мне ли не знать. Вообще здесь у нас полно болванов.

— В моей прежней школе их тоже хватало, — сказала Стелла. — Только все они были девочки.

— Ты училась в девчоночьей школе? Это еще хуже, чем учиться в Юнити.

Только тут они представились. Он оказался Хэпом Стюартом, внуком доктора Стюарта, который жил по ту сторону леса, рядом с владениями

Эллиотов.

— А я живу у бабушки, — сказала Стелла. — В Кейк-хаусе.

— Ну, это я знаю. — Хэп широко улыбнулся. — Я все про тебя знаю. Хотя, может быть, не все, — поспешил он исправиться, заметив недовольство Стеллы.

Тем не менее он признался, что они встретились не случайно. Он поджидал ее на углу.

— Дедушка сказал, что тебе нужно помочь освоиться.

— Вовсе мне это не нужно. — В чем Стелла не нуждалась — так это в жалости.

— На самом деле я пришел потому, что хотел с тобой познакомиться. Ты наша ближайшая соседка. Стоит только пересечь лес, обойти ядовитый плющ, не набраться клещей и прошагать пять миль, как окажешься у моей двери.

Стелла рассмеялась:

— Мне повезло.

— Я подумал, что ты, возможно, захочешь выслушать дружеский совет о том, как здесь обстоят дела. Например, пусть люди тебя узнают, прежде чем выяснят, кто ты такая.

Мимо проехал школьный автобус, и, стоя в облаках выхлопного дыма, Стелла вновь ощутила шум в голове. О чем этот мальчишка тут толкует? Советует не раскрывать своего происхождения? Тоже мне, благодетель, заранее предупреждает, что ее здесь не примут.

— Ты так говоришь из-за моего отца, — догадалась Стелла.

Несколько стаяк детей шли по Локхарт-авеню в ту же сторону, все они свернули на Мейн-стрит на перекрестке, где стоял более трех сотен лет старый дуб.

— А он тут при чем? — удивился Хэп.

— Так ведь он сидит в тюрьме.

— Да? Надо же. Впервые слышу, чтобы кто-то из Юнити угодил в тюрьму.

Теперь Стелла почувствовала себя еще глупее. Оказывается, об этом несчастье в ее жизни Хэп даже не подозревал. И чего ради она оделась так тепло — вот теперь вся взмокла от волнения. Того и гляди, придется подышать в бумажный пакет, совсем как отец, когда разнервничается. Стелла стянула шерстяной свитер и запихнула его в рюкзак.

— Он ни в чем не виноват. Скоро его отпустят под залог.

Какое-то время они шли молча. По правде говоря, Стелла была благодарна парню за то, что не придется заходить в новую школу одной.

Они обогнули старый дуб, вокруг которого вздыбился кирпичный тротуар; проросшие корни растянулись почти на весь квартал — ни асфальт, ни кирпич, ни трава им были не помеха.

— В чем его обвинили? — поинтересовался Хэп.

— В убийстве.

Оба перепрыгнули через кривой корень. На этом самом месте старики обычно спотыкались и каждый раз, проходя мимо дерева, проклинали его. Зато ученики младших классов совершали к дубу экскурсии, водили вокруг него хороводы и танцевали в первый день весны.

— Его задержали только для того, чтобы допросить, — добавила Стелла.

— Понятно.

Услышанное явно произвело на Хэпа впечатление.

— Но он этого не делал, — довела до его сведения Стелла.

— Разумеется.

Девчонки из школы Рэббит все обзавидовались бы, если бы увидели Стеллу сейчас, как она идет по дороге с высоким красивым парнем и разговаривает одохлых лошадях и убийстве, как об обычных делах. Стелле не терпелось рассказать обо всем Джулиет Эронсон. Что самое привлекательное в Хэпе Стюарте? Определенно, его рост.

— Я просто хочу, чтобы ты знала: в школе найдется много таких, кто верит самому плохому. Особенно если дело касается Кейк-хауса. Какие-то идиоты предложили сотню баксов любому, кто пройдет по тропе, где ничего не растет, и останется жив, чтобы потом рассказать об этом. Джимми Эллиот осилил тропу лишь до середины. Он клянется, что видел мертвую лошадь. Скорее всего, это был болотный газ. А может быть, сам Джимми напустил газы. Он на это мастак.

Оба посмеялись, и у Стеллы немного отлегло от сердца.

— А почему на той тропе, о которой ты говоришь, ничего не растет?

— Именно там пролилась кровь Ребекки Спарроу. Теперь там нет даже сорняков. Вот таким свойством обладала ее кровь.

Выходит, Стелле нужно было скрывать вовсе не отцовскую историю. Теперь она поняла: все дело в Ребекке Спарроу.

— Это из-за нее я не должна никому говорить, кто я такая.

Хэп кивнул:

— Да, из-за колдуньи с севера.

— Абсолютная чушь, — отрезала Стелла.

Хэп взглянул на нее и улыбнулся.

— Абсолютная и полная ерунда, — согласился он.

Они дошли до школы; как только миновали вершину холма на Мейн-стрит, школа возникла перед ними на спортивном поле, как мираж. Рядом фырчали школьные автобусы, не заглушившие моторов; толпы учеников заходили в здание.

— Она гораздо больше, чем моя старая школа, — призналась Стелла, а сама подумала: «Вот черт, дело дрянь. Пожалуй, если потихоньку удрать с обеденного перерыва и пробежать через лес, можно успеть на трехчасовой поезд в Бостон».

— Не волнуйся, все будет в порядке.

— Даешь слово?

Она попыталась рассмеяться, но у нее ничего не вышло.

— Помни одно: это ерунда, — напутствовал ее Хэп.

Он умел говорить очень убедительно. И действительно, до обеда с ней было все в порядке. А затем, пока Стелла стояла в очереди в кафетерии, зал которого показался ей больше, чем вся школа Рэббит, какие-то мальчишки за ее спиной начали издавать отвратительные звуки — посвистывать и попичьи чирикать. Подражание воробью, решила Стелла. Просто детский сад.

— Эй, мисс Пташка, покажи, как ты летаешь! — прокричал кто-то из очереди.

Раздались смешки, несколько человек уставились на Стеллу, ожидая, какая последует реакция. Она от души пожелала дразнившим ее мальчишками нырнуть головой в озеро Песочные Часы.

Тут к ней подошел какой-то умник.

— В последнее время не видела дохлых лошадок? — поинтересовался он.

— Разве что в буррито, — спокойно ответила Стелла. Сама она прошла мимо этого блюда, предпочтя салат, и теперь улыбнулась, глядя на полную тарелку мяса на подносе умника. — Поосторожнее, а не то подавишься, — предостерегла она.

К первому мальчишке присоединился второй — довольно симпатичный, на несколько лет старше, с темными волосами и сутулый. Джимми Эллиот.

— Угрожаешь?

— Кто, я?

Просто смех. Все утро Стелла терялась в бесконечных коридорах, пыталась найти конспекты пропущенных занятий, одалживала то листок бумаги, то карандаш у одноклассников, которые были не очень-то ей рады. Хорошо хоть она оказалась в паре с Хэпом Стюартом на уроке

естествознания, и они получили одно задание на двоих, чему Стелла обрадовалась, так как прежде ей не доводилось заниматься исследованиями вне школы. И вот теперь она сердито поглядывала на темноволосого парня и вдруг узнала в нем того самого, кто высовывался из окна машины, чуть не раздавившей ее с Хэпом на дороге. К счастью, она не разглядела ничего в его будущем — ни смерти, ни трагедии, — видела только его темные глаза.

— Постой, сейчас угадаю. Это ты тот болван, которого нужно натаскивать по английскому и естественным наукам? Это ты любишь оскорблять людей и сгонять их с дороги? В таком случае ты, должно быть, Джимми Эллиот.

Вместо того чтобы уйти или ответить на оскорбление той же монетой, Джимми Эллиот заулыбался. Ее ответ, видимо, его удивил и даже не был ему неприятен.

— Молодец, — одобрительно кивнул он. — Думаю, ты действительно похожа на ту Ребекку.

Стелла понятия не имела, считать это комплиментом или оскорблением.

— Я просто хорошо разбираюсь в людях, — сообщила она Джимми чуть более взволнованно, чем ей хотелось бы.

— Вряд ли, — ответил он, ставя себе на поднос тарелку с буррито, — иначе ты не стала бы со мной разговаривать.

Вместо того чтобы усесться за уроки после школы, Стелла вознамерилась найти в Кейк-хаусе ответы на некоторые вопросы. Бабушка была занята мульчированием почвы, что давало Стелле свободу обыскать дом. Она погрохотала в кладовой, исследовала содержимое комодов, порылась в передней в битком набитом шкафу, куда складывались старые плащи и сапоги. Прошло несколько часов, а Стелла так и не нашла ничего стоящего. Вернее, не нашла до тех пор, пока не добралась до гостиной. В этой комнате было столько пыли, что она кружила маленькими торнадо в лучах света, просочившихся сквозь зеленоватые окна. Стелла прошла в угол, где висели книжные полки. Любая библиотека была бы рада выставить на всеобщее обозрение подобные издания, но никто эти книги не открывал сто лет, кожаные переплеты потрескались, золотые буквы стерлись, от хрупких страниц несло плесенью.

Стелла провела пальцами по корешкам, затем сняла с полки старую морскую раковину и поднесла к уху. Ни звука. Никакого морского шума. Только паутина с несколькими дохлыми мухами внутри. Она вернула

раковину на место и подошла к шкафу, завешенному тканью, что стоял справа. Вышитая шаль, закрывавшая шкаф, была украшена плакучими ивами и гнездящимися птицами. Все картинки были вышиты черными и коричневыми нитками, а вокруг шел бордюр из красных крестиков (красный цвет символизировал защиту, верность и удачу). Убрав покрывало, Стелла так и замерла на том самом месте, где когда-то стоял ее отец, бесшабашный мальчишка, потрясенный увиденным. Осторожно она расчистила ладошкой кружок на стекле. На желтом куске пергамента стояла дата: 1692. Красивым круглым почерком было выведено: «Сохранено в память о Ребекке Спарроу».

Стелла расчистила участок побольше, потом сняла обвязанный вокруг пояса шерстяной свитер и вытерла все стекло, нимало не беспокоясь о том, что свитер почернеет от грязи. Она увидела наконечники стрел, уложенные в ряд, совсем как в маленьком домике, присланном ей в подарок. Единственная разница была в том, что здесь не хватало десятого наконечника. Но когда-то он тут точно лежал — на атласе до сих пор сохранилась вмятина.

В дальнем углу шкафа Стелла увидела серебряный кружок — старинный компас. В противоположном углу был выставлен тусклый колокольчик, очень похожий на тот, что висел у Стеллы на браслете. Глаза у нее защищало — возможно, от пыли, но скорее всего от вида косы Ребекки Спарроу — черных заплетенных волос с обтрепанной ленточкой. Теперь она поняла, почему эти реликвии хранились за стеклом. Она поняла, почему ее мать убежала из Юнити без оглядки. Дженни не хотела знать того, что случилось; она бы пошла на что угодно, лишь бы держаться подальше от семейной истории. Но Стелла ничего не унаследовала от матери. Дженни годами следила за Элинором из окошка своей спальни, а сама ничего не предпринимала. Стелла, наоборот, сразу прошла в сад, где ее бабушка орудовала граблями, собирая мульчу в высокую кучу.

— Расскажи мне о Ребекке Спарроу, — попросила Стелла.

Элинора даже не взглянула на нее.

— Об этом не может быть и речи. Я не могу этого сделать.

— Не можешь или не хочешь?

Элинора устала от работы граблями и от того, что в доме поселился новый человек. Вместе со Стеллой к ней вернулись все домашние дела, о которых она давным-давно позабыла: пришлось ходить в магазин за продуктами, следить за чистотой простыней и полотенец, разговаривать через силу, когда ей хотелось только тишины и покоя, — все приятные заботы, на которые она не обращала внимания, когда Дженни была

маленькой. Разумеется, Дженни не верила в способности Элинор уследить за ребенком, а потому прислала ей по почте список инструкций относительно Стеллы: никакого сахара, никакого телевизора по будням, никаких газет, пока не уладится дело с Уиллом, никаких засиживаний допоздна, никакой жареной пищи и абсолютно, решительно никакой Ребекки Спарроу.

— Я не могу тебе рассказать, потому что твоя мать просила меня этого не делать.

Элинор воспользовалась паузой, чтобы присесть на скамью, присланную в начале месяца от Брока Стюарта. Раньше она даже не подозревала, что на земле найдется хотя бы один человек, знающий, когда у нее день рождения. А тут вдруг как раз в этот день доставили скамью. Она отплатила неблагодарностью: заявила Броку, что скамья — ненужная роскошь. Да что там, стоило ей войти в садовые ворота, и она принималась за работу без передышки. Но с недавнего времени обратила внимание, что скамья вообще-то хорошая, березовая, с красивой резной спинкой. С этого же недавнего времени оказалось, что она нуждается в отдыхе.

— Ну вот еще, — презрительно фыркнула Стелла. — Ей самой было на четыре года больше, чем мне сейчас, когда она убежала, чтобы выйти замуж, а она до сих пор обращается со мной как с ребенком. Я хочу знать семейную историю. Наверное, она боялась правды, зато я не боюсь.

— Разве вас не учат истории в школе? Разве тебе этого мало?

— Колониальный период. Сегодня мы рисовали временную шкалу, строили график путешествия «Мейфлауэр». Я имела в виду совсем другое. Я хочу узнать о Ребекке. — Стелла уселась напротив бабушки, пристроившись на валуне — Расскажи чуть-чуть. Хотя бы открой, какой у нее был дар.

Элинор взглянула в милое личико внучки. Она не могла врать этой девочке, несмотря на все инструкции Дженни.

— Наихудший, какой только бывает. Она не чувствовала боли. И не смей признаться матери, что я тебе об этом рассказала.

— А разве не чувствовать боли — это плохо?

Сумерки сгущались волнами — сначала серыми, потом зеленоватыми, потом чернильно-синими. В тот день на уроке естествознания учитель рассказывал, что небо начинается с поверхности земли, но никто об этом не думает. Для большинства людей это просто обычный воздух. Они даже не замечают, что движутся сквозь небо, как не замечают над своими головами озера из пара. Здесь, в саду, воздух был по-особому влажен и ароматен. Розовые лепестки, залитые водой, плесневеют, листья на стеблях

от прямого полива покрываются ложномучнистой росой, поэтому Элино́р давным-давно соорудила сложную оросительную систему, при которой озерная вода медленно просачивалась в почву сада. Элино́р верила, что ее сад таким прекрасным делала именно озерная вода: лягушачий помет, личинки насекомых, муть с глубины, такой холодной, что розы вздрагивали в самые жаркие августовские дни, источая облака аромата.

— За каждый дар приходится расплачиваться. Разве ты до сих пор в этом не убедилась?

Стелла кивнула:

— Да, мой дар — тяжкая обуза.

— Как это?

Стелла не захотела отвечать, но Элино́р настаивала. Ей было любопытно. В общем, состоялась сделка: если она должна открыть какие-то тайны, то хотела получить что-то взамен.

— Выкладывай. Что бы там ни было. Я выдержу.

— Во-первых, я знаю, что ты нездорова. — Стелла принялась заплетать косу, что с недавних пор вошло у нее в привычку, стоило только разволноваться. — Это какой-то орган...

— Рак поджелудочной.

Никто в Юнити не подозревал о болезни Элино́р, не говоря уже о точном диагнозе, если не считать Брока Стюарта. Элино́р Спарроу внимательно взгляделась в лицо внучки, пытаясь понять, как Стелла догадалась о ее тайне. Но она увидела только, что в девочке нет ни капли лжи.

— Ты можешь назвать мне срок, — заявила она.

— Люди не должны знать, когда умрут, — скорбно произнесла Стелла. — Иначе никто не стал бы ничего делать. Все бы сидели и ждали, когда наступит ужасный день. С ума сойти можно, если знать: каждый день ожидания превратился бы в пытку. Никто бы не читал книг, не строил домов, не влюблялся. От такого знания жди беды. Так и случилось, когда я сказала отцу и он попытался кое-кому помочь.

— Со мной будет по-другому. Я бы хотела узнать. — После того как ей провели курс лечения и сообщили, что больше ничего сделать нельзя, она ждала. Для нее было бы облегчением узнать свой срок, хоть что-то окончательное и бесповоротное. — Я стара. Я не собираюсь строить домов. Я не собираюсь влюбляться. Я могу узнать, когда придет мое время, Стелла, и не расстроиться. Мне нечего терять. Скажи.

— Это будет не скоро, — произнесла Стелла. — Все случится, когда выпадет снег.

Что почувствовала Элино́р, услышав предсказание? Страх перед снегопадом? Большинство людей с таким диагнозом, как у нее, протягивали всего лишь несколько месяцев. Возможно, раньше она считала, что ей повезло, раз она до сих пор жива; неужели она так больше не считает? И теперь с приближением зимы, не попытается ли она убежать, найти такое место на земле, где снега не бывает, какую-нибудь южную страну, где будет жить вечно? Или она подойдет к окошку, когда упадут первые снежинки, и будет благодарна за последний взгляд в холодное белое небо?

— Прости. Я не хотела этого знать и, наверное, ничего не должна была тебе говорить. Гораздо лучше, когда не знаешь.

Элино́р поняла, что дар, который тебе дается свыше, бывает очень трудно принять. А теперь так получилось, что, прожив всю жизнь в поисках правды, Элино́р солгала самой себе, ведь на самом деле ей было что терять и она успела влюбиться в это дитя.

— Пожалуй, я научу тебя одному трюку от Ребекки Спарроу. Совершенно безвредному. Если только ты не расскажешь своей матери.

Стелла последовала за бабушкой. Они вышли из сада и направились к озеру. В прохладном воздухе мелькали блики, словно поблескивала рыба чешуя, — это был особый, мартовский свет. Небо слилось с землей, отчего лужайка казалась безбрежной и глубокой, не лужайка, а озеро молодой травы. Довольно скоро они добрались до тропы, которую описывал Хэп Стюарт, той самой, где ничего не росло. В лесу по обеим сторонам было полно дикой вишни, крыжовника, аронии, черники, а еще Стелла увидела несколько диких персиковых деревьев, которые, по преданию, вынесло на берег море после кораблекрушения. На них росли самые сладкие во всей округе плоды. Однако на самой тропинке, по которой они шли, ничего не росло, в точности как рассказывал Хэп. Ни молочая, ни скунсовой капусты, ни крапивы, ни простой травы.

— Это здесь понесла лошадь?

— Ту лошадь укусила муха, а в седле сидел идиот, — сообщила Элино́р. — И произошло это уже после смерти Ребекки, так что винить ее нельзя.

Они подошли к илистому берегу, где откладывали яйца кусающиеся черепахи. Ветви плакучих ив окунались в прибрежную воду; над озером носились тучи комаров.

— Стань здесь. Этому меня научила моя бабушка, Элизабет. — Элино́р указала место на грязном берегу. — Вытяни руки. Теперь закрой глаза и не шевелись. Даже не моргай.

Стелла услышала их, прежде чем увидела: трепет перышек, чириканье у самого уха, свист ветра, словно небо окутало ее со всех сторон.

— Стой смирно, — наставляла Элинора.

Стелла почувствовала, как сначала на нее села одна птичка, потом вторая. Одна опустилась на ее левое плечо, одна — на правую руку, затем к ним присоединились другие, примерно с десяток. Когда она открыла глаза, что-то вибрировало у нее в груди — оказалось, это птица бьется возле самых ее ребер. Небо, которое начиналось с нее и уходило ввысь, было наполнено воробьями. Ее новый учитель естествознания рассказывал в классе, что небо только кажется голубым: на самом деле влага смешивается с пылью и создает эту иллюзию. А в действительности без голубого света, без пыли космос пуст. Люди видят то, что им кажется, а не то, что есть на самом деле. Они создают свою реальность из воды и пыли.

Именно это и случилось, когда трое городских мальчишек увидели, как Ребекка, стоя на этом самом месте, держит на вытянутых руках десятки воробьев. Перепуганным забиякам показалось, что они стали свидетелями чего-то сверхъестественного, чего-то невозможного, как небо, которое было вовсе не голубым. Ребекка была всего лишь девочкой, попавшей на воспитание к прачке, когда остальные ее отвергли. Она была всего лишь ребенком, чьи руки успели растрескаться от щелока и жира к тому времени, как ей исполнилось десять. Хозяева магазинов не жаловали эту покупательницу — вдруг она тронет шелк или печенье своими руками, которые часто кровоточили от работы в прачечной. Девочки-сверстницы глядели мимо нее, словно она ничего из себя не представляла — так, какая-то кучка золы, из которой она варила свое мыло. Мужчины пялились на нее и думали, что когда-нибудь из нее выйдет милашка, если у нее будет шанс вырасти и не свалиться замертво от голода, лихорадки или тысячи других причин, прежде чем она станет взрослой. Женщины жалели ее, но шли своей дорогой; у них хватало собственных забот, а милосердие тогда проявлялось не часто.

Но мальчишкам, что в тот далекий мартовский день спрятались в зарослях аронии, вдруг показалось, что Ребекка не просто помощница прачки. Ее длинные черные волосы развевались на ветру, глаза были закрыты; казалось, она о чем-то мечтает и вот-вот поднимется в воздух с берега озера, такого же бездонного, по утверждению некоторых, и безбрежного, как небо наверху. Вскоре из-за птиц мальчишки уже едва различали Ребекку. Она буквально исчезла прямо у них на глазах. До той поры ее звали только по имени — Ребекка, — которым наделили ее отцы города, когда она вышла из диких лесов с серебряной звездой, не зная ни

слова на их языке. Теперь же мальчишки дали ей фамилию. «Ребекка Спарроу^[3]», — прошептали они, окрестив ее раз и навсегда.

Она неподвижно стояла на берегу и ничего не боялась — это зрелище внушило мальчишкам ужас. Другие девочки в городе бегали от воробьев, как и от летучих мышей и ворон. Все летучие твари, считалось, приносят несчастье: если случайно одна из них запутается в волосах, жди в доме смерти. Девочки в Юнити не ходили босыми, как Ребекка, чьи ступни огрубели на каменистых тропах. Их руки не кровоточили в конце дня. Они не умели без единого слова, без единого знака приманивать к себе птиц.

Мальчишки начали перешептываться, сначала между собой, потом с любым готовым их слушать. Слухи распространились, как зараза, прежде чем можно было бы принять какие-то меры. Довольно скоро в зарослях аронии перебивали все городские мальчишки, и каждый потом клялся, что видел, как тысяча птиц мостилась на плечах Ребекки, когда она развешивала на просушку домотканые простыни. Минуло много времени, и у женщин в городе появилась привычка бормотать молитвы при виде Ребекки, когда она доставляла к заднему крыльцу корзины чистого накрахмаленного белья. Они начали звать ее Ребекка Спарроу прямо в лицо, и девочка, казалось, не обращала на это внимания, как не обращала внимания и на то, насколько огрубели у нее стопы и руки, не боявшиеся кипятка.

Ребекка восприняла свое имя точно так, как воспринимала свою судьбу, и ни разу не пожаловалась. Она надеялась, что когда-нибудь покинет это место, где мальчишки выслеживали ее, чтобы закидать камнями, где все выставляли свое превосходство над ней. Однажды она возьмет и улетит, и тогда все удивятся. Если ей повезет, если она не откажется от надежды, если осуществятся ее мечты, то она, возможно, действительно перестанет чувствовать боль.

Одиннадцать лет Мэтт Эйвери прожил в одиночестве, с тех пор как умерла его мать — слишком рано, по всеобщему мнению, ибо Кэтрин Эйвери была добрая душа и заслужила более легкого ухода из жизни. В последние, самые сложные недели не проходило и дня, чтобы Кэтрин кто-то не навещал — то соседка забежит помочь по хозяйству, то знакомая с другого конца города, и каждая передавала с наилучшими пожеланиями или кастрюльку макарон с сыром, или цыпленка в горшочке. Все эти добрые люди — Эдди Болдуин с семейством, братья Хармон, Айрис Эллиот и ее сводная сестра Марлена Эллиот-Уайт — настаивали, чтобы Мэтт воспользовался случаем и отдохнул, пока есть кому присмотреть за Кэтрин. Мэтт с благодарностью падал на кровать и проваливался на несколько часов в глубокий сон; ему грезились только реалистичные сны: вот он ест хлеб с маслом, вот он моет руки, стрижет газоны; иногда он просыпался, думая, что болезнь матери тоже ему приснилась. Но нет — он возвращался в ее комнату, а она по-прежнему лежала на больничной кровати, мучаясь от боли и стараясь изо всех сил казаться веселой. Она уверяла Мэтта, что с ней все в порядке, а всем было ясно, что она умирает.

Элино́р Спарроу навещала ее раз в неделю. Со временем, когда здоровье Кэтрин значительно ухудшилось, Элино́р начала появляться чаще. Она приносила ветки благородного лавра, который рос как дикий вокруг Кейк-хауса, и букеты роз сорта «волшебный»; а еще она приносила книгу сказок, ничего другого Кэтрин тогда не желала слушать. В детстве мать Кэтрин читала ей эти сказки вслух, и теперь они снова вернулись к ней. Как оказалось, у Элино́р Спарроу, которая никогда не удосуживалась читать собственной дочери, был драматический талант. Ей одинаково удавалась и роль лисички, и роль ягненка. Из нее получилась отличная принцесса, превосходный пастух и такая убедительная ведьма, что после некоторых сказок Кэтрин принимала дополнительную дозу морфина — иначе она никак не засыпала.

Это была удивительная дружба, учитывая историю обеих женщин. Обе приходились бабушками одной внучке, которую никогда не видели, обеим Уилл исковеркал жизнь. Мэтта поражало, с каким нетерпением его мать ждала визитов Элино́р. Он считал, что дело тут в розах, которые приносила Элино́р, или в сказках, а может быть, и в общем горе. Ему казалось, что женщины часто обсуждают Уилла и его недостатки, или они предавались воспоминаниям о родном городе их детства, где жизнь текла медленнее и

тише, чем в теперешнем Юнити? Однажды Мэтт заглянул в комнату, когда там находилась Элиноор, приходившая теперь каждый день, прямо с утра, и увидел, что они вообще ничего не обсуждают. Элиноор держала руку Кэтрин Эйвери, помогая ей справиться с муками.

«Я здесь, с тобой, — услышал он шепот Элиноор — Можешь не прятать от меня свою боль».

С тех пор Мэтт брал с Элиноор только половину того, что ему полагалось, когда он убирал с ее участка поваленное дерево, которое рубил потом на аккуратные поленья для камина. Хотя Элиноор Спарроу никогда не замечала его любезности и даже ни разу не поблагодарила. И все же в присутствии Элиноор Кэтрин держалась по-другому, раскрывая ей то, что не могла раскрыть родному сыну: как трудно ей было умирать, как сильно ей хотелось, даже в самые тяжелые дни, удерживать этот мир, в котором были и розы, и соседи, и мальчик, выросший в такого мужчину, как Мэтт Эйвери, который знал, когда следует отступить, а когда шагнуть вперед, и на которого она могла рассчитывать.

В тот год Уилл возвращался домой несколько раз, приезжал с короткими визитами, стоившими ему больших усилий. Дженни никогда его не сопровождала; если кто спрашивал, он неизменно отвечал, что жена осталась в Бостоне с малышкой Стеллой, которой в ту пору было всего два. Но правда заключалась в том, что он соизволил рассказать Дженни об этих наездах в Юнити только тогда, когда необходимость в них отпала. Он думал, что она будет для него еще одной обузой, еще одним человеком, о чьих чувствах ему следовало бы задуматься, еще одним камнем, тянущим его на дно.

Не удивительно, что болезнь матери очень досаждала Уиллу. Визиты его, как и следовало ожидать, были очень непродолжительны. Он и раньше убегал от проблем, и теперь не стал менять привычек. Он настолько не привык отдавать душевные силы, настолько был неспособен подумать о другом человеке прежде, чем о себе, что всякий раз, подъезжая к городской черте, покрывался крапивной сыпью. И никак не хотел, чтобы Дженни видела красные пятна на его коже, охватывавшую его панику; то, как он покрывался потом, выезжая на Мейн-стрит, привлекая проклятых пчел со всего города, готовых ринуться на него, так что приходилось плотно закрывать все окна в машине, иначе он рисковал быть искусанным, что при его аллергии наверняка привело бы к шоку.

«Как ты выдерживаешь? — спросил он как-то раз у Мэтта, когда навещал умирающую мать. — Как ты можешь сидеть там, смотреть на нее и не сойти при этом с ума?»

Несколько раз Уилл забегал в чайную Халлов, где подкреплялся кофе с сахаром; у милой Лизы Халл всегда находились для него добрые слова и кусочек яблочного пирога (пирог был приготовлен по особому семейному рецепту и дважды получал призы на разных ярмарках). Но в последний месяц жизни матери Уилл не заглянул в чайную ни разу. Он даже не удосужился вообще приехать в город. Пропустил все визиты, хотя клялся, что приедет. В последний раз, когда он позвонил с извинениями, то привел Мэтту такой неубедительный довод — наврал какую-то чепуху насчет экзаменов по музыке и прогноза снежной бури, — что Мэтт устроил брату разнос. Неужели у него не осталось ни капельки милосердия к матери? Неужели он вообще не знает, что такое доброта? Мэтт обозвал брата по-всякому, а потом вдруг умолк. У него не осталось ни злости, ни понимания. У Мэтта были все основания гневаться. Это ведь ему предстояло сообщить разочарованной матери, что Уилл в очередной раз не приедет, тогда как следующего раза могло и не быть. Дни перешли в часы, потом в минуты, потом в секунды. В конце концов Мэтт перестал бушевать. Ему стало жалко брата. Кому понравится быть таким эгоистом? Никому, если только можно этому помешать, если только есть выбор.

Дело кончилось тем, что Мэтт сказал Уиллу: «Ладно, можешь не приезжать. Она поймет».

И наверное, Кэтрин действительно поняла. Доброта всегда давалась ей легко. И доброта, как понял Мэтт во время болезни матери, обретает разные формы. Соседи, к примеру, чьих имен он зачастую не мог припомнить, нанесли столько еды, что ее хватило на несколько месяцев после похорон. Одинокие женщины до сих пор не перестали посмеиваться, вспоминая, как был набит холодильник в доме Эйвери; каждая из них полагала, что теперь у нее есть шанс завоевать Мэтта, раз он остался один. Когда-то Мэтт встречался короткое время с девушкой из Монро, потом у него появилась подруга в Нью-Йорке, и он ездил к ней по выходным, но все это прекратилось с болезнью матери. Даже когда ее не стало, Мэтт ничего не изменил в своей жизни; не то чтобы он был бессердечный, просто сердце оказывалось занято чем-то другим. Мэтт был большой красивый мужчина, и с полдюжины городских женщин взяли бы его к себе, пусть даже только на одну ночь, но никто не смог завоевать такого мужчину, как Мэтт Эйвери. Ни любовью на несколько часов, ни домашней едой; он довольствовался простой пищей — супом из банки, бобами с поджаренным хлебом, тарелкой тепловатой лапши, посыпанной тертым сыром. Он предпочитал держаться подальше от того, что причиняло ему боль. Он превратился в закоренелого холостяка, со своими интересами и

привычками. Если его и угнетало одиночество, то, во всяком случае, так ему жилось комфортнее. Если он не смирился со своей судьбой, то, по крайней мере, научился принимать жизнь такой, какой она была, хотя раньше мечтал совсем о другом.

Жил ли он в согласии со своей истинной природой или нет — сам он понятия не имел. Он просто следовал по своему пути: приносил домой готовые обеды, вечера проводил в библиотеке, по утрам разговаривал с птицами за окном — другого голоса в его доме слышно не было. Он собирался поступать в Нью-Йоркский университет, но это было давно, когда мать впервые занемогла, так что планы не осуществились. Зато он пошел учиться в Гамильтонский колледж, на вечернее отделение, и в конце концов получил диплом бакалавра. Вскоре ему предстояло стать магистром, если он, конечно, когда-нибудь закончит диссертацию по истории Юнити колониального периода. Мэтт прекрасно сознавал, что государственный колледж — далеко не Гарвард, но готов был побиться об заклад, что знал намного больше о родном городе, чем его брат был способен когда-либо узнать, несмотря на свое дорогостоящее образование. Он знал, например, что персиковые деревья, прижившиеся во всем округе, первоначально были доставлены по морю фермеру Хатауэю вместе с двумя рулонами шелка и серебряным зеркалом. Все это привез злополучный корабль, называвшийся «Селезень», который быстро пошел ко дну после удара о скалы в том месте, где сейчас пролегают болота, а тогда стояли крепкие причалы в глубокой воде, сколько глаз хватало. На борту корабля находились и сливовые деревья, и розовые кусты, обвязанные бечевкой; были там и тюки зеленого чая, которые вынесло к зарослям мальвы и лютика. В одном Мэтт не сомневался: его брат не отличит среди деревьев персик от сливы, черный чай от зеленого, правду от эгоистичного бесчестия.

Один раз Мэтт съездил в Кембридж повидать Уилла и Дженни после того, как они поженились и переехали в квартиру на центральной площади. Он тогда учился в выпускном классе, а брат с женой казались гораздо старше, такими умудренными жизнью, самостоятельными, вылетевшими из родного гнезда. Большинство студентов колледжа даже после свадьбы оставались в общежитиях — но только не Уилл. Его приняли в колледж, несмотря на лень, благодаря феноменальному результату отборочного теста. И все равно, по мнению Мэтта, он оставался избалованным паршивцем. Уиллу понадобилось пространство, этого требовал его жизненный стиль. Он завел себе рояль, добытый неправедными путями, бог знает где, а такой инструмент ни в одном общежитии не поместится.

Уже тогда соседи Уилла точили на него зуб, играл ли он Брамса или забавывал буги-вуги в два часа ночи.

Из этого визита в Кембридж Мэтту больше всего запомнились часы, проведенные в кафе-мороженом «Бейлис», где работала Дженни. Он вернулся туда спустя годы, но не нашел никакого кафе и даже не мог в точности вспомнить, где именно оно стояло на Брэттл-стрит. Зато запомнил, что Дженни, всего на полтора года его старше, уже казалась ему женщиной, тогда как он все еще чувствовал себя мальчишкой. Ее успели повысить до менеджера, а потому она угощала Мэтта весь день бесплатным пломбиром. Он ел мороженое на завтрак, на обед и на ужин. С карамельным сиропом, с горячей помадкой, клубничное, зефирное. И все никак не наедался. После двух дней такой диеты его уже трясло от сахара, но он все никак не мог держаться подальше от «Бейлис». Хотел пойти в Художественный музей Фогга или университетский бассейн, но все равно сворачивал на Брэттл-стрит. Раньше, в Юнити, он вечно увязывался за Уиллом и Дженни, но только в Кембридже понял почему.

«Ты сладкоежка, вот тебя сюда и тянет», — дразнила его Дженни и, конечно, была права, хотя его тянуло вовсе не к мороженому. После он ни разу не притронулся к лакомству, не съел ни одной порции простого ванильного. По уверениям Лизы Халл, он был единственным посетителем чайной, кто кексам и пирожкам предпочитал хлеб с маслом. Мэтт лишь ухмылялся, когда Лиза подтрунивала над ним, и помалкивал. И все равно продолжал заказывать на десерт хлеб с маслом, ибо правда заключалась в том, что поездка в Кембридж излечила его от тяги к сладкому.

Мэтт любил отдаться целиком тяжелой работе, но в последнее время он стал за собой замечать, что думает об истории не переставая, пока разбивает газоны; ему было интересно, ходили ли фермер Хатауэй или кто-нибудь из основателей города, Моррис Хэпгуд или Саймон Эллиот, по тому самому месту, где он сейчас стоял; и отдыхала ли Ребекка Спарроу в лесу, который он расчищал от зарослей ежевики и ядовитого плюща, — а что, она вполне могла прийти сюда полюбоваться, как солнце просвечивает сквозь деревья на холме Эллиотов, где воздух попеременно становился то зеленым, то золотым. По вечерам Мэтт, прежде чем идти домой, всегда заходил в библиотеку на Мейн-стрит. Беатрис Гибсон и Марлена Эллиот-Уайт, библиотекари, наверняка позвонили бы в полицию, если бы он не появился, — вот до чего регулярными были его визиты, вот до чего ответственный человек был Мэтт Эйвери.

Мэтт давно прочитал все дневники из исторического отдела, что располагался под лестницей. Он настолько привык к заковыристым

почеркам отцов-основателей, что разбирал тексты, которые любому другому могли бы показаться каракулями. Каждый раз, когда он шел по Мейн-стрит, или заново сеял семена травы на лугу, или прореживал плющ, душивший липы возле Городского собрания, или переносил рой пчел, устроивших себе гнездо на крыше здания суда, у Мэтта возникало ясное ощущение, что он проходит сквозь время. Он думал о тех, кто всю жизнь прожил в Юнити и умер здесь, каждый раз, когда выходил из собственного дома и видел рощицу диких персиков, буйно цветущих на незастроенном участке. Мэтт Эйвери верил, что историю создают мельчайшие подробности: чье-то письмо, последняя воля умирающего, продиктованная на смертном одре, рецепт семейного блюда, приготовленного с любовью, перечень деревьев, вырубленных в краю, а также тех, что разрослись повсюду.

На городском лугу разместились несколько мемориалов в честь жителей Юнити, погибших на войне. По дороге домой из библиотеки Мэтт всегда останавливался у камня, воздвигнутого в честь четырех парнишек, пропавших без вести во время Войны за независимость. Майкл Фостер, Сет Райт, Миллер Эллиот, Джордж Хэпгуд. Ни одному из них не было больше двадцати. Каждый из них носил бесплатный мундир, один из десяти тысяч мундиров, сшитых американскими женщинами, которые пришивали к подкладке бирку со своим именем, вселяя надежду в тех ребят, что приходились им братьями, мужьями, сыновьями. На мемориальном камне был вырезан ангел с текущими из глаз слезами. Мэтт, вероятно, был единственным в городе, кто знал, что местный резчик по камню, Фред Бин, чей собственный сын умер от дифтерии, полгода работал над черной гранитной глыбой, доставленной с севера. Не проходило и дня, чтобы Мэтт не думал о слезах того ангела. Это и была история, по его мнению: неизменная, вечная скорбь. Слезы, сохраненные твердым гранитом.

Иногда чернила в дневниках тех, кто ежедневно вносил записи о своей жизни в Юнити, стирались под пальцами Мэтта. Он корпел над личными бумагами, написанными очень давно, и ему казалось, будто в его руки попала чужая жизнь. Наверное, именно поэтому диссертация, которую он писал, разбухла до трехсот страниц. В какой-то момент работа полностью сосредоточилась на женщинах рода Спарроу, словно обладала собственным разумом и сама выбирала темы, не обращая внимания на предпочтения Мэтта. Стоило ему в одной из старых книг наткнуться на упоминание фамилии Спарроу, как со страниц начинало веять запахом озерной воды, сладковатым и невероятно сильным ароматом зелени. Вероятно, именно это обстоятельство и привело Мэтта к женщинам

Спарроу. Вероятно, именно поэтому он не сумел не касаться в работе фактов их жизни. В глубине души Мэтт обладал привязчивостью. Он начал сознавать, что в чем-то похож на Уилла, хотя ему это и неприятно. Да, правда, Мэтт был верным и надежным, но вперед его толкало что-то еще, какое-то упорство, от которого он с удовольствием отказался бы, потому что оно доставляло массу неудобств. Если ему чего-то хотелось, то это желание проникало под кожу и оставалось там, напоминая о себе досадным зудом, который он старался не замечать.

Раньше жители городка прикидывали, когда же Мэтт в конце концов женится, но потом бросили это занятие. Теперь их занимало другое: когда он закончит свою диссертацию и получит диплом государственного колледжа — тоже весьма маловероятное событие. Некоторые дошли до того, что даже начали делать ставки, причем чаще всего ставили на «никогда», хотя, конечно, никто зла ему не желал. Соседи Мэтта любили и уважали его в той же степени, в какой не доверяли его заносчивому братцу. Всем было хорошо известно, что Уилл Эйвери ни разу в жизни никому не помог в этом городе. Ни разу пальцем не пошевелил ради пользы кого-то, кроме себя. Но родня есть родня, а беда есть беда, и однажды ранним утром Мэтт отправился в Бостон на машине, чтобы присоединиться к Генри Эллиоту — они были знакомы всю жизнь, но тот все равно запросил с него втридорога за свои услуги — и встретиться с Уиллом, которого Мэтт не видел с того злополучного Нового года, когда они чуть не поубивали друг друга в драке на улице.

В центре Бостона припарковаться было трудно, особенно старому грузовику Мэтта, побитому, проржавленному от соли, слишком громоздкому, чтобы припарковаться на узкой улочке, в далеком прошлом коровьей тропе. И все же Мэтт успел в суд вовремя. Он поздоровался с Генри Эллиотом, который иногда его нанимал для отдельных работ и чей сын, Джимми, был известный баловник. Они обсудили с Генри тот факт, что Джимми был задержан с марихуаной во время рождественских каникул, а затем отпущен на свободу с условием посвятить определенное количество часов общественно полезному труду, в том числе помогать Мэтту с большой весенней расчисткой луга, — и только потом до Мэтта дошло, что все это время рядом с Генри стоял его брат.

В последний раз, когда они виделись, гнев Мэтта подстегивали несколько выпитых «ершей» в сочетании с шампанским. Он вошел на кухню в неподходящее время, пока народ шумно праздновал наступление Нового года, и застал Уилла, когда тот тискал одну из своих студенток, юную красотку лет двадцати, никак не больше. Уилл припер девушку к

стене и запустил руку ей под юбку; все это происходило рядом с высоким детским стульчиком, где каждое утро Дженни кормила дочурку завтраком. Уиллу, видимо, было наплевать, что в кухню в любую секунду может кто-то войти в поисках льда или холодного пива, — лишь бы Дженни не знала о том, что происходит. А она и не знала, даже не догадывалась. Но последней каплей было то, что он, застигнутый врасплох, подмигнул Мэтту — вечный хвостун, лгун, старший братик с большим аппетитом на все, что можно выпросить, одолжить или украсть.

И вот теперь Уилл был не похож на самого себя. Измученный, с желтизной в лице, похудевший. Руки у него дрожали, как у пьяницы. Он постарел, вот в чем было дело, и постарел как-то неприглядно.

— Привет, Уилл, — неопределенно, но без злости поздоровался Мэтт.

Он старался вспомнить, как выглядел Уилл на похоронах их матери — таким же худым или нет. Мэтт плохо помнил тот день. Он знал только, что после службы Уилл и Дженни не вернулись в дом, а уехали прямо с кладбища, несмотря на то что стол в гостиной ломился от угощения и все многочисленные друзья Кэтрин собирались прийти. Уилл, как всегда, спасовал, заявив, что им с Дженни нужно срочно ехать домой к Стелле, за которой присматривала неизвестная им нянька, найденная в последнюю минуту.

«Давай, давай! — проорал ему вслед Мэтт. Люди вокруг смотрели на них, но ему было все равно. — Беги, паршивый ублюдок!» — кричал он Уиллу, направлявшемуся к машине, очередному приобретению, вскоре разбитому.

Сегодня Мэтт захватил с собою чек, выписанный на правительство штата, как велел Генри Эллиот; теперь оставалось только проставить сумму залога.

— Привет, братишка, — отозвался Уилл, явно забавляясь тем, как неловко себя чувствует в суде Мэтт.

Хотя у самого Уилла вид был не лучше: ужасная стрижка, та же одежда, в которой его арестовали, измятая и дурно пахнущая, хотя, конечно, не то что тюремная роба.

Мэтт отошел в сторону, чтобы подышать. И это его брат, совсем как чужак. Он ушел из дома, когда Мэтт учился в школе, но еще до того он часто исчезал, когда хотел. Если нельзя доверять собственному брату, то, естественно, замыкаешься в себе и становишься подозрительным, даже чересчур. Мэтт повернулся к Генри Эллиоту, радуясь, что есть с кем поговорить, кроме Уилла.

— Парковка здесь адская, — сказал он.

— Привыкай, приятель, — расстроено ответил Генри, просматривая бумаги в последнюю минуту перед тем, как предстать перед судьей. — Ты в большом городе.

Действительно, Мэтт себя чувствовал громоздким и неловким в зале суда, хотя и надел предусмотрительно свой единственный хороший костюм. На нем были рабочие ботинки и галстук, сохранившийся еще со школьных времен. Здание суда никак не было рассчитано на людей выше шести футов роста; Мэтт правильно предположил, что его построили где-то около 1790-го, возможно, еще раньше, когда большинство жителей были довольно низкорослыми. В те времена обвиняемых вводили через боковые двери напротив судебных покоев. Это были невытые, голодные мужчины и женщины в кандалах на руках и ногах; вероятно, кто-то из них раскаивался, независимо от того, был ли он виновен или нет, в надежде на менее строгое наказание, или, возможно, кто-то вообще не произносил ни слова, как Ребекка Спарроу на своем суде. Мэтт помнил наизусть ее последние слова, произнесенные на кухне Хатауэя; она адресовала их судье, которого привезли из Бостона. «Мне нечего сказать, — заявила тогда Ребекка. — Вы лишили меня голоса».

Генри Эллиот, пессимист по природе, утверждал, что против Уилла очень мало улик, если не считать того факта, что он заявил об убийстве заранее. Тем не менее залог оказался высоким, что объяснялось характером преступления. Для такого, как Уилл, Мэтт выложил все, что оставила ему мать, все свои сбережения на черный день.

— Не волнуйся, — успокоил его брат. — Я не виновен. Получишь свои деньги обратно.

Как только Уилла освободили под подписку о невыезде на случай дальнейшего расследования, они отправились в кафешку на углу. Уилл твердил, что приличная чашка кофе поможет унять дрожь в руках — кошмарный недуг для музыканта, который он надеялся излечить двойным эспрессо.

— А вот твоего хозяина квартиры не так-то легко убедить, когда речь идет о деньгах, — сказал Генри Эллиот.

Генри по-прежнему казался расстроенным. Такова была его манера, такова была его судьба — волноваться и расстраиваться, — и, хотя такой характер вполне подходил для его профессии, семьей руководить он не умел. Его жена едва с ним разговаривала, а дочь, Синтия, хорошая в душе девочка, только и знала, что красить ногти черным лаком и болтаться где-то допоздна. Но больше всего хлопот доставлял ему сын, Джимми; он напоминал Уилла, когда тот учился в школе: вечно искал легких путей,

думал только о себе. В свое время Генри предупреждал сына, что все это может закончиться катастрофой, и в качестве назидания рассказал ему историю жизни Уилла Эйвери, талантливого парня, который так ничего в жизни и не добился. «Не думай, что такое с тобой никогда не случится, — увещевал он Джимми. — Не думай, что ты выше неудач».

— Ты пропустил срок оплаты, поэтому из квартиры тебя вышвырнули. — Генри разложил перед собой бумаги. — И еще одно. В мой офис позвонили из музыкальной школы и попросили, чтобы ты туда не являлся, пока не уладишь свои юридические дела.

— Ну и черт с ними.

Уилл заказал еще одну чашку кофе, хотя наличности при себе у него не было. Все равно кто-нибудь оплатит счет, так почему бы не заказать заодно и круассан.

— Всегда он так, — сказал Генри Эллиот, обращаясь к Мэтту. — И в школе был такой же. Спишет у меня домашнюю работу и в результате получает на балл выше, чем я.

Этой осенью Мэтта наняла жена Генри, Аннет, для разбивки японского сада, который, по мнению семьи, должен был понравиться той жуткой старой даме, бабушке Генри, Сисси. На участке жило много пчел, что считается знаком удачи. Мэтт никогда не опасался укусов: пчелы не обращали на него внимания, всегда предпочитая брата, смертельно их боявшегося из-за своей аллергии. Мэтту даже нравилось, что пчелы гудят вокруг, пока он трудится.

Для сада Эллиотов он использовал природные камни и песок, натасканный с пустоши, он посадил бамбук в каменные ямы, но глава семейства Эллиот из-за своего ходунка с трудом преодолела каменную тропу. Когда она все-таки до него добралась, то презрительно фыркнула, увидев бамбук.

«Это сорняк, — объявила она. — Пусть его привезли из самого Китая, но все равно это сорняк».

Сисси Эллиот возненавидела сад, и теперь, как рассказывал Генри, он единственный, кто там бывал; уходил туда, чтобы отвлечься от мирских забот. Вероятно, и сегодня вечером, вернувшись домой, он сразу отправится туда.

— Думаю, нам придется нанять детектива, — объявил Генри братьям Эйвери — Вдруг он найдет то, что проглядела полиция. По крайней мере, пусть поищет, может, у кого был хоть какой-то мотив. В твоих же интересах обелить собственное имя, — обратился он к Уиллу, начавшему скучать. — Ни одна живая душа не верит этой ерунде, будто твоя дочь

рассказала тебе, что жертва скоро погибнет.

— Он это заявил в полиции? — спросил Мэтт. Генри Эллиот мрачно кивнул. — Вот идиот.

— Перестаньте разговаривать обо мне так, словно меня здесь нет. Я здесь и все слышу. Это Стелла так сказала полицейским, не я. Но если хочешь нанять детектива, то пожалуйста...

Генри взглянул на Мэтта. Уилл, видимо, не понимал, что это мероприятие потребует денег.

— Конечно, действуй, — сказал Мэтт, таким образом согласившись оплатить счет. — По-моему, это разумная идея.

— Кто-нибудь меня подвезет? — спросил Уилл, когда пришла пора уходить.

У Генри была назначена встреча, поэтому подвезти брата взялся Мэтт. Они подошли к грузовику.

— Так ты едешь на этой развалюхе? — рассмеялся Уилл, сразу заметив и ржавчину, и вмятины. — Старина Мэтт. Никаких «БМВ» для тебя.

Он намекал на то, как потратил свою долю наследства. Получив деньги, он перешел на неполный рабочий день, свозил Дженни с ребенком в Париж, где они не переставая ругались, и купил чертову тачку, «БМВ», а потом перевернулся на ней, когда носился по пляжу в Даксбери, накачавшись коктейлями, с какой-то бабой, чье имя даже не мог вспомнить. Кажется, оно начиналось с буквы «К» — Карлотта, возможно, или Каролина, или, господи помилуй, Кэтрин, как звали его мать. Кончилось тем, что Уилл продал за гроши побитую машину и потом еще долго сожалел о поездке в Париж. Зато Мэтт, думал он, пристроил свою половину материнских сбережений мудро, и теперь он вполне обеспечен, хоть и ездил на проржавленном грузовике. Кроме того, за ним остался дом, который за одиннадцать лет удвоился в цене. Сейчас у этого скряги-холостяка, наверное, хранится в банке кругленькая сумма — ведь ему не на кого тратить свои денежки.

— Куда? — спросил Мэтт, вливаясь в ряд машин.

Он успел заметить, что в Бостоне водители то и дело сигналили ему. Но ничего, через несколько минут он избавится от братца, хотя бы на какое-то время, так что можно сдержаться и не проявлять характер.

— Мальборо-стрит, — усмехнулся Уилл — Когда везде облом, всегда остается Дженни.

Ехали молча. Хотя Мэтт не бывал в этих краях с того ужасного Нового года, он помнил дорогу. Да что там, он мог бы проехать по ней с

закрытыми глазами, во сне, связанный веревками. Он прекрасно помнил, во что была одета Дженни в тот вечер: черный свитер, украшенный блестками и жемчужинами, и красная юбка. «Не слишком нарядно? — спросила она у него перед началом вечеринки. — Я не выгляжу как рождественская елка?» Он подумал, что в жизни не видел никого прекраснее. «Нет. Оставайся в этом», — ответил он, и она не стала переодеваться. «Оставайся в этом», — сказал он тогда, хотя на самом деле ему хотелось ее раздеть прямо там же, в гостиной, когда гости уже были на пороге.

— Не зайдешь? Ради прошлого? — предложил Уилл, когда они подъехали к дому. — Отдохнешь немного, прежде чем возвращаться в родные края.

Мэтт покачал головой. Он ни за что туда не пойдет.

— Да, кстати, — добавил Уилл, — я никогда не обижался, что мать завещала дом тебе.

— Она думала, он тебе не нужен. Поэтому ты получил большую часть денег.

— Разве? — удивился Уилл. — Ты хочешь сказать, мне досталось больше?

— Я был душеприказчиком. Мне ли не знать. Она хотела, чтобы все было по справедливости.

— По справедливости, — удивленно повторил Уилл.

Он на самом деле так ничего и не узнал о своей матери, о чем она думала, как продолжала его любить, несмотря на все его эгоистичные выходки.

— Погоди, сам догадаюсь, — сказал Мэтт, — У тебя ничего не осталось от твоей доли.

— Если хочешь думать обо мне самое плохое — пожалуйста.

— Просто скажи, как обстоят дела.

Мэтт вдруг почувствовал, что имеет право на что-то. Если не на Дженни, если не на жизнь, то, по крайней мере, на признание. Но он его так и не получил. Уилл так и не произнес: «Да, признаю, мне досталось больше. В очередной раз я получил кусок пожирнее». В кабину грузовика залетела пчела и начала биться о ветровое стекло.

— Господи, — запаниковал Уилл, — прогони ее.

Уилл имел все основания бояться пчел, поэтому Мэтт выпроводил непрошеную гостью с помощью газеты. Это была инстинктивная реакция — в очередной раз защитить Уилла, любой ценой, с любыми последствиями.

— Теперь ты в безопасности, братишка. Только один вопрос. И на этот раз я хочу услышать ответ. — Мэтт подавил в себе желание посадить пчелу на руку брата. — Почему ты думаешь, что она тебя примет?

— Дженни?

Уилл выбрался из кабины, затем повернулся и произнес в открытое окно:

— Это в ее характере.

Повсюду расцветали магнолии — и на федеральном шоссе, и на Бикон-стрит, и здесь, на Мальборо; любой клочок земли мог стать домом огромному цветущему дереву. Даже свет менялся, когда распускались эти цветы, — он становился розоватым, радостным, ярким.

— Я на самом деле ценю все, что ты для меня делаешь, — произнес Уилл.

Выходит, он все-таки понимал, что адвокатам нужно платить, что деньги на залог не падают с неба, а поступают из чьих-то сбережений, что детективы хотят получать наличные.

— Не считай меня неблагодарным.

Мэтт оглядел розовую улицу, осознавая, что стал намного беднее, чем был этим утром. Он многое мог бы сказать, но решил промолчать. И даже не взглянул на окошко на третьем этаже, хотя знал, что именно там находится их квартира. Наверное, в его характере было держать свои чувства при себе. Если на шоссе будет свободно, то он окажется дома меньше чем через час, и именно это он намеревался сделать. Некоторые истории лучше всего забыть, другие обречены вовсе не начинаться; они остаются там, где им место, в туманной вселенной упущенных возможностей, в несбыточном мире.

— Я серьезно, братик! — прокричал Уилл вслед отъезжавшему грузовику. — Я все тебе верну до последнего цента.

Мэтт рассмеялся, снова вливаясь в поток машин.

— Черта с два, — сказал он.

Для своего экологического исследования Стелла и Хэп Стюарт решили проверить местные водоемы на возможные токсичные вещества, а это означало, что им пришлось обойти все леса вокруг города в поисках прудов, озер, любого другого водоема со стоячей водой, исследовать каждую кишашую личинками лужу. Они продирались сквозь крапиву и ядовитый плющ, заросли дикой ежевики и мятлика. Они так часто проходили мимо цветущих персиковых деревьев, что вскоре им захотелось персиковой запеканки, персикового джема и персикового пирога.

Все образцы воды были разлиты по бутылкам, надписаны и принесены в Кейк-хаус. Хэп знал, что его дед часто сюда навещается, но лично он не ступал дальше подъездной дороги. В отличие от Джимми Эллиота он ни разу не купался в озере Песочные Часы, ни разу не наблюдал, как над камышом поднимается туман, который многие люди принимали за дохлую лошадь, ни разу не вел битвы с какой-нибудь свирепой кусающейся черепахой. Джимми Эллиот лишился кончика одного пальца после встречи с такой черепахой (во всяком случае, так гласила молва); эта история так напугала его одноклассников, что в кабинете естествознания никто не осмеливался даже близко подойти к стоявшему в углу аквариуму со старой черепахой.

— Пошли, — сказала Стелла, когда Хэп замешкался на ступенях крыльца. У Стеллы ломило спину от тяжелых бутылок с водой в рюкзаке. — Бабушка не кусается. Заодно и поедим. Я умираю от голода.

Они были изъедены комарами, изранены колючками, но если честно, день они провели отлично, к тому же Стелла познакомилась с городом. Из-за учительской конференции их отпустили из школы пораньше, так что с полудня они занялись сбором образцов, пропустили обед, и Хэп был вынужден согласиться, что и у него урчит в животе.

Едва они вошли в дом, как появился Аргус и басовито твякнул.

— Вот это да!

Хэп попятился к стене, подняв руки, словно его грабят.

— Аргус тебя не тронет. Ему сто лет, — успокоила гостя Стелла. — Он просто лапочка.

— Тогда ладно.

Хэп осторожно погладил Аргуса по голове. Волкодав был ростом со льва, хотя его глаза действительно помутнели, а зубы стерлись до коротких пеньков.

Стелла и Хэп сбросили в передней грязные ботинки и мокрые носки. Хэп отметил про себя деревянные панели и потертые ковры, которые под босой ступней были мягкими, как шелк.

— Я слышал, твоя бабушка не любит гостей, — сказал Хэп, когда Стелла предложила пройти на кухню и приготовить что-нибудь.

На самом деле он слышал, что нарушители частных владений часто обнаруживали на своих дверях прибитые гвоздями луковицы с воткнутыми в них булавками — знак проклятия настоящего и будущего.

— Не глупи. Идем же.

Стелла направилась на кухню, и Хэпу ничего не оставалось, как последовать за ней; он не сводил глаз со светлых волос девочки, напоминавших ему ландыши, которые появлялись в лесу такой ранней весной, что их легко принимали за снег.

Аргус пошлепал за ними, на кухне он уселся рядом со столом и деликатно ждал остатков бутербродов с арахисовым маслом и персиковым вареньем. Перекусив, они поискали и нашли идеальное место для своих проб воды — в кладовой, где хранились картофель и лук. Когда они расставляли бутылки, их руки случайно соприкоснулись. Разумеется, они повели себя так, словно ничего не произошло, но позже Стелла задумалась, не окажется ли Хэп больше чем друг. Почему тогда его прикосновение не обожгло ей руку? Почему тогда сердце у нее не начинало громко стучать, если он был рядом? Почему тогда она не уверена?

Прошлой ночью Стелла потихоньку пробралась в гостиную вскоре после двенадцати и позвонила Джулиет Эронсон. Она даже не сознавала, что Хэп не сходит у нее с языка, пока Джулиет прямо не спросила, не является ли она единственной настоящей любовью Хэпа.

— Откуда мне знать? — смущенно рассмеялась Стелла.

— Узнай у него, с кем бы он хотел оказаться на необитаемом острове. Вот и поймешь все по его ответу.

— Вряд ли это может служить неоспоримым доказательством.

— А ты попробуй.

Джулиет говорила голосом мудрой и печальной дамы, которая перепробовала все на этом свете, но каждый раз ее ждало разочарование.

И вот теперь, сидя на кухне, Стелла гадала, что бы сказала о Хэпе Стюарте ее подруга Джулиет. Хэп как раз скармливал Аргусу целую ложку арахисового масла.

— Ты только на него посмотри, — весело приговаривал Хэп, — как ему нравится эта штука. В ней полно протеинов, так что вреда не будет.

Зато когда она разговаривала с тем противным Джимми Эллиотом в

школьной столовой, у нее чуть не выскочило сердце. Не могла же это быть любовь — или могла? Не могла же это быть судьба. Ни за что. Никогда. Просто это какое-то заболевание: в худшем случае — изжога, в лучшем — весенняя лихорадка. И действительно, в этом уголке Массачусетса весна царила повсюду. В ручейках плавали сероспинки, как всегда в это время года, и лягушки затянули свою печальную песню о звездных ночах и водных грязных просторах.

В саду трудилась Элинон Спарроу. Она занималась весенней расчисткой, и руки у нее кровоточили. Удаление старых побегов — всегда неприятная задача, особенно если обрезать розы с коварными шипами, иногда такими крошечными, что от них невозможно уберечься, они просто не видны, пока не проткнут кожу. Оставалось утешаться старым поверьем, будто кровь садовода способствует раннему цветению. А вот кровь убитой женщины, наоборот, убивает все на земле, как произошло в тот день, когда Ребекка шагала к озеру, где ее утопили. На той тропе ничего не осталось, кроме комьев земли и черных камней в форме человеческого сердца.

Апрель наступал стремительно. Элинон ощущала его приближение в остром запахе копытня в лесу; об апреле говорили и частые дожди, которые начали выпадать в основном поздним вечером. Пройдет совсем немного времени, и можно будет различить пелену зеленого дождя, который каждый раз будет новым: рыбным дождем, розовым дождем, нарциссовым дождем, клеверным дождем, ярким дождем, черным как вакса дождем, болотным дождем, вселяющим страх каменным дождем — и все они омоют леса, наполнят местные ручейки и пруды. В это время года Элинон обычно начинала прививать розы флорибунда с китайскими розами в попытке получить истинно голубую розу. Она понимала, что это глупо, что взвалила на себя невозможную задачу, но все же продолжала свое дело. Неудивительно, что она была предметом обсуждения в садоводческих клубах всего штата, о ней говорили и в соседнем городке, Норт-Артуре, и в далеком Стокбридже. Неужели Элинон Спарроу не знала, что получить новый сорт можно только с помощью генетических ухищрений — единственно возможным способом вывести голубую розу? Неужели она не знала, что глупцы вроде нее пытались добиться голубого цвета у розы в течение многих веков, но всегда терпели неудачу и разочарование?

Тем не менее Элинон была убеждена, что кривоватый саженец в северном углу сада еще всех удивит. Никто ведь не ожидал, что в саду может прижиться местная болотная роза (сорт, который рос только в Юнити), известная еще первым поселенцам. «Невидимкой» прозвали эту

розу люди, ибо, как гласила легенда, ее цветки засыхали под взглядом человека. Но эта роза цвела в саду; если Элино́р доби́лась такого чуда, то, возможно, ей удастся получить наконец и голубую розу. Возможно, все те глупцы, что потерпели неудачу, потянутся в этот уголок штата, чтобы увидеть с благоговейным трепетом то, что выросло вопреки всему, упасть на колени и поцеловать землю.

Возможность успеха Элино́р ощущала буквально осязаемо, как вишневую косточку во рту. Последние несколько месяцев у нее создалось впечатление, что время проносится с бешеной скоростью, словно она идет по туннелю, а мимо свистит ветер, но на самом деле это годы, что летят с обеих сторон, дни и ночи, исчезающие в белом тумане. Если уж на то пошло, что ей запомнилось из прожитого лучше всего? Лес ее детства, то, как он дышал, словно был единым зеленым существом, обладающим сердцем и разумом. Ее мать Амелия, чьи руки облегчали боль, за шитьем лоскутных одеял зимой. Каждое со своим узором. Та минута, когда она впервые увидела Сола в библиотеке колледжа, где училась, а он был новым преподавателем, — тогда земля на мгновение перестала вертеться вокруг своей оси. Ее дочурка Дженни, увидевшая снег первый раз в жизни. Улыбка внучки, когда Стелла помахала ей рукой на вокзале. Роза, о которой она всегда мечтала, голубая, недостижимая.

Когда начался ливень, Элино́р вернулась в дом. У нее в голове крепко засело утверждение внучки, что она не умрет до первого снегопада. Что принес ей этот приговор — облегчение или ужас? Обрадовалась ли она тому, что теперь знает срок, или пожалела о том, что спросила о дате? Вероятно, девочка права: действительно лучше просыпаться каждое утро и не знать, что тебе несет новый день, чем закончится история, в какой час наступит ночь. Элино́р была настолько занята всеми этими мыслями, что даже не заметила, как перепачкалась кровью, пока не вошла на кухню и не перехватила взгляд мальчишки, который непонятно откуда взялся за ее столом.

— Ба, у тебя идет кровь, — абсолютно спокойно произнесла Стелла.

Вообще-то крови было довольно много, она продолжала течь из порезов на руке Элино́р. Мальчишка за столом побледнел, словно собирался упасть в обморок, а Стелла — нет. Она не боялась крови; более того, она считала кровь довольно интересным, необычным и таинственным эликсиром. Она подвела бабушку к раковине, пустила холодную воду, промыла ранки от колючек, затем ушла в кладовку за бинтами.

— Пустяки, — упрямо твердила Элино́р.

Ей придется рассказать Брокю Стюарту, как Стелла осталась абсолютно

невозмутимой при виде крови. Как быстро девочка отреагировала, словно для нее было естественно помогать кому-то. В этом отношении она явно не пошла в своего отца.

— Что он здесь делает? — Элинон кивнула в сторону Хэпа. — И вообще, почему вы не в школе?

— У нас был короткий день. В любом случае, сейчас уже четыре. Кстати, это Хэп Стюарт, внук доктора. Уверена, ба, ты его знаешь.

— Мы используем набор токсиколога, который я заказал в Департаменте охоты и рыболовства для проверки местных водоемов.

Стоило Хэпу открыть рот, он его уже не закрывал. Ему до сих пор не верилось, что он сидит на кухне в доме Спарроу, том самом, который, как уверяли некоторые горожане, приподнимается над каменным фундаментом, особенно в ветреные дни.

— И мы нашли что-то — то ли очень интересные микроорганизмы, то ли рыбы какашки, — продолжал Хэп.

Элинон сощурилась, но все равно не узнала парнишку. Странно, но она четко разглядела, что в нем не таятся ни капли лжи. Большая редкость, особенно среди мужских особей рода человеческого. В этом он определенно напоминал своего деда. Разумеется, она знала, что Брок Стюарт солгал ей однажды, когда пришел рассказать об обстоятельствах смерти Сола. Элинон насквозь видела честного человека: его душа была как стекло. Да что там, когда старый судья Хатауэй все еще занимал свою скамью, а Элинон была девочкой, он часто вызывал ее на заседания и слушал, что она скажет, особенно в случае домашних споров. «Эта девочка распознает лгунов, — говорил старый судья — Только попробуйте рассказать ей небылицу, сами увидите, куда это вас приведет».

Она действительно поняла, что Брок Стюарт солгал, когда сказал, что Сол был один в машине, когда произошла авария. Время тогда было другое, люди прислушивались к врачам и высоко ценили их мнение по всем вопросам, не только медицинским. Доктор Стюарт, должно быть, убедил Чипа Уайта, шефа полиции, и нескольких офицеров Бостонского дорожного патруля не противоречить его истории. Все они сговорились скрыть тот факт, что в аварии с Солом погибла его коллега, недавно пришедшая работать на кафедру. Как только Элинон почувствовала ложь в рассказе доктора, она позвонила в колледж, но даже там ей ничего не сказали. Тем не менее она поняла, почему Сол часто задерживался по вечерам, почему, если звонил телефон и она поднимала трубку, на другом конце провода молчали. Как могло такое произойти, что именно она из всех людей не догадывалась о неверности мужа? Дело в том, что Сол, в

общем-то, не лгал, он просто не говорил ей правду, и даже ее дара не хватало, чтобы расшифровать пустоту и отговорки.

С тех пор как случилась авария, Элино́р часто задумывалась, не связала ли их судьбы невидимой нитью ложь доктора Стюарта. Она прекрасно помнила, каким холодным выдался тот день. Дыхание доктора превращалось в иней, пока он лгал. Ложь доставляла ему боль, Элино́р видела это, но он все равно продолжал говорить неправду. Шел снег, закручиваясь вихрем и не падая на землю; Элино́р прошла сквозь метель в сад, где ощутила весь груз лжи, рассказанной доктором, лжи, с которой она жила так долго, пребывая в полной уверенности, что она единственный человек в этом городе, способный угадывать правду. Она предоставила доктору сообщить обо всем Дженни, хотя это был ее долг. Элино́р раздира́ла такая мука, что она лишилась способности здраво рассуждать. Ей казалось, что она истекает кровью, но в отличие от Стеллы она не выносила вида крови, особенно собственной.

Даже сейчас она не могла заставить себя осмотреть красные следы, оставленные шипами роз. Не будь в доме Стеллы, занявшейся ее ранами, Элино́р просто не обратила бы на них внимания, по давно укоренившейся привычке, хотя она знала, что, когда не обращаешь внимания на боль, это может привести к самым серьезным последствиям. Если не обращать внимания на любовь, в чем теперь она убедилась, то можно всю жизнь прожить, истекая кровью, пусть даже окружающие ничего не замечали.

Элино́р не понимала, почему этот мальчик, внук доктора, болтается по дому, улыбается, ест арахисовое масло. Причина могла быть и в пробах воды с рыбьими экскрементами, и в чем-то другом. Очень часто любовь остается невидимой; иногда только два человека способны ее разглядеть, а все остальные по-прежнему слепы. Женщины из рода Спарроу никогда не отмеряли семь раз, прежде чем отрезать; их легко затягивало желание и потом уже не отпускало. Если только Элино́р не ошиблась, Стелла воспользовалась помадой и подкрасила чем-то черным глаза. Что ж, девочка растет, разве не так? И даже если Элино́р не считала, что Хэп и Стелла хорошо подходят друг другу, кто знает, куда могла их завести эта дружба. Во всяком случае, кошка, в отсутствие которой мыши пускались в пляс, точно была далеко. Дженни звонила каждый вечер, но ее внимание было полностью поглощено Уиллом Эйвери. Он вернулся, застряв в Бостоне по судейскому приказу; жить ему было больше негде, а у Дженни не хватило духу не пустить его на порог. Да, Дженни была далеко, а потому не могла услышать, как зазвенел бубенчик на браслете ее дочери, когда Стелла вышла под дождь с Хэпом Стюартом. Дженни по-прежнему

считала свою дочь ребенком, но теперь, когда Стелле исполнилось тринадцать, все совершенно изменилось.

Шагая по дороге рядом с Хэпом, Стелла сокрушалась про себя, что не умеет предсказывать погоду. Еще ей хотелось бы уметь задерживать дыхание под водой, как это делала Констанс Спарроу, вот тогда бы она собрала образцы воды с самых глубин озера Песочные Часы. Было бы гораздо лучше, если бы она была способна умерить чью-то боль, или отыскать потерянную вещь, или отличить лжеца от честного человека. А так она могла только одно — увидеть, что Хэп Стюарт сломает себе шею, когда его сбросит лошадь. Тень этого видения мелькнула перед ней в первый день их встречи, но Стелла надеялась, что тень рассеется. Теперь же, шагая рядом с Хэпом и поеживаясь от дождя, она взглянула на своего спутника и убедилась, что смерть не отступила.

Стелла уже знала, что Синтия Эллиот, которая работала в чайной и училась двумя классами старше, умрет от пневмонии на семьдесят втором году жизни, а мадемуазель Маркус, учительница французского, свалится от удара. Стелла успела узнать, что тот умник, дразнивший ее в школьном кафетерии из-за спины Джимми Эллиота, погибнет в автокатастрофе, когда станет первокурсником в колледже. Она видела будущее всех этих людей так же реально, как все остальное в этом мире: птицу пересмешника, стол, стул, улыбку на лице Хэпа Стюарта, мокром от дождя.

Нет. Стелла ни за что не позволит Хэпу свалиться с лошади. Он был ее единственным другом в этом городе.

— Ты любишь лошадей? — спросила Стелла, пока они шлепали по дороге; когда приходится снова влезать в мокрые носки и грязные ботинки, то нет необходимости обходить лужи.

— Это имеет отношение к дохлой коняге из озера? — спросил Хэп. — Знаешь, я вообще-то в это не верю.

— Просто стало любопытно, любишь ли ты ездить верхом. Только и всего.

— Не-а, — ухмыльнулся Хэп. — Я не ковбой. Что-нибудь еще хочешь обо мне узнать?

Дождь припустил сильнее, но ни он, ни она не обращали на это внимания.

— Возможно. Дай подумать. — Наверное, стоит попробовать этот тест Джулиет. Наверное, стоит проникнуться более нежными чувствами к Хэпу; в конце концов, он идеально ей подходит. Каждому ясно. — Если бы так случилось, что тебя высадили на необитаемый остров, с кем бы ты больше

всего хотел там оказаться?

— Из живых или умерших? — задумчиво спросил Хэп.

— Все равно.

— Мужчина или женщина?

— Все равно.

С каждой секундой она чувствовала себя все глупее. И волосы, и одежда на ней промокли насквозь — хоть выжимай. Они шли мимо озера, дождь падал в неподвижную воду мелкими камушками. Стелла и Хэп остановились у берега, полюбовались кувшинками.

— Тогда, пожалуй, с тобой, — ответил Хэп.

В первую секунду Стелле показалось, что она ослышалась. Вероятно, его слова заглушило биение сердца. Но нет, она услышала все правильно. Он был такой славный человек, такой аккуратный и вдумчивый. Хэп присел у мелководья, чтобы взять пробу озерной воды, и не пролил ни капли. Она понимала, что ей следует отнестись к нему так же, как он к ней, но, когда Хэп запечатал последний пузырек с холодной зеленой водой, в которой плавали яйца головастиков и водоросли, все ее мысли занимал совсем другой человек — самый невезучий, самый ужасный парень, о котором она, как ни старалась, не могла не думать.

Дженни вовсе не собиралась принимать Уилла обратно, что бы там ни думала хозяйка и все остальные квартиросъемщики. Естественно, все они были бы против любого воссоединения, так как каждый из жильцов с первого по пятый этаж терпеть не мог Уилла Эйвери. Соседям было все равно, что Уилл красив, что в глазах у него мерцают золотники; им было наплевать, что он знает наизусть все песни Фрэнка Синатры и даже во сне мог бы сыграть любой из регтаймов Скотта Джоплина. Ведь эти люди были вынуждены слушать его музицирование в любое время суток, когда он жил здесь прежде: песни Дилона среди ночи, Луи Армстронга днем, когда большинству трудолюбивых людей есть чем заняться, и бесконечные гаммы, когда ему хотелось особенно насолить соседям, как раз во время обеда — гаммы игрались яростно и немилосердно.

Все знали, что именно Уилл ленится выбрасывать мешки в мусоросжигатель и просто сваливает их рядом с трубой, что это он роется в чужих журналах, доставленных в вестибюль, что он поет в душе, что он хлопает дверьми. Большинство соседей также были в курсе, что Уилл закрутил роман с Лорен Бейкер, проживавшей раньше в квартире 2-Е, и она проплакала несколько недель, когда он с ней порвал, а потом переехала в Провиденс и начала там новую жизнь. Взаимные упреки и плач эхом

разносились по вентиляции до квартир 3-Е и 4-Е. Все эти события происходили прямо под носом у его жены, которая теперь вроде бы приняла его обратно, хотя и отрицала это. Естественно, ей никто не поверил. Ведь Уилл Эйвери снова поселился в доме (слава богу, без рояля, хранившегося на складе) и по-прежнему причинял массу неудобств: оставлял мусор в вестибюле, крал утренние газеты у соседей, врубал телевизор на полную мощность, когда жена уходила на работу, и вовсе флиртовал с Морин Вебер из квартиры 2-Д, которую предупредили, чтобы она ни под каким видом не приглашала Уилла Эйвери зайти, если не хочет попасть в беду.

Ну и что с того, что Дженни готовила обеды Уиллу, — она ведь привыкла готовить на двоих. Ну и что с того, что она стирала его вещи, — она ведь все равно стирала свои, так почему бы не бросить в стирку его рубашки и белье. Вот только об одном ей очень хотелось сообщить своим любопытным, недовольным соседям: пришли официальные бумаги о разводе. Она даже подумывала, не прикрепить ли этот документ к стене холла. Она представляла, как выйдет в холл и прокричит на все этажи, что Уилл спит на кушетке. Воссоединения семьи не произошло; не было ни прощения, ни горячих жадных поцелуев в кухне, пока она готовит макароны или тушеную говядину. Дженни даже пошла на крайний шаг — пригласила хозяйку, миссис Эрланд, на чай с лимонным кексом только для того, чтобы та собственными глазами увидела в гостиной кушетку, застеленную одеялами и простынями. Не зря же несколькими месяцами ранее Дженни сопровождала миссис Эрланд в больницу, где просидела все утро в ожидании, пока ее хозяйке удаляли катаракту. Но миссис Эрланд было невозможно убедить, что Уилл переехал только на короткое время. Увидев его сваленную в кучу одежду и переполненную пепельницу, которую он оставил на полу, хозяйка неодобрительно зацокала языком.

— Вы совершаете огромную ошибку, — заявила миссис Эрланд. — Теперь вам никогда от него не избавиться.

Было бы неплохо, если бы Уиллу пришлось в голову хоть немного помочь по дому — сходить в магазин за продуктами, или пропылесосить ковры, или хотя бы оказать такую любезность, как запаковать жуткую модель Кейк-хауса, все еще пылившуюся на столике в передней, но у бывшего мужа было совсем другое на уме. Он постоянно говорил по телефону с Фредом Моррисоном, детективом, нанятым Генри Эллиотом, хотя Дженни напоминала Уиллу, что его брат наверняка получает счет за каждый звонок детективу. Дженни несколько раз пыталась дозвониться до Мэтта, поблагодарить его и навести мосты, раз уж так вышло, что они

вместе оказались замешанными в эту историю, но дома, видимо, никого не было.

— Он, скорее всего, сидит в библиотеке, — предположил Уилл. — Трудится в поте лица над диссертацией, которую никогда не закончит.

— Так он пишет диссертацию?

Дженни не переставала сожалеть, что ей не довелось учиться в колледже. Об этой своей ошибке она думала каждый будний день, когда через силу шла на ненавистную работу. Работая в банке, она осознала, что деньги пахнут — такая смесь нафталина с потом — и обладают особой текстурой: что-то среднее между шелком и липучкой для мух. У нее даже развилась аллергия на эти бумажки, часто оставлявшие на ее руках сыпь, — отсюда и появилась привычка не брать сдачу у официанток и шоферов такси, а когда Дженни возвращалась домой из банка, то мыла руки не меньше трех раз.

— Я думал, ты знаешь, что наш Мэтт — вечный студент. История. Государственный колледж. На получение диплома бакалавра у него ушло десять лет. На магистратуру, наверное, уйдет двадцать.

— Вот как? Говори что хочешь, но он единственный из нас, кто сумел получить диплом. — Дженни подумала, что история очень подходит Мэтту; во всяком случае, тому Мэтту, которого она когда-то знала, всегда рассудительному, всегда серьезному. Если она правильно помнила, он был большой любитель пломбира с карамельным сиропом. — Диплом по истории — это тебе не пустяк.

Конечно, Уилл завидовал, сам-то он так и не доучился. Да что там, он даже не начинал работать над дипломом в Гарварде.

— Зная Мэтта, могу почти точно угадать, что он описывает историю усовершенствования газонокосилки. Он до сих пор валит деревья и заботится о чужих газонах, поэтому с Нобелевской премией пока не спешит.

Шли дни, у Дженни все больше и больше вызывало досаду то, как обустроивался Уилл. Он оставлял зубную пасту в раковине, покупал спиртное на ее счет в винной лавочке, смотрел телевизор только в одном полотенце, обернутом вокруг пояса. Однажды она вернулась с работы и уловила запах духов. Жасмин, подумала она, точно. И в кладовке вроде бы не хватает одной бутылки вина. А еще в плеере стоял диск Кольтрана — идеальный выбор для соблазнения.

— Ты кого-то приводил сюда?

В последнее время Уилл пристрастился смотреть передачи Опри, а потому всегда был занят, когда Дженни в четыре возвращалась из банка.

— Сюда? — удивленно переспросил Уилл.

У Дженни нестерпимо гудели ноги. Но она все равно заглянула по дороге домой в магазин и купила все необходимое для грибного ризотто — надо же быть такой дурехой.

— Мерзавец, — сказала она, — признавайся, что приводил.

— Я что, не могу пригласить в квартиру друзей? — Уилл поплелся за ней на кухню, где она принялась зашвыривать в морозилку продукты. — Ты ведь ничего об этом не говорила, Дженни. Откуда взялись эти дурацкие правила?

— Друзей, говоришь? Отлично. Но только не баб, в мою квартиру, на мою кровать, пока я на работе!

Черт с ним, подумала она. Будь она проклята, если возьмется готовить ему обед. Пусть жрет швейцарский сыр с крекерами, сволочь такая. Или лучше пусть ходит голодный.

— Я больше так не буду, — сказал он позже, когда принес ей сэндвич — кусок старой вареной колбасы с плевком майонеза на черствой булке. Паршивая, но все-таки попытка загладить свою вину. — Я перед тобой в долгу, — признал Уилл.

Они прожили вместе так долго, что он стал частью ее семьи. Поэтому она позволила ему остаться, как позволила бы какому-нибудь ненадежному двоюродному брату, которому обречена помогать, нравится ей это или нет. Они вместе звонили Стелле каждый вечер и разговаривали с девочкой веселыми голосами, но Дженни явственнее, чем прежде, ощущала себя незамужней, и, хотя Уилл почти все время дрых, он был все тем же созданием, никогда не видевшим сны. Неужели всегда происходит именно так: то, что больше всего тебя привлекает в другом человеке, исчезает в первую очередь? Всего один только раз Дженни удалось уловить обрывок его сна: Уиллу приснился мужчина, стоявший на траве. Мужчина плакал, потерянный и забытый всеми. Одежды на нем не было, у него вообще ничего не осталось, кроме плача. Увидев этот сон, Дженни поняла, что позволит Уиллу остаться у нее столько, сколько ему понадобится, несмотря на собственные опасения и неприятные записочки, которые кто-то из соседей регулярно подсовывал ей под дверь.

Они вместе ходили на встречи к Генри Эллиоту в его офис на Милк-стрит и познакомились с Генри Моррисоном, детективом, который довольно много раскопал о жизни жертвы. Женщина родилась в Нью-Гемпшире и в Бостон переехала сравнительно недавно. С прошлого сентября она преподавала в третьих классах в одной из муниципальных школ. В ее прошлом и настоящем было несколько бойфрендов и очень мало знакомых женщин в городе. Она была миловидная, спокойная,

законопослушная и, как клялся хозяин ее квартиры, всегда запирала окно на ночь. Тот, кто ее убил, вероятнее всего, был впущен через дверь. К счастью, ни один из отпечатков пальцев, найденных в квартире, не принадлежал Уиллу. Был проведен тест ДНК, но Уилл по-прежнему являлся единственным подозреваемым, так что ему оставалось только молиться.

Уилл, однако, никогда не считал нужным не будить лиха. Он не просто молился, он совершил прямо противоположное тому, что советовал Генри Эллиот: он поговорил с репортером. И даже не удосужился упомянуть об этой встрече своей бывшей жене — точно так он не стал объяснять, откуда в квартире появился запах духов, любимый аромат Эллен Пакстон, его коллеги по музыкальной школе, оказавшейся на удивление ловкой в постели. Фактически Дженни узнала об интервью репортеру от одной из кассирш на работе, Мэри Лу Харрингтон, которая всегда презирала Дженни за то, что та стала банковской служащей, а потому с радостью продемонстрировала всему отделу статью из «Бостон глоуб». В конце концов статья, совершив круг, оказалась на столе у Дженни. И там, на первой странице приложения, была напечатана фотография Уилла Эйвери на ступеньках крыльца, довольно хорошая, выгодно подчеркнувшая его красивый профиль. К несчастью, на фотографии также можно было разглядеть номер дома — он получился особенно четко.

Некоторые соседи уже успели позвонить Дженни на работу и передать через других лиц свое возмущение. Как он посмел примешивать всех остальных к своей грязной истории, сообщив адрес дома? Неужели у него вообще нет ни капли разума? Интервью Уилла послужило причиной тому, что Билл Хэмптон, начальник Дженни, вызвал ее в свой кабинет; учитывая огласку и шепетильность банковских попечителей, возможно, будет лучше всего, если она оставит свой пост, заявил Хэмптон, с выплатой вперед за две недели, разумеется, и оплатой двухнедельного отпуска.

— Меня уволили, — объявила Дженни, вернувшись домой. — Вот так. Спустя двенадцать лет.

Уилл как раз сосредоточенно смотрел очередную программу Опры; к этому часу он успел прикончить вторую порцию выпивки. Теперь он вел подсчет алкоголя, по крайней мере, до пятой порции. Услышав от Дженни новость, он тут же вошел в раж:

— Мы подадим на них в суд. Нельзя же просто уволить человека без всякой причины.

— Без всякой причины? — рассмеялась Дженни, но смех получился горький — Причина — это ты. Зачем было фотографироваться прямо

перед фасадом нашего дома?

— Я должен был предстать в более позитивном свете вопреки выдвинутым против меня ложным обвинениям. Разве нет? На моем месте так бы поступил любой уважающий себя ни в чем не повинный человек.

— Нет, так поступил бы любой идиот, Уилл. А тебе не пришло в голову, что тот, кто убил бедняжку, теперь знает, где мы живем?

— Черт. — Уилл почувствовал себя раздавленным. Он совсем забыл о других людях. О своей дочери, например. О бывшей жене. — Я об этом не подумал.

— Да, теперь немного поздно соображать.

Дженни опустилась рядом с ним на диван. Сил у нее не было.

— Сегодня участникам меняют имидж, — сообщил Уилл, имея в виду шоу Опры. — Это отвлечет тебя от статьи в газете.

Так была устроена психика Уилла: просто отгородись от фактов — и все будет прекрасно. Не обращай внимания на очевидное, надейся на лучшее, развлекайся и не трать ни секунды на волнение по поводу того, что ждет тебя впереди. Но как же могла Дженни не обращать внимания на тот факт, что теперь, когда их адрес стал всеобщим достоянием, они превратились в добычу для всякого рода сброда: любителей сенсаций, убийств, ну и, разумеется, того, кто совершил это жестокое преступление? Даже если бы Дженни сумела найти школу, согласившуюся принять Стеллу посреди семестра, о том, чтобы привезти девочку в эту квартиру, не могло и речи идти. Нет, Стелла останется на попечении Элинор Спарроу, и самое меньшее, что могла сделать Дженни, — присоединиться к ним.

Она собрала вещи в тот же вечер, взяла только самое необходимое, а на следующий день Уиллу хватило порядочности помочь ей дотащить багаж до такси.

— Обо мне не беспокойся, — сказал он напоследок.

— Я беспокоюсь о квартире. Не забывай выключать плиту. Гаси сигареты. Никаких баб в моей постели.

— Готовить я не собираюсь, а скоро и курить брошу, так что перестань беспокоиться. — Дженни отметила про себя, что о других женщинах он не обмолвился ни словом. — Хорошо, что ты едешь к ним. Так хоть сможешь противостоять влиянию старой ведьмы. Присматривай за Стеллой.

— Моя мать всегда говорила, что ты мне не подходишь. Этим и объясняется твоя к ней ненависть.

— Видимо, она была права насчет меня, — признался Уилл. — Я оказался никчемным типом.

Магнолия перед их домом собиралась распуститься. Фото в «Бостон

глоуб» было черно-белым; оно не показало всей прелести розовых бутонов. Дженни села в такси и поехала на Южный вокзал к двенадцатичасовому поезду. Она увидела, что вся улица залита розовым светом. Он просачивался сквозь прутья кованых ворот, отражался от стекол, отчего ей трудно было смотреть вдаль.

В поезде Дженни задремала, а потому удивилась, что так быстро приехала. Ей всегда казалось, что родной город находится в миллионе миль от Бостона, но вот он здесь, совсем рядом. Люди, привыкшие к жизни в большом городе, всегда поражались, каким тихим был Юнити, особенно после того, как дневной поезд с шумом и дымом отъезжал от вокзала. Моросил мелкий дождик, и птички пикировали на червей, выползших на молодую травку. Дженни вспомнила, что мать когда-то придумала с десяток названий для разных дождей, выпадавших в это время года. Воздух был наполнен птичьим пением и мутноватым туманом. «Как же назывался этот дождь?» — ломала голову Дженни. Она забыла его название, как забыла о том, что при вокзале нет стоянки такси. Людям, собиравшимся ехать в аэропорт, приходилось вызывать машину из Гамильтона; местные перевозки совершал Илай Хатауэй и только, это была единственная транспортная служба в городе.

Дженни сразу увидела его «универсал», поджидавший на обочине, но она с детства побаивалась этого странного старика. Оказавшись перед выбором — сесть в прокуренную машину или позвонить матери, забыв о гордости, и попросить забрать ее с вокзала, словно она ребенок, — Дженни решила пройти пешком, несмотря на дождь. С собой у нее был большой чемодан на колесиках, разбухшая от мелочей сумочка и небольшая дорожная сумка с ночнушкой. Дождь моросил легкий, необременительный. Нарциссовый дождь, вот как всегда называла его Элинор, вдруг вспомнила Дженни, в противовес розовому дождю — так ее мать называла внезапный ливень в засушливое время — или рыбному дождю, потоку зеленоватой воды, падающему сплошной стеной, так что любой человек в здравом уме искал от него укрытия. Дженни пошла напрямик через городской луг, где располагался военный мемориал. Девочкой она часто прибегала сюда и ждала Уилла в тени платановых деревьев, лежа в траве, глядя на плоские широкие листья над головой. Раньше она ни на что особо не обращала внимания в этом городе, за исключением Уилла, зато теперь она замедлила ход. Все равно другого выхода не было, с таким багажом на руках.

Посреди луга стоял памятник воинам Гражданской войны — солдат верхом на огромной лошади. Некоторые утверждали, что моделью послужил Антон Хатауэй, сын мэра Юнити того времени, убитый в битве

при Пенсильвании. На другом конце луга находился памятник из черного гранита, посвященный тем, кто отдал жизнь в Войне за независимость. К тому времени, как Дженни добралась до него, она едва дышала, поэтому даже не взглянула в его сторону. Она просто остановилась и постояла под нарциссовым дождем. Странно — можно провести все детство в одном городе и даже не заметить многих вещей. Дженни, например, раньше не обращала внимания, что платановые деревья посажены рядами, или что шпиль Городского собрания украшен двумя золотыми птичками, или что дождь может пахнуть свежестью, в точности как распустившиеся нарциссы.

Дженни собралась идти дальше в сторону Шеперд-стрит, но тут ей погудела машина. Это оказался симпатичный маленький внедорожник, какой она всегда хотела приобрести, после того как Уилл угробил «БМВ», а их следующую машину, старенький «форд», угнали прямо со стоянки позади ресторана «Осиное гнездо». Но им всегда не хватало наличности для первого взноса, даже за подержанную машину.

Джип остановился, и водитель опустил стекло. За рулем сидела Лиза Халл, владелица чайной.

— Садись, я тебя подвезу.

Дженни зашвырнула багаж на заднее сиденье, затем обошла машину кругом и села спереди.

— Спасибо. Я забыла, что здесь лучше передвигаться на машине.

— А где твоя? Сломалась?

— У меня ее нет. — Спрятавшись от дождя, Дженни почувствовала, что холод пробрал ее до костей. С апрелем всегда так, он бывает коварным: повеет было теплом, а потом вдруг у тебя зуб на зуб не попадает. — И работы тоже нет. Если на то пошло, у меня вообще ничего нет.

— Неправда. У тебя есть дочь.

Лиза никогда не одобряла жалости к самой себе. Она рассказала, что была замужем, развелась и теперь живет одна — ни детей, ни домашних питомцев. «Не обременена никем» — так она выразилась о своей ситуации.

— Ты права, — одобрительно отозвалась Дженни. В школьные годы она даже не удосужилась получше узнать Лизу Халл. — У меня действительно есть дочь. Пусть даже она разговаривает со мной не очень часто.

— Стелла навещается в чайную весьма регулярно. Кажется, она решила перепробовать все десерты в меню.

Дженни рассмеялась.

— Я рассказала ей, что одна твоя прародительница когда-то работала

на мою семью. Кажется, это была Лиони Спарроу, та самая, что спасла чайную и организовала пожарную бригаду в городе. Вообще-то меня и называли в честь нее, а также в честь другой представительницы рода Спарроу, знаменитой своим умением готовить. По-моему, речь идет о твоей прабабушке Элизабет. Мое полное имя Элизабет Лиони Халл. Если собираешься пожить здесь подольше, то, возможно, захочешь поработать на меня. Продолжить традицию.

— Я? Я не пекарь.

— А тебе и не нужно им быть. Мне нужен менеджер, что означает обслуживать клиентов и вести учет. Синтия Эллиот помогает мне после школы и по выходным, но мне действительно нужен еще кто-то.

— Не буду ничего обещать...

— Вот и хорошо, — кивнула Лиза. — Я тоже не стану этого делать. Если только ты не считаешь унижительным принимать заказы и мыть иногда тарелки.

— Для меня нет ничего унижительного. Я ведь вышла замуж за Уилла Эйвери.

Дженни ожидала услышать смех, но Лиза о чем-то задумалась.

— Уилл Эйвери. Боже мой. Когда-то я была в него по уши влюблена.

Они свернули на Локхарт-авеню, где рос большой дуб. Дженни встречалась с Уиллом на этом самом углу сотни раз, так как он находился ровно на полпути между их домами. Старое дерево побило все рекорды, если она правильно помнила. Ему было более трехсот лет. Дуб рос еще в том древнем лесу, который вырубил колонисты под фермы и поля — пожалели только одно красивое дерево.

Дождь утихомирился, воздух сделался прозрачным и чистым. Влага еще не испарилась, удерживая благоухание мяты, как было в то далекое утро, когда Дженни исполнилось тринадцать. Послышалось жужжание, оно то нарастало, то затихало, словно где-то гудел огромный рой пчел. Такой шум разбудил бы даже самого большого соню, взбудоражив ему кровь. Когда они проехали немного дальше, Дженни увидела, что это работала бензопила. А еще она увидела оранжевые стрелки, обозначающие объезд вокруг основания старого дуба, который болел последние годы и теперь, видимо, окончательно засох. Городской совет проголосовал за то, чтобы его спилили, иначе первая же буря могла раскачать ствол и завалить ветками электрические провода и дорожные знаки.

— Привет! — опустив стекло, прокричала Лиза рабочему на стремянке. На другой стороне улицы стоял большой проржавленный грузовик. — Можно заказать дровишек из этого дуба? Мне он так нравился. Даже

думать не хочется, что ты его срубишь под корень.

Мужчина покивал и помахал рукой. Высокий, светловолосый, широкий в плечах, на голове у него были наушники, приглушавшие шум пилы. Глядя на него, Дженни почувствовала, как у нее защемило в груди; возможно, оттого, что он стоял на высокой стремянке, а она всегда боялась упасть. Или от его взгляда: он воззрился на нее так, словно уже упал. Он держался за одну из засохших ветвей и смотрел машине вслед.

— Кто это? — спросила Дженни, пока они ехали к грунтовой дороге, прозванной в городе аллеей Дохлой Лошади.

Вот теперь Лиза рассмеялась.

— Сама не знаешь?

— А разве должна?

Возможно, ее начало подташнивать из-за рытвин на дороге — джип переваливал через них, проезжая мимо скунсовой капусты и диких персиков. А может быть, из-за того, что теперь она могла разглядеть сквозь деревья Кейк-хаус с его обилием архитектурных деталей, слитых в одну форму белого свадебного торта, кривобоко сидящего на основании и увитого плющом.

— Это Мэтт Эйвери.

Некоторые не видят того, что прямо перед глазами, даже при стопроцентном зрении. Некоторых нужно вести за ручку, иначе они пропустят самое главное в своей жизни. Лиза покачала головой и, когда они выехали на подъездную дорогу, сообщила Дженни Спарроу:

— Мужчина, который тебя любит.

Часть вторая

Дар

1

Когда три женщины в семье готовят на одной кухне — быть беде. Проблемы обязательно начнутся уже за завтраком. Кто-то наверняка предпочтет яичнице яйца вкрутую. Кто-то обязательно возмутится замечанием, слишком близким к критике. Кто-то, несомненно, хлопнет дверью, бросив через плечо, что она не голодна или что она все равно не завтракает, причем много лет. В доме Спарроу царила та вежливость, которая намного хуже визга и брани. Это была холодная пелена недоверия. Когда кровные родственники так осторожно общаются, когда они так вежливы, то вскоре им уже не о чем говорить. Остаются лишь любезные фразы, которые настолько ничего не значат, что их вполне можно произносить в беседе с незнакомым человеком. «Передай масло; открой дверь; увидимся после школы. Снова дождь. Светит солнце. Холодно. Пес поел? Окно закрыто? Куда идешь? Почему так вышло, что я абсолютно тебя не знаю?»

Подобные фразы не способствуют сплочению семьи, и все же у Элино Спарроу оставалась надежда. Действительно, они с Дженни и десятком слов не перекинулись с тех пор, как она здесь поселилась; за обеденный стол они уселись вместе только один раз — и то лишь потому, что настояла Стелла. Попытка ни к чему не привела — теплый пирог со спаржей съели в неловком молчании — и больше не повторялась. Тем не менее ничего нельзя знать наперед. Особенно если дело касается семьи. К примеру, думаешь, что с каким-то человеком покончено, а потом вдруг раз, и он появляется, когда меньше всего этого ждешь. Ну кто мог себе представить, что Дженни Спарроу вновь поселится в Кейк-хаусе? В Юнити — уж точно никто. Даже в целом штате, Элино могла бы побиться об заклад. И тем не менее вот она, Дженни, спит на лучших простынях, сшитых вручную и подаренных Амелии Спарроу восемьдесят лет назад в благодарность за то, что она облегчила роды Маргарет Хатауэй, родившей младенца Илая, теперь уже настолько старого господина, что пассажиры должны повторять адрес дважды, когда усаживаются к нему в такси, но и тогда нет гарантии, что их не доставят в другое место.

Элино постаралась на славу, когда готовила комнату для Дженни. Она сама вымела пол, чтобы не осталось ни паутины, ни мышьиного помета; открыла окна, впуская свежий воздух. На бюро она поставила вазу со срезанными ветками персиковых деревьев, что росли на холме: Элино хорошо сознавала, что Дженни не захочет ни одного цветка из ее сада. Это

был хороший выбор; бутоны, раскрывшись, наполнили комнату запахом персиков и летним жаром.

Бог любит троицу, как всегда говорила бабушка Элино́р. Первой приехала Стелла, потом и Дженни, так не будет ли разумным надеяться на столь же невероятное продолжение? Разумеется, Элино́р не ожидала, что ее болезнь даст обратный ход — с каждым днем она все больше слабела, дольше спала и меньше ела, — но, возможно, роза в северном углу сада на самом деле окажется голубой. Не менее невозможное событие, чем возвращение дочери. И вот она Дженни, живая и здоровая, умывается по утрам холодной водой (кран с горячей вечно барахлит в Кейк-хаусе), варит себе чашку крепкого кофе из смолотых вручную зерен (электрическая кофемолка сломалась) и отправляется в чайную, куда устроилась на работу.

Разве голубая роза — более фантастическая небылица, чем идея, что внучка Элино́р, чьи первые тринадцать лет она пропустила полностью, теперь помогает ей в саду в солнечные дни? Смеется над птицами, шныряющими у граблей, которыми она разбрасывает перегной, отмахивается от пчел, лениво жужжащих в сыром апрельском воздухе. Если цветы действительно окажутся голубыми, то у Элино́р будет чувство, что она чего-то достигла, оставила свой след. Другая, более нетерпеливая женщина могла бы разрезать бутон гибрида и заглянуть внутрь, но Элино́р знала, что нельзя судить об оттенке по нераспустившемуся цветку. Желтые выющиеся розы в бутоне кажутся оранжевыми, белоснежные флорибунда могут иметь розовые прожилки, которые исчезают, как только лепестки раскрываются в светлый день.

«Мы понимаем, что нам нужно, когда получаем это», — как-то сказал Брок Стюарт. Элино́р убеждалась в его правоте каждый раз, слыша голос Дженни в передней, или когда, отрываясь от работы в саду, поднимала глаза на окна и видела в кухне свет. Она убеждалась в этом, когда начинал свистеть чайник на задней горелке, когда хлопала дверь черного хода, когда дом, в котором она жила, переставал быть пустым. Она не понимала, насколько одинока, до тех пор, пока не перестала быть одинокой. Она отрезала себя от людей, совсем как та роза «невидимка», что не выносила тяжести человеческого взгляда.

Элино́р начала серьезно сомневаться в каждом из своих решений, и эта неуверенность привела ее к очень глупому поступку: она позволила доктору Стюарту отвезти ее в больницу Гамильтона на консультацию к онкологу. С одним условием: он не должен был обсуждать ее болезнь с лечащим врачом, доктором Мейер. Он не должен был обращаться с ней как

с пациенткой, едва они пересекут городскую черту.

— Ты меня отлично знаешь и можешь быть уверена, я не стану вмешиваться в твою жизнь, если только сама не захочешь, — сказал доктор Стюарт.

И тем не менее когда Элинор вышла после консультации в вестибюль, то увидела, что он беседует с доктором Мейер. «Безнадежно», — донеслось до нее. Или это было «безрадостно»? А может быть, и «радужно», или, кто знает, это мог оказаться совершенно новый язык, который ей никогда не суждено понять.

— Ты обещал, что не будешь обращаться со мной как с больной, — сказала она Брокку Стюарту, когда они вышли из больницы. Она так разозлилась, так разочаровалась в его поступке, подорвавшем ее доверие, что едва могла дышать. — Ты поступил бездушно. Как ты мог мне солгать?

Возможно, именно это слово и прозвучало в вестибюле. «Бездушно».

— Я не лгал, — обиделся доктор Стюарт.

Больше всего Элинор поразило то, что она не почувствовала его обман. Раньше она оценивала честность в человеке легко, как дышала. Но теперь даже дышать было больно, к тому же Брок ударил в самое больное место, совсем как когда-то Сол. Если бы не проклятая усталость, она бы вернулась домой поездом, она бы вообще больше никогда не заговорила с доктором. Чтобы спасти хотя бы остатки гордости, она прошагала прямо к машине, забралась внутрь и отказалась даже взглянуть на Стюарта.

— Я не обещал, что даже не поговорю с ней, — напомнил доктор Стюарт, садясь в машину. Он повернул ключ в зажигании, но не тронулся с места. — Ты меня отлично знаешь и можешь быть уверена, что я никогда и ничем не причиню тебе боль. Но я не могу остаться в стороне от твоих дел, Элли.

Она сразу поняла, что он говорит правду. Так оно и было, причем довольно долгое время, а она не обращала ни на что внимания. Они знали друг друга лучше, чем кого-либо другого на этом свете, но прежде никогда не признавались, как дороги им их отношения. Элинор не смотрела на доктора всю дорогу домой, но, когда его старенький «линкольн» остановился перед Кейк-хаусом, она повернулась к своему спутнику:

— Как ты смеешь дарить мне надежду при таком состоянии?

С тех пор на нее временами накатывал оптимизм, непрошенный и ненужный, когда, конечно же, было бы мудрее полностью сдаться. Любой понял бы, если бы она предпочла натянуть одеяло на голову. Если бы она закрыла глаза и приняла двойную дозу морфия, который приберегала на вечер. Ей бы следовало сжечь все, что хотя бы отдаленно напоминало

надежду, в ярком пламени, а потом развеять по ветру пепел. Но вместо этого она позволяла надежде расцвести в душе. Пробуждалась с ней по утрам и засыпала по вечерам. Позволяла ей проливаться на землю дождем, орошавшим зеленую лужайку и собиравшимся в грязные лужицы, в которых в это время года откладывали яйца кусающиеся черепахи, преисполненные такой же надежды, как она, с нетерпением ожидая прихода того, что им больше всего было нужно в этом мире.

Что касается Дженни, чем бы она ни занималась в этом городе, ее преследовали две реальности — моет она, к примеру, посуду в старой раковине из мыльного камня, а сама мыслями в далеком прошлом: вспоминает, как выбиралась из окошка над этой самой раковиной в полночь и бежала на свидание к Уиллу, как спорила с матерью, как ясным осенним днем наблюдала за отцом, собиравшим листья в большие кучи возле каменной ограды.

Каждое утро, услышав бой часов в холле, Дженни вставала, чтобы разбудить Стеллу, и одновременно сама готовилась в школу. Она влезала в просторные черные слаксы, а ощущение было такое, будто натягивала старые джинсы. Расчесывая стриженные волосы, она думала, что ее черная грива достигает талии. В зеркале отражалось доверчивое лицо, а не то, каким оно стало позже, как будто она все еще была убеждена, что любовь победит, и выбрала единственно верную для себя тропу в жизни.

В тени лавра, в темных углах пустых комнат она видела девчужку, какой когда-то была, с длинными черными волосами, закрывавшими плечи. Девочка ходила за ней по пятам в ожидании, когда пройдет время и она вырастет. Раньше Дженни всегда торопилась, у нее не было даже минутки хорошенько подумать. Теперь она сожалела, что в свое время не открыла глаза и не задумалась над своим выбором, вместо того чтобы столько времени посвящать грезам, причем чужим грезам — совершенно бесполезное занятие. Вообще-то она радовалась, что не видит собственных снов, не без причины: ей всегда снились лабиринты, затейливые ловушки из живых изгородей, бетона или камня. В каждом сне она пыталась найти выход, но все ее жалкие попытки были обречены, и каждую ночь Дженни снова терялась, уходя все глубже и глубже в лабиринт.

Она понимала, что хотела сказать самой себе этими снами: она выбрала не ту дорогу в жизни, все ее решения заводили в тупик. Работа пошла Дженни на пользу: появилась причина уходить по утрам из Кейк-хауса, заводить будильник, одеваться и пересекать лужайку под радостное птичье пение. Она уходила из дома раньше Стеллы, и, возможно, от этого тоже

была своя польза. Лучше не будить лиха теперь, когда они живут под одной крышей. Лучше пропустить завтрак, помалкивать, не затрагивать тем, способных привести к спору, а в данный момент круг этих тем был чрезвычайно широк, так что безопаснее всего было говорить о погоде, но и тогда часто возникали разногласия по поводу прогнозов.

Естественно, первый рабочий день показался Дженни невероятно долгим. С этим никто бы не поспорил. Она не представляла, что столько жителей заглядывают в чайную по дороге на работу или приходят во время перерыва на обед. И все они такие разборчивые в еде: майонез с этим, горчица с тем, чай с лимоном, кофе со сливками. К концу дня голова у нее гудела. Но по крайней мере, она ни разу не вспомнила Уилла Эйвери, предоставленного самому себе в ее квартире. Наверняка он водил в дом своих подружек, копил грязную посуду, оставлял заднюю горелку на плите включенной, а сам заваливался спать. По крайней мере, она не вспоминала и о Мэтте Эйвери, во всяком случае не очень часто. Изредка у нее всплывала перед глазами картина: Мэтт стоит на верхушке стремянки возле огромного дерева и машет им рукой. Такая глупая картина, даже смешная, с жужжащей бензопилой и пчелами, летающими вокруг Мэтта. Казалось бы, она легко могла не думать о Мэтте Эйвери, как не думала о его старшем брате, со всей этой суетой на работе — газированная вода или простая, нож или вилка. Но почему-то думала, он присутствовал в ее мыслях постоянно, словно пчела, залетевшая между окон: гудит без перерыва, чем бы ты ни занимался. Так чувствуют рубец от ожога.

— Некоторые женщины, отработав здесь один день, швыряли на пол фартук, и только я их и видела, — сказала Лиза Халл, когда к вечеру рассосался наплыв посетителей.

Лиза угостила Дженни лимонным пирогом и горячим кофе. Дженни не ела пирогов, но от кисло-сладкого шедевра Лизы нелегко было отказаться. Многие уверены, что когда кто-то тебя хорошо кормит, то невольно становишься с ним откровенным, и Дженни не была исключением из этого правила. Она задала вопрос, который в любое другое время постеснялась бы задать:

— Ты не шутила, когда сказала мне о Мэтте?

— Да брось ты, Дженни. Разве сама не замечала, как он всегда таскался за тобой и Уиллом? Как верный пес, следил за каждым твоим движением.

— Он боготворил Уилла.

— Он считал Уилла болваном, — фыркнула Лиза. — Сам мне говорил. По его мнению, брату было даровано все, что только мог захотеть в своей жизни человек, а Уилл взял и выбросил это в помойку.

— Цитата двадцатилетней давности, — снисходительно заметила Дженни.

— Всего лишь недельной, Дженни. Он заходил сюда выпить чаю. Заказал еще хлеб с маслом — свой любимый десерт, как ни странно.

Лиза улыбнулась, и Дженни поняла, что те, кто хорошо знает Лизу, видят в ней красавицу, а не простушку.

Новенькую заранее предупредили, что посетители часто приходят к самому закрытию — и точно, так и вышло, без десяти минут четыре в чайную заявила Сисси Эллиот в сопровождении дочери Айрис. За окном моросил легкий дождь, и они нанесли лужи грязи. Синтия на кухне услышала поскрипывание ходунка и схватилась за голову, как от мигрени.

— Можете не говорить. Это мои бабушка с прабабушкой. Ну почему бы им не зайти в «Оловянную кружку» на шоссе?

Синтия тут же начала расплетать тоненькие косички, выкрашенные хной в ярко-красный цвет, как у светофора. Потом она набросила длинный белый халат пекаря, не позволявший увидеть, какая на ней короткая юбка, хотя никакие ухищрения не могли скрыть многоцветных леггинсов и черных ботинок с заклепками на толстой подошве. После чего Синтия принялась стирать темную помаду с губ и черную обводку вокруг глаз.

— Я обслужу их, — предложила Дженни, — расслабься.

— Вы даже не представляете, как я вам благодарна. Прабабка меня ненавидит. Я для нее как недостающее звено эволюции — уже не клоп, но еще и не человек.

— Не может быть, чтобы она была настолько зловредна, — уверенно сказала Дженни, прихватывая с собой листок с меню. Лиза и Синтия вдвоем уставились на нее. — Или может?

Айрис Эллиот, приятная с виду женщина, мать Генри, приходившаяся бабушкой Синтии и Джимми, выглядела смущенной, когда Дженни вручила обеим посетительницам по меню.

— Здравствуйте, дорогая. Простите, что пришли так поздно. Мы только на минутку. Маме захотелось чаю.

— Дженни Спарроу, — задумчиво произнесла Сисси, древняя старуха с заостренным лицом и мутными голубыми глазами. — Вы не та, чей муж сидит в тюрьме за убийство?

— Та самая.

Дженни порекомендовала лимонный пирог и домашнее песочное печенье, хотя на самом деле ей хотелось подать на этот столик тарелку гвоздей.

— Что ж, не волнуйтесь, — продолжила Сисси. — Мальчик Айрис,

Генри, вызволит его, пусть он даже совершил самое серьезное преступление. Должно быть, ужасно иметь такого мужа, как Уилл Эйвери. Наверное, он измотал вас еще до того, как кого-то убил. Это видно по вашему цвету лица, знаете ли. Какая-то вы бледненькая.

— Он мне бывший муж, — сказала Дженни. — Мы развелись. И никакого преступления он не совершал.

— А как ваша бедная мать? — Наверное, Сисси совсем оглохла. Во всяком случае, слушать она точно была неспособна. — Как она? Такая же резкая, как всегда?

— Моя мать, — неожиданно для себя ответила Дженни, — живет как нельзя лучше. Но я обязательно передам ей от вас привет. — С этими словами она отправилась за сахаром и сливками. — Вы правы, — сказала она на кухне Синтии и Лизе. — Старуха — хуже не бывает. Она заставила меня защищать собственную мать. Никогда не думала, что доживу до этого дня.

— Плюньте ей в чай, — прошептала Синтия, — будет ей поделом.

Дженни подала чайник английского чая и две порции пирога, а Сисси Эллиот все не унималась:

— Так много людей разводятся, что мне не уследить. Разумеется, не в каждом случае речь идет о моральном падении. Скорее это напоминает эпидемию скоропалительных решений. В свое время любой мог бы вам сказать, что вы разрушите свою жизнь, если выйдете за Уилла. И вот результат — вы прислуживаете в чайной. Кстати, а где же моя правнучка? Она ведь находится на той же самой низкой ступени. Синтия! — громко позвала она.

Синтия Эллиот высунула голову из кухни:

— Привет, бабуль. Я мою посуду.

Айрис Эллиот помахала ей рукой.

— Продолжай, детка! — прокричала она внучке — Мы не будем тебя отрывать.

— Что она сделала со своими волосами? — не унималась старуха. — Выглядят чудовищно. И почему она моет посуду? Дома она ничего подобного не делает.

— Здесь ей платят, мама, — пояснила Айрис Эллиот — Это ее работа.

А на кухне Синтия Эллиот со злости добавила в раковину еще мыла.

— Ну и стерва, — отозвалась она о своей прабабушке, когда вернулась Дженни. Синтия была добрая душа, но сейчас она завелась, и волосы ее торчали во все стороны, как иголки у дикобраза. — Ничего, что я так говорю о родне? В окно не залетит молния и не убьет меня насмерть?

— Все в порядке, — успокоила ее Дженни. — Ты не понесешь наказания за свои мысли. А бабка на самом деле стерва.

Да что там, по сравнению с Сисси Эллиот ее мать Элинор казалась душкой, и от этой мысли Дженни стало как-то не по себе.

— Не очень-то в вас много сострадания, — заметила Лиза Халл, обращаясь к обеим. — Когда столько пепла вокруг, можно не сомневаться, что был пожар.

— Что это означает? — недоуменно поинтересовались Синтия и Дженни.

Обе не могли без смеха представить, как Сисси Эллиот ковыляет со своим ходунком на пепелище.

— Это значит, что когда кто-то становится таким противным, то, скорее всего, он прошел сквозь огонь. Эти ее комментарии на ваш счет отлетают от нее как искры, а она сама даже не подозревает, что вся выгорела изнутри.

— По-моему, Лиза хочет сказать, что это мы с вами стервы, — прошептала Синтия на ухо Дженни.

Открылась задняя дверь, и заглянула Стелла.

— Там в зале не твоя прабабка? — поинтересовалась она у Синтии, а когда та кивнула, Стелла добавила: — Я подумала, что лучше нам с ней не встречаться. По слухам, она питается жареными младенцами.

— Только по вторникам, — усмехнулась Синтия. — В остальное время она ест лимонный пирог.

— Ммм, пирог. — Стелла схватила кусочек себе — Так это в нее пошел Джимми? В свою прабабку?

— Она отказывается сидеть с ним за одним столом. Даже в День благодарения. Называет его «преступником» прямо в лицо.

Хотя Синтия училась двумя классами старше, она приняла Стеллу под свое крылышко, и обе часто вместе обедали в школе. Несколько раз брат Синтии пытался присоединиться к ним, но неизменно получал от ворот поворот, чему Стелла была бесконечно рада: ведь стоило ему оказаться рядом, как с ней происходило что-то странное, и она ненавидела себя за это порочное чувство, хотя и не знала его названия. Именно во время этих обедов с Синтией, под злобные взгляды Джимми, сидевшего в другом конце зала, Стелла узнала все о Сисси Эллиот, которая, оказывается, держала наготове кучу камней у входной двери на тот случай, если кому-то хватит наглости пройти по ее лужайке.

— А где же твой соучастник преступления? — пошутила Синтия. — Мне казалось, вы с Хэпом неразлучны.

Стелла открыла дверь пошире, и все увидели, что Хэп Стюарт тут как тут, стоит себе и ждет ее на заднем крыльце. Хэп просунул голову в дверь и попросил кусочек пирога с собой, если это никого не затруднит. Он чувствовал себя не совсем ловко в присутствии Дженни, но его улыбка совершенно обезоруживала, выдавая в нем добряка, — так и хотелось улыбнуться в ответ.

Стелла подошла к матери, пока та заворачивала для них пирог.

— Значит, ты продержалась свой первый день.

— С трудом, — призналась Дженни. — В жизни так много не работала.

На плече у Стеллы висел тяжелый рюкзак, другое плечо, сломанное при рождении, она всегда берегла. На девочке были джинсы, ботинки, старый дождевик, в котором Дженни, кажется, узнала свой, из далекого детства. Мокрые светлые волосы Стеллы были распущены по спине. Несмотря на такой вид, она выглядела повзрослевшей, с тех пор как переехала в Юнити.

— Но все равно ты выстояла. — Испугавшись, что это прозвучало как комплимент, Стелла добавила: — Теперь я могу сказать, что моя мать — профессиональная подавальщица пирогов. Домой вернусь поздно. Мы пока не закончили трудиться над нашим проектом. А можно мне еще один кусочек пирога на тот случай, если я встречу со своим дядей?

— Дядей?

У Дженни слегка закружилась голова, не иначе оттого, что она провела весь день на ногах.

— Он спиливает то огромное старое дерево, что растет на углу Локхарт. Я уже его там видела. Он классный. Но так странно... он совершенно не похож на папочку.

— Это точно, — сказала Дженни. — Ничего общего.

— Позвони мне, — напомнила новой подруге Синтия, когда Стелла и Хэп уходили через черный ход.

Дженни и Синтия закончили убирать кухню, предоставив более сострадательной Лизе получить по счету у бабулек. Пусть в нее летят искры замечаний старухи Сисси. Пусть она тушит пожар.

— Пожалуй, я все-таки плюну в чай твоей прабабки в следующий раз, когда она придет, — поделилась Дженни своими мыслями с Синтией, жалея, что не общается со Стеллой так же легко, как с этой ярко-рыжей девочкой.

Синтия рассмеялась:

— Вот было бы здорово, если бы моя мать походила на вас. — Аннет Эллиот была, как ее муж Генри, адвокатом, и Синтия уже целый месяц с ней не разговаривала. — Что бы я ни сделала — все не так.

— Наверное, каждому хочется, чтобы его мать была кем-то другим.

— Особенно моей бабушке, — согласилась Синтия, — это точно.

Дженни тогда подумала: «Особенно мне», но в свете ужасного поведения Сисси Эллиот она поняла, что не заслуживает чьего-либо сочувствия. К этому времени она совершенно выбилась из сил, но все равно решила пойти домой пешком, думая, что прогулка и свежий воздух пойдут ей на пользу. Дождь почти совсем прекратился и теперь едва моросил, поэтому она отвергла предложение Лизы подбросить ее на машине.

— Купите себе велосипед, как у меня! — прокричала Синтия, проезжая мимо крыльца чайной и окатывая Дженни водой из ближайшей лужи. — Он отвезет вас, куда только хотите.

А куда она хочет? Дженни была слишком стара, чтобы купиться на зеленоватый свет весны или чистый влажный воздух, которым так легко дышится. Она не сомневалась, что Лиза Халл ошиблась. Они с Мэттом оба сильно переменялись. Если бы не Лиза, она ни за что бы его не узнала. Для нее он был просто симпатичный мужчина, которого наняли спилить старое дерево и который дружелюбно помахал ей при встрече, как старой знакомой, не больше.

Из-за дождя дуб на углу Локхарт-авеню получил один день отсрочки. Мэтт удалял дерево медленно, по кусочкам, начиная с верхних веток, и он не хотел, чтобы ствол раскололся и превратился в верную мишень для молнии. С самого полудня Мэтт засел в библиотеке, в историческом отделе, и даже перекусил там сэндвичем из супермаркета с особого позволения миссис Гибсон, которая обычно не разрешала приносить еду в библиотеку, но для своего любимого читателя сделала исключение.

Мэтт особенно любил сидеть в зале старинных рукописей в дождливые дни; тогда он словно плыл к знаниям, ныряя в дневники Хатауэев, Эллиотов и Хэпгудов. Сегодня он работал над своей любимой темой, отмечая, как повлияла деятельность женщин из рода Спарроу на жизнь городка. Констанс Спарроу учредила спасательную станцию на самом краю болот, где позже был построен маяк, — и все потому, что ее муж был моряк и часто уходил в море. Корал Спарроу, предсказывавшая погоду с поразительной точностью, звонила в колокол молитвенного дома, предупреждая о надвигающихся бурях, тем самым она способствовала эвакуации половины городского населения во время урагана 1911 года, после этого случая на другом конце Локхарт-авеню была учреждена метеорологическая станция, действующая до сих пор и дающая прогнозы

более точно, чем все метеорологи телевидения. Большинство городского населения знало, что благодаря Лиони Спарроу появилась пожарная бригада, позже превратившаяся в добровольный пожарный отряд. Но не многие знали, что первой акушеркой в Юнити стала Амелия Спарроу, и, если бы не ее способность облегчать участь матерей во время самых сложных родов, в городе вообще бы не было ни одного Хатауэя, включая старого Илая, так как Маргарет Хатауэй наверняка умерла бы во время родов, так и не произведя на свет своего единственного наследника.

— Все еще крутишь шашни с женщинами Спарроу? — поинтересовалась миссис Гибсон, когда Мэтт в конце дня принес ключ от зала и положил ей на стол.

Она и Марлена Эллиот-Уайт переглянулись. Они все никак не могли взять в толк, почему ни одна девушка в городе до сих пор не сумела подцепить Мэтта. Родная дочь миссис Гибсон, Сьюзен, изменила свое имя на Соланж и ездила в Бостон к какому-то женатику, так называемому художнику, который обращался с ней из рук вон плохо, тогда как здесь, в библиотеке, почти каждый день сидел в полном одиночестве Мэтт, свободный как птица.

— Надеюсь, я завершу работу к концу мая, — сказал Мэтт. — Это срок сдачи диссертации.

— Я слышала о твоём брате. — Миссис Гибсон понизила голос и обернулась, желая удостовериться, что Марлена не подслушивает, а то она вечно все докладывала своей мамаше Сисси и сводной сестре Айрис. — Говорят, он убил какую-то женщину в Бостоне.

— Да ведь это я тебе и рассказала! — возмутилась Марлена. Шепот коллеги ее ничуть не обманул. — И никакой это не секрет. «Бостон глоуб» и «Юнити трибьюн» напечатали полный отчет.

Мэтт питал слабость к миссис Гибсон, хотя в прошлом она наводила ужас на всех ребятишек. «Никаких разговоров!» — всякий раз кричали мальчишки, завидев миссис Гибсон на Мейн-стрит или на рынке, но самого Мэтта никогда не возмущал тот факт, что она требует аккуратного обращения с книгами, тишины и порядка.

— Мой брат не имеет к этому никакого отношения. Убийство всегда сопряжено с какими-то усилиями, если только оно не случайное, поэтому можете сразу исключить Уилла из числа подозреваемых. Вы ведь знаете, он никогда и ни на что не тратит своих сил. На этот раз он невиновен.

— Ну что ж, прекрасно. — Миссис Гибсон направилась в зал, где в металлическом шкафу со специальным контролем влажности хранились дневники отцов-основателей города. — Я рада, что это не Уилл. По правде

говоря, я всегда надеялась, что он найдет свою дорогу в жизни. Хотя бы ради твоей матери.

Мэтт ехал по городу домой, а сам думал, как легко все давалось его брату. Удача буквально приклеилась к Уиллу. Ему даже не нужно было стараться, чтобы быть первым. В ту ночь, когда они поспорили, кто из них сможет продержаться дольше на берегу озера Песочные Часы, проигравший поступал в полное распоряжение смельчака на весь день. Но несмотря на всю браваду Уилла, Мэтта никогда не оставляла мысль, что его брат в ту ночь от страха даже глаз не сомкнул. Проснулся Мэтт рано от боли в костях после нескольких часов, проведенных на сырой земле, и увидел, что Уилл за ним наблюдает, накинув на плечи спальный мешок, и взгляд у него какой-то затуманенный. Мальчики уставились друг на друга, вдыхая холодный озерный воздух.

— Я приглядывал за тобой, — сказал Уилл. — Ждал, что ты вскочишь и побежишь. Почему бы тебе не удрать прямо сейчас? Я уже слышу эту конягу под водой. Она вот-вот погонится за тобой.

На ночлег они устроились так близко к воде, что оба пропахли водорослями. Но видимо, дохлая лошадь до сих пор не всплыла, хотя другие мальчишки клялись, что если дьявол поднимется на поверхность, то загонит их в озеро: они будут бежать, пока под ногами не кончится твердая земля и не останутся лишь водяные лилии. До сих пор ничего подобного не произошло, и Мэтт вполне прилично выспался.

Рядом прожужжала пчела, Мэтт прогнал ее, помня об аллергии брата.

— Можешь ждать сколько угодно, — ответил он, — никуда я не побегу.

Воздух, наполненный пылью, отливал зеленым цветом. Это был первый теплый день весны, уже появились мухи-однодневки. Мэтт мог бы поклясться, что до него доносится запах дохой лошади, впрочем, удирать он не собирался. Причиной зловония могла быть всего лишь скунсовая капуста, росшая в канаве.

Мэтт обычно подчинялся старшему брату, и этот его неожиданный бунт рассмешил Уилла.

— Ладно, братишка. Посмотрим, кто победит.

Ну и кто всегда побеждал? Кому все сходило с рук? Тем не менее, оглядываясь в прошлое, Мэтт был почти уверен, что Уилла до смерти напугала ночь у озера. Он ни за что бы в этом не признался и врал бы до посинения, но Мэтт заметил его загнанный взгляд, Мэтт видел, что брат съезжился под спальным мешком и выглядывал оттуда, как крыска из норки.

Кто-кто, а Мэтт знал, что смелость — ненадежный спутник. Ему стоило лишь оглянуться на собственную жизнь и увидеть, что происходит с человеком, который бездействует. Он так боялся оказаться вторым номером, так был уверен, что его отвергнут и оттолкнут, что ни разу даже не попытался что-то предпринять. Никогда ни за что не брался по-настоящему. Просто дрейфовал себе по жизни, и вот результат: здоровый, взрослый мужик, у которого нет ничего за душой. Проезжая по Мейн-стрит, он спрашивал самого себя, есть ли у него хотя бы половина той смелости, которой обладали люди, за чьими дневниками он просиживал все вечера: мужчины, осваивавшие неизведанные земли, женщины, несшие сотни потерь.

В дневнике Саймона Хатауэя он прочитал, что моделью всадника для памятника героям Гражданской войны в самом деле послужил его сын Антон. Но только ознакомившись с дневником Морриса Хэпгуда, Мэтт узнал другую истину, скрывавшуюся за этим фактом: оказывается, мать Антона, Эмили, навещала памятник каждый день до самой своей смерти. Ее не останавливали ни дождь, ни снег. Да что там, она даже не поднимала глаз; после смерти сына она ни разу не посмотрела в небо. Все, что имело значение для Эмили в этом мире, было похоронено в земле, и некоторые люди, в частности жена Морриса Хэпгуда Элиза, верили, что подснежники, расцветавшие у основания памятника, — это слезы матери.

Хотя работа Мэтта в основном сосредоточилась на женщинах из рода Спарроу, он пока не нашел ни одного слова, написанного кем-то из них, если не считать нескольких клочков бумага с кулинарными рецептами Элизабет. Все свои знания он почерпнул из дневниковых записей и писем мужчин города Юнити — этакая смесь фактов и домыслов, сдобренная слухами. Что касается женщин, то от них остались дневники, заполненные списками покупок, газетными вырезками, объявлениями о рождениях и некрологами и еще какими-то мелочами, которые наверняка затерялись бы во времени, если бы не были записаны. Но что до Ребекки Спарроу, то большая часть ее жизни оставалась пока неизвестной. Ее история не просто была спрятана, она была похоронена, заперта на сто замков, чтобы защитить невиновных, а заодно скрыть имена виноватых, таким образом, облегчить участь потомков как с той, так и с другой стороны, не дать ярму прошлого лечь на их плечи.

Мэтт всегда снижал скорость, проезжая мимо городского луга, в знак уважения к тем гражданам, которые жили до него. Он поступал так с самого детства, когда мальчишкой на велосипеде развозил газеты. Но сейчас он вообще остановил машину. Нажал на тормоз и включил

дворники на лобовом стекле. Зрение у него было отличное, поэтому он понял, что не ошибся. По его телу пробежали мурашки, когда он опускал стекло.

— Дженни! — позвал он.

Она стояла возле памятника павшим в Войне за независимость, любимого монумента Мэтта. Однажды Мэтт пришел сюда вечером и принес несколько больших листов белой бумаги и черный пастельный карандаш. Один из оттисков, который он тогда сделал, не посчитавшись с законом, теперь висел в рамочке над его кроватью, и ангел охранял его сон.

Мэтт оставил двигатель включенным и вылез из грузовичка. Определенно это была она.

— Дженни Спарроу!

Дженни обернулась, услышав свое имя. В ту минуту она думала о персиковых пирогах, грязных тарелках и счетах, в которых цифры никак не складывались. Пустяки, конечно, но все-таки лучше, чем навязчивая мысль об Уилле, матери или Стелле. Она сощурилась, глядя на мужчину, который направлялся к ней и махал руками, словно знал ее. Это был тот самый высокий симпатяга, в которого превратился Мэтт Эйвери. Это был тот самый человек, о котором она старалась не думать.

— Привет, Мэтт! — неуверенно прокричала Дженни в ответ.

Мэтт заулыбался и порывисто обнял Дженни, прежде чем успел понять, что делает. Через секунду он осознал, что ведет себя глупо, и отстранился.

— Ты совершенно не изменилась, — сказал он.

— Спусти столько лет все меняются, Мэтт.

Тем не менее Дженни была польщена. Как случилось, что она ни разу не обратила внимания на то, какими глазами он на нее смотрит? Почему она не поняла, что он тогда ходил по пятам за ней, а не за своим братом? Конечно, Дженни не очень доверяла суждениям Лизы Халл. Любовь такой не бывает, разве нет? А то получается, она пролежала в дальнем ящике все эти годы, словно рубашка, которую никто ни разу не удосужился примерить, но которая тем не менее лежала там чистая и выглаженная, готовая к носке в любой момент. Все равно не может быть, будто он вправду считал, что она совсем не изменилась. Неужели он не разглядел, что волосы у нее стали намного короче, что вокруг глаз и на лбу появились морщинки и что она больше не та упрямая девчонка, которой раньше была?

— Я слышал, что ты в городе. Видел Стеллу и хотел позвонить тебе в дом твоей матери, но не знал, захочешь ли ты разговаривать со мной. Подумал, а вдруг ты бросишь трубку...

Дженни рассмеялась. Странно, вроде бы Мэтт совершенно изменился и в то же время остался прежним. Он всегда отличался щепетильностью, всегда думал о других, предугадывая их желания.

— С чего вдруг? Из-за вашей драки миллион лет тому назад? Что бы ни случилось в тот Новый год, уверена, Уилл заслужил трепку.

— Да, заслужил.

Мэтт помрачнел при одном упоминании о брате. Стелла была права в своей оценке, он совершенно не походил на Уилла. Задумчивый, даже слишком, вечно терзающийся сожалениями, словно совершенные им ошибки навсегда отпечатались рубцами у него на спине.

— Это было давно, — напомнила Мэтту Дженни.

У него был такой растерянный вид, что Дженни захотелось протянуть к нему руки, но вместо этого она шагнула назад и чуть не споткнулась о черный гранитный памятник.

В последнюю секунду Мэтт успел поддержать ее. Он думал о Дженни Спарроу каждый божий день с того самого Нового года, когда видел ее в последний раз. Наверное, теперь он не смотрел на нее, а пялился. Во всяком случае, в тот день, когда он стоял на стремянке, он точно пялился, стараясь отгадать, она это или нет.

— Вообще-то я пыталась тебе дозвониться, — сказала Дженни просто для того, чтобы не молчать, просто, чтобы он перестал рассматривать ее. — Но тебя никогда нет дома. Я хотела поблагодарить за то, что ты оплатил услуги Генри Эллиота и внес сумму залога.

— Не забудь детектива. Его услуги я тоже оплачиваю. Старина Уилл, — скорбно продолжил Мэтт, — он может любого пустить по миру.

— Я прекрасно это сознаю. Что бы ты ни делал, не одалживай ему свой грузовик. Никогда. Даже если он скажет, что на границе с Нью-Гемпширом лежит гора золота, которую только и нужно, что перегрузить в кузов, и вы станете оба богатыми до безобразия. Хотя, пожалуй, даже Уилл не смог бы нанести большого ущерба этой колымаге.

Дженни кивнула на выдавший виды пикап Мэтта, и оба расхохотались. «Как все странно», — подумала Дженни. Она снова почувствовала тот рубец от ожога. Дождь опять припустил, но они даже не сделали шага, чтобы найти укрытие.

— Старина Уилл, — повторил Мэтт.

— Хотя, конечно, он никого не убивал.

Дженни дышала с трудом — наверное, от влажности. А все этот деревенский воздух, пыльца, сырость. Жаль, у нее не было при себе бумажного мешочка, чтобы подышать в него. Жаль, она не могла

справиться с нервами.

— Мы получили отчет от детектива, что в квартире жертвы найдены отпечатки пальцев, — продолжил Мэтт.

Почему он все время заговаривает о своем брате? Господи, он что, его охранник, поборник, тень?

— Но Уиллу они не принадлежат. — Так много слов за один раз Мэтт не произносил уже много лет, если не считать бесед с миссис Гибсон. Наконец он умолк и перевел дыхание. — Ты пахнешь сахаром, — добавил он и тут же мысленно обозвал себя идиотом.

— У меня был первый рабочий день. В чайной у Лизы Халл.

— Лиза очень славная — На самом деле в эту секунду Мэтт никак не мог припомнить, кто такая Лиза Халл. Неужели он всегда тупел в присутствии Дженни, становясь с перепугу болваном? — Ты, должно быть, устала. Тебя подвезти?

— Нет, спасибо. — Дженни еще раз шагнула назад и опять споткнулась о гранит, но теперь она замаскировала свою неловкость, усевшись на краешек плиты. От гранита шел пронизывающий холод, но Дженни не обращала внимания. Ей почему-то стало жарко. — Я пройдушь пешком. Это полезно, после того как весь день проведешь в четырех стенах.

Мэтт понял, что от нее пахнет не только сахаром, но еще чем-то. В воздухе потянуло озерной водой, тем самым соблазнительным ароматом, который он ощутил той ночью, когда они с Уиллом разбили лагерь во владениях семьи Спарроу и слушали лягушачий хор.

— Я сообщу, если будут какие-то новости в деле Уилла, — сказал он.

Опять этот проклятый Уилл. Неужели он не может не говорить о брате хотя бы минуту? Ведь на самом деле ему хотелось поцеловать Дженни Спарроу, прямо тут, на городском лугу. Именно об этом он думал каждый раз, когда проезжал мимо, только теперь она была здесь, сидела на краю плиты и смотрела на него снизу вверх.

— Дело в том, что я каждый день получаю сообщения об Уилле от Генри Эллиота.

В эту секунду ему уже хотелось прибить Уилла. И Мэтт дал себе зарок: отныне он выбросит это злейшее из имен из своего лексикона.

— Генри, да. Я работаю с его дочерью, Синтией. Милая девочка, но взбалмошная. Как хорошо, что я больше не подросток.

А вот Мэтт страстно желал, чтобы она снова превратилась в подростка. Он жалел, что не может отмотать время назад, чтобы он прошел в Кейк-хаус, а Уилл остался во дворе сидеть на корточках возле форзиции. Ему хотелось бы вернуться в прошлое, в ту минуту, когда она шла по лужайке к

ним, босая, с распущенными длинными волосами, спутанными после сна.

— Розмари Спарроу бегала быстрее любого мужчины в городе, — произнес Мэтт и сразу смутился, что ляпнул это ни с того ни с сего.

Он часто прибегал к этому средству — выуживал какой-нибудь исторический факт из своего огромного багажа, чтобы уйти в сторону от всего, что напоминало чувства или сожаления. Собеседником он был ужасным, чуть лучше ему удавался пересказ каких-либо фактов.

— Что-то я не поняла.

Дождь теперь лил не на шутку, но ей все еще было жарко. Вот что порой творит с человеком нарциссовый дождь. Буквально выворачивает его наизнанку. Дженни расстегнула пиджак и принялась обмахиваться.

— Ты сказал, что она бегала?

— Она была твоей родственницей. Очень дальней — прапрапрапрапра. Времен Войны за независимость. Она могла перегнать оленя — во всяком случае, так говорили люди. Когда подступили британцы, она домчалась бегом до Норт-Артура и успела как раз вовремя, чтобы спасти около сотни ребят, которых иначе ждала бы британская засада, а так они скрылись в лесу и сами устроили что-то вроде засады.

— Ух ты! — рассмеялась Дженни. — Откуда тебе все это известно?

— Библиотека. Добрая старая миссис Гибсон.

— Миссис Гибсон! Кажется, я до сих пор должна ей деньги за просроченную книгу. В те дни я ничего не возвращала. Господи, какая же я была легкомысленная. Наверное, я у нее в списке самых злостных должников.

— Ничего подобного. Только не у нее. Миссис Гибсон — добрая душа. Она не ведет никаких списков.

Пробили часы на Городском собрании, и оба, вздрогнув, обернулись. Шесть часов. Сквозь платановую листву просачивалась темнота, а вместе с нею и дождь. Желтый дождь, легкий дождь, нарциссовый дождь, заставлявший людей совершать глупости.

— Приходи как-нибудь к нам пообедать.

Он переменялся в лице, и Дженни подумала, не ляпнула ли она что-то неуместное. Его как будто охватила паника — казалось, он сейчас повернется и побежит, еще быстрее, возможно, чем Розмари Спарроу.

— Впрочем, это совсем не обязательно. Я не обижусь, если ты откажешься. — Она сама предложила ему вежливый выход из ситуации. — Моя мать не многим нравится. Я пойму. Поверь.

— Мне она нравится. Даже очень.

— Вот как? В таком случае, быть может, на следующей неделе?

Мэтт кивнул и направился к машине.

— На следующей неделе, — бросил он на ходу, начав осуществлять свой план и не упоминая имени брата.

Он шагал прямо по лужам и не замечал этого. Ботинки пропускали воду, но разве ему было не все равно? В оставленное открытым окно залетал дождь, и теперь все его папки, лежавшие на сиденье, промокли, но он ничуть не расстроился; придет домой — и высушит все у огня.

Дженни поднялась, помахала ему рукой. В отличие от Бостона, где сумерки медленно обволакивали улицы, здесь, в Юнити, ночная тьма опускалась, как завеса. Вроде бы ясный день, а в следующую секунду оказываешься в полной темноте.

— Рассмотрю памятник у себя за спиной! — прокричал Мэтт, забираясь в грузовик. — Это мой любимый.

Отъезжая, он посигналил, и этот гудок разнесся по всей лужайке. Дженни показалось, что она тонет, погружаясь на дно. Какое здесь странное дождливое место — зеленое, темное, тихое. Она оглянулась, чтобы рассмотреть памятник, плиту которого использовала как скамейку. До сих пор она ни разу не удосужилась взглянуть на него за все годы, что здесь жила. Пусть прошлое остается в прошлом, тем более что ей всегда хотелось от него бежать. Ее интересовало будущее, поэтому она до сих пор не замечала вырезанного на черном граните ангела; поэтому не знала, что ангел, увиденный ею много лет тому назад под утро ее тринадцатого дня рождения, все это время находился здесь, неподвижный близнец того, который прежде был всего лишь сном.

Клиника в Порт-Артуре находилась на Хоупвелл-стрит, на самой окраине города, где городской ландшафт сливался с грязными бесполезными полями, истощенными плугом и оставленными засыхать. Единственным другим зданием в радиусе полумили было ангарное сооружение, в котором держали школьный автобус. Доктор Стюарт иногда думал, что муниципалитет Норт-Артура специально выбрал это место, чтобы не подпускать к городу болезни, а может быть, городским властям просто хотелось скрыть тот факт, что лечились здесь в основном рабочие с ферм, приезжавшие на сезон: в июне собирать клубнику, в октябре — яблоки. Тем не менее клиника была укомплектована первоклассным персоналом, имела отличную стоянку для машин. Последнее обстоятельство доктор Стюарт особенно ценил, так как всегда мог найти достаточно места для своего огромного старого «линкольна».

Иногда Хэп сопровождал деда в клинику, и на этот раз он потащил за собой Стеллу. Сегодня дежурили несколько терапевтов из Гамильтонской больницы, не жалевших своего свободного времени, практикующая медсестра, две дипломированные медсестры, врач-ординатор из отделения экстренной помощи и секретарь по имени Рут Холуэрди, чуть ли не самое главное здесь лицо.

— Привет, док! — выкрикнула Рут, когда они вошли в клинику. — Я вижу, вы привели с собой пару халявщиков.

— Ты права, Рут, — весело откликнулся доктор. — Вы двое поступаете в распоряжение Рут, — обратился доктор Стюарт к Стелле и Хэпу. — Будете делать все, что она вам велит.

— Отлично. Подальше от больных — Хэп остался доволен. В приемной кашлял какой-то старик и выла девчонка, словно ее мучила боль. — Не могу поверить, что тебе захотелось поехать по доброй воле. Здесь совсем не весело.

Рут вручила им страховые бланки, и они раскладывали их по алфавиту, сидя на ковре в заднем офисе, рядом со шкафами картотеки. Мигала лампа дневного света, из приемной то и дело доносился вой, он то затухал, то звучал громче, наподобие маленькой сирены.

— Я не боюсь больных людей, — ответила Стелла. — Этим я отличаюсь от тебя.

— Я не говорил, что боюсь. Просто им невозможно помочь.

Все ожидали, что Хэп станет врачом, но ему не хватало духа возиться с

людскими слабостями.

— Быть врачом — все равно что работать на машине, которая все время ломается. Раз за разом. Как тостер, который сжигает все, несмотря на твои усилия. Или машина, которая никак не заводится, даже если ты каждый день будешь «прикуривать» от чужого аккумулятора. Битва бессмысленна, если ее нельзя выиграть.

Ясно, что Хэп думал о своей матери, которая умерла, когда ему едва исполнилось пять. Хэп еще раньше рассказывал Стелле, что помнил из того времени только, как они с мамой собирали фиалки, душистый сорт, росший на небольшом участке между владениями семьи Спарроу и домом его бабушки, под высокими соснами. Единственное воспоминание — вот и все, что у него осталось от нее. «Пурпурные звезды», — сказал однажды он Стелле, когда они вместе исследовали прачечную Ребекки Спарроу. Из маленького окошка, никогда не знавшего стекла, они увидели небольшую полянку таких фиалок. «Вот на что они похожи».

— Некоторых можно вылечить, — упрямо заявила Стелла. — Кроме того, живые люди гораздо интереснее тостера.

Этот спор заставил ее увидеть мысленным взором картину: бабушка неподвижно сидит в саду, и на нее падает снег. Стелла даже вздрогнула. Люди умирают, в этом Хэп прав, умирают часто, и ничего с этим нельзя поделать. Нет ни лекарств, ни противоядий. В некоторых случаях приходится даже отказываться от надежды. Но только не в случае с Хэпом. Стелла собиралась сделать все, чтобы ничего с ним не случилось. Если уж она не может в него влюбиться, то, по крайней мере, может его защитить. Она вспомнила, как он доверился ей, когда они сидели рядышком в хижине Ребекки, вспомнила, какой взгляд у него был, когда он говорил о фиалках. Еще она вспомнила, как он ждал ее в тот первый день, когда она шла в школу, как улыбнулся, когда она появилась из-за угла и направилась прямо к нему. Хэп тогда пожалел, что не захватил с собой камеру (он сам признался ей позже); у нее был такой вид, словно у птицы, пойманной в ловушку, утверждал он, было видно, что она думает только об одном: как бы спастись.

Вот что на самом деле интересовало Хэпа — фотографии. Он устроил в подвале бабушкиного дома лабораторию и повсюду, куда бы ни пошел, таскал с собой камеру в рюкзаке. Старая «лейка» была с ним и сейчас, поэтому он не упустил возможности, щелкнул Рут Холуэрди.

— Прекрати, — отрезала Рут. — Я работаю.

— Ты обрадуешься, когда увидишь снимок, — отозвался Хэп.

— Ты бы признался бабушке, что не хочешь быть врачом, —

посоветовала Стелла. — Тогда он перестанет возить тебя сюда.

Хэп посмотрел на нее беспомощным взглядом.

— Я не могу так ранить его чувства.

— Просто скажи ему! Он выдержит, когда услышит новость.

Из приемной донесся шум, не предвещавший ничего хорошего.

— Черт, — буркнул Хэп. — Предвижу трагедию.

— Ребята, вы остаетесь здесь, — сказала Рут Холуэрди строгим голосом человека, привыкшего, что ему все подчиняются.

Но Стелла и не думала подчиняться, а потому последовала за Рут, несмотря на то что Хэп схватил ее за руку и напомнил:

— Тебя это тоже касается.

Перед больницей стояла карета «скорой помощи» и несколько полицейских машин. На шоссе произошла серьезная авария, а Хоупвеллская клиника оказалась ближайшей. Из приемной выбежали медсестры и санитары, Стелла едва успела отскочить в сторону. Тем не менее она умудрилась все рассмотреть: на каталке лежал молодой парень, весь в крови, с покалеченными руками и ногами. Стелла поняла, что он умрет, но не из-за очевидных ран, а из-за разрыва печени. Она смогла увидеть еще кое-что: когда каталку бегом везли мимо, Стелла взглянула в глаза молодому человеку, и на секунду их взгляды встретились.

Не думая ни о чем, Стелла последовала за медиками в смотровую. Рут Холуэрди опустила руку на ее плечо:

— Туда нельзя, детка. Запрещено.

Но Стелла вырвалась и прошла в двери за врачами. В голове у нее загудело, поэтому она едва слышала слова Рут, и, даже если бы секретарша подняла крик за ее спиной, она все равно не обратила бы на него внимания.

Когда Стелла проскользнула в кабинет, врач-ординатор снимал основные показатели состояния больного. Все были так заняты, что даже не заметили появления Стеллы, пока не вошел доктор Стюарт.

— Боже мой! — ужаснулся он, увидев девочку. Она стояла возле двери и смотрела, как один из ординаторов Гамильтонской больницы хлопотал над потерявшим сознание больным. — Стелла, возвращайся в офис.

Но Стелла даже с места не сдвинулась. Она чувствовала, что юноша тонет, как корабль в океане. Даже она понимала, что ординатор не справляется с поставленной задачей.

— Тот врач не в состоянии ему помочь. У больного разрыв печени.

— Ты что, слышала, как кто-то произнес вслух диагноз?

Юноша на столе бесконтрольно вздрагивал, что часто происходит с пациентами, у которых есть внутренние повреждения. Он был землистого

цвета и никак не отреагировал, когда сестра поставила ему капельницу.

— Я просто знаю, что это так, — мрачно изрекла Стелла. Она была настолько серьезна, что доктор Стюарт не стал ее выпроваживать. — С этим можно что-то поделать?

— Не всегда.

Доктор Стюарт подошел к больному, и ординатор ему сообщил:

— Осмотр я произвел.

Стюарт тем не менее внимательно исследовал брюшную полость раненого. Она была раздута и наполнена жидкостью. Пульс был угрожающе редкий, и вообще доктору Стюарту не понравилась вся ситуация. Ординатор вроде бы делал все правильно, но чего-то недоставало. Иногда требовалось действовать интуитивно. Броку Стюарту приходилось видеть такое раньше: медсестра или врач каким-то образом понимали, что не так, еще до того, как получали результаты анализов. У него у самого проявлялась такая интуиция, иногда он действовал по наитию, шел на риск, если ожидание могло привести к смерти.

Он подал знак сестре вызвать вертолет авиационной «скорой помощи». Сам доктор Стюарт собирался позвонить в Бостон, чтобы там держали наготове рентген и операционную. Не прошло и двадцати минут, как пациента эвакуировали. В клинике воцарилась звенящая тишина. Из приемной по всему коридору тянулся широкий след крови. Рут всегда боролась с такими пятнами, используя смесь отбеливателя, уксуса и содовой воды.

— Ковры я чищу лучше любого профессионала, — объявила она и повернулась к Стелле. — В следующий раз, когда я велю тебе остаться в офисе, ты послушаешься?

— Наверное, нет, — призналась Стелла.

— Вот и старый док такой же. — Рут покачала головой; по ее мнению, некоторые люди были слишком упрямы, чтобы подчиняться каким-либо правилам. — Поступай как знаешь.

По дороге домой Хэп и Стелла вели себя тихо. Хэп сидел впереди, рядом с дедушкой, Стелла — сзади. Она изучала форму головы Хэпа. У него были густые каштановые волосы, но стоило ей прищуриться, и начинало казаться, будто его голову пронизывают радужные лучики. «Скажи это, — мысленно понукала друга Стелла. — Пусть он узнает, кто ты на самом деле».

— Я думаю, что все-таки не стану врачом.

Просто смешно, с каким трудом Хэп произнес вслух свое признание. Оно забрало у него все силы, а когда прозвучало, он привалился головой к

боковому стеклу, совершенно изможденный.

День был солнечный и теплый, хотя в клинике, где мигали лампы дневного света и жалюзи всегда были полуспущены, об этом никто не догадывался. После заявления Хэпа воцарилось молчание; старый «линкольн» свернул со служебной дороги и взял курс на город. Сквозь листву платановых деревьев просачивался свет. Зеленый и желтый. Тень и солнце.

— Не создан для этого? — наконец произнес Брок Стюарт.

— Так точно, сэр.

— Ну, Стелла, что скажешь? Что мне с ним сделать? Четвертовать? Или отправить в ссылку за то, что нарушил семейную традицию? Быть может, не разговаривать с ним до конца дней?

Хэп смущенно моргал. Он так переживал по поводу своего признания, что в первую секунду ему показалось, будто он неверно расслышал дедушку. Но Стелла громко рассмеялась. После всех треволнений доктор легко простил внука. Она наклонилась вперед, пристроив локти на спинку кресла, в котором сидел Хэп.

— Твой дедуля шутит, — прошептала Стелла и повернулась к доктору. — Разумеется, следует снести ему голову с плеч долой. Но нельзя ли сначала заказать пиццу? Я умираю от голода.

— Значит, будет пицца, — согласился доктор.

Они подъехали к его дому, который он помогал проектировать и строить пятьдесят лет тому назад, когда только женился на Адели. Ему хотелось, чтобы новый дом был совершенно не похож на его семейное гнездо — деревенский коттедж, который он передал городу. Дом Стюартов, первое здание, построенное в Юнити после большого пожара, теперь превратился в задрипанный магазинчик сувениров, где продавалась всякая поделочная дребедень, стилизованная под старину, и ее охотно раскупали туристы, наезжавшие летом и осенью по маршруту «Тропа свободы». В теперешнем доме доктора было много больших окон, из которых открывался вид на рододендроны и азалии, розовые, белые и фиолетовые. За подъездной дорогой проходил частокол, огораживавший холмистое поле. Припарковав машину, они все гурьбой отправились на кухню, усталые, в грязной обуви. Хэп позвонил в городскую пиццерию и заказал доставку большой пиццы со сложной начинкой, а доктор тем временем пошел умыться.

Дэвид Стюарт, отец Хэпа, высокий мужчина несколько помятого вида, только что вернулся с работы домой. Он сидел в кабинете и щелкал пультом от телевизора, пытаясь найти матч любимой команды «Ред сокс»,

когда Хэп привел к нему познакомиться Стеллу.

— Значит, ты и есть Стелла, — сказал Дэвид Стюарт, когда сын представил их друг другу. — Ну-ну. Совершенно не похожа на мать.

Стелла всегда считала одной из главных целей своей жизни быть непохожей на мать, а потому замечание мистера Стюарта вроде бы должно было ей понравиться. Однако кровь прилила к ее лицу, и она почувствовала себя оскорбленной.

— У твоей матери были красивые темные волосы, как у всех женщин Спарроу. Мальчишки в школе так и ходили за ней по пятам. Все были от нее без ума, но ее никто не интересовал, кроме Уилла Эйвери.

Будь на ее месте Джулиет Эронсон, вероятно, мистер Стюарт услышал бы: «Вот как? Ну, так я уверена, мистер Стюарт, что вы интересовали ее меньше всех, ничтожество и скунс вы этакий. Да вы даже сейчас идиот». Стелла же, напротив, стояла и вежливо улыбалась, примерзнув к полу в растерянности от такого сравнения с матерью. Выходит, она — никто, невидимка, бледная имитация оригинала.

— Мой отец иногда ведет себя как болван, — виновато произнес Хэп, когда они вышли на крыльцо, чтобы подождать машину с пиццей. — Мне кажется, он разочаровал моего дедушку. Отец продает лекарства и неплохо преуспевает, но дедушка ждал от него другого. Как и от меня.

— Ты совершенно не похож на своего отца.

Оба рассмеялись от этого отголоска речи Дэвида Стюарта. И все же мнение мистера Стюарта больно ужалило Стеллу. Выходит, она хуже своей матери, вот что он пытался ей сказать. За такой, как она, никто не станет ходить по пятам, если он, конечно, в своем уме.

— Мой отец тоже бывает странным. Но он хороший. Он слушает меня. По крайней мере, пытается.

Даже сейчас, несколько часов спустя после трагедии, в памяти Стеллы все время всплывало лицо того пациента. Она смотрела на рододендроны, поправляла волосы, рассказывала о своем отце, а сама видела мысленным взором лицо юноши. Ее потряс его взгляд. Было в нем что-то такое, от чего никак не отмахнуться. Вероятно, в этом мире существует одна лишь действительная истина, и познать ее можно, только если заглянешь хотя бы на секунду в самую глубину.

Подул легкий ветерок, и в воздухе потянуло землей, сеном и удобрением, молодой травой и копытнем. Апрель. Стеллу едва начало отпускать напряжение дня, как вдруг она что-то заметила в поле. Какое-то существо, похожее на перевернутого верблюда, поедало листья орешника. Таких животных не бывает, они могут только присниться, хотя вроде бы

состоят из обычных частей — копыт, головы, хвоста.

— Что там такое? Какой-то зверь?

— Это Торопыга. Конь моего дедушки.

Стелла похолодела, хотя день по-прежнему был теплый, ярко светило солнце. В первый день знакомства с Хэпом она увидела, как он падает с лошади; он летел вниз с огромной скоростью, и рядом не было никого, чтобы его поймать.

— Они только делают вид, что ненавидят друг друга, а на самом деле одному без другого не обойтись. Взгляни на спину Торопыги. Видела когда-нибудь такой провис?

— Ты не говорил мне, что у тебя есть лошадь. Господи, Хэп, тебе следовало мне все рассказать. Мы ведь хорошие друзья, а теперь, оказывается, вот как. Что еще ты от меня скрывал?

— Да нет у меня лошади. — Хэп удивился, что Стелла так расстроилась. — Я же сказал, что Торопыга — конь моего деда.

Доктор Стюарт взял к себе коня, оказав услугу одному фермеру из Норт-Артура, давнему пациенту, который не всегда даже мог оплатить его услуги. Старый фермер умирал, и не было никого в целом свете, о ком он горевал, кроме этого огромного дряхлого коня с белыми отметинами в форме слезинок на коричневой морде.

«Он долго не протянет, — обещал Стюарту фермер. — Оглянуться не успеете, как он околеет. Клянусь. Просто дайте ему попасться последние дни на этом вашем поле. Он пощиплет травку и сам о себе позаботится. Вы лишь киньте ему охапку сена, когда наступит зима. А потом он уляжется и сам себя закопает. Клянусь. Вам не будет от него никаких хлопот».

Когда старый фермер умер, доктор Стюарт пришел на его бесполезный участок. Только тогда он понял, что забыл спросить, есть ли у коня кличка.

«Если ты все равно умрешь рано или поздно, то лучше бы пораньше», — вслух произнес доктор, стоя у забора.

Конь наострил уши. Стоял холодный январский день, доктор пришел сюда сразу после похорон фермера. Растирая руки, он размышлял, в какую авантюру ввязался. У этого полудохлого коня можно было все ребра пересчитать. К тому же Стюарт увидел, что животное страдает от чесотки. Но когда он подошел поближе, оказалось, что дыхание у коня удивительно свежее, отдает яблоками.

«Меня заверили, что эта животина околеет в самом ближайшем будущем», — поделился Брок Стюарт с Мэттом Эйвери, который одолжил трейлер у братьев Хармон и, прицепив его к грузовику, доставил коня в Юнити. К тому времени док Стюарт расплатился с Мэттом за ограждение

на поле и навес, где конь мог бы укрыться в дождь и ненастье.

«Не рассчитывайте на это, — усмехнулся Мэтт. — Что-то мне подсказывает, он продержится еще долго».

Прошло шестнадцать лет, а коню хоть бы что — не постарел, не изменился, не придвинулся ни на шаг к смерти. Ветеринар Тим Эрли определил, что Торопыге лет тридцать пять или больше, по тому, как истерлись зубы коняги, но доктор Стюарт знал одно: на это животное он истратил почти десять тысяч долларов, если посчитать затраты на ограждение, сарай и корм. Вот так получилось, что у дока Стюарта и Элинор Спарроу жили два самых старых домашних любимца в городе, хотя, если бы кто-нибудь осмелился назвать Торопыгу домашним любимцем, доктор вспылит бы не на шутку. «Он ярмо у меня на шее. Он мой крест. Никакой он не любимец, — говорил доктор любому, кто готов был его выслушать. — Он цена, которую я плачу за одну идиотскую минуту слабости».

— Ему бы следовало дать коню другую кличку — Долгожитель, — рассмеялся Хэп. — Или Бессмертный. Или, может быть, Десять Кусков.

Стеллу слегка затошнило, что было весьма некстати, так как показалась машина с пиццей, ехавшая прямо к дому.

— Наверное, твоему дедушке нужно было его усыпить. — Стелла покосилась на Хэпа в ожидании реакции. И точно, на его лбу пролегла глубокая морщина, которая появлялась каждый раз, стоило ему о чем-то встревожиться. — Это был бы акт милосердия, правда — избавить животное от страданий. Он, наверное, мучается от боли из-за такой спины и всего прочего.

— Торопыга счастлив, насколько это возможно. Он целыми днями ест и гадит, а мы за ним убираем.

Разносчик пиццы посигналил гудком, и Хэп отправился к машине, чтобы расплатиться и забрать обед. Двигатель остался включенным, и из выхлопной трубы вырывались клубы дыма, окрашивая горизонт в сизоватую дымку. Стелле, оставшейся на крыльце, Торопыга показался конем из сна. Он медленно передвигался в поисках молодой травы понежнее и вскоре исчез за листвой орешника.

— На нем никто не ездит верхом? — поинтересовалась Стелла, когда они занесли пиццу в дом.

— Стелла, он бы рухнул, если бы кто-то на него взгромоздился. Ты сама его видела. Мистер Провислая Спина.

— Ладно, обещаю только, что не станешь на нем ездить.

— С какой стати?

Хэп приподнял крышку с коробки пиццы и вдохнул пар. Сложная начинка в Юнити означала колбасу, грибы и перец.

— А с такой, что меня посещают отличные идеи. — Стелла надеялась, что ей удалось убедительно изобразить беспечность. — Я даже ими прославилась.

Стелла достала из шкафа несколько тарелок, хотя абсолютно не была уверена, что сумеет проглотить хоть кусочек.

— Вот как? — улыбнулся Хэп. — А разве ты прославилась не луком?

Стелла невольно расхохоталась. Дело было так: Синтия Эллиот рассказала Стелле, что ее брат Джимми советует всем направо и налево держаться от Стеллы подальше, заявляя, что над ней висит родовое проклятие невезения и генетических искажений. Можно подумать, Джимми Эллиот что-то смыслил в генетике. Он уже дважды провалил экзамен по естествознанию и теперь повторял курс. К тому же он был лгуном. Синтия рассказала Стелле, что кончика пальца он лишился на самом деле не из-за кусающейся черепахи, а потому что не знал толком, как завести газонокосилку. Девчонки, неизвестно почему, сохли по Джимми, но он если не таскался за Стеллой хвостом, то, по крайней мере, паялился на нее в кафетерии во время обеда.

Как-то раз Синтия и Стелла взломали шкафчик Джимми и оставили на его учебниках, ни один из которых, видимо, никогда не открывался, очищенную луковицу с воткнутой в нее булавкой. Это была шутка, но Джимми повсюду раструбил, что Стелла навела на него порчу, а все потому, что вторилась по уши. Пройдет совсем немного времени, утверждал Джимми, и Стелла будет умолять его прийти к ней на свидание.

— Перестань, прошу тебя. Джимми Эллиот просто идиот. Какой нормальный боится луковицы?

После этого разговора Стелла повеселела и даже съела три куска пиццы, предварительно выковыряв все кусочки колбасы. Отец Хэпа поел в кабинете, перед телевизором, а доктор Стюарт разговаривал по телефону и в кухню вошел только тогда, когда Хэп и Стелла мыли посуду.

— Пойди спроси отца, не хочет ли он кофе, — предложил доктор Стюарт Хэпу.

Когда тот отправился в кабинет, доктор подошел к Стелле и остановился рядом. Он сразу понял, что эта девочка не пасует перед смертью, а это качество он ценил во всех людях. Лучше заглянуть в пропасть, чем отвернуться и бежать, как поступали многие.

Брок Стюарт видел столько смертей, что и не сосчитать, и его всегда поражало, насколько одна смерть отличалась от другой. Сильные

мужчины, от которых он ожидал, что они уйдут легко, звали своих матерей и плакали. Почтенные граждане признавались шепотом, что готовы продать душу дьяволу, если нужно, в обмен на еще один день, еще один час, еще одно мгновение этой жизни, которой они так дорожили. Были и такие смерти, которых он панически боялся, терзаясь ужасом и печалью, безвременные кончины, проходившие, против ожидания, очень легко, словно вздох, словно камень, упавший в стоячую воду. К примеру, тот младенец, которого родила Лиза Халл почти пятнадцать лет тому назад. Он появился на свет с пороком сердца, серьезным и необратимым. В отделении для новорожденных Гамильтонской больницы Лизу с самого начала предупредили, что ребенок протянет самое большее несколько месяцев. К этому времени Лиза успела развестись с мужем, одним из кузенов Хатауэй, что жили в Бостоне, и тот поступил в торговый флот, поэтому у доктора Стюарта вошло в привычку навещать в детское отделение и с печалью наблюдать, как угасает младенец.

Лиза позвала его, когда конец уже был близок. Она хотела, чтобы все случилось дома. Так все и произошло: они втроем оказались в Лизиной спальне в ее маленькой квартирке над чайной, когда за окном опустились сумерки. Доктор Стюарт еще по дороге туда попытался себя подготовить. Он предполагал, что это будет один из самых сложных уходов — новая жизнь оборвется едва начавшись, молодая мать останется ни с чем, но все обернулось не так, как он ожидал. Брок Стюарт к тому времени думал, что успел повидать многое, но он впервые стал свидетелем такой тишины и умиротворенности, какая была тогда в квартирке Лизы. Лиза держала дочку и в то же время отпускала ее, их дыхания слились в едином ритме, и только легкое дуновение, едва слышный вздох подсказал ему, что ребенка больше нет.

По опыту доктор Стюарт знал, что момент смерти всегда сопровождается выдохом, не похожим ни на какой другой. Словно душа поднимается из тела, чтобы слиться с воздухом, словно человеческая суть больше не может находиться в тисках плоти и крови. В этот самый момент Лиза Халл наклонила голову и поцеловала ребенка в губы; тогда его душа, видимо, перешла в нее. Они на целую секунду стали одним существом.

Доктор просидел с Лизой всю ночь. Он рассудил, что эта бедная женщина заслужила хотя бы это: ночь без сирен, карет «скорой помощи» и свидетельств о смерти. Она заслужила несколько часов покоя, когда весь мир замер. Утром, с первыми лучами рассвета, пронзившими небо, доктор Стюарт позвонил в Гамильтонскую больницу и указал время смерти — 5.30. Когда пришла пора, Лиза завернула ребенка в одеяло. Она была

готова к приезду «скорой помощи».

«Благодарю, — сказала она, прежде чем спуститься вниз с ребенком на руках. — Вы не оставили меня, когда больше всего были мне нужны».

Брок Стюарт уже тогда был врачом с большим стажем. Он многое повидал: инфаркты, рак, медленно текущие болезни, внезапные смерти от несчастных случаев, как, например, было, когда двое мальчишек провалились под лед и замерзли насмерть, держась за руки. Но в ту ночь, когда умер младенец Лизы, Брок Стюарт сел в свой «линкольн», машину, способную проехать везде — через грязь, снег, наводнение, — и заплакал. В спальне Лизы Халл что-то произошло, какое-то откровение, которого доктор до тех пор не переживал. Он все время сражался со смертью, своим врагом, непобедимым чудовищем. И только теперь понял, что ошибался. Он словно видел один только камень, не замечая реки, поглотившей его. Смерть была его неразлучным спутником, он осознал это. Она следовала за ним рука об руку, когда он навещал больных, когда проходил по улицам, и была неотъемлемой частью того, чем он занимался — спасал жизни, принимал роды, побеждал лихорадки.

«Благодарю», — сказал он Лизе Халл, сидя в своей припаркованной машине и наблюдая, как карета «скорой помощи» медленно отъезжает от дома, направляясь в морг Гамильтонской больницы.

Вот почему он хотел, чтобы Хэп, которого он очень любил, стал врачом. Он хотел, чтобы внук тоже знал, каково это — переживать такие мгновения, каково это — сидеть в припаркованной машине, когда рассвет прогоняет ночь и небо сияет серебром; каково это — быть с кем-то рядом в самый важный для того человека час. Что ж, мальчик явно не создан для этого, зато эта девчушка, Стелла, — совсем другое дело.

— Того пациента доставили в клинику вовремя, — сообщил он, пока она вытирала тарелки. — Ты оказалась права. Разрыв печени. Больной потерял очень много крови, но шансы у него отличные. Врачи не теряют надежды. Хорошая новость.

Стелла едва сдерживала радостное волнение. Если она видела смерть, которой затем дали отпор, выходит, она предрекает не верную гибель, а всего лишь ее возможность? Так может быть, и другие смерти не обязательно произойдут, их удастся предотвратить, если повести себя правильно?

— Просто я в библиотеке проглядывала кое-какие книжки по анатомии, — сказала она доктору. — А там, в клинике, соединила вместе кое-какие симптомы и удачно угадала.

— Не просто удачно, а блестяще.

Стелла так возликовала от комплимента, что даже не нашлась что ответить.

— Я езжу в клинику каждую субботу. — Доктор старался говорить как ни в чем не бывало, избегая давления. Все равно с Хэпом и сыном Дэвидом оно не помогло. — По дороге заезжаю также в дом престарелых. Если интересно, могу тебя прихватить. Мне кажется, в тебе есть медицинская жилка.

— Конечно интересно. — Стелле понравилась экскурсия в клинику; там она чувствовала себя как рыба в воде. Да что там, она даже не заметила, что забрызгала кровью ботинки. — Спасибо. Я поеду с удовольствием.

Она так обрадовалась сегодняшним новостям — у молодого человека были отличные шансы, и, оказывается, существует возможность повернуть человеческую судьбу даже в последний момент, — что порывисто обняла доктора и только потом направилась к черному ходу.

— Мне пора домой. Передайте Хэпу, что мы увидимся с ним в школе.

Стелла прошла по подъездной дороге и остановилась на краю поля. Ее распирала изнутри какая-то странная радость, как будто она вдруг обрела некую значимость. Не помня себя от счастья, она помахала Торопыге, но конь только посмотрел на нее и спокойно продолжил щипать траву. Некоторые лошади могли запаниковать от резкого порыва ветра или пролетающих облаков, они шарахались в сторону, когда из травы взмывали вверх птицы, когда полевые мыши разбегались во все стороны, — но только не Торопыга. Он видел слишком многое, чтобы пугаться; он жил слишком долго, чтобы испытывать тревогу.

— Желаю тебе поскорее околеть, — сказала Стелла коню. — Ну же, — подзадорила она и подняла руки к небу, словно прогоняя прочь будущее, в котором увидела Хэпа, как он летит с лошади, а вокруг нет никого, кто бы мог облегчить его падение. — Умри! — скомандовала она старой кляче.

Торопыга остался стоять, где стоял, жуя траву. Зато появился кто-то еще; по дороге с другой стороны тихо подошел Джимми Эллиот, он слышал каждое слово. На нем были джинсы и темная рубашка, позволившая оставаться незаметным в тени. Теперь он подошел и остановился рядом со Стеллой.

— Это можно устроить, — сказал он.

— Отлично. — Стелла рассмеялась. Ей бы следовало удивиться при виде его, но она почему-то не удивилась — И что ты собираешься сделать? Пристрелить его? А может, ты просто швырнешь в него луковицу. Это здорово может напугать.

— Ха. Очень смешно. — По правде говоря, Джимми сберег ту луковицу, спрятав в пластмассовую сумочку на молнии в дальнем углу шкафа. — А что не так с этим конягой? С чего вдруг ты хочешь, чтобы он окошел? Вид у него вполне безобидный. Я бы даже сказал, жалкий. Совсем как у твоего приятеля Хэпа.

Вообще-то Джимми сам не знал, что он здесь делает. Стоило ему заметить Стеллу и Хэпа в машине доктора, когда они проезжали по городу, как он опомнился, когда уже шагал по подъездной дороге к дому Стюартов, а потом остановился, чтобы повисеть на заборе и поглазеть на какого-то старого мула.

— Он представляет угрозу для общества. — Стелла вспомнила слова мистера Стюарта о том, что ее мать сводила всех мальчишек с ума, тогда как Стелла на нее совершенно не похожа. Она посмотрела на Джимми и встретила его удивленный взгляд. Видимо, отец Хэпа ошибся. — Совсем как ты.

— И ты можешь это определить, только взглянув на меня?

Джимми рассмеялся, но сам не узнал свой смех, тогда он сделал вид, что закашлялся, и почувствовал, что сердце ударило о ребра.

— Я уже говорила тебе раньше, что хорошо разбираюсь в людях. — Стелла отскочила от забора и пустилась бежать. — Спорим, я быстрее добегу до дороги?

Но Джимми не тронулся с места и лишь глядел ей вслед, хотя она быстро удалялась. По какой-то причине он никак не мог отвести от нее глаз, даже если это означало уступить ей победу.

— Вряд ли ты хорошо в них разбираешься! — прокричал Джимми Эллиот и заулыбался, когда она достигла дороги. Все произошло так, как он надеялся: она победила, но не зазналась. Обернулась и помахала рукой. — Иначе ты не стала бы со мной разговаривать.

Никто не будил Уилла на работу, да и самой работы не было, как не было жены, которая бы бранила его за лень и неряшливость. Поэтому он просыпался не раньше двенадцати. Никто не напоминал ему мыть за собой посуду, поэтому она накапливалась в раковине, пока не достигала монументальной высоты, этакая гора произвольной формы из вилок, ложек, мисок с недоеденным чили и застывшими макаронами, и все это балансировало на любимых чайных чашках Дженни, трещавших под грузом кастрюль и сковородок. Другие квартиросъемщики давно поняли, что никакие их жалобы не заставят Уилла подчиняться общепринятым правилам. Да что там, он больше не утруждался выносить мешки с мусором даже на лестницу, не говоря о том, чтобы спускать их по мусорной трубе, — просто сваливал за дверь в кучу. Миссис Эрланд консультировалась со своим племянником, юристом, занимавшимся жилищным правом, но избавиться от Уилла Эйвери не представлялось никакой возможности, даже когда жильцы начали жаловаться, что в холле завелись мыши.

По выходным, слава богу, у соседей Уилла наступала передышка, так как он часто проводил пятницу и субботу в доме у Эллен Пакстон, той самой, что пользовалась духами с жасминовым ароматом, который учуяла в своей квартире Дженни. Эллен преподавала пение в музыкальной школе, и, хотя она не была сногшибательной красоткой, Уилл мог вполне прилично у нее пообедать, а после заняться отличным сексом, если только не перебирал спиртного, конечно. В последнем случае он часто засыпал на диване, служа подушкой линяющей хозяйской кошке, которую Уилл ненавидел.

Дженни уехала, и у Эллен появилась надежда, что ее отношения с Уиллом к чему-то приведут, а Уилл, в свою очередь, не очень торопился разрушать эти надежды, хотя бы до тех пор, пока у него в кармане не заведется наличность. Ни к чему отказываться от вкусных обедов и возможности иногда перехватить взаймы у Эллен в случае крайней нужды. Разумеется, ей незачем было знать, что он также спал с Келли Батлер, официанткой из «Осиного гнезда», которой было всего двадцать три, и по молодости она не обращала внимания на кавардак в квартире Уилла и на тот факт, что он никуда ее не водил.

Правда заключалась в том, что больше всего в жизни ему не хватало Стеллы, доверия Стеллы, ее веры в него. Дочка часто звонила, оставляя

сообщения на автоответчике, так как он всегда либо отсутствовал, либо спал. Она скучала по отцу, просила, чтобы он приехал в Юнити хотя бы ненадолго. Но по условиям поручительства ему было предписано не покидать пределов Бостона. Этот Бостон превратился для него в чугунные оковы. Бостон — жестокий и бездушный город, если у тебя нет денег и устремлений. Все эти магазины и кафе на Ньюбери-стрит, симфонический зал с идеальной акустикой, отель «Ритц» с потрясающим видом из окон — что толку от всего этого человеку без денег и перспектив? Уилл был на мели, разочарование вконец его доконало; по ночам он не мог заснуть, не пропустив несколько стаканчиков, но и тогда его сон был беспокойным, лишенным сновидений — он словно погружался в глубокую яму, откуда не выбраться. Он часто просыпался, охваченный дрожью, словно только что нырнул в холодную воду, после чего едва дотянул до берега. Он бессвязно бормотал, выпивал несколько чашек кофе, но по-прежнему продолжал дрожать.

Теперь, проходя по парку, он смотрел только вперед, не желая видеть бездомных, которые вытягивались на деревянных скамейках так, словно лежали в собственных кроватях. Дженни когда-то рассказывала Уиллу, что этим людям чаще всего снятся яблочные пироги и чистые простыни, во сне их кто-то любил и поджидал у дверей, а еще им грезились сотни милых пустячков, которые теперь ускользали от Уилла. Рояль остался в прежней квартире в качестве залога, да и все равно руки у Эйвери теперь постоянно дрожали, так что почти весь день он проводил за телевизором. Он начал потягивать виски с самого утра, со второй чашкой кофе — просто для того, чтобы взбодриться. Поэтому однажды днем, когда в дом проник репортер, Уилл уже успел окосеть. Репортера никто не остановил, и тот беспрепятственно нашел дверь Эйвери. Особого труда это ему не составило, так как список жильцов висел внизу в вестибюле. Рядом с фамилией Уилла кое-кто из соседей приписал несмывающимся маркером довольно грубые комментарии: «Пойди и устройся на долбаную работу. О крысах слышал? Выбрось свой чертов мусор!»

— Я вынужден просить вас уйти, — заявил Уилл, открыв дверь незнакомцу, который поспешил представиться репортером. Уилл после сна так и не переоделся, потому набросил на себя спортивную куртку, чтобы выглядеть более или менее презентабельно — Я не даю интервью после моего последнего прокола. Вечно ляпну лишнее.

— Я знаю, — не возражал репортер — Поэтому я вас легко нашел. Вы снялись перед фасадом дома с номерной табличкой. Весьма неудачная идея.

Уилл рассмеялся:

— Их у меня полно.

Он почувствовал какое-то родство с этим парнем, сумевшим его выследить. Репортер оглядел Уилла с ног до головы и правильно оценил ситуацию.

— Послушайте, я не стану печатать ничего без вашего разрешения. И это еще не все. — Репортер смущенно покашлял и оглядел замусоренный коридор как будто сокрушенно. — Я заплачу за интервью.

По правде говоря, у Эйвери уже урчало в животе и голова покруживалась от выпитого с утра кофе с виски. В холодильнике у него лежала половинка холодной пиццы, да, в общем-то, и все. Еще немного — и он бы пересилил себя и позвонил Джен, чтобы попросить денег. А может, в очередной раз его выручил бы Мэтт. Генри Эллиот недвусмысленно предупредил, чтобы он не смел разговаривать об этом деле ни с одним репортером и вообще с кем бы то ни было. Но Генри всегда был самоуверенным болваном, да и Уилл не привык прислушиваться к чужим советам.

— Сколько? — спросил он.

— Двести баксов.

— Ну, не знаю. — Уилл постарался изобразить задумчивость. Должен же он, в конце концов, заботиться о себе? — Как насчет тысячи?

— Пятьсот. Больше не могу. — Репортер достал бумажник и отсчитал пять столлларовых купюр. — И никто не заплатит больше.

— Ну, не стану спорить.

Уилл взял деньги и, сложив, спрятал в карман куртки. Потом он улыбнулся и распахнул дверь пошире, позволив гостю войти, и как раз вовремя, так как по лестнице уже поднималась миссис Эрланд с очередной жалобой на мусор и орущий допоздна телевизор из открытого окна. Когда миссис Эрланд постучала в дверь, Уилл успел проводить репортера в гостиную. На стук он не обратил внимания и, сняв куртку, набросил ее на стол, заваленный неоплаченными счетами. Наверное, из-за этого миссис Эрланд и подняла крик — из-за просроченной арендной платы.

— Так в какой газете, вы сказали, работаете?

— В «Бостон геральд». Меня зовут Тед Скотт. Я вас не задержу. Знаю, все так обещают, но я серьезно.

Уилл сгреб в кучу журналы и газеты, раскиданные по дивану и креслу. Он, если честно, даже обрадовался возможности с кем-то поговорить. Гораздо лучше выплеснуть все наружу, чем таить в себе, как советовал Генри Эллиот, который еще в школе был упрямым остолопом. Кроме того,

все, что сказал Уилл в этом интервью насчет Стеллы, было не для протокола: тот факт, что именно она предложила ему обратиться в полицию, что именно она каким-то образом увидела смерть этой женщины в Брайтоне.

— Нельзя ли поговорить с вашей дочерью? — поинтересовался репортер. — Хотя бы минутку?

— Господи, нет. Она сейчас у бабушки. Живет в огромном старом доме в лесу. В нескольких милях от города. Там она в полной безопасности.

— А что еще она видела? — продолжал репортер. — Какие-нибудь подробности? Быть может, она разглядела, как выглядел убийца?

Уилл налил себе еще одну порцию виски. Ему нравилось, как оно обжигало его внутри, словно там не было пустоты.

— Только между нами, — напомнил он своему гостю. — Она видела лишь, что у бедняжки перерезано горло.

Уилл уже думал о пяти сотнях баксов и о том, как он их потратит. Теперь он сможет хоть каждый вечер наведываться в «Осиное гнездо», как только оплатит свой счет в баре. Можно будет даже угостить Келли Батлер обедом. Он успел позабыть, что значит хорошо поесть. Он даже забыл, насколько голоден.

— Пойду перехвачу кусочек чего-нибудь. — Он направился к кухне. — Вам принести? Хотите пива?

— Рановато для меня, — ответил репортер — Все равно спасибо. Мне ничего не нужно.

Уилл достал из смятой картонки кусок пиццы. В доме не осталось чистых тарелок, поэтому он воспользовался бумажным полотенцем. Захватил заодно и пивка. Последняя бутылка из упаковки в шесть штук, но ничего, в самом скором времени он это исправит.

— Вернусь через минуту, — прокричал Уилл, — только найду перец! По моему скромному мнению, пиццу нельзя есть без жгучего перца.

Он понес все в гостиную, толкнув дверь бедром.

— Точно ничего не хотите? — спросил он.

Но, как оказалось, Уилл разговаривал сам с собой. Стул, на котором еще минуту назад сидел репортер, был пуст. В открытое окно влетал легкий ветерок и ворошил сброшенные на пол газеты. Тед Скотт как в воду канул.

— Черт, — буркнул Уилл.

Швырнув пиццу и пиво на журнальный столик, он постоял секунду, чувствуя холодок во всем теле, затем подошел к столу и проверил куртку. Деньги из кармана исчезли.

Дверь в квартиру осталась открытой, в коридоре никого не было. Мешки с мусором, оставленные Уиллом снаружи только этим утром, кто-то второпях опрокинул. По полу раскатились пустые пивные бутылки. Он никогда не утруждался сортировкой отходов — так далеко он не умел мыслить. Мать когда-то предупреждала, что легкость, с которой он живет, в конце концов его погубит. В последний его приезд она схватила Уилла за руку и принялась просить прощения.

«За что?» — рассмеялся Уилл.

«Наверное, мне не стоило настолько облегчать тебе жизнь, — ответила Кэтрин Эйвери. — Наверное, лучше было хвалить тебя за каждое твое хорошее дело».

Вот такая она была женщина, всегда готовая взять на себя вину даже за его неудавшуюся жизнь.

«Мать», — произнес тогда он, наклонившись к ней поближе, несмотря на то что от нее шел жуткий запах, а он всегда воротил нос от неприятных вещей. Дышала она с трудом, и он сразу понял, что так ни разу и не поинтересовался, как она живет. Да что там, он даже не знал, за кого она проголосовала во время последних выборов, или какие фильмы ей нравились, или читала ли она по ночам, когда ждала его, не в силах сомкнуть глаз. «Ты отлично потрудилась, — сказал он ей. — За все свои проколы отвечаю только я».

«Я очень тебя любила», — произнесла она, отдавая последние силы, и при этом так крепко сжала его руку, что он испуганно отпрянул.

Не будь он таким жадным глупцом, мог бы почуять, что с этим типом, Тедом Скоттом, что-то неладно. Рыбак рыбака видит издалека — разве не так, если верить пословице? Что ж, на сей раз оказалось не так. Его ослепили несколько бумажек. Он дозвонился до «Бостон геральд» и совсем не удивился, услышав от редактора, что среди сотрудников никогда не было никакого Теда Скотта. Тогда он обзвонил все желтые газетенки, но о Скотте нигде не слышали.

Каждый хитрюга когда-нибудь попадает на чью-то чужую хитрость. Уиллу не верилось, что он упустил пять сотен долларов. Да, видно, теряет хватку. Он уставился на себя в зеркало, которое Дженни откопала в антикварной лавке на Чарлз-стрит, когда они только переехали в эту квартиру. Он ясно увидел, что теряет не только хватку, но и внешность. Кто другой, возможно, ничего не заметил бы. Конечно, если бы не стал тщательно его рассматривать. Лицо припухло, темные круги под глазами, кожа желтовата, и на этот раз объяснить плохой цвет лица ужасным тюремным освещением не получится.

— Идиот, — сказал он своему отражению.

Неужели он думал, что всегда будет легко? Неужели воображал, что ему никогда не придется платить по счетам за все те проступки, которые он совершил в своей жизни? Он вспомнил бедолаг на скамейках Бостонского парка: как им снилось то, что было у них украдено или от чего они сами отказались. В последнее время его посещали мрачные обрывки снов, в которых он видел то же самое: чистые простыни, настоящую любовь, женщину, которой все равно, как он выглядит и сколько денег у него в бумажнике.

Впервые за долгое время Уилл посмотрел в зеркало мимо своего отражения. Там, в зеркале, в пределах видимости, стоял раскладной столик, на котором Дженни оставляла почту, школьные завтраки для Стеллы, а еще раньше записки для Уилла с напоминанием его домашних обязанностей и поручениями, хотя, конечно, он все равно их не выполнял. Лишь сейчас до него дошло, что стоявшая на столике модель Кейк-хауса — совершенно бесполезная вещица, только пыль собирает — исчезла. Он сразу это понял, увидев отполированный прямоугольник на пыльной столешнице. Старый дом в лесу был отдан как подарок, безвозмездно. Точное указание, где сейчас находится его дочь, свидетель преступления, которое тогда еще не совершилось.

Зазвонил телефон, но Уилл не снял трубку. В животе у него начался ад. Возможно, звонил Генри Эллиот или, что еще хуже, брат. Уилл не был готов разговаривать с кем бы то ни было. Ему понадобилась минута, чтобы признать, какую ошибку он совершил. Теперь у того, кто захочет найти Стеллу, будет нечто гораздо более полезное, чем карта. У него будет модель дома, и пройдет совсем немного времени, как он сумеет отыскать оригинал, точный адрес, где растет форзиция вовсе не с фетровыми, а самыми настоящими буйно распускающимися бутонами. Живая изгородь из лавра в этом году так разрослась, что никто и не увидит, когда в ней кто-то спрячется и будет вдыхать пряный аромат в окружении гудящих пчел. Пройдет совсем немного времени, и этот человек окажется перед входной дверью в натуральную величину.

Прошло больше тридцати лет с тех пор, как в Кейк-хаус в последний раз приглашали гостя к обеду, ту самую коллегу Сола, которая опоздала, поэтому обед был испорчен, еще и не начавшись. Гостья была очень привлекательная — с каштановыми волосами и выгнутыми дугой бровями, черными как смоль. «Как можно не запутаться в этих маленьких городках?» Гостья рассмеялась, не удосужившись извиниться за опоздание. У этой расфуфыренной особы не было даже дорожной карты — как тут не заблудиться? Пока Сол смешивал в гостиной напитки, гостья наблюдала, как Элинон заканчивает приготовление салата, и задавала слишком много вопросов о Соле: какие у него предпочтения в еде, работает ли он по воскресеньям в саду, поливает ли саженцы, носит ли соломенную шляпу? Или, например, приносит ли он газеты в спальню и с чего начинает их читать — с новостей или со спортивной страницы? Хорошенькая гостья не лгала, то есть не совсем чтобы лгала, а потому разгадать ее было особенно трудно. Просто ей хотелось получше узнать мужа Элинон; хотелось заполнить его для себя, только и всего.

Тридцать лет в доме не было гостей, если не считать доктора Стюарта, который иногда заходил на тарелку овощного супа или отведать по праздникам имбирного пряника. Да что там, столовое серебро успело потемнеть в бархатном футляре и нуждалось в чистке, приличный фарфор покрылся пылью, так что пришлось его ополаскивать, из камина выгребли пепел и развели огонь заново, ибо, несмотря на апрель, несмотря на то, что в полях расцвели триллиум и кандык, а на аллее распустились нарциссы, в столовой стоял могильный холод.

— Тебе совсем не обязательно возиться, — сказала матери Дженни.

Элинон слонялась без дела по кухне, пока Дженни нарезала порей и репчатый лук для блюда с цыпленком, которое решила приготовить, — не слишком затейливое, не слишком простое, как раз такое, чтобы Мэтт не понял, как много она работала только из-за того, что он приглашен на обед. По правде говоря, она встала в шесть утра, спланировала меню и помчалась в Норт-Артур, где в фермерской лавочке продавались исключительно свежие овощи.

— Ну вот еще! Конечно обязательно! — прокричала из кладовки Стелла.

За бутылками с образцами воды она отыскала самую старую в доме поваренную книгу, ту самую, что принадлежала Элизабет Спарроу, и

теперь пролистывала шершавые страницы с пятнами сала и джема.

— Мы с бабулей будем готовить десерт. Нашла! — объявила Стелла, возвращаясь в кухню. — Пудинг «Птичье гнездо». Просто прелесть, правда?

— Просто ужас, — отозвалась Элиноор.

— Вообще-то я должна согласиться с твоей бабушкой, — впервые за всю жизнь не возразила Дженни, и это было потрясением для них обеих.

Тем не менее Дженни осталась довольна интересом Стеллы. Дочь не вышла, нарочито топая, из комнаты — а это уже определенный прогресс. Все три женщины из одной семьи собрались на кухне, позабыв хотя бы на время о своих разногласиях.

— Это яблоки, залитые заварным кремом. — Стелла подвязала волосы и принялась вырезать в яблоках сердцевинки. — Крем можно приготовить ванильный и карамельный. Элизабет предпочитала ванильный, — сообщила она бабушке, которую заставила взбивать яйца, — Жаль, Джулиет меня сейчас не видит. Она бы глазам своим не поверила.

— Джулиет? — встрепелась Дженни.

— Моя лучшая подруга, — напомнила матери Стелла. — Слышала когда-нибудь о ней?

— Ну и ну, — сказала Элиноор, не то чтобы радуясь явной размолвке, но, во всяком случае, испытывая удовольствие от того, что Дженни оказалась не такой уж идеальной мамашей. Человеческая природа все-таки брала свое. — Выходит, ты не знаешь ее лучшей подруги.

— Да знаю я ее. Просто не считаю Джулиет подходящей компанией для Стеллы.

— По крайней мере, мать Джулиет училась в колледже. И не в каком-нибудь затрапезном, а в колледже Смит^[4]. Она не стала отказываться от своего будущего ради того, чтобы обеспечить образование какому-то мужчине.

— Этим мужчиной был твой отец. А ты решила сравнить меня с женщиной, отравившей собственного мужа? Для этого совершенно не обязательно учиться в колледже.

Элиноор заметила, что пудинг на задней конфорке кипит слишком интенсивно, даже переливается через край. Еще минута — и начинка для «Птичьего гнезда» подгорит, а ее поверхность затянется тонкой резиновой пленкой.

— Что ж, теперь и у меня один из родителей побывал в тюрьме. Раз так, мне можно дружить с Джулиет, мама? Теперь она для меня подходящая компания?

— Что бы я ни сказала, ты выворачиваешь это наизнанку.

— Еще чего! Ты сама все выворачиваешь наизнанку! Ты всегда считаешь, что права во всем!

— Я действительно права во многом! Хотя, конечно, ты ни за что в этом не признаешься!

Они уставились друг на друга через стол, где лежал порезанный на кусочки лук-порей и яблоки без сердцевины, уже начавшие коричневеть, а пудинг тем временем продолжал выкипать.

— Пока ты не приехала, у нас было все отлично, — заявила Стелла, — просто превосходно.

— Я, конечно, вмешиваюсь явно не в свое дело, но пудинг сейчас воспламенится, — изрекла Элино́р.

Стелла схватила кухонное полотенце и подбежала к плите, чтобы снять с огня тяжелую кастрюлю. В старой поваренной книге Элизабет Спарроу рекомендовала помешивать пудинг в течение пятнадцати минут, но это варево было испорчено, сгорело дотла.

Стелла всплеснула руками и выбежала из кухни, так что Элино́р пришлось отнести кастрюлю в раковину и залить холодной водой. Горячий пар повалил клубами и затуманил кухонное окно. В отражении старого зеленого стекла, к тому же толстого, как бутылочное, Элино́р разглядела, что Дженни тяжело опустилась на стул и обхватила голову руками. Порезанные стебли порея и репчатого лука наполнили кухню запахом весны и дождя. Элино́р так и осталась стоять у раковины из мыльного камня. Когда-то, давным-давно, она знала, как утешать — нужно взять ребенка на руки и покачать, — но с тех пор утратила эту способность. Она действительно не знала, как теперь быть.

— Не волнуйся насчет пудинга, — отрывисто произнесла Элино́р, оттирая сгоревшую кастрюлю. — Все в городе знают, что Мэтт Эйвери не ест сладкого. Хлеб с маслом — лучшее лакомство для этого мужчины.

— Раньше он любил мороженое. Ел его целый день. — Дженни высморкалась в бумажное полотенце. — Старина Мэтт, добрая душа.

— Кто-то ведь должен быть и таким.

К удивлению Элино́р, Дженни расхохоталась. Элино́р даже испытала гордость за то, что развеселила дочку, когда Дженни вновь принялась застряпню; по крайней мере, ее дочь была способна не бросать начатое, подобрать разбитые черепки, закончить дело. Когда к дому подъехал грузовик Мэтта, запеканка уже румянилась в духовке, рис сварился, а салат стоял на столе.

Мэтт привез бутылку вина и тминные кексы, что покупал когда-то для

матери в чайной Халлов. На крыльце его встретил Аргус. Пес тьякнул разок и потрусил к гостю, слегка приволакивая задние лапы, пораженные артритом.

— Привет, старичок. — Мэтт потрепал собаку по голове, потом открыл белый бумажный пакет и вынул один свежеиспеченный кекс. — Только, чур, никому не рассказывай, — сказал он псу, с благодарностью проглотившему угощение.

Все это наблюдала из сада Стелла. После разговора с матерью она убежала туда и дулась. Но теперь, глядя, как дядя смахивает крошки с бороды волкодава, заулыбалась.

— А я все видела! — прокричала она, шагая по сырой траве; лягушата бросились врассыпную с тропинки, попрыгали в кусты.

— И все-таки я не уверен, что я здесь желанный гость.

— Моя бабушка может наслать на тебя проклятие, а мать может отравить тебя своей запеканкой, но если ты их не боишься и ничего не имеешь против овощей, то заходи в дом.

— Ты сказала «запеканка»?

— Ну да, она провозилась с ней целый день.

— Вот как? — Мэтт задумался, довольный, что Дженни проявила к нему такой интерес, и тут же вспомнил времена, когда женщины города заполняли его морозилку лазаньями с индейкой и фасолевыми пирогами. — Так ты говоришь, запеканка?

Стелла успела войти в дверь.

— Ты идешь? — спросила она, когда он замешкался.

А Мэтт остановился для того, чтобы как следует оглядеться. Может, так все сложится, что его больше не пригласят, а ему хотелось надышаться этим домом. Ему довелось побывать внутри единственный раз, в тот ужасный день, когда он потихоньку прокрался в гостиную, чтобы защитить Уилла от Элинора.

— Я видел тебя вскоре после того, как ты родилась, — сообщил он Стелле.

Аргус, обычно чопорный и важный, поплелся за ними, крутя носом, в надежде, что ему перепадет еще один тминный кексик.

— Если быть точным, то на четвертый день твоей жизни. Я привез с собой свою маму, твою бабушку, Кэтрин. Мы оба решили, что ты самый красивый ребенок во всем мире.

Стелла заулыбалась. Ее дядя был из тех людей, с которыми легко ладить.

— Я приготовила для тебя пудинг «Птичье гнездо», но он сгорел.

— Да, не повезло мне. Хотя, если честно, название отвратительное. И что, там были перья и клювы?

Стелла расхохоталась:

— Пудинг и яблоки.

— Ничем не лучше. Терпеть не могу сладкого.

В вестибюль вышла Элинон. Хотя и не слишком довольная тем, что в дом явился гость, она все же приняла у него мешочек из пекарни и даже заглянула внутрь.

— Их очень любила твоя мать, — сказала она.

Мэтт поразился, что она это помнила. Он проработал на Элинон много лет, но не мог сказать, что знает ее, и, когда жители города расспрашивали о ней, он всегда отмалчивался. Знал лишь то, что она отказывается замостить подъездную дорожку, как он не раз ей предлагал, и не хочет выровнять аллею Дохлой Лошади — эти хлопоты ей были ни к чему.

Сейчас, стоя в вестибюле, Мэтт понял, что, хотя и был в этом доме всего лишь раз, часто мечтал о нем. В этих мечтах он всегда представлял Кейк-хаус в его первоначальном виде, без глазури. Это был дом из дерева, глины и соломы. В этих мечтах в доме пахло дымком и кувшинками, и сейчас ему показалось, что он тоже уловил этот запах, впрочем, Дженни тут же перебила его, внося из кухни ароматные булочки. Булочки были покупные, но Лиза Халл посоветовала ей сбрызнуть их маслом и добавить несколько веточек розмарина, тогда они покажутся домашней выпечкой.

— А, вот и ты, — весело сказала Дженни. Она обмахивалась кухонным полотенцем — видимо, разгорячилась от сковородки с булочками. Запах розмарина ее несколько пьянил. — Наш первый гость за сто лет.

Недавно Мэтт прочитал в домашнем дневнике Эмили Хатауэй, что некоторые незадачливые влюбленные верили, будто простое застегивание рубашки может подсказать им, есть ли у них шанс с их возлюбленной или нет; четное и нечетное количество пуговиц предсказывало исход. То же самое относилось и к сливовым косточкам, найденным в пироге. Нечет означал печаль, чет — любовь.

— Вино заберешь домой, мы не пьем, — сказала Элинон.

— Некоторые пьют, — возразила Дженни, забирая у Мэтта бутылку шардоне. — Разумеется, будь здесь Уилл, он бы настоял на виски. Самом лучшем. Он пьет, кажется, «Джонни Уокер»?

Как только имя Уилла было произнесено вслух, всем показалось, будто в дом запрыгнула жаба и плюхнулась на ковер.

— Старина Уилл, — усмехнулся Мэтт Эйвери.

Изучая своего дядю, Стелла пришла к выводу, что он полная

противоположность отца абсолютно во всем. Если бы взять этих братьев и поместить рядом, то один был бы настоящий, а второй — его тенью. Только вот кто был бы кем?

— Разве генетика не захватывающая наука? — изрекла Стелла, когда они уселись за стол. Она нацепила серебряный браслет — подарок отца, — и бубенчик тихо звякнул, когда она потянулась к салатнице, чтобы передать Мэтту. — Сколько разновидностей, изменений. Поэтому я займусь медициной, — сообщила Стелла дяде. — В этой науке все возможно.

Слова племянницы произвели на Мэтта впечатление. Когда он учился в девятом классе, то не думал о будущем — был весь поглощен мечтами. Его планы не шли дальше поездки в Норт-Артур, чтобы сходить в кино воскресным днем.

— А ты чем занимаешься? — поинтересовалась Стелла.

— Ты видела, что я делаю. Срезаю деревья. А еще подстригаю газоны. Зимой расчищаю дороги от снега. Пытаюсь уговорить твою бабушку замостить подъездную дорогу и укоротить немного заросли лавра.

— Ни за что, — отрезала Элинор.

— А еще он изучает историю, — добавила Дженни. — Он знаток Юнити.

— Вот как? — Элинор отложила салатную вилку. — Расскажи мне то, чего я не знаю.

Он мог бы рассказать Элинор, что ее внучка совершенно не похожа на остальных женщин рода Спарроу со своими белесыми волосами и глазами с золотистыми крапинками. Она скорее напоминала женщин из семейства Эйвери — Кэтрин, ее сестер и тетушек, — хотя никто из них не пах, как водяная лилия. Однако вместо этого он рассказал хозяйке дома, что ее бабушка, Элизабет Спарроу, как утверждала молва, не отличала по вкусу одно от другого, что здорово ей помогло в годы депрессии, так как она могла обойтись тем, что попадалось под руку. Это ее качество и помогло ей стать великолепной кухаркой.

Элизабет Спарроу, продолжал рассказывать Мэтт, готовила суп из листьев водяных лилий, и он был на удивление сытным. Некоторые городские женщины, включая Лоуис Хатауэй, писали, что Элизабет также придумала готовить на ужин блюдо из местных растений, широколистного поручейника, петрушки и нескольких секретных добавок, и назвала это блюдо «рагу из девяти лягушек». Не прошло много времени, как безработные всего города выстраивались на крыльце Кейк-хауса, забыв от голода о гордости. Дело кончилось тем, что Элизабет устроила кухню

там, где теперь находится местный клуб, и, по утверждениям некоторых, приготовила в течение нескольких лет больше двадцати тысяч порций для нуждавшихся, включая мужчин, нанятых на строительство железнодорожного вокзала. Бабушка Лизы Халл питалась там почти каждый вечер, когда была девчонкой.

— Вот откуда у Лизы рецепт знаменитого лимонного пирога Элизабет, — сказал Мэтт.

Стелла сбегала за поваренной книгой Элизабет.

— А вот и оригинал, — сообщила она Мэтту, который явно заинтересовался.

Стелла пролистала книгу до последней страницы и нашла там запись рецепта «рагу из девяти лягушек».

— Ого! Тут говорится «процедить воду от грязи и комаров». Вкусненько. Но два слова из списка, что туда входит, я никак не разберу.

Мэтт взглянул на страницу.

— Первое из них мне тоже непонятно. — Почерк наклонный, запись сделана бледными оранжевыми чернилами, словно приготовленными из лилий. — Зато последний компонент, похоже, шалфей.

Дженни восхитилась, как много Мэтту известно о ее семействе.

— Я ведь говорила вам, он знает все.

Мэтт посмотрел на Дженни таким взглядом, что ей стало неловко.

— Я знаю не все, — сказал он, — далеко не все.

— Ну, тогда, быть может, тебе известно, почему у нас в гостиной до сих пор стоит стеклянный шкафчик, — обратилась к дяде Стелла. — Быть может, ты мне скажешь, почему ни одному члену семьи никогда не пришло в голову выбросить те ужасные вещицы.

— Я проверю, как там запеканка, или ты сама пойдешь на кухню? — спросила у дочери Элинора.

— Я сама, — сказала Дженни, испытывая к матери благодарность за то, что та переменяла тему. — Уверена, она уже готова.

Стелла повернулась к Мэтту:

— Видишь, что они делают?

В меркнувшем свете он все же разглядел, что она нахмурила лоб. Он сразу понял, какое место эта девочка занимает в семье, потому что сам был таким: беспокойным, трезво мыслящим, ответственным, тем, кто расхлебывает кашу, заваренную другими.

— Не хочешь показать мне шкафчик?

Мэтта никогда не оставляло любопытство. Не проходило и дня, когда бы он не сожалел, что остался тогда ждать своего брата в кустах, где

вдыхал влажный воздух, зеленоватый и тяжелый от пыльцы.

Стелла отодвинула стул.

— Мы не закончили обедать, — вскинулась Дженни. — Уймись, Стелла!

Не обращая внимания на мать, Стелла повела дядюшку в гостиную. Эта комната располагалась в основании свадебного торта, и одна ее стена сплошь состояла из окон, но стекла в рамах были старые, и свет, проникавший внутрь, не отличался яркостью. На пороге гостиной разлегся Аргус, так что Мэтту пришлось переступить через пса. Мэтт Эйвери все эти долгие годы ждал, что представится случай вернуться сюда. В тот раз, когда он пришел на выручку брату, у него не было возможности оглядеться, и сейчас его не ждало разочарование. Он увидел, что потолочные балки были изготовлены из вишневого дерева, источавшего легкий фруктовый аромат. Он разглядел, что книжные шкафы сделаны из ореха. Стелла провела его в угол и сдернула покрывало, как знал Мэтт, вышитое Сарой Спарроу, дочь Руби, и ее собственной дочерью Розмари. Там было изображено красное сердце, разбитое пополам. И еще плакучая ива, проливавшая черные слезы. Землю закрывали подснежники, а небо наполняли птицы. Стежок к стежку. На вышивку ушло три зимы, а чтобы видеть тончайшие шелковые переплетения, вышивальщицам понадобилось увеличительное стекло. Разглядывая содержимое шкафа, Мэтт едва дышал. Чего бы только не сделало Мемориальное общество, чтобы выставить эти сокровища лишь на один-единственный день! Миссис Гибсон просто с ума сошла бы от счастья, если бы кому-то удалось тайком пронести в библиотеку какой-нибудь из экспонатов. Чего стоил хотя бы серебряный компас! Не говоря уже о косе из темных волос.

Мэтт видел, что его племянница наделена от природы бесстрашием, совершенно не характерным для семейства Эйвери, но отнюдь не редким среди женщин Спарроу.

— Это концы от стрел, которые швыряли в Руби Спарроу какие-то местные мальчишки. Позже в содеянном признались сыновья Фроста. Кажется, в той компании был кто-то из Хэпгудов и один из Уайтов. Люди говорили, что она не чувствует боли, вот мальчишки и решили проверить это на практике. Она никак не отреагировала, но, видимо, эта стрельба не прошла даром, потому что с тех пор она прихрамывала.

Дженни пошла за ними, но осталась стоять за порогом. Она всегда считала стеклянный шкафчик семейным музеем боли, хранившим напоминания о том, что нельзя никому доверять, нельзя никому прощать.

Теперь Дженни не была так в этом уверена.

— Одного только те мальчишки не понимали, — сказал Стелле Мэтт. — То, что ты не реагируешь на боль, вовсе не означает, что ты ее не испытываешь.

Он достал из кармана десятый наконечник, который носил с собой больше тридцати лет. Ему бы следовало давным-давно вернуть его на место, но он боялся навлечь на брата неприятности, а потому наконечник все это время служил ему талисманом на удачу. Нельзя сказать, что этот талисман принес ему хотя бы крошку везения, но зато напоминал о Дженни каждый божий день. Все равно, лишившись сей вещицы, он, вероятно, какое-то время будет ходить как потерянный. Впрочем, ему и раньше доводилось испытывать подобное.

— Глазам своим не верю! — рассмеялась Стелла. Она давно заметила, что в шкафу не хватает одного наконечника, но не знала, что произошло. — Откуда это у тебя?

— Его случайно положили в другое место, — ответил Мэтт. Много лет тому назад он обнаружил наконечник в комодке брата. — Теперь он возвращается туда, где ему положено находиться.

Дженни, по-прежнему стоявшая в дверях, вспомнила, как оставила Уилла одного в этой комнате в день своего тринадцатилетия. Всего лишь на минутку, но этого хватило, чтобы она поссорилась с матерью, а он украл наконечник. Будь тогда Дженни повнимательнее, она бы заметила, что Уилл в тот день все время потирал пальцы, словно они чесались, — верный признак вора.

— История Ребекки в основном была записана одним парнем, которого звали Чарлз Хатауэй. По сути дела, жалкий тип. Получил чуть ли не первый земельный надел от государства, потом все спустил и закончил жизнь полным неудачником, так что его презирал собственный сын.

— Так это ее волосы? — спросила Стелла, указывая на свернутую темную косу.

«Ребекка, — подумала она, — дай мне знак».

Мэтт кивнул:

— Я бы сказал, да. В этом городе с ней плохо обошлись, Стелла. Если хочешь узнать подробности, приходи в библиотеку.

— Мне жаль, что обед прошел ужасно, — сказала Дженни, когда Мэтт оставил Стеллу в гостинной, чтобы девочка осторожно вернула десятый наконечник на место без посторонних глаз.

— Во все не ужасно. Во всяком случае, не для меня.

Мэтту было бы все равно, если бы она подала суп из листьев лилии и

рагу из девяти лягушек — блюда, в которых Элизабет Спарроу достигла совершенства. Он бы съел древесную кору, кожаные обрезки и ландыши, обжаренные и поданные с рисом. Его терзал голод, но совсем иного рода.

— Уверена, что ты терпеть не можешь запеканки.

— Я бы так не сказал.

Мэтт стоял столь близко от нее, что у него закружилась голова от запаха озерной воды. «Неужели так пахнет ее кожа? — изумился он. — Неужели этот запах присущ всем женщинам рода Спарроу? Неужели озерная вода у них в крови?»

— А как бы ты сказал?

Дженни стояла слишком близко к Мэтту Эйвери. Она вдруг позабыла о своей осторожности и сдержанности — видимо, сказывалась весна, хотя март давно миновал. Неужели ее лишил разума весь этот дождь, нарциссовый дождь, розовый дождь, рыбный дождь, вся эта вода, проливавшаяся на городок?

— Пожалуй, я бы сказал, мне жаль, что все сложилось так, а не по-другому.

— Это можно услышать довольно часто, ты не находишь? — Дженни ощутила кожный зуд. Скорее всего, от розмарина, которым она посыпала булочки. — Учитывая ошибки, которые порой допускают люди, они, наверное, чувствуют то же самое?

Пришла Элинор, чтобы позвать их закончить обед, но тут она заметила на дворе какое-то движение. Она уставилась в стеклянное окошко рядом с дверью, потом посигналила Дженни, постучав палкой по полу:

— Там кто-то есть. Кто-то идет к дому.

Дженни пошла взглянуть. Стекло было неровное, испещренное пузырьками, потому сквозь него было трудно что-то разглядеть. Дженни увидела лишь какие-то тени и лавровую изгородь.

— Никого там нет.

— Тебе лишь бы возразить, — сказала Элинор. — Назови я полдень полднем, ты сказала бы, что это полночь, пусть даже на небе светит яркое солнце. Ты готова спорить по любому поводу. Вот он идет! Смотри!

Дженни вновь посмотрела, на этот раз она сощурилась и приблизилась к окну так, что уткнулась кончиком носа в стекло. И действительно, с аллеи Дохлой Лошади свернул какой-то человек и направился к дому по изрытой колдобинами дорожке, спотыкаясь на ходу. Небо было все еще голубым, но дорогу успела окутать тень. В лавровой изгороди гудели пчелы.

Тогда Мэтт открыл дверь, чтобы разглядеть получше. В любом другом

случае его отвлекло бы присутствие Дженни, но сейчас он весь сосредоточился на человеке, приближавшемся к дому. Он узнал бы эту походку где угодно. Он знал ее, как собственную.

— Это Уилл. — По его тону можно было подумать, будто он говорит о дьяволе или о собаке, а не о родном брате. — Он сбежал.

— Что ж, надеюсь, он любит остывшую еду, — сказала Элинор. — При такой скорости ничего другого ему не достанется.

Теперь они увидели, что Уилл несет с собой спортивную сумку, явно набитую вещами, словно он намеревался остаться. Он прошел по нескольким лужам, и, к тому времени, как добрался до дома, его туфли покрылись грязью, а брюки промокли до колен.

— Господи, ну и дорожка, — сказал он. — Еще хуже, чем прежде.

— Я не желаю видеть тебя в своем доме, но если ты настаиваешь, то, перед тем как войти, сними обувь, — велела Элинор.

Уилл прислонился к перилам крыльца и послушно разулся.

— Кто-нибудь мог бы и поздороваться, — произнес он.

Мэтт и Дженни переглянулись.

— Что-то случилось? — удивленно поинтересовался Уилл.

— Это ты нам расскажи, — ответила Дженни. — Разве тебе не было приказано оставаться в Бостоне? И раз уж мы об этом заговорили, почему ты не позвонил Стелле? Она названивает в Бостон ежедневно и никак не может застать тебя дома. Наступит ли когда-нибудь такое время, когда ты перестанешь думать только о себе?

— Ну, а ты? — обратился Уилл к брату. — Тоже хочешь меня отругать?

— Ты весь в грязи, — сказал Мэтт.

— Я облажался, — признался Уилл.

На горизонте небо окрасилось в розовый цвет с оттенком чистейшего голубого, того самого голубого, которого пыталась добиться Элинор. Она надеялась, что в конце концов ей удастся получить этот цвет. Там, где они стояли, сгустились тени, словно чернила пролились с неба.

— Домика больше нет, — сказал Уилл.

— Я отослала миссис Эрланд чек за этот месяц. Она не может выставить тебя вон, — сказала Дженни, — хотя уверена, ей бы очень этого хотелось.

— Нет-нет, я не о квартире. Я имел в виду маленький домик. Кто-то его украл.

Уилл выглядел настоящим оборванцем — босой, в заляпанных брюках, — будто пришел просить кусок хлеба, надеясь, что когда-нибудь

судьба переменится и ему повезет, но в душе понимая, что этого не будет. Судя по бессвязной речи брата, Мэтт совсем было решил, что у того ломка, но потом принялся и понял, что ошибся. От Уилла пахло виски, он пил совсем недавно, возможно в поезде. Вечерний поезд из Бостона славился своим баром на колесах еще в те времена, когда они были мальчишками; не менее знаменит был и заправлявший там бармен, который никогда не спрашивал удостоверения личности. Иногда Уилл весь день проводил в поезде, мотаясь в Бостон и обратно, и накачивался виски с лимонным соком, джином и пивом до полной отключки, когда не мог не то что пройти, даже проползти один шаг по прямой линии.

Стелла услышала голос отца, выбежала из гостиной и бросилась обнимать Уилла.

— Почему мне никто не сказал, что ты приедешь?

— Да я, в общем-то, и не собирался, — ответил Уилл. — И это нельзя считать настоящим визитом. Просто возникла небольшая проблемка.

Мэтт услышал в голосе брата знакомые ноты и сразу все понял: этот голос предвещал беду, неудачу, долги, уличные драки, увольнение, уход из школы, интрижку с соседкой, живущей этажом ниже, отказ навестить умирающую женщину потому, что такая реальность чересчур для него тяжела, просто невыносима.

— Конечно, у нас проблема. Ты даже без туфель. — Стелла бросила злобный взгляд на мать, словно Дженни была виновата в том, что Уилл стоял на крыльце в мокрых грязных носках, испещренных дырками. — Тапочки в доме найдутся?

— В первом шкафу, — ответила Элинора, — с помпонами и без.

Свет угасал теперь так быстро, что розовые цветки лавра были единственными яркими пятнами в расползавшейся темноте. Насытившиеся за день пчелы гудели лениво. Входная дверь оставалась открытой, и один большой шмель случайно залетел в вестибюль. Полетав немного, он опустился на руку Мэтта. Тот смахнул насекомое. Шмель, казалось, неохотно взлетел и продолжил кружить рядом, словно его притягивало к Мэтту. Дженни смотрела на это, не в силах отвести взгляд. При открытой двери стало холодно — еще одна особенность апреля: теплые дни, холодные ночи. Тем не менее воздух был напоен весенним возбуждением. Это все еще было время поспешных решений, бессмысленной храбрости, видений, внезапной опаляющей жары, сменяющейся холодом. Доказательство любви можно было найти в единственном уцелевшем лепестке ромашки, после того как оборваны все остальные. Дженни подумала о пчеле, которая не кусала, и ангеле, вырезанном из черного

камня. Она подумала о том, что в утро ее тринадцатилетия на лужайке стояли двое мальчишек и у них на двоих было только одно сновидение.

В голове у Дженни слегка зашумело. Впервые этот шум появился в утро ее тринадцатого дня рождения. Тогда она была абсолютно уверена, кого ей предназначено любить. Она увидела то, что хотела увидеть, а не то, что было перед глазами. Она даже не остановилась, чтобы оглянуться во второй раз. Терпение — именно этот компонент был неразборчиво написан в рецепте рагу из девяти лягушек, именно его и не хватало Дженни.

— Кто-то его украл? — переспросил брата Мэтт; до него только сейчас дошло, что означает эта кража.

Уилл знал, какого мнения о нем брат. Это было ясно с той ужасной новогодней вечеринки, когда он напился до чертиков, перестал что-либо соображать и подбил клинья к одной из своих студенток. Что ж, у Мэтта было полное право его презирать, но больше всего Уилл опасался разочаровать Дженни. Да, конечно, они окончательно расстались, он это понимал, но после стольких лет, что она на него убила, она заслужила хотя бы элементарной чуткости. Он ожидал, что она придет в ярость, и вполне обоснованно. Это он впустил в дом незнакомого человека, это он думал только о своих потребностях, это он продал безопасность своей дочери за пятьсот долларов, которыми владел всего мгновение. Откупные испарились в его жадных руках, рассеялись как дым, ничего не оставив после себя, кроме пепла.

Уилл посмотрел на Дженни и впервые не стал ничего от нее скрывать. Они так долго прожили вместе, что он был должен ей хотя бы одну-единственную минуту честности.

— Детка, — сказал он, сгибаясь под гнетом бесчисленных проступков. Он стоял под лавровой изгородью в мокрых носках, смотрел на свое отражение в стеклянной раме и казался сам себе утопающим, которому не за что ухватиться, кроме как за последнюю соломинку правды. — Я совершил ошибку.

— Я тебя отлично понимаю, — отозвалась Дженни. — Я тоже ошиблась.

Исцеление

1

Стелла прожила на одном месте тринадцать лет, а тут за короткий срок ее заставляли переезжать во второй раз. Все согласились, что так будет лучше всего; модель домика украдена, страхи возобновились, поэтому было решено, что Стелла должна покинуть Кейк-хаус. Но куда ей деться? Один вариант — уехать к кузине Эйвери в Нью-Йорк, другой — пансионат в Род-Айленде или Коннектикуте. Но Стелла отказалась уезжать из Массачусетса. Она не собиралась поступать в третью школу за один учебный год. Каковы бы ни были обстоятельства, она планировала закончить девятый класс в школе Юнити. Будь там потоп или голод, реальная опасность или обычное родительское волнение, она заявила, что не тронется с места. Впервые в жизни она училась на одни пятерки; ей нравилось посещать клинику и дом престарелых вместе с доктором Стюартом. К тому же у нее были личные причины. Что станет делать без нее Хэп? Если Стелла уедет из города, то за кем будет ходить хвостом Джимми Эллиот, в чьи окна он будет швырять гальку поздними вечерами, когда наступает тьма и затягивают свою последнюю песню желтые древесницы?

— Я никому не доставлю хлопот, — обещала Стелла. — Буду тихой, как мышка, — клялась она.

Семья Спарроу мало к кому могла обратиться в городе; если люди полагают, что лучшие соседи — это те, кто с тобой не разговаривает, то в трудную минуту им почти некого позвать на помощь. Но Лиза Халл, добрая душа, не подвела. Когда Дженни позвонила ей и спросила, нельзя ли Стелле пожить у нее, Лиза ни секунды не раздумывала. Не прошло и нескольких часов, как Стелла уже устроилась с удобствами в гостевой комнате над чайной. Пахло ванилью, мыльной водой, чаем «Ассам». Совершенно отдельная комната с замком на двери и видом на платановые деревья. Если это и была благотворительность, то Стелле она пришлась по душе.

Лиза даже не задавала вопросов, просто застелила кровать свежими простынями и научила Стеллу регулировать кран в ванной, из которого почему-то всегда текла или чересчур горячая, или чересчур холодная вода. Вещей у Стеллы было немного — один рюкзачок да легкая сумка, — тем не менее ей предоставили в полное распоряжение старый дубовый комод, принадлежавший в прошлом Лизиной бабушке, той самой, которая еще девчонкой записала лучшие рецепты Элизабет Спарроу.

— Я очень рада, что ты у меня поселилась, — объявила Лиза Стелле.

Она обняла девочку, и, хотя Стелла не была любительницей такого проявления нежностей, в Лизе ей все нравилось. Что касается чайной, то жизнь здесь была очень приятной, если не считать утра, когда, начиная с семи часов, посетители прибывали один за другим, так что Стелле уже было не уснуть, даже с натянутым на голову одеялом. Да и как тут уснуть, если то тарелки зазвенят, то вода зашумит в трубах, когда включают посудомоечную машину. Скорее всего, поспать подольше ей не удалось бы в любом случае из-за надоедливых желтых древесниц, поднимавших трескотню в кустах сирени за окном, причем самые храбрые мостились на подоконнике и стучали клювиками в стекло — чайная привлекала их надеждой получить крошки или корочки.

Приближались долгожданные выходные, на которые у Стеллы и Джулиет Эронсон были особые планы. Правда, Стелла не посвятила в них свою мать, никогда не одобрявшую Джулиет. И то верно, Джулиет умела удивлять; она была особенная и не имела ни малейшего желания сливаться с толпой. В последний раз, к примеру, когда они разговаривали, Стелла призналась подруге, что не знает, к кому именно из здешних парней сердечно расположена. К чему прислушиваться — к разуму, сердцу или разгоряченному биению пульса?

— Воткни в свечку булавку и зажги фитилек, — посоветовала Джулиет. — Когда воск догорит до булавки, в дверь войдет твоя истинная любовь.

Стелла расхохоталась:

— Высокonaучный метод. — Нелепость, разумеется. Тем не менее стоит попробовать. Всего лишь разок. — Но какая нужна свеча?

— Обычная старая свеча и обычная старая булавка. Срабатывает верно, без осечек.

Стелла разыскала на кухне свечу и старый медный подсвечник; найденные вещицы она припрятала в шкафах в чайной до той поры, когда ей захочется проверить глупый метод Джулиет. Но что, если в дверь войдет Джимми Эллиот? Будет ли это означать, что она привязана к нему? А если это окажется Хэп, то не испытает ли она разочарования?

Наконец наступила пятница, день приезда Джулиет. Подруга Стеллы должна была прогулять уроки в школе Рэббит и успеть на трехчасовой поезд. Какая удача, что Дженни не работала в конце недели, брала выходные. Она все равно не знала отдыха, так как теперь, с болезнью Элинора, на нее свалились все домашние хлопоты. Но кто мог себе представить, что в Кейк-хаусе останутся жить эти двое? Что в доме у озера

накопится столько дел? Нужно будет съездить за продуктами в Гамильтон, постирать в жуткой старой машине, что стояла в чулане, приготовить цыпленка с рисом для Аргуса, чей желудок с каждым днем становился все чувствительнее.

К пятнице Дженни окончательно вымоталась. Ноги гудели после целого дня беготни, руки щипало от мыльного раствора, а еще она всякий раз начинала дрожать, когда в открытое окно возле кассы задувал ветер. Наступило темное дождливое утро, что обычно означало напряженную работу в чайной. Люди стремились оттянуть начало рабочего дня, засиживались за лишней чашкой кофе или чая, лишь бы согреться, прежде чем выйти под дождь и ветер, где их ждала тяжелая работа. «Каменный дождь», — называла такой ливень Элинор; он обрушивался с небес, нимало не заботясь о людях; потоки воды были настолько тяжелыми, что причиняли боль и затопляли все дорожки, канавы и рытвины. Из-за этого дождя Дженни не могла уснуть полночи, так сильно он стучал по старой крыше. Она все время думала о Мэтте Эйвери, даже когда не хотела. Она потеряла из-за него сон, терзаясь каким-то неясным томлением, с которым никак не могла справиться. Даже когда взошло солнце, небо оставалось свинцово-серым. Единственным светлым пятном за все утро было то, что Стелла задержалась ненадолго у прилавка, чтобы перекусить, прежде чем умчаться в школу.

— Какая вкуснятина эти бриоши, — сказала Стелла с набитым ртом и налила себе чашку чая.

Раньше она никогда не пила чай. Раньше она предпочитала бриошам булочки с корицей. У Дженни появилось чувство, будто дочь, отдаляясь от нее, становилась счастливее. В темном зале Стелла сияла даже ярче свечей, которые Дженни зажгла на буфете.

— Лиза! Твои бриоши — самое лучшее, что есть на этом свете, — заявила Стелла, когда Лиза вошла в зал, чтобы выставить в витрину два черничных пирога.

Прежде чем вернуться на кухню, Лиза подошла к Стелле и поставила перед ней блюдечко с маслом и порцию домашнего яблочного джема.

— Ты рассказала маме о своих планах на выходные? — поинтересовалась она.

— Еще успею, — заверила Стелла Лизу, скрестив за спиной пальцы.

— А какие у тебя планы?

Дженни вернулась к прилавку, приняв заказ у вечно брюзжащего Илая Хатауэя.

— Только не предлагайте мне ничего полезного, — потребовал Илай. В

тусклом сером свете таксист выглядел совсем древним старцем. — Крепкий кофе и два пончика с желе. Вот что я хочу. И не пытайтесь меня отговорить.

В меню не было никаких пончиков с желе, но Дженни искренне надеялась, что он довольствуется малиновым штруделем. Зрение у Илая порядком ослабло, так что он, вероятно, даже не заметит разницы.

— Я планировала помочь тебе здесь в выходные, — ответила Стелла.

Хорошо хоть Лиза к этому времени ушла на кухню и Стелле не пришлось признаваться, что она ждет в гости Джулиет. Однако новичку всегда трудно дается ложь, и Стелла закашлялась оттого, что слова застряли у нее в горле. Дженни похлопала дочь по спине и налила ей стакан воды.

— Это совсем не обязательно, — сказала Дженни. — Школа важнее.

— Но ведь Синтия работает.

Мать и дочь обменялись взглядами.

— Постой, я сама догадаюсь. — Стелла совсем скисла, даже позеленела. — То, что подходит Синтии, не годится для меня. Тебе никогда не нравятся мои друзья.

Стелла схватила рюкзак и направилась к двери.

— Неправда, мне нравится Синтия. Просто мне кажется, что у нее слишком много проблем, только и всего.

— У всех много проблем, — парировала Стелла. — И ты не исключение.

Разгорался спор, такой же сильный, как дождь за окном, он так же больно хлестал и оставлял раны, которые, возможно, никогда не затянутся. Перепалка набирала силу, но тут произошла очень странная вещь, и, когда это случилось, спорщики затихли. А все дело в том, что на комодке рядом с сахарницами стояли свечи, и одна из них вдруг ярко вспыхнула в темноте, словно блесточка мелькнула. За окном каменный дождь забарабанил сильнее, а тут такое сияние. Это была булавка, которую Стелла воткнула в воск.

— Где ты взяла свечи?

Стелла запаниковала, словно испортила все гадание.

— В ящике за салфетками. Когда я пришла сюда, было очень темно. Наверное, когда буду возвращаться домой, то придется смотреть в оба — на подъездной дорожке будет полно черепашек.

Дженни перестала вытирать прилавок. Она тоже заметила искру. Дождь грохотал, словно камнепад, тысячи тяжелых капель падали с неба прозрачными, как первый лед, что затягивал озеро Песочные Часы зимой.

Стелла стояла в дверях, держа в руках рюкзак, зонтик и желтый дождевик, одолженный Лизой. Дождь бил в затянутую сеткой раму, и в девочку летели брызги — холодные и беспощадные.

Закрой дверь и не смотри. Когда пламя коснется булавки, войдет твой возлюбленный.

— И ты узнаешь, кто твоя истинная любовь, — заверила ее Джулиет Эронсон. — Можешь не сомневаться.

Пламя коснулось булавки, но ничего не произошло. Никто не пришел. Может, это даже к лучшему. От Стеллы не зависело, кто войдет через дверь, как не зависело, на кого падет ее любовь. По крайней мере, теперь она сможет рассказать верной подруге, что попробовала сыграть в ее глупую игру.

— Мне пора, — сказала Стелла.

— Я могла бы тебя подвезти. — Дженни выписала счет Илаю Хатауэю; она оказалась права — он не пожаловался насчет штруделя.

— Нет. Ты на работе. Не беспокойся. Я сама о себе позабочусь. Не утону.

Ночная тьма все еще не рассеялась, парковку освещали лишь фары подъехавшего грузовика. Под дождем пробежал Мэтт Эйвери в старой парусиновой куртке и протекающих ботинках. Дуб, видимо, дал ему еще одну передышку. В такой день нельзя было спиливать дерево. Мэтт не придержал дверь, и она захлопнулась за ним, а он стоял на пороге и вытирал мокрое лицо.

— Всем привет, — сказал он, чуть не натолкнувшись на племянницу, которая не сдвинулась с места, а уставилась на него, открыв рот.

Пламя обожгло булавку, и Стелла увидела, каким взглядом Мэтт посмотрел на ее мать.

— Привет.

Стелла окончательно смутилась и решила, что ей не помешает охладиться, поэтому она открыла дверную раму с сеткой и запустила в чайную брызги.

— Хочешь, я подвезу тебя в школу? — спросил Мэтт.

— У тебя есть более важные дела, — ответила дяде Стелла.

Он рассмеялся:

— Какие, например?

— Какие угодно. Все равно желаю удачи. Она тебе понадобится.

— Подростки, — произнес Мэтт, подсаживаясь к прилавку.

— Они все сумасшедшие, — согласилась Дженни.

Она налила Мэтту чашку кофе, но по-прежнему избегала смотреть ему

в глаза. Ей казалось, она тоже потихоньку сходит с ума в этом тускло освещенном зале, где Мэтт смотрит на нее не отрываясь, а Илай Хатауэй стучит ложечкой по стакану, требуя еще одного куса малинового штруделя.

— Поживее, девочка, — позвал ее Илай, — а то я умру с голоду. Принеси мне еще один пончик с желе.

«Девочка», — подумала Дженни и рассмеялась.

— А я считала, что у вас диабет! — прокричала она неугомонному посетителю.

Все равно ей придется взглянуть на Мэтта, поэтому она решила больше не откладывать. За окном орал хор лягушек, засевших в луже возле ступеней. Еще слышался шум дождя, такой дождь бывает во сне — бесконечный, невидимый, словно бьется пульс вселенной.

— Как твой брат? — поинтересовалась Дженни, отрезая штрудель для Илая и передавая Мэтту меню.

— Опять этот Уилл. — Мэтт подлил в свой кофе сливок. — Нам никак не удастся от него отделаться.

И оба призадумались над сказанным, пока Дженни относила Илаю Хатауэю заказ. Так вышло, что Уилл поселился у брата. Вместе с Генри Эллиотом они сходили к судье и рассказали о краже маленького домика. Уилл, разумеется, старался помочь и подробно описал типа, представившегося репортером, который легко мог оказаться убийцей, так что художник нарисовал с его слов портрет. Мэтт сообщил Дженни, что судья позволил Уиллу пожить в Юнити под присмотром брата, пока рассматривается его дело.

— Выходит, теперь ты опекун собственного брата?

— Ему больше негде жить.

От этого дождя начинала кружиться голова, нет, правда. Мэтт припомнил одну запись из дневника Антона Хатауэя, присланного его матери после того, как юноша пал в бою. Антон заметил, что люди в его отряде больше всего боялись дождя. Именно в дождливую пору они сильнее всего тосковали по дому; воины, которые не отступали перед кровью и пулями, начинали звать маму, стоило прогреметь грому и начаться ливню.

— Я заплатила за аренду, — разозлилась Дженни. Она передала заказ Мэтта — ржаной тост и яичница, поджаренная с двух сторон, — на кухню вместе с новым пареньком, нанятым Лизой, чтобы тот мыл тарелки и выносил мусор. — Не понимаю. Я отослала чек задолго до начала месяца.

— Ты отослала чек, но Уилл его обналичил. Видимо, модель Кейк-

хауса не единственная вещь, которой он лишился. В последнее время он жил на деньги за квартиру. Я ездил туда, хотел забрать кое-какие вещи, но миссис Эрланд лишь передала привет.

— Отлично. Просто великолепно.

Дженни и себе налила кофе. Пришли братья Хармон, Джо и Деннис, начали топтать и отряхиваться. Когда-то Дженни училась с Джо Хармоном в одном классе начальной школы. Ей даже не верилось, что она так долго проработала в чайной, что успела запомнить наизусть предпочтения братьев: один рогалик, один ржаной тост, два сырных омлета, хорошо прожаренных.

— Тебе не показалось, что Стелла сегодня немного странная? — спросила Дженни, выполнив заказ братьев.

— Может быть, у нее сегодня контрольная. Учеба в старших классах накладывает свой отпечаток.

Каждый раз, когда Мэтт оказывался рядом с Дженни, ему начинало казаться, что он видит сон, уносящий его из привычной пустоты жизни наяву. Зато Дженни, привыкнув смотреть чужие сны, начала видеть и собственные. Прошлой ночью ей приснился лабиринт из зеленой изгороди, бесконечный лабиринт, по которому она бежала, задыхаясь, готовая упасть.

Мэтт заговорил о предстоящем дне — нужно было тащиться в Бостон за вещами Уилла, теперь хранившимися в подвале миссис Эрланд. Он надеялся, однако, что в конце недели вернется к прежней работе и все-таки спилит это старое дерево. Если не было дождя, то ему мешали другие заботы, поручения, а кроме того, в кузове грузовика с ним ездил рой пчел, пьяных от весенней пыльцы с целого поля красного клевера, что рос позади Локхарт-авеню. В этом месте его рассказа Дженни удивленно уставилась на Мэтта. Во сне, что она видела прошлой ночью, в зеленой изгороди были пчелы, сидели на каждом листочке.

— Что с тобой? — спросил Мэтт, увидев выражение ее лица.

— Нет-нет, ничего, все в порядке.

Дженни принесла ему завтрак и смотрела, как он ест. Тарелка быстро опустела. Он уже собрался уходить, когда она, подстегиваемая любопытством, захотела узнать кое-что еще.

— В тот вечер, когда вернулся Уилл, ты стоял на крыльце. На тебя села пчела, а ты ее смахнул. И ничуть не всполошился.

— Пчелы обычно не жалят, если ты с ними вежлив. И наоборот, стоит их проклясть, как они начнут тебя преследовать. Я видел, как это бывает.

Дженни рассмеялась:

— Однажды я их прокляла. Чтобы не летали в саду моей матери. Все сработало, но потом она узнала, что я натворила, приготовила какое-то месиво из бисквита с бренди, и пчелы прилетели обратно. Их стало даже вдвое больше.

Мэтт любил слушать ее смех, напоминаясь ему тот день на лужайке, когда все вокруг зеленело и он в нее влюбился. Ему захотелось хоть что-то ей подарить, но у него ничего не было, кроме знания родного городка. Он обратился к истории здешних мест, пытаясь припомнить какую-нибудь мелочь, которая могла бы понравиться Дженни.

— Если играют свадьбу, то нужно и пчелам предложить кусочек торта, на удачу. Так поступила Элизабет Спарроу в день своей свадьбы, и ее брак продлился шестьдесят лет.

— Нашел когда рассказать, — упрекнула его Дженни. — После того как мой брак развалился.

Они устали друг на друга. Свеча догорела, обратно не вернуть.

— Может, это и была удача.

Он становился неисправимым болтуном, вроде того глупого фермера Хатауэя, который винил себя в том, что случилось с Ребеккой. Чарльз Хатауэй никогда не переставал сокрушаться по поводу своих ошибок, так что со временем все горожане, которые вели дневники, записали, что начали его избегать. Мэтт сделал последний глоток кофе и надел куртку. Единственное, чего он не хотел делать в этот хмурый апрельский день, когда дороги наверняка залиты дождем, — это везти своего брата в Бостон и обратно.

— Кажется, я поработал в стольких садах в этом городе, что все пчелы меня знают, — сказал он Дженни напоследок. — Поэтому и не жалят.

Это Уилл боялся пчел, это у него была аллергическая реакция, это Уилл получал все, что хотел, любой ценой. Только в одном Мэтту повезло. Стоя за прилавком и глядя вслед Мэтту, нырнувшему под дождь, Дженни невольно спросила у самой себя, почему она сразу не поняла, что это был он.

Поезд прибыл вовремя, но Стеллу попросили убрать в научной лаборатории, поэтому она опоздала. Пришлось бежать всю дорогу до станции, разбрызгивая лужи, так что под конец она едва дышала. Дождь утих, перешел в морозящий, но небо было по-прежнему мутным, как пар. Джулиет Эронсон сидела на одной из деревянных зеленых скамеек на платформе, курила сигарету и потягивала кофе, купленный в автомате на вокзале. Волосы она убрала с лица, затянув на затылке, и накрасилась помадой, хотя ее следов на губах почти не осталось: она всегда нервничала, уезжая из города в незнакомые места, а потому нервно покусывала губы. На Джулиет было черное платье, заимствованное из тетушкиного шкафа, и легкий шелковый блейзер, совершенно не подходящий для такого промозглого дня.

— Ну наконец-то, — объявила Джулиет при виде подруги. — Я уже думала, что отморожу задницу.

Она отбросила сигарету, и девочки обнялись. Потом Джулиет отстранила Стеллу и внимательно ее рассмотрела.

— Ну и видок! Настоящая деревенщина.

Стелла оглядела свою желтую куртку, тяжелые ботинки на шнуровке, промокшие джинсы. Волосы у нее завились от сырости, на бледном личике — ни грамма косметики. За спиной висел рюкзак, набитый книгами и пробирками для новых проб воды.

— Деревенщина означает, по-моему, что-то плохое.

Джулиет рассмеялась:

— Не волнуйся. Мы все исправим. Хотя мне до сих пор не верится, что ты живешь в такой дыре. — Джулиет подхватила со скамейки свою легкую сумку от Гуччи, украденную из универмага «Сакс». — Скажите пожалуйста. У вас тут даже растут деревья.

Последнюю неделю шли сплошные дожди, и деревья покрылись листочками. Теперь же, когда девочки взглянули наверх, то само небо показалось им зеленым. Обычно Стелла шлепала по лужам, но на Джулиет Эронсон были хорошие кожаные сапожки, поэтому они не пошли напрямик через городской луг, а направились по улице. Стелле предстояло еще заняться домашним заданием, но ей было все равно. Она пребывала в приподнятом настроении. Наступила пятница, Джулиет наконец приехала, да и дождь заканчивался.

Джулиет подергала носиком и поморщилась:

— Что-то здесь пахнет.

— Грязь? — хохотнула Стелла.

— Да, сейчас. Деревенские духи. Нет, нужно что-то делать с этим городом.

Они зашли в пиццерию, заказали четыре порции и уселись напротив друг друга в красной пластмассовой нише. Джулиет разложила локти на столе. Прежде Стелла не замечала, что у ее подруги нервный тик над глазом.

— Ты погадала на любовь?

— Ничего не вышло. — Стелла вспомнила взгляд матери, когда в чайную вошел Мэтт. «Закрой дверь и не смотри». — Если что и получилось, то не для меня. По-моему, я все дело испортила.

— Это означает, что ты пока не решила, в кого именно хочешь влюбиться. Итак, когда я познакомлюсь со знаменитым Хэпом, таким умным и обаятельным? Хочу сравнить его с печально известным Джимми, который, судя по твоим рассказам, настоящий болван.

Вообще-то Стелла не планировала знакомить Джулиет с кем-то в городе. Скорее она предполагала, что этот визит пройдет изолированно от ее обычного окружения, на таком воздушном шаре, поднявшемся над крышами и деревьями, чтобы у Джулиет не было случая пообщаться с местными жителями и раскритиковать ее теперешнюю жизнь.

Джулиет перешла на шепот:

— Это тот парень, что усталился на нас?

Речь шла о разносчике пиццы. Стелла узнала в нем того, кто доставил пиццу в дом доктора в тот вечер. Должно быть, он совсем недавно на этой работе, потому что Джессика Хармон, заправлявшая пиццерией, жена Джо, старшего из братьев Хармон, сейчас наклонилась над картой и давала парню какие-то инструкции.

— Клянусь, он только что паялился. Тьфу. Ему, должно быть, лет тридцать. Не смотри туда, — зашипела Джулиет, когда Стелла сделала попытку оглянуться. — Нам нужно думать о другом. Сегодня мы просмотрим весь твой гардероб и отбросим то, что не срабатывает. Это должно помочь тебе выйти из разряда деревенщин.

— Нет у меня никакого гардероба. Я привезла с собой три пары джинсов, четыре футболки и четыре свитера. А, ну еще несколько пар носков.

Джулиет заулыбалась и, потянувшись к сумке, достала пару пакетиков красителя.

— Черный, — объявила она. — Без него не выхожу из дома. Сегодня

вечером у тебя будет гардероб.

Хэп Стюарт присоединился к ним вскоре после того, как девочки побывали в аптеке, где Джулиет удалось стащить тюбик туши для ресниц и пару серег в форме колец.

— Всегда в своем стиле, — пробормотала она, прикарманивая сережки.

— Здесь не то что в Бостоне, — поучала подругу Стелла, пока они шли по Мейн-стрит. — Все друг друга знают. Ты не можешь просто взять и украсть.

— А я вот взяла и украдала, — состроила рожицу Джулиет. — Маленькая мисс Честность.

— Эй, подождите!

Это Хэп догонял их, идя размашистым шагом по лугу.

Пока он приближался, у Стеллы упало сердце. На ее глазах собирались столкнуться две вселенные, и она догадывалась, какая из них одержит верх.

— Хэп Стюарт.

Джулиет оглядела его оценивающим взглядом с ног до головы.

Стелла заметила, что Хэп тоже выглядит деревенщиной в своей коричневой куртке, не по размеру большой, грязных сапогах, с волосами, завившимися в глупые кудряшки, и широкой улыбкой. Без всякой на то причины она почему-то вспомнила лицо Джимми Эллиота в тот день, когда они разглядывали докторскую лошадь, — каким изумленным он выглядел, как, глядя на него, она хотела громко расхохотаться.

— Тебе недавно исполнилось пятнадцать, ты собираешься учиться в Колумбийском университете, если примут, хотя тебя это не очень волнует, потому что всегда есть возможность поступить в государственный колледж. Интересуешься биологией, но мечтаешь стать фотографом. Рост шесть футов два дюйма, шатен, но на солнце — блондин. Не любишь вида крови. Чудесно улыбаешься. Хэпгуд — фамилия твоей матери.

Все эти сведения, которые Стелла постепенно сообщала Джулиет в течение последних нескольких недель, теперь были выложены в один присест. Джулиет повернулась к Стелле, окаменевшей от неожиданности:

— Я все верно изложила?

— Вполне.

Стелла не могла себя заставить взглянуть на Хэпа, который теперь узнал, как много всего она пересказала Джулиет. Неужели он почувствует, будто его предали? Но нет, сведения поступали и в обратном направлении, а потому Хэп не перестал улыбаться.

— Джулиет Эронсон. — Они пошли дальше по траве, но теперь с ними

был Хэп, и Джулиет, видимо, уже не заботило, что ее сапоги промокнут. — Тебе исполнится пятнадцать двадцать седьмого июля. Твоя мать находится в женской тюрьме в Фрамингеме, и ты не совсем понимаешь, что такое преступление, совершенное в состоянии аффекта. Тебе нравятся сигареты, черная одежда, золотые серьги, мужчины постарше. Ты гораздо умнее, чем кажешься большинству. Ты красива.

Стелла подняла взгляд; последнее утверждение было собственным наблюдением Хэпа.

— Относительно упоминания мужчин постарше. Это не всегда так.

Джулиет тоже заулыбалась. Стелла отметила про себя, что теперь, когда рядом был Хэп, исчезло всякое упоминание о деревенщинах. Стелла украдкой оглядела Хэпа. Он и в самом деле грыз травинку. Ну чем не настоящая деревенщина?

— А мне она нравится, — доверительно сообщил Хэп, когда Джулиет немного отстала, застряв у припаркованного грузовика, чтобы, глядя в боковое зеркало, попробовать новую, только что украденную тушь для ресниц.

— Вот как? — холодно отозвалась Стелла. — Что ж, отлично.

Когда Хэп отправился домой, Стелла и Джулиет пошли к чайной.

— Какой странный, — сказала Джулиет о Хэпе. — Он мне нравится. — Тут она, должно быть, заметила холодность Стеллы и поспешила добавить: — Я имею в виду, он хорош для тебя. Господи, не для меня же.

Они дошли до угла Ист-Мейн и увидели, что из трубы поднимается дым — видимо, Лиза разожгла огонь. Все было серым, и, наверное, поэтому Джулиет не заметила на углу Джимми Эллиота. Он привез на велосипеде сестру, но задержался после того, как Синтия начала смену; Джимми поступал так почти всегда, делал вид, будто чего-то или кого-то ждет, тогда как на самом деле вокруг него ничего не было, кроме тумана.

Стелла заранее все решила: если Джимми окажется на своем месте, она даже не упомянет о его присутствии. Она не скажет: «Видишь того парня с темными глазами? Он часто пялится на меня, а я, сама не понимая почему, пялюсь на него». Впервые ей не понадобилось чужое мнение, кроме собственного. Стелла открыла дверь, пропустила вперед Джулиет, а потом быстро обернулась и помахала. Убедившись, что он обнаружен, Джимми оседлал велосипед и помчался по улице прямо по глубоким лужам.

— Прямо как Гензель и Гретель^[5], — прокомментировала Джулиет, едва они сняли куртки.

В доме пахло пряными яблочными пирожками, недавно вынутыми из печи.

— Бьюсь об заклад, если попадешь в такой домик, никогда из него не выйдешь. Тебя заколдуют, и ты останешься в нем до конца своей жизни.

К счастью, Дженни уже ушла, отработав день; Стелла все время посматривала на часы, чтобы не заявиться в дом раньше половины пятого. Незачем матери знать о каждом ее шаге, о каждом друге, о каждом желании. Незачем вообще что-либо знать.

Когда девочки вошли на кухню, там была только Лиза — в белой поварской куртке поверх фуфайки и синих джинсов, с повязанным на голове платком.

— Какая жалость! Всего минуту назад ты бы не разминулась со своей мамочкой.

Стелла и Джулиет переглянулись, стараясь не захихикать.

— Фу ты! — У Джулиет была способность говорить искренне и серьезно в самые щекотливые минуты. — А я так хотела повидаться с ней.

— Зато у вас есть я, — улыбнулась Лиза и велела им присесть, чтобы перекусить. — Будете моими дегустаторами. Новый рецепт. Вообще-то он старый. Один из рецептов Элизабет Спарроу.

— Это моя прапрабабушка, — пояснила Стелла.

Девочки попробовали взбитый творог со сливками под малиновым соусом и с восторгом отозвались о новом десерте, хотя предложили поменять название, если Лиза собиралась добавить его в меню, — мол, творогом в наши дни никого не удивишь, лучше назвать его пудингом или даже муссом.

— Слышала об отце? — поинтересовалась Лиза. — Он переезжает жить к Мэтту. — Она стянула с головы платок и провела пальцем по волосам, которые были когда-то темно-рыжими, а теперь потускнели, приобретя мышинный оттенок. — Если уже не переехал. В свою старую комнату.

— Ура! — провозгласила Стелла. — Я очень рада, что он остается. Он замечательный, — сообщила она подруге. — Я хочу, чтобы ты с ним познакомилась.

— Тогда пойдем туда сегодня вечером. Напросимся на ужин. Мне так и не удалось познакомиться с ним в Бостоне. Он всегда отсутствовал.

Они начали планировать вечер, позабыв, что их слушает Лиза, но потом Джулиет толкнула Стеллу локтем.

— Гляди, — одними губами проговорила она. — Влюбилась.

— А почему бы вам не пойти с нами? — предложила Лизе Стелла. — Заодно и дорогу нам покажете. Я еще ни разу не была в доме у дяди.

— Ой, нет. — Лиза вспыхнула и принялась вытирать глаза, словно туда попали соринки. — Я не могу.

— А знаете, что нам нужно сделать для начала? — Кто-кто, а Джулиет Эронсон понимала, что такое уязвимая натура. Она знала, что чувства проявляются на лицах людей, когда те даже не подозревают об этом. — Хорошо бы выкрасить вам волосы, — сказала она Лизе. — Бьюсь об заклад, вы когда-то были рыжей.

— Это было давным-давно, — возразила Лиза.

Джулиет потянулась к своей сумке. Вместе с черной краской для одежды она привезла с собой несколько коробочек египетской хны. Никогда не знаешь наперед, а вдруг кому-то понадобится сменить внешний облик, как, например, Лизе Халл. Да что там, у нее в волосах даже начала проступать седина. И помадой она, наверное, не пользовалась уже много лет. Что бы они с ней ни сделали, все равно будет только на пользу.

— Пожалуйста, Лиза, — принялась канючить Стелла, — а если вам не понравится, то всегда можно восстановить то, что было.

На самом деле понадобилось бы добрых три месяца, чтобы смыть цвет, но Джулиет согласно закивала.

— И время как раз подходящее. Будем только мы и двое мужчин — отец Стеллы с ее дядей. А кому интересно их мнение?

Ловушка была простая, но Лиза сразу в нее попала. Джулиет заулыбалась, увидев, как Лиза стала совсем пунцовой. Да, действительно, дело тут нечисто. Когда девчонки в конце концов уговорили Лизу испробовать на себе действие хны и помчались наверх по узкой изломанной лестнице за шампунем и полотенцами, Джулиет Эронсон буквально давилась от смеха. Ей нравилось, когда она оказывалась права.

— Десять к одному, что Лиза влюблена в твоего дядю, — проворковала она. — Ах, любовь, любовь. Ей все подвластны.

Стелла остановилась в узком проходе и пропустила Джулиет вперед. Стоя там, на полутемной лестнице, она поняла, почему Лиза позволила им вымазать ее волосы хной, чтобы полностью измениться. Всею причиной была истинная, долговечная, невостребованная любовь, та страсть, от которой, по словам некоторых, не было лекарства. В то же время другие считали, что любовь изменчива и непостоянна, поэтому кто-то вроде Стеллы выглядывал в окно, перед тем как лечь спать, и приходил в ярость, заметив Джимми Эллиота внизу под платанами, но испытывал еще большее разочарование в те редкие случаи, когда Джимми не появлялся.

В это дождливое время года кусающиеся черепахи откладывали яйца в любой грязной ямке на подъездной дороге и лужайке. Дженни даже нашла несколько кладок возле дверей кухни и прикрыла их пучками травы в надежде, что ими не полакомятся опоссумы и еноты. Она уже находила скорбные остатки таких обедов на тропе Ребекки Спарроу; какой-то зверек, видимо, добрался до кладки и оставил только пустые скорлупки, разбитые на половинки, которые перламутрово переливались на свету. Бедная мама-черепаха. Интересно, думала Дженни, поймет ли она, что потеряла, когда вернется? Займется ли она разоренным гнездом, все еще не теряя надежды, или, быть может, сразу вернется в озеро, к водяным лилиям, мятлику и камышам?

Каждую ночь Дженни заходила в спальню, в которой спала Стелла, перед тем как переехать к Лизе. Дженни так и не сменила простыни, потому что отпечаток дочки остался в каждой складочке ткани, и ее запах тоже — смесь презрения и водяных лилий. Некоторые люди пребывали в уверенности, что, когда отпускаешь дочь, она обязательно вернется, как те воробьи, что мостились на карнизе, выклянчивая крошки, корочки, доброту. Но Стелла даже ни разу не подошла к телефону, когда Дженни звонила в чайную. Лиза объясняла, что девочка занята, но Дженни слышала приглушенный голос Стеллы: «Скажите ей, что меня нет».

Дженни всегда стремилась к отношениям, прямо противоположным тем, какие были у нее с собственной матерью, но почему-то все повторилось. Те же самые невысказанные слова, та же самая непроходящая боль, та же невидимая нежность — словно чернила испарились со страницы, оставив чистый белый лист. Вчера вечером Дженни отправилась на прогулку. Одиночество погнало ее из дома, и, наверное, одиночество привело ее к дому Эйвери, хотя, скорее всего, ноги сами вывели ее на эту тропу, по которой она так часто ходила, когда была девочкой. Мимо Локхарт-авеню, мимо старого дуба, совсем прогнившего и обвязанного теперь проволокой; со стороны казалось, будто пойманный великан начнет бродить по улицам, если его освободить.

В прежние времена Дженни переполняло ожидание, когда она направлялась к дому Эйвери, и теперь она почувствовала то же самое. Она пересекла луг, миновав черного ангела, которого так любил Мэтт Эйвери. Стоило подумать о нем, пусть даже всего секунду, у нее перехватывало дыхание. Тогда Дженни, как глупое дитя, попыталась прогнать то, что с

ней происходило, и начала считать до ста, стараясь не думать о Мэтте. Сама не понимая почему, она представила булавку, серебряную, блестящую. Представила, что проваливается куда-то в темноту с одной горящей свечкой в темноте, тогда как на самом деле брела по зеленому лугу. Дул легкий ветерок, в прямом сыром воздухе разносился аромат платановых деревьев.

В городе все магазины успели закрыться, горели лишь неоновые огни пиццерии, растекаясь по тротуару синими и желтыми лужицами. Когда-то на ее месте стояло кафе-мороженое, принадлежавшее семейству Хармон. Там подавали ванильные и ореховые шарики в картонных плошках. Дженни работала в этом кафе три лета подряд, получив хорошую практику, как оказалось, для должности менеджера в кафе «Бейлис» в Кембридже. Не успела она себя остановить, как сразу вспомнила Мэтта, как он сидел у стойки в «Бейлис», смотрел за ее работой, заказывал одну порцию мороженого за другой, тогда как с самого начала предпочитал хлеб с маслом. Она вспомнила, как он посмотрел на нее, когда вошел в чайную тем дождливым днем. Лил настоящий каменный дождь, затопивший все канавы и улицы.

Она не бывала в доме Эйвери больше двадцати лет; за эти годы он вроде бы стал меньше. Но к нему вела прежняя темная тропа, и окружал его тот же белый заборчик, а за ним рос бордюр из многолетников — предмет особой гордости Кэтрин — собрание цветов, о котором Элинон Спарроу отзывалась презрительно как о мешанине из флоксов, маргариток и львиных зевов, типичном выборе неопытного садовода. Дженни остановилась возле падуба, посаженного Кэтрин для того, чтобы в ее саду круглый год росло что-то зеленое, и заглянула в окно; в доме стояла та же самая мебель, она узнала кресло на двоих, в котором они с Уиллом целовались до головокружения, так что у них не оставалось другого выбора, как пойти дальше, что в конце концов и произошло одним летним вечером, когда Кэтрин была в бридж-клубе. А вот и стол, под которым они однажды занимались любовью во время сильнейшей грозы. Кэтрин и Мэтт тогда были дома, спали в своих комнатах, а Дженни так боялась быть застигнутой с Уиллом, что у нее началась крапивница.

Теперь она увидела, что в доме собрались гости, довольно большая компания. Дженни осторожно приблизилась к окну, протиснувшись между взъерошенными зарослями флоксов. Мэтт и Уилл ужинали с рыжеволосой женщиной и двумя девочками. Дженни прижалась носом к стеклу, и только потом до нее дошло, что это Стелла со своей жуткой подружкой, Джулиет Эронсон. Уилл сидел за столом, провозглашал тост. Он постригся и

побрился, но все еще выглядел усталым и чересчур худым. Совсем не похожим на того мальчишку, которого она когда-то ждала на этом самом месте. Она частенько пряталась под окном, а потом он наконец появлялся, и они удирали в лачугу Ребекки Спарроу или, если позволяла погода, шли к плоским прохладным камням, прозванным «стол и стулья», где отдыхали, смотрели на звезды и целовались так, что комары, опустившиеся на разгоряченную гранитную плиту, лопались от жара в ту же секунду.

Рыжеволосая женщина в столовой оказалась Лизой Халл, совершенно переменившейся. Она выглядела хорошенькой при свете свечей, особенно когда откидывала назад голову и смеялась. Может, с этого места все казалось другим, а может, сыграли роль ночной воздух, темнота, запах флоксов, ароматы чего-то нового и старого, смешанные вместе. Лиза принесла с собой торт, на столе стояла бутылка белого вина. Даже девочкам налили по глоточку в бокалы. Весьма вероятно, они пили за Уилла и его возвращение; да что там, они ему аплодировали. Только Мэтт отошел в глубину комнаты и облокотился на комод, принадлежавший его бабушке. На этом комоде Кэтрин демонстрировала свою бесценную минтоновскую керамику. Там было блюдо, напоминавшее пучок спаржи, тарелка в виде морской звезды с моллюсками, кувшин, словно созданный из нескольких водяных лилий с лягушкой вместо ручки. Мэтт смотрел куда-то вдаль, мимо стола, гостей, прямо в сад, где возле падуба стояла Дженни.

То ли ветка колыхнулась, то ли что-то другое привлекло его внимание — в общем, Мэтт, видимо, заметил ее, и, как только это произошло, Дженни бросилась наутек. Она бежала, потому что наделала много ошибок, потому что повела себя так глупо в юности и абсолютно неправильно в зрелости, потому что не отличила один сон от другого, потому что наконец-то влюбилась. Она бежала, пока не выбилась из сил. Согнувшись пополам, она еле отдышалась и остаток пути проделала трусцой, пересекла луг, погруженный теперь в темноту, потом дорожку, затененную платанами, и все время думала: «Я сама от этого отказалась. Теперь у меня ничего нет».

В воскресенье, когда Стелла ушла проводить на вокзал свою подружку Джулиет, а Синтия Эллиот укатила на велосипеде писать заданное к понедельнику последнее сочинение по английскому о творчестве какого-нибудь поэта на выбор, в данном случае Сильвии Плат, Лиза Халл закрыла чайную и заперлась на все замки. Посыльный по воскресеньям не работал, как не работала и Дженни, что было весьма кстати. Лиза Халл стеснялась

того, что собиралась сделать, хотя не настолько, чтобы раздумать. Она задернула занавески, потом присела к прилавку и сфотографировала себя полароидной камерой.

Она боялась дышать, пока снимок проявлялся прямо у нее на глазах, что казалось ей каким-то чудом. Неужели это в самом деле она? Женщина с рыжими волосами, сияющими глазами и улыбкой, полностью преобразившей ее лицо? Куда подевалась белая куртка, платок, заляпанная одежда, жертвенность и печаль? На квадратике пленки ничего этого не проявилось. Была только женщина, которая улыбалась весенним днем. Это и вправду Лиза. Но Лиза, которая влюбилась.

Бабушка Лизы Халл заправляла в чайной, пока ей не перевалило за девяносто; маленькой девочкой она знала Элизабет Спарроу, которая в то время уже была седой. Бабушка Халл как-то раз рассказала Лизе, что давным-давно выпечка хлеба считалась чудом. Это и было самое настоящее чудо, такое же, как превращение соломы в золото. Берется мука, вода, дрожжи, а в результате получается что-то совсем другое. Одно превращается в другое, изменяется, точно так, как сейчас изменилась сама Лиза Халл. Это была алхимия, никак не меньше: солома превращалась в золото, мука становилась хлебом, из простушки за одну ночь получилась красавица.

Лиза поднялась наверх в свою спальню и открыла шкаф. К внутренней стороне дверцы было прикреплено зеркало в полный рост. В прошлом Лиза избегала в него смотреть, искусно драпируя стекло шарфами и шальями. Сейчас она убрала все эти тряпки. Потом разделась, внимательно на себя посмотрела и увидела в зеркале чудо преображения, происшедшее прямо у нее на глазах.

Лиза выбрала зеленое платье, всегда заставлявшее ее думать о весне. Она давным-давно смирилась со своим невезением, но сейчас все должно было перемениться. Она поняла это в пятницу вечером, когда Уилл провожал ее и девочек домой после ужина в доме Эйвери. Девчонки убежали вперед и с визгом понеслись наперегонки к лугу. Лиза сказал Уиллу, что ему следует вернуться домой, что в Юнити нет необходимости в провожатых. Но Уилл настоял на своем: прогулка пойдет ему на пользу, а кроме того, пошутил он, тогда ему не придется мыть посуду. Пока они медленно брели по дороге, Уилл даже не пытался очаровать Лизу. Во-первых, он слишком устал, а во-вторых, с Лизой Халл ему было комфортно. Они ведь знали друг друга целую вечность, с детского сада, впрочем, он никогда не уделял ей ни крошки своего внимания. Она просто была рядом, Лиза, добрая душа; да что там, до сегодняшнего вечера он

даже не замечал, что у нее рыжие волосы.

— Я испортил все, что мог, — признался он.

Они подошли к старому дубу, которому опять придется подождать, так как Мэтт занялся весенней расчисткой садов для своих старых клиентов. Остановившись, они поглядели на огромные ветви, прикрепленные к стволу проволокой, чтобы не обломались во время бури; зрелище было печальное.

— Эти деревья называются милосердными, — сказала Лиза.

— В самом деле?

Уилл бросил взгляд на Лизу, готовый откликнуться на шутку, но нет, оказалось, она говорила серьезно.

— Если бы ты попросил у дерева прощения, возможно, тебе стало бы легче.

— Попросить прощения?

Лиза с улыбкой кивнула. Она часто сюда навевывалась; она знала, каково это — чувствовать, что все в жизни сделано не так.

Уилл приблизился к дереву. Он был уверен, что не сделает такой глупости, это было просто не в его характере, но, оглянувшись через плечо на Лизу, опустился на одно колено.

— Прости меня, — сказал он. — Прости меня за глупость, за то, что ставил себя выше других, прости за всю мою ложь.

Лиза подошла к нему и тоже опустилась на колени. Они стояли на асфальтовом тротуаре, на углу Локхарт и Ист-Мейн, но вокруг них было темно, как в лесу. Землю освещал лишь тонкий полумесяц. Издалека доносились крики девочек, носившихся по лужайке. Ночь была звездной, и, хотя прежде Уилл таких вещей не замечал, сейчас он обратил на это внимание.

— Ты прощен, — сказала Лиза. — По крайней мере, я простила.

В мире было полно карт и дорожных знаков, но ни один из них не годился человеку, заплутавшему так, как Уилл. Такому, как Уилл, понадобилась бы безоговорочная вера во что-то, в кого-то. Ему было нужно душевное спокойствие и кто-то, кто бы верил в него, а такого человека не так легко найти.

— Я прощен?

Он произнес эти слова, словно попробовал их на язык.

Прежде он даже не смотрел в сторону Лизы Халл, а теперь не мог на нее наглядеться. Теперь он верил каждому ее слову.

Тем временем на лугу Джулиет украдкой курила. С каждой затяжкой загорался оранжевый огонек сигареты, похожий на светлячка.

— А знаешь, я ошиблась. Лиза сохнет вовсе не по твоему дяде. Она втюрилась в твоего отца.

Девочки присели на постамент памятника.

— Ты думаешь, Лиза влюбилась в моего отца? — Стелла громко расхохоталась. — Господи, как ты ошибаешься. Лиза? Да она его полная противоположность.

— Это ничего не доказывает. Противоположности притягиваются, сладенькая ты моя. Ты разве не знала? Научно доказанный факт, как магнитные полюса.

— Полная противоположность.

Стелла чувствовала холод камня сквозь джинсы, выкрашенные в черный цвет тем самым днем в Лизиной ванне, вместе с остальным гардеробом: теперь у нее даже белье было черное, а также носки, футболки и фланелевый халат.

— Вот именно. Потому их и тянет друг к другу. У каждого есть то, чего недостает второму.

Джулиет загасила окурок о край памятника, предоставив Стелле смахнуть пепел ладошкой.

Стелла все еще размышляла о полной противоположности в воскресенье, пока Лиза изучала себя в зеркале, а Джулиет докуривала последнюю сигарету из пачки, позаимствованной у тетушки. Стелла и Джулиет направлялись к вокзалу, и впервые за эти дни им нечего было сказать.

Полная противоположность. Определение: неконтролируемая магнитная сила. Стелла знала, что магнитные поля способны воздействовать на поведение человека; во время бурь у некоторых появлялась необычная сила, например, известны случаи, когда женщины сдвигали машины, подмявшие под себя детские коляски, а мужчины выносили на своих руках пони в безопасную от наводнения зону. Но может ли физический фактор повлиять на любовь? Или это всего лишь еще один случай, подобный гаданию на свече с булавкой — глупой попытке измерить то, что не поддается пониманию?

Стелла припомнила случай, описанный в одном научном журнале, который ей показывал Хэп. Там говорилось о человеке, который своим дыханием вызывал огонь. Его испытывали снова и снова. Каждый раз он подносил ко рту кусок ткани, выдыхал, и ткань занималась пламенем. Неужели одни люди созданы из огня, другие — из воды, или земли, или воздуха? Неужели к одним человека может тянуть, как бы он ни сопротивлялся, а от других его будет тошнить, как бы они ни старались

понравиться?

— В жизни не была в такой дыре, — объявила Джулиет, уставившись себе под ноги. Хэп Стюарт сказал, что постарается повидаться с ними, но так и не появился. — Этому городку стоит дать приз за самое большое количество деревенских простофиль на квадратную милю.

Они подошли к вокзалу и услышали сигнал поезда. Джулиет порылась в сумке и достала обратный билет. Хэпа по-прежнему не было видно. Тут выглянуло солнышко. Воздух был настолько чист, что стало больно дышать.

— Бьюсь об заклад, старина Хэп решил, что я ненормальная, — сказала Джулиет.

— Нет. Ты ему понравилась. Он сам признался.

— Да, как же.

На платформе начали собираться пассажиры. Подъехало такси Илая Хатауэя, откуда высадилась Сисси Эллиот с дочерьми, Айрис и Марленой; все трое ехали на балет в Бостон.

— Вообще-то я и есть ненормальная, — тихо буркнула Джулиет.

— Ну и что? Хэпу нравятся ненормальные. Он однажды показал мне статью о человеке, который выдыхал изо рта пламя, — сказала Стелла — Ну разве это не сумасшествие?

— Это просто очень серьезный случай несварения.

Девчонки расхохотались.

— Самый серьезный из всех зафиксированных, — задыхаясь, проговорила Стелла.

Они смеялись так громко, что их было слышно внутри вокзала, но, когда Стелла замолкла, Джулиет продолжала хохотать. Совсем скоро ее нервный смех перешел в слезы. Стелла отпрянула. Раньше она сомневалась, умеет ли Джулиет плакать, — и вот теперь пожалуйста, подруга редела в три ручья.

— Это вовсе не из-за того, что я уезжаю, пожалуйста, не думай. — Джулиет промокнула глаза; черный карандаш для глаз и тушь начали подтекать. Джулиет принялась отрывать от билета крошечные кусочки. — Мне ведь даже не нравится это место. Я городская девушка.

— Знаю. Ты на все сто городская.

— Я рада, что уезжаю. Я бы здесь свихнулась.

За все время их знакомства Стелла только один раз побывала в гостях у Джулиет. Подруга жила в однокомнатной квартирке, поэтому спала на диване. Здесь же Лиза Халл застелила для нее кровать чистыми белыми простынями, пропитанными лавандовой отдушкой. Джулиет проспала в

субботу до полудня, а потом говорила, что не помнит, когда в последний раз ей удавалось так выспаться.

Стелла обняла подругу.

— Может быть, в следующий раз ты удержишься подольше.

— Не забывай меня, — прошептала Джулиет, обдавая ее горячим дыханием.

Когда она села в поезд, то, вероятно, уже не могла видеть Стеллу на платформе, но Стелла все равно осталась и махала, пока поезд не отошел, а затем скрылся за углом Локхарт и Ист-Мейн, подав сигнал напоследок. Джулиет призналась, что уехала из города, даже не оставив тетке записку; она подозревала, что когда вернется в Бостон, то окажется, что тетя даже не заметила ее отсутствия. Тяжелая участь — быть забытой. Так уж заведено, что одни становятся частью истории, люди празднуют их дни рождения, вспоминают их жизнь, а от других не остается и следа. Только вчера вечером Мэтт рассказывал за ужином о своей диссертации; Лиза услышала от него, что женщины рода Спарроу писали городскую историю невидимыми чернилами. Ему только и оставалось, что поднести некоторые страницы к свету.

Наперерез через лужайку к вокзалу мчался Хэп, дожdevик развевался за его спиной. Вид у парня был взволнованный, было понятно, что он пробежал несколько миль.

— Что с тобой случилось? — разозленно спросила Стелла, ей стало обидно за подругу. — Где тебя носило?

— Это все конь. Он вроде как заболел. Мне пришлось ждать вместе с дедушкой доктора Эрли и водить Торопыгу кругами. Я сейчас бегу обратно, чтобы снова с ним ходить. Просто хотелось попрощаться.

— Что ж, ты опоздал.

— Черт!

Хэп посмотрел на рельсы.

Стелле, наверное, следовало бы ревновать, а у нее почему-то отлегло на душе.

— Значит ли это, что ты влюбился в Джулиет?

— Не будь ослицей. — Хэп повернулся, чтобы уйти. Он не хотел говорить об этом. Он вообще не хотел разговаривать. — Мне нужно прогуливать коня, чтобы у него не случился заворот кишок.

— Возможно, ему пришла пора околеть.

— У тебя и впрямь патологическая ненависть к лошадям.

Стелла рассмеялась и помахала Хэпу, который помчался домой:

— Только не вздумай садиться на него верхом.

Дождь припустил как следует, грозя превратиться в рыбный дождь, так как уже сейчас он стеной падал с крыш. Из-за этого ливня Стелла пробежала по лугу и нырнула в библиотеку. Она вошла в вестибюль, убедилась, что туфли успели промокнуть насквозь, затем сняла их и оставила под вешалкой. А за окном продолжался всемирный потоп, по городу гулял порывистый ветер.

Стелла нерешительно замерла на пороге, но тут библиотекарша, миссис Гибсон, жестом пригласила ее войти:

— Ищешь дядю?

Как все-таки странно жить в городке, где большинство людей лучше тебя знают историю твоего семейства. Стелла готова была отдать что угодно, лишь бы узнать побольше о своих предках. Она прошла, как ей указали, мимо стеллажей с книгами и оказалась у стеклянной двери с табличкой «Историческое общество Юнити». Здесь хранились все городские газеты, журналы, дневники, объявления, медали и трофеи, среди которых была военная форма Антона Хатауэя: домотканая, чернильного цвета, полученного из тростникового индиго, когда-то росшего по берегам озера Песочные Часы.

В зале сидел один Мэтт Эйвери, печатал последнюю страницу последней главы своей диссертации. Мэтт был любимцем миссис Гибсон, потому ему разрешалось перекусывать здесь же, и Стелла увидела очищенный и разделенный на аккуратные дольки апельсин, а рядом чашку чая, приготовленного собственноручно миссис Гибсон, — крепкого, без сахара, с долькой лимона. Старому дубу придется подождать еще денек, прежде чем его срубят. А заодно и всем клиентам Мэтта, записавшимся на весеннюю очистку садов, — Эллиотам, Куимби, Стюартам, Фростам. Да что там, Мэтт так увлекся работой над диссертацией, что даже не начал высаживать растения на городском лугу; обычно в это время года у него уже были готовы почти все клумбы однолетников — ноготков, цинний, петуний. Но сейчас у него на уме было одно только прошлое, и он не мог думать ни о чем другом. На голове у него были наушники, за работой он любил слушать Кольтрана и Дилана — музыкальные пристрастия, в отличие от всего прочего, у него были такие же, как у брата. Он был так сосредоточен на последних фразах, что даже не вспомнил об апельсине или чае. Не будь он так глубоко погружен в описание последних мгновений жизни Ребекки Спарроу, он бы наверняка услышал, как Стелла открыла дверь.

Тем временем у Стеллы по спине пробежал холодок, как случилось во время вылазок с Джулиет, когда они воровали в универмаге косметику или

побрякушки. Вот так и рождается испорченность? Сначала — песчинка, потом — холодный камушек? Неужели всему виной импульс, которому невозможно сопротивляться, непреодолимое желание? Стелла ни о чем не думала, ничего заранее не планировала; это было все равно что потянуться за прилавком к блестящим сережкам, все равно что задержать дыхание и нырнуть поглубже. Минуту назад она стояла и смотрела, как ее дядя барабанит на машинке, а в следующую — уже запихивала его диссертацию в свой рюкзак.

Она вышла на цыпочках, осторожно прикрыв за собой дверь; помахала на ходу миссис Гибсон и поспешила влезть обратно в мокрые туфли, оставленные под вешалкой. Когда человек совершает плохой поступок, ему становится жарко: он горит, как уголек, лежащий на ладони. Как стрела, охваченная пламенем. Вся жизнь от Стеллы что-то скрывали, но этому пришел конец. Дождь утихал, рыбный дождь, от которого никакой пользы, разве что рыбе в озере, потому что после такого дождя поднимались тучи комаров и мошек. Шлепая по лужам, Стелла размышляла об опухоли, которую разглядела на легком миссис Гибсон; если насторожить доктора Стюарта и вовремя провести курс лечения, то, возможно, миссис Гибсон умрет не от рака, а от старости; мирно отойдет во сне в собственной постели или среди книг в библиотеке.

После того случая с юношей, который выжил, несмотря на разрыв печени, у Стеллы появилось больше оптимизма, хотя доктор Стюарт предупреждал, что некоторые болезни вылечить невозможно. Надежда — хорошая вещь в большинстве случаев, но что до Элинор Спарроу, то здесь о надежде не могло быть и речи, с тем же успехом стоило надеяться на снегопад в мае, что в принципе было неплохо, ведь именно это и привиделось Стелле — снежное одеяло, укрывающее бабушку белыми слоями. К счастью, стояла теплая погода, поэтому снегопада не предвиделось. На тротуар упали последние капли дождя. Стелла дошла до чайной и нырнула внутрь. Повесила куртку, сбросила хлюпавшие туфли. Светлые волосы промокли и слиплись за спиной.

— Как тебя долго не было! — прокричала Лиза. — С Джулиет все в порядке?

— Поезд опоздал, — солгала Стелла.

Наверное, все-таки она действительно уродилась в отца. Ложь теперь давалась ей легко. Например, все выходные она вралась новому разносчику пиццы, внушавшему им с Джулиет жуткий страх. Он жил в Норт-Артуре и вчера предложил девочкам прокатиться туда в торгово-развлекательный комплекс.

— Еще чего, — сказала Джулиет, после того как Стелла вежливо отвергла предложение разносчика, солгав, что у них в городе много дел — нужно перекрасить все вещи из шкафа в черный цвет и приготовить пудинг «Птичье гнездо» на Лизиной кухне в три часа ночи. — Можно подумать, нам было бы интересно в торговом центре какого-то занюханного Норт-Артура. Неужели он не понимает, что таким девушкам, как мы, подходит только «Сакс»? Ну и лох.

— Мне понравилась Джулиет, — сказала Лиза Стелле, когда та вернулась из библиотеки и зашла на кухню, чтобы выпить чаю. — Передай ей, что она здесь желанный гость в любое время.

Стелла повесила рюкзак через больное плечо, то самое, что было сломано при рождении и теперь ныло в дождливую погоду. Как-то раз, когда Стелла была маленькой, отец рассказал ей на ночь сказку о девочке, родившейся с одним крылышком. Доктора над ней потрудились, так что после только ноющее плечо и напоминало о том, что когда-то девочка была не похожа на других. Со стороны можно было бы решить, будто в памяти у Стеллы останутся только те многочисленные случаи, когда отец разочаровывал ее, но дело обстояло по-другому. Он всегда говорил: «Шшш. Полеты на сегодня отменяются», — когда сказка заканчивалась и наступала пора спать. Даже сейчас он не был виноват в случившемся. Ей вообще не следовало ничего ему рассказывать о том, что она увидела в ресторане в день своего рождения. Нужно было держать все при себе. Это по ее вине Уилл Эйвери попал в беду.

— Отец не рассказывал вам о том убийстве, что произошло в Бостоне? Новостей никаких?

Уилл рассказал Лизе, что Генри Эллиот подал прошение о том, чтобы с его подзащитного сняли все обвинения ввиду недостатка улик. Но Уилл тревожился вовсе не из-за обвинений. Ему не давала спать по ночам пропажа маленького домика; он закрывал глаза и сразу видел перед собой белые фронтоны, напоминавшие по форме свадебный торт, атласные цветы, резную дверь. Больше всего он тревожился, как бы с дочерью чего не случилось.

— Пока никаких. Но не волнуйся, — по-матерински ласково ответила Лиза, — твой отец по сути хороший человек.

Прежде никто так не отзывался об ее отце, по крайней мере в присутствии Стеллы, и теперь, поднимаясь к себе, Стелла подумала, что, вероятно, Джулиет Эронсон права. Вероятно, Лиза влюбилась в ее отца.

Стелла сняла черные джинсы и черную футболку; они настолько промокли, что с них стекала краска; пришлось выжимать их над

раковиной. Она переделалась в черный фланелевый халат и плюхнулась на кровать. Сил совершенно не было. Тем не менее она потянулась к рюкзаку; настольную лампу включать не стала, достать фонарик из ящика тумбочки тоже поленилась. За окном, где падали последние мелкие капли рыбного дождя, было еще достаточно светло, чтобы читать. Она вынула диссертацию Мэтта Эйвери, всю, кроме последней страницы, которую он допечатывал сегодня, и открыла. Сразу обратила внимание, что страницы пахнут водой и еще чем-то, напоминавшим водяные лилии.

«Невидимые чернила, описание жизни и смерти Ребекки Спарроу».

Дождь теперь капал по одной ленивой капле за другой, а Лиза, все еще хлопотавшая на кухне, слушала Сэма Кука, чей голос мог развеять любую печаль. «Дорогая, я от тебя балдею, — разносилось эхом по лестнице. — Честно».

Диссертация Мэтта начиналась с цитаты из дневника Чарлза Хатауэя.

«Я тот человек, который совершил ошибку, тот, чья вина оставалась никому не известной, до тех пор пока не были написаны эти слова. Кто же прочтет эти строки и поймет, что все сказанное здесь правда?»

В комнате у Стеллы было холодно, поэтому она набросила на плечи одеяло. Раньше у нее была дурная привычка — покусывать кончики прядей от волнения, совсем как у матери, которая в такие минуты грызла ногти. И сейчас почему-то эта привычка вернулась. Стелла больше не слышала ни дождя, ни машин на улице, ни Сэма Кука. Она быстро пролистнула введение: основание города Хатауэями, Хэпгудами и Эллиотами, стычки с аборигенами, медведь, которого убили в центре города под старым дубом, количество лошадей, коров и овец у каждого из хозяев, грузы из Англии с чаем, специями, зеркалами, чернилами и, в редких случаях, с тюками синего или алого шелка.

Стелла очень давно хотела обо всем узнать. Теперь у нее в груди как-то странно защемило. Держа в руках отпечатанную рукопись, она сделала глубокий вдох, какой делают ныряльщики, словно страницы и печать были не чем иным, как глубокая вода, такая же глубокая, как озеро рядом с домом бабушки, такая же глубокая, как время.

В 1682 году зима выдалась такой холодной, что Бостонская гавань простояла затянута льдом вплоть до середины марта. В то утро, солнечное и пронзительно яркое, когда лед в конце концов растаял, а ветер сдул с ветвей деревьев несколько недавно свитых птичьих гнезд, из леса вышел ребенок лет семи-восьми, поднялся на холм, с которого виднелось озеро Песочные Часы, и остался стоять возле каменных глыб, прозванных

поселенцами «стол и стулья». Это было то место, где, по утверждению некоторых, росли невидимые розы, тотчас исчезающие при появлении человека. Никого поэтому и не удивило, что так же легко, как исчезали розы, мог появиться человек, говоривший на непонятном языке.

Она пришла в тот день, когда сквозь тающий лед пробились первые подснежники, словно в напоминание всем и каждому о дарах ангела печали. Кто ее увидел первым — до сих пор не ясно, но вскоре весь город узнал, что из дикого леса пришло дитя, проделавшее долгий путь с севера, где было гораздо больше льда, чем подснежников. Люди еще не видели девочку, а уже знали, что розы, увядавшие под взглядами горожан, расцветали в ее присутствии. Кажется, Чарлз Хатауэй первым сообщил, что видел, как девочка свистом подзывала к себе воробьев; птички, как клялись очевидцы, приносили ей сладкий клевер и ягоды, этим она и питалась в лесу. Говорила она на какой-то тарабарщине и даже не знала, как молятся. В ее черной гриве запутались веточки ежевики. При себе у нее было всего три вещи, принесенные из далекой холодной страны. Серебряный компас. Золотой колокольчик. Звезда на цепочке. Люди смотрели на эти вещицы и перешептывались. Они пялились на ее ноги с позеленевшими, огрубевшими ступнями и дивились, кто же это такая.

Кто из добрых соседей возьмет ее к себе, малышку не старше восьми лет? Юнити был город, построенный на глазах у Господа, но где же то милосердие, к которому так часто призывал пришлый священник, преодолевавший извилистый путь из Бостона? Никому из семейств девочка была не нужна, даже Локхартам, державшим на окраине города свиней и овец. Девочка была хорошенькая, по виду смышленная, но, когда ее привели на городской луг, где собрался народ, чтобы помолиться и возрадоваться спасению человеческой жизни, она даже не сообразила преклонить колени. Она смотрела прямо в небеса, горделивая, любознательная, и это всем внушало беспокойство.

Первым в дом ее взял Джон Эллиот, хотя не очень-то хотел. Просто его жена высказалась, что они должны проявить сострадание, но в первую же ночь семья услышала звон колокольчика. Они не сомкнули глаз до самого утра и отказались от девочки. Следующими ее взяли Хэпгуды, но малышка не захотела снять звезду, висевшую на шее; не было в девочке ни благочестия, ни послушания, поэтому Хэпгуды тоже отвели ее обратно. Тогда у Чарлза Хатауэя не осталось иного выбора, как взять ее к себе. Это был первый богач в городе, получивший земельный надел прямо от короля, и он считал своим долгом преуспеть там, где другие потерпели поражение.

У Хатауэя был родной сын, Сэмюель, почти годоводок девочки, но

только не черненький, а очень светленький. Хатауэй не терпел непослушания от собственного отпрыска и поэтому взялся обучить это дитя из северных лесов манерам цивилизованных людей. Когда среди ночи зазвонил колокольчик и разбудил весь дом, Хатауэй отстегал Ребекку прутом из лещины. Когда она, вооружившись компасом, ушла бродить по городу, он вернул ее в дом и снова высек, на этот раз прутом из боярышника. Когда она наотрез отказалась снять звезду, он сорвал цепочку с ее шейки и высек девочку дубовым прутом.

А дети тем временем стали неразлучны — вероятно, их объединила общая ненависть к Хатауэю. Однажды ночью ребятишки исчезли. Идя по стрелке серебряного компаса, они вышли к тому месту, где девочку впервые увидели, — к «столу и стульям». Там их и нашел той же ночью Хатауэй, они спали на «столе», заключив друг друга в объятия. На следующий день Хатауэй избавился от девочки. Он отвел ее к прачке, которая жила на берегу озера. Это была старая женщина, имевшая, однако, зоркий глаз на все ценное.

Говорили, будто прачка умела отличить домотканую вещь от шелковой на расстоянии в сотню ярдов. Имя прачки история не сохранила, но именно эта женщина решила назвать девочку Ребеккой. В любое время дня кто бы ни проходил мимо озера, слышал: «Ребекка, иди сюда! Ребекка, куда ты запропастилась?»

А все потому, что дел на берегу озера было великое множество. Девочка должна быть умной, чтобы не обжечься, когда добавляет золу в кипящий жир при варке мыла. Она должна быть сильной, чтобы выжимать тяжелую шерстяную ткань. Она должна быть выносливой, чтобы не жаловаться, когда пальцы станут кровоточить от ядовитого щелока. Она должна быть спокойной, чтобы не пикнуть, когда руки стянет от картофельного крахмала. Она должна ждать, когда наступит ее час.

Что-то билось в стекло. Стелла решила, что это всего лишь дождь, поэтому не обращала внимания. Она погрузилась в историю Ребекки Спарроу, но тут вновь застучало, на этот раз более настойчиво. В окно летели мелкие камешки, целый дождь гальки. Это было в тот час после сумерек, который все окрашивает в синий цвет. Дрозды пролетели по небу и слились с тенью. Стелла распахнула окно и глянула вниз, где росла сирень и платановые деревья.

Там стоял Джимми Эллиот.

Она не разглядела его лица, но точно знала, что это он, по тому, как он делал вид, будто случайно здесь оказался, без всякой причины. Можно

подумать, еще минуту назад он занимался собственным делом, а потом вдруг взял и швырнул камешек в окно, даже не подозревая, чье оно.

В последнее время он все чаще и чаще попадался ей на глаза, появлялся там, где его не ждали, заходил в пиццерию, где уже сидели Стелла и Синтия, слонялся в школьном коридоре возле шкафчика Стеллы с удивленным видом, словно потерялся и ему нужна карта, чтобы сориентироваться в родном городе. И вот теперь, в этот вечер, он объявлял о своем присутствии; даже больше: он бросал ей вызов.

Стелла никогда не отступала перед вызовом. Она достала ключ из рюкзака и швырнула на тротуар. Непонятно, ожидал такой реакции Джимми или нет, но, во всяком случае, он живо подобрал ключ, подошел к запертой двери чайной, и через несколько секунд Стелла услышала его шаги на лестнице. Она понадеялась, что Лиза, составлявшая на кухне список покупок на неделю, ничего не заметит. Каждый раз при виде Джимми Стелла ощущала невесомость в животе, и теперь она не знала, чего еще от себя ждать, когда он войдет через дверь. Нужен он ей здесь или нет? Тут до нее дошло, что под халатом на ней почти ничего нет, поэтому она быстро завернулась в одеяло.

Он вошел в спальню и закрыл за собой дверь. Комната показалась Стелле совершенно нереальной с Джимми Эллиотом, стоявшим у кровати. Ей почудилось, будто в воздухе рассеялись частички его запаха. Это был аромат дождя и еще чего-то — Стелла не поняла, чего именно.

— Она слышала, как ты вошел? — прошептала Стелла.

— Лиза? Она на кухне слушает музыку и подпевает.

И точно, до Стеллы донесся приглушенный голос Лизы. Оба едва сдержали смех. Лиза распевала песню Ареты Франклин. Уилл часто проигрывал компакт-диск королевы соула.

— Ты чего закуталась? — спросил Джимми. — Видок у тебя, как у одной из тех бабулек, что никогда не вылезают из кровати.

— Не смейся надо мной.

Если честно, то Стеллу начало слегка мутить. Опять эта невесомость в животе. И почему только Джимми Эллиот такой красавчик? И почему только у него такой потерянный вид?

— Бабушка, а почему у тебя такие большие глаза?

— Я серьезно. Прекрати.

Джимми уставился на нее. Становилось темно.

— Так и быть, — согласился он и плюхнулся на кровать рядом с ней, потом взял угол одеяла и натянул на себя. Единственное, что их разделяло, — диссертация Мэтта. — А это что такое?

Стелла проворно схватила рукопись и запихнула под подушку. На ней был браслет, подарок отца, и бубенчик тихо звякнул.

— Ничего.

— Как это ничего?

И тогда он ее поцеловал. Губы Стеллы сразу запылали. Она подумала о свече с булавкой и о том, как любовь непрошеной вторгается в человеческую жизнь. Она почувствовала, как Джимми прижался к ней бедром, и в этом месте тоже начало гореть. Везде, где он дотрагивался до нее, везде, где он был. Значит, вот как это бывает, этот жар, это желание того, чего не следует желать.

— Наверное, нам не нужно этого делать, — сказала немного погодя Стелла.

К этому времени губы у нее болели, хотя останавливаться не хотелось. И все равно в ней нарастала паника.

— А что нам делать? Читать?

Стелла невольно расхохоталась, но тут же подавила смех, так как с лестницы донеслись шаги Лизы. Она пела фальшиво, хотя и с чувством. Стелла зажала рукой рот Джимми, чтобы Лиза не услышала хохот. Его дыхание тут же обожгло ей ладонь. Она вспомнила, как Хэп рассказывал ей о человеке, способном выдыхать огонь. Стелла склонила голову на грудь Джимми и услышала, как громко стучит его сердце. Быть может, это в нем привлекало ее? То, что она видела его смерть в очень преклонном возрасте; что рядом с ним ей не нужно было тревожиться, какой ужасный удар судьбы поджидает за следующим углом?

— Отвернись и не смотри, — велела Стелла, когда ему пришла пора уходить.

Она выбралась из кровати, скинула халат и натянула джинсы. Повернувшись, она убедилась, что он все видел.

— Вот и верь тебе после этого.

Она по-прежнему не осмеливалась говорить громко, шептала.

— А ты сама? — Джимми достал из-под подушки рукопись. — Тебе-то можно верить? Разве это не диссертация твоего дяди?

Стелла подскочила, чтобы вырвать у него работу Мэтта.

— Я никому не скажу, — пообещал Джимми, — клянусь.

Он поднялся с кровати и отряхнул одеяло, которое умудрился выпачкать грязными ботинками. Как ни странно, но Стелла поверила ему. Он умел хранить секреты, он никому не скажет. Они вместе спустились вниз, и она выпустила его из дома. После сильного дождя воздух был чист. Теперь они поменялись местами, и уже она смотрела ему вслед, она не

могла отвести взгляда, пока он не прошел всю дорогу, мимо сирени, мимо тенистых деревьев, где спали дрозды, усевшись на ветке рядком.

Дни становились длиннее, и Элино́р теперь дольше работала в саду. Ее обуяла жадность к лишним сумеречным часам, жадность почти ко всему, но особенно ко времени. Ноги совсем ослабли — издержки возраста, — но, как ни странно, когда она опускалась на колени в саду, то чувствовала в глубине почвы сплетенные корни, подрагивающих цикад в сорняках, дыхание земли. Ей казалось, что растущие цветы ускоряют ее собственную кровь, и она вновь ощущала себя молодой. Однажды она уснула в середине дня, прислонившись спиной к старой каменной стене, совсем как Аргус. Брок Стюарт так ее и нашел, свернувшуюся калачиком у камней, словно птицу, упавшую с неба, или догорающую звезду, или плеть роз без шипов.

Элино́р и ее старый пес не слышали, как «линкольн» доктора Стюарта подкатил с шипением к дому, точно так они не слышали, как поют в лесу древесницы. Брок Стюарт прислонился к садовым воротам и подумал обо всем, что узнал от Элино́р Спарроу. Например, о диких розах, которые, как утверждали жители Юнити, засыхают прямо на глазах у того, кому повезло их разыскать. Этот местный вид не приживался ни в садах, ни на задних дворах, ни в оранжереях, и тем не менее Элино́р удалось уговорить одно растение пустить корни, а потом она привила к нему свой любимый сорт. Даже сейчас, когда лето было совсем близко, этот гибрид был все еще прикрыт рогожкой, пропускавшей солнце и одновременно защищавшей от ветра и дурной погоды, как, например, каменного дождя, выпавшего на прошлой неделе: этот дождь побил более хрупкие розы, сломав некоторые пополам.

Доктор вошел в сад и опустился на скамью, которую подарил Элино́р. Когда человек принимает дар от другого, то вместе с ним он принимает отношение дарителя к себе, это известно любому дураку. Так почему же тогда она спала на земле, а не воспользовалась подарком? Доктор смотрел, как она дышит, каждый вдох был для него дорог. «Еще один день, — подумал доктор с жадностью, свойственной людям, хотя Элино́р уже почти утраченной. — От силы — два».

— Привет, девочка, — сказал доктор Стюарт, когда Элино́р наконец открыла глаза.

Ей снилось, что она идет по дороге под зелеными кронами. Потом она увидела доктора Стюарта, который выглядел настоящим красавцем, как тогда, когда вернулся в город после окончания медицинской школы. Она даже удивилась, не продолжается ли ее сон.

— Какая уж там девочка.

Рассудок к ней вернулся настолько, что она напонила ему об этом.

Глаза Элинор смотрели мутно, зрение ее подводило, в ногах чувствовалась слабость. Она подумала, что каждый цветок увядает по-своему: один роняет лепесток за лепестком, другой — погибает сразу, разорванный ветром или обстоятельствами, а то и просто временем.

— Как наша голубая роза? — поинтересовался доктор.

— Не наша. Моя. Твоя здесь только рогожка.

Брок Стюарт рассмеялся.

— Если тебе обязательно нужно знать, то мне жаль бедняжку, — продолжила Элинор. — Стоит себе укутанная. Я даже начинаю думать, какой толк быть розой, если ты перевязана бечевкой и прикрыта рогожкой.

Не будь он доктором, не наблюдай он это много раз, разве обратил бы внимание на темные, почти фиолетовые круги под ее глазами? Разве увидел бы, что кожа у нее желтая при свете дня? Он знал, что сейчас у нее, должно быть, невыносимо болит позвоночник; он успел проверить у аптекаря, как часто она заказывает по рецепту морфий. Возможно, поэтому она уснула на земле среди коробочек молочая, и ей снились дороги, ведущие домой.

— Ты хотела получить голубую розу, — сказал Брок, — разве не так? Разве не в этом смысл?

— А разве все не хотят получить то, что недостижимо?

— Я думаю вот что: тут важно само стремление. Таково мое скромное мнение.

Элинор рассмеялась:

— Никакой ты не скромник. Ты всезнайка.

— Я? — удивился доктор. — Скорее незнайка. Ничего не смыслю в розах, поэтому не спрашивай, что я думаю.

Элинор внимательно оглядела Кейк-хаус. В этот час дня деревянные стены, выкрашенные белой краской, приобрели голубой оттенок, совсем как яркое небо над ним.

— Где-то я свернула не туда, — сказала Элинор.

Она думала о своем сне, о длинной зеленой дороге, о том, как все эти годы занималась только одним делом. Теперь она могла бы вырастить тысячу голубых роз, но ей хотелось совсем иного.

Что касается Брока Стюарта, то он даже не мог припомнить, когда начал испытывать к ней подобные чувства. Неужели в тот день, когда прошел по обледеневшей тропке, чтобы рассказать ей о Соле? Или на следующий день, когда он опять нашел ее в саду, босую, замерзшую, так

что когда он привел ее в дом и усадил перед огнем, то с оттаявшей одежды натекли целые лужицы на полу? Было ли это вчера или двадцать лет тому назад?

— Я без тебя буду как потерянный.

— Что ж, — резко ответила Элино́р, — тебе лучше начать привыкать.

Вроде бы зашумел дождь, но Элино́р никак не могла понять, какой именно — не розовый, не рыбный, не каменный, не нарциссовый, просто капала вода. Оказалось, это плачет доктор. Вот теперь, когда она знала, чего хочет, все почти подошло к концу.

— Пусть у нас будет общая тайна. — Элино́р чувствовала спиной жар от камней. Она ощущала, как в почве копошатся маленькие червячки, как переплетаются корни растений в ее саду, причем так тесно, что понадобился бы топор, чтобы их разрубить. — И никто в мире о ней не узнает.

Доктор Стюарт утер глаза тыльной стороной ладони. С той поры как умер ребенок Лизы Халл, он перестал сдерживать слезы. Раз или два он даже выплакался в присутствии ординаторов в клинике. Все они тогда смущенно поотворачивались, явно приняв эти слезы за старческую слабость. Он промолчал, но в глубине души ему хотелось сказать всем этим новым ординаторам, таким уверенным в себе, таким убежденным, что единственный способ лечить — отречься от какой-то части собственной души: «Так оно должно быть. Смотрите на меня. Вот что значит быть человеком в этом мире».

— Мы пересадим розу, — объявила Элино́р.

Брок рассмеялся:

— Почему для осуществления твоих идей всегда требуется физический труд и тачка?

Но как только они начали, то оказалось, что выкопать маленький розовый куст не составляло великого труда. Они подняли саженец, по-прежнему в рогожке, и перенесли на тачку, которую затем пришлось толкать доктору. Цвели красодневы и триллиумы, лес был темен, за исключением редких пятачков, куда солнце проникало сквозь листву, яркое, как луч прожектора, и освещало кружащих в воздухе мошек и серебристые пылинки. В воздухе пахло грязью; она здесь была повсюду — красная, серая, озерная, лежала слоями. Скунсовая капуста росла тут в изобилии, а на опушке они увидели орхидею венерин башмачок. Доктор Стюарт даже остановился, чтобы полюбоваться замечательным цветком. Орхидея имела форму человеческого сердца, только была бледнее и, как человеческое сердце, обладала удивительной силой, особенно если учесть

ее хрупкость и незащищенность.

Они продолжали путь, пока не дошли до того места, где, по преданию, люди впервые увидели Ребекку Спарроу. Однажды вечером она вышла из леса, словно из сна, который закончился. Произошло это именно здесь, за плоскими валунами, прозванными «стол и стулья». Спустя несколько недель после смерти Сола доктор Стюарт частенько приходил сюда с Элинор, просто посидеть, ничего больше, хотя время от времени ему хотелось ее поцеловать. Но он гнал прочь эту мысль — все-таки он был женат, причем счастливо; просто в этих минутах было что-то большее. Все то, что он чувствовал в душе.

Аргус плелся за ними, еле передвигая лапами. Когда Элинор выбрала достаточно солнечное место, волкодав растянулся на земле и принялся наблюдать, как доктор Стюарт расчищает участок от лиан. Выбившись из сил, доктор сделал перерыв, присев на один из «стульев», но холодный гранит не давал возможности отдохнуть хорошенько, к тому же Элинор принялась сама перетаскивать разрубленные лианы. Отдышавшись немного, Брок начал копать яму прихваченной с собой старой лопатой. Вокруг росли коричневый чистоуст и желтые ирисы, перекочевавшие из садов колонистов; они преодолели такие препятствия, как заборы и зеленые изгороди. Тут же цвела аризема и вездесущая скунсовая капуста, выпускавшая серный аромат, стоило только тронуть ее листья. В лесу царила какая-то неземная тишина, но если прислушаться внимательно, то можно было услышать бесконечное многообразие звуков. Жужжали мухи, зудели комары, гудели пчелы, разлетаясь по кизилковым кустам, у которых как раз сейчас началось бурное цветение, заливались дрозды, выводила рулады желтая древесница, щебетали воробьи, сидевшие на каждой ветке.

Когда доктор вырыл достаточно глубокую яму, Элинор сняла с куста рогожку, свернула в грубый рулон и бросила в тачку. Работая, она старалась не смотреть на маленькое растеньице, чтобы не спугнуть его и не заставить исчезнуть. Конечно, все это были глупые сказки, но, быть может, в них таилась какая-то истина. Что-то на этом свете увядает, распадается, а что-то, наоборот, продолжает жить, расти, даже когда никто его не видит, в полной неизвестности.

— Пометим тропку камнями, чтобы потом отыскать? — спросил Брок Стюарт, разворачивая тачку в обратный путь.

— Мы больше никогда ее не отыщем. — Элинор подошла и остановилась рядом. Одну руку она продела ему под локоть, а второй оперлась на тачку. — Поэтому мы и привезли розу сюда.

Дорога домой оказалась еще труднее, они шли через мелколесье, мимо

скунсовой капусты. Совсем скоро доктор понял, что сбился с пути. Наверное, все-таки им следовало пометить тропку, но по дороге сюда, а не обратно.

— Проклятье, — сказал Брок Стюарт, ибо кизилловые кусты выглядели совершенно одинаково, как и поляны с желтыми ирисами.

Доктор взмок, устал от тяжелой работы, натер мозоли на руках. Давным-давно, когда Дэвид был еще мальчиком, он поучал сынишку: «Смотри на небо. Если потеряешься, помни: солнце садится на западе, так ты обязательно найдешь дорогу». Сейчас же доктор даже не мог увидеть солнце сквозь густые кроны.

— Не представляю, где мы находимся, — признался он.

— Вот и хорошо. — Элинор стояла так близко, что он чувствовал ее уверенность, ее тепло, дыхание. — Если мы не сможем отыскать это место, то никто другой и подавно не сумеет. Этого мы и добивались, Брок.

Они могли бы простоять там целую вечность, потерявшись в лесу, в темноте, где-то там, куда вышла Ребекка Спарроу много лет тому назад, придя с севера, как говорили люди, хотя никто точно этого не знал. К счастью, пес знал дорогу домой. Им пришлось довериться Аргусу и слепо идти за ним; спустился туман, потом начало моросить. Это был последний в сезоне нарциссовый дождь, из тех, что проливается без всякой причины, когда лужайки и живые изгороди уже успели зазеленеть, но небо все еще не может остановиться и шлет свой дождь.

На краю поляны доктор остановился и собрал букет желтых ирисов. Пальцы у него позеленели от сока растений, голова закружилась от приятного сильного запаха. Он мог бы бродить здесь бесконечно долго, не чувствуя усталости и жажды. На этой зеленой тропе он вновь испытал то, что когда-то привлекло его к медицине: торжество и энергию жизни, взаимосвязь всего живого; корни переплетались в глубине почвы, совсем как плоть и кости, побеги вьюнков походили на артерии, осиные гнезда напоминали по форме сердце. Если бы он мог унести с собою в вечность что-то одно, то выбрал бы это теперешнее ощущение. Ноги у путников промокли, идти было трудно. Людям их возраста смешно отправляться в подобные путешествия, и все же доктор не хотел, чтобы прогулка заканчивалась. Он ясно видел, что Элинор лихорадит; возможно, она подхватила грипп, что не удивительно при ее ослабленном состоянии. А еще он ясно видел, что они действительно никогда не найдут дорогу к розовому кусту.

«Иди помедленнее, — шептал он, потому что к этому времени единственное, что освещало их путь, — букет желтых ирисов в руке. — Я

не хочу, чтобы ты уходила».

Той ночью Элино́р приснилась роза, которую они пересадили в лес. Во сне ее лепестки были не голубыми, а серебристыми. Как осколки зеркала, отражавшие небо в вышине. Она присела, чтобы сорвать единственный цветок, но он рассыпался у нее в руках: разбился надвое, потом еще раз и, наконец, на тысячу кусочков. Так и не поднявшись с колен, охваченная паникой, она попыталась соединить осколки вместе и услышала, как кто-то сказал: «Вот ты и добилась своего». И тогда она подумала: «Это просто смешно. Ничего я не добилась. Я все потеряла».

Пальцы у нее кровоточили от всех этих осколков. Элино́р разглядела в них свое отражение, и оказалось, что она превратилась в маленькую девочку. Самое странное, что когда она поднялась, то по-прежнему была маленькой девочкой — с длинными черными волосами, потерявшаяся в лесу, где росла колючая ежевика. А над ее головой в чернильном небе носились звезды, словно их кто-то завел, как детскую игрушку. Она даже узнала некоторые созвездия: например, созвездие Льва, которое всегда появляется весной. Созвездие Волопаса, ищущего отбившееся от стада животное. Сине-белую Ве́гу, самую яркую звезду в созвездии Лиры. Все они были похожи на снежинки, прилепившиеся к своду. Встряхнешь его — и они посыплются и укроют тебя покрывалом.

Дженни проснулась, когда небо было все еще черным. Ее разбудил сон матери. Она охнула и села в кровати. Девочка с длинными черными волосами прошла по осколкам стекла и даже не заплакала. Зато лицо Дженни было разгоряченным и мокрым от слез. Она услышала предрассветный хор лесных дроздов, доносившийся из темноты. На карнизе рядом сидели воробьи, но, когда Дженни всхлипнула, они испугались и разлетелись во все стороны. Впрочем, недалеко: птички перепорхнули в заросли лавра и сырую траву.

Дженни выбралась из кровати и подошла к окну. Она бы не удивилась, если бы увидела на лужайке девочку с черными волосами, одетую в белую ночную рубашку, совсем как Ребекка Спарроу, когда та впервые вышла из леса. Ночь улетучилась с травы, словно пар с зеркальной поверхности. Дженни накинула халат и вышла в коридор. Босые ноги ступали по холодному полу; пылинки кружили совсем как живые в лучах света, проникавших сквозь окна.

Было так рано, что первыми проснулись осы, а потом уже пчелы, которые начали облетать сад; звезды гасли одна за другой, и вскоре на небе осталась только Венера. Дженни увидела, что дверь в спальню матери приоткрыта. Если бы она когда-то поинтересовалась, то узнала бы, что

мать очень боялась спать одна, с той самой ночи, когда доктор пришел рассказать им о гибели Сола. Элинон, конечно, умела распознавать ложь, но только если ее не произносил тот, кого она любила. Поэтому она и попалась; ее отвлекала любовь, которая казалась, по крайней мере в то время, единственной истиной на целом свете.

Аргус всегда спал рядом с кроватью. Когда Дженни вошла в комнату, он поднял голову и уставился на нее, но Дженни увидела по мутной пленке на его глазах, что пес почти ослеп. И как только она раньше этого не замечала? Почему она не обращала внимания на то, как холодно в материнской спальне, давно не знавшей ремонта, так что белые стены успели пожелтеть от времени? Почему раньше до нее не доходило, насколько серьезно больна мать, и она поняла это только сейчас, именно в эту минуту, когда просыпались птицы, когда прояснялось небо, светясь молочно-опаловым светом, когда возникла неожиданная угроза все потерять?

На столике стоял букетик желтых ирисов, какие растут в лесу, с мускусным ароматом. Вазочку Дженни тоже узнала. На самом деле это было одно из первых изделий Дженни, самостоятельно изготовленных в третьем классе на уроках прикладного искусства, — неустойчивый, ребристый сосуд из глины, выкрашенный в коричневую и синюю полоску. Она помнила, как однажды принесла вазочку домой. Дождь тогда лил немилосердно, гораздо сильнее рыбного дождя. Это был ураганный дождь, простой, незатейливый. Дженни, чтобы уберечь вазочку, сунула ее под пальто. С каждым шагом она молила об одном: «Только не разбейся». И теперь с удивлением увидела, что мать хранила вазочку все эти годы и даже поставила рядом с собой.

Ноги у Дженни совсем окоченели, поэтому она переступила через Аргуса, отбросила одеяло и забралась в кровать рядом с матерью. Элинон проснулась, как только услышала, что кто-то вошел в комнату. Она всегда спала чутко, но зрение начало ее подводить, и она подумала, что если Аргус не залаял, тогда, наверное, ей тоже стоит помолчать. Она почувствовала, как заколыхалась кровать. Рядом оказалась женщина с темными волосами — ее дочь. Неужели это происходило в действительности? Разве не было это невозможно, как невозможно из соломы напрямь золото^[6]?

— Я вижу сон, — сказала Элинон Спарроу.

Ее слова тут же растаяли, как это бывает во сне, оставив после себя только непостижимую для понимания суть.

— Возможно, я тоже, — сказала Дженни.

С лужайки до них донесся призыв лесного дрозда. Утро за окном окрасилось в желто-зеленые тона. А что такое сон, как не способ узнать, что у тебя в душе? Спустя столько лет они простили друг друга в это майское утро, когда мир вокруг зеленел, когда в лавровых зарослях кружили пчелы, когда слова были не нужны, когда все потерянное можно было вернуть.

Утром Стелла попрощалась с Лизой, подхватила рюкзак и ушла, как обычно. Но когда нужно было свернуть на Локхарт-авеню и направиться в школу, она пошла в другую сторону.

— В школу я сегодня не пойду, — объявила Стелла, когда с ней поравнялся Хэп. — Сделаешь конспект за меня на уроках.

— Я с тобой, — сказал Хэп, радуясь возможности прогулять занятия таким ясным теплым днем.

— Нет.

Прозвучало слишком резко. Он мог обидеться. Интересно, он догадался, что она вчера вечером с кем-то целовалась? Это можно увидеть при свете дня? Догадался ли он, что ей уже нельзя верить, как прежде?

— То есть, я хочу сказать, это дело семейное.

— Конечно. — Хэп посмотрел на Стеллу так, словно до него что-то дошло именно в эту секунду. Возможно, он не знал ее так хорошо, как думал. — Ты поступаешь как хочешь.

Стелла прошла по аллее Дохлой Лошади и, дойдя до тропы Ребекки, сократила путь. День был теплый, над мелью кружила мошкара. Давным-давно здесь обитало так много черепах, что и не сосчитать, хотя люди десятками собирали их яйца и варили из них суп. В чаще водились индюшки, а в ручьях было полно сероспинок, костистой рыбки, которая каждую весну приплывала в глубь материка с солончаковых болот. К тому времени, как Ребекке Спарроу исполнилось тринадцать — ее днем рождения стал тот день, когда она впервые вышла из леса в середине марта, — городок Юнити увеличился вдвое. Никто при встрече с ней уже не сказал бы, что когда-то она не знала ни слова по-английски, зато каждый уже через секунду догадывался, что она занимается стиркой, — у нее были потрескавшиеся, неухоженные руки с синюшными пальцами и обломанными ногтями. Старая прачка умерла от оспы, оставив Ребекке свой дом, котел и особый рецепт варки ячменного мыла.

Когда Чарлз Хатауэй увидел в то утро, как она прошла по осколкам зеркала, он понял, что правильно поступил, не разрешив сыну с ней встречаться. Но все равно любой отец не смог бы сделать большего. Когда

местные мальчишки начали закидывать Ребекку стрелами ради развлечения, именно Сэмюель прогнал их прочь. Именно Сэмюель навещал Ребекку по вечерам, не обращая внимания на тучи комаров, висевшие над берегом озера черной завесой, и на кусающихся черепах, прятавшихся в грязи и готовых прокусить самую крепкую пару ботинок. Он продолжал ходить к ней, даже после того, как по настоянию отца женился на одной из дочерей Хэпгудов, Мэри. У него родился сын, но он все равно оставался верен Ребекке, если под верностью понимать то, что она была единственной, к кому он стремился. Он ходил к озеру в любую погоду; защищался от комаров мазью из скунсовой капусты и знал дорогу как свои пять пальцев: шел в темноте, обходя камни и черепах, мимо старого дуба, в дупле которого пчелы собирали такой сладкий мед, что медведи сходились со всего леса, и нельзя было прогнать их ни дымом, ни мушкетами.

Ребекке не исполнилось и семнадцати, когда первого марта она родила девочку, Сару Спарроу, спокойного младенца, которому, казалось, вообще не нужно спать. В тот год комары собирались огромными тучами, и любой, кто приближался к стоячей воде, заболел лихорадкой. Первым умер Сэмюель, а после его смерти болезнь пошла по кругу, от одного семейства к другому. Зато Ребекка Спарроу, жившая у озера, была по-прежнему здоровехонька, хотя и проплакала несколько недель по своему Сэмюелю. Люди не могли не заметить, что и ребенок ее процветал. Мало того, Мэри Хатауэй, вдова Сэмюеля, видела как-то раз Ребекку, которая держала на вытянутых руках ребенка, и обе были покрыты птицами; со стороны казалось, будто они все в перьях, словно нелюди.

Горожане сочли резонным допросить Ребекку насчет лихорадки. Довольно скоро ее привели в зал собраний, где каждый старался разглядеть в ней какие-то признаки того, что на их город ниспослано испытание. Пути Господни неисповедимы, это так, но то же самое можно сказать и о дьяволе. Разве не в этом причина, что выдающиеся мужчины часто жаждут того, от чего им лучше держаться подальше? И что женщины нередко ударяются в тщеславие, и даже ребятишкам необходимо руководство, иначе они споткнутся и упадут? Отцы города отобрали у Ребекки серебряный компас, который она хранила в кармане, сняли звезду с ее шеи; они взяли у малышки золотой колокольчик и не обращали внимания на ее плач.

Некоторые, вроде Мэри, давно подозревали что-то неладное, но теперь и отцы города согласились, что необходимо провести испытание. Всем известно, что ведьмы не чувствуют боли, поэтому и был выбран болевой

метод. В ботинок Ребекки бросили горячий уголь, и жители еще больше уверились в своей правоте, когда Ребекка не вскрикнула, хотя все видели ожог на ноге, обуглившуюся кожу. Тогда они принялись загонять булавки ей под ногти, но она по-прежнему не произнесла ни слова, хотя пальцы у нее стали алыми, а несколько ногтей отвалились. Они добавили в жаркое, которым накормили ее, целые желуди, но она их не выплюнула. Наконец, добропорядочным жительницам города было велено зашить камни в подол ее платья и плаща, а потом насыпать камней ей в ботинки, прежде чем привести на озеро.

Наступил полдень, когда Стелла дошла до жуткого описания того, что произошло в футах десяти, не больше, от того места, где она сейчас сидела на корточках под голубым небосводом, который в тот день был затянут тучами. Они протащили Ребекку Спарроу по тропинке, где в то время росла ежевика, не заботясь о том, что камни в ботинках так изранили ей ноги, что кровь начала просачиваться сквозь подошвы. Стоял январь, слишком ранняя пора для подснежников, но тем не менее там, куда падала кровь Ребекки, выросли цветы. Все остальное было сожжено. На этой тропе больше никогда не росла трава, даже чертополох никогда не давал свои ростки, как и молочай, как и дурман. Людское дыхание обращалось в пар, который клубился мутными облачками. В тот день мир, казалось, лишился своих красок: небеса были свинцовые, камыш — тускло-коричневый, сено на полях, подернутых морозцем, — светло-желтым.

С испытанием решили подождать — думали, что лед вот-вот растает, но каждый день был холоднее предыдущего. Когда слег один из Хэпгудов, а затем умерли двое кузенов Уайтов, все решили, что ждать больше нельзя: мальчишек послали прорубить полынью. Несколько часов прошло в спорах, веревку какой прочности использовать. Стелла читала эти строки и спрашивала у самой себя, убежала бы Ребекка, представься ей такой случай. В примечании Мэтт высказал предположение, что идею о ночных полетах ведьм могли внушить галлюциногенные вещества. В то время, по замечанию Мэтта, снадобья для полетов были в большом ходу. Даже Френсис Бэкон описывал рецепт ядовитой смеси, куда входили болиголов, белладонна, шафран и листья тополя.

Многие из этих ядовитых растений можно было легко отыскать в полях вокруг Юнити, но что увидела бы та, которая поднялась бы над городом? Разве она не стала бы тосковать по действительно важным вещам, если бы отдалилась на такое расстояние от всего мира? Ребекка, оставленная на попечение Хатауэв, была привязана к земле из-за своей маленькой дочурки. Она даже не пыталась бежать, не говоря уже о том, чтобы

улететь. У нее ничего не было за душой, кроме груза преданности. Все, чем она владела на этом свете, помещалось в одной корзинке: колокольчик, компас, два платья и несколько кусков ячменного мыла, способного отстирать любое пятно, будь оно от смолы, жирного соуса или крови. Городским женщинам вручили большие ножницы и велели отрезать ей волосы. И хотя была зима, воробьи щебетали, как весной. Подо льдом передвигались черепахи, казавшиеся с берега бревнышками.

Многие участники этого дела никак не могли понять, почему Ребекка отказывается говорить, некоторые занесли этот факт в свои дневники. Но, прочитав воспоминания Чарлза Хатауэя о том дне, Мэтт узнал, что ее последние слова уже были сказаны, на кухне у Хатауэев, где вдова Сэмюеля не спускала с рук младенца Ребекки, хотя явно предпочитала нянчить свое собственное дитя.

«Я вас прощаю».

Все слушали внимательно, но были не уверены, что услышали именно эти слова, так как после Ребекка вела себя как немая. Хотя, конечно, никто не нуждался в ее лживых обещаниях. Если окажется, что она невиновна, то ее попросят занять свое место среди добропорядочных жительниц, тех самых, что зашили камни в подол ее одежды. Но та, которая выжила бы в испытании водой, все равно не считалась бы безгрешной, несмотря ни на какие камни, тянущие ко дну. Ее ведь пытали огнем и булавами, она ведь ходила по стеклу и не уклонялась от стрел, она ведь ничего не чувствовала. С нее сняли ботинки, в них было столько крови, что снежный сугроб окрасился в алый цвет. Когда они опустили ее под лед в первый раз, из глубины озера донеслось бульканье. Воробьи зачирикали, лед застонал. Тогда ее вытянули на поверхность на той веревке, которую в конце концов выбрали, — на самой крепкой — и попросили признаться. Она молчала, и они снова опустили ее под лед. Возможно, ее губы сомкнулись от холода, возможно, она потеряла голос. Они дважды повторяли испытание, но при следующей попытке, потянув за веревку, легко ее вытянули. На другом конце ничего не оказалось, кроме пучка водорослей.

Колокольчик, компас, звезду и косу темных волос заперли в ящик стола в доме Чарлза Хатауэя, но по ночам Хатауэй слышал их, даже из запертого ящика. Неважно, что он лежал у себя в кровати, эти вещи разговаривали с ним. Прошло совсем немного времени, и он больше ничего не слышал, кроме голоса Ребекки. Он не откликался, когда жена звала его, оставался безучастным к грому во время бурь и часто бесцельно бродил по городу. Он начал так бояться воды, что перестал умываться. От него воняло, он совсем запаршивел, так что даже собственная лошадь шархалась в

сторону; жена, невестка и внук отказывались сидеть с ним за одним столом.

Сару Спарроу вырастили Хатауэй, но, когда ей исполнилось тринадцать, она открыла ящик стола, где хранились вещи ее матери. Она услышала зов Ребекки так же ясно, как когда-то его услышал ее дед. Она оглядела дом Хатауэев и вспомнила, что ей здесь не место. Сара убежала, за ней отправился Хатауэй — все-таки родная внучка, — но стоило ему приблизиться к озеру, как он вновь услышал голос Ребекки. Впрочем, он никогда не переставал его слышать, просто тот со временем начал звучать тише. Теперь же он гремел во всю мощь. Возможно, именно этот голос испугал его лошадь, которая понесла с того самого места, где сейчас сидела Стелла и где ничего не росло, где до сих пор летали тучи комаров и небо обрушивалось на землю голубыми волнами. Стелла отложила в сторону диссертацию Мэтта; стало слишком темно, чтобы читать, да и в любом случае она почти закончила. Теперь, когда она узнала о том, что случилось, ей захотелось оставить работу дяди у себя. С какой стати делиться с городом, который все это совершил? Стелла собрала вещи и направилась к аллее Дохлой Лошади. Листва шелестела на ветру, звенели пустые камыши, словно колокольчики. Аллея была погружена в темные тени, и, хотя мать Стеллы и бабушка находились всего в каких-то пятистах ярдах, в большом старом доме, здесь было одиноко. Стелла думала о Ребекке в хлюпающих кровью ботинках. Она думала о Саре, которую вырастила женщина, презиравшая девочку. Она думала о лошади, которая помчалась сломя голову по берегу, а потом и по воде, пока не провалилась где-то в самом центре водоема, по утверждениям людей, бездонного.

Она с облегчением свернула на мощеную дорогу Локхарт-авеню. Вскоре Стелла услышала шум машины, освещавшей дорогу включенными фарами. Стелла посторонилась, едва не угодив в заросли крапивы, которая наверняка обожгла бы ее даже через джинсы, выкрашенные Джулиет в черный цвет. Она так быстро отскочила в сторону, что у нее загудела голова и заколотилось сердце. Машина тем временем остановилась.

— Эй, там. Подвезти?

Стелла заморгала. Все, что она увидела, — тень за рулем. Она вспомнила о женщине из ресторана в Бостоне, о том, как та умерла, и сердце заколотилось еще сильнее. В этом мире нужно быть осторожной. Особенно к тому, что само плывет в руки.

— Я не кусаюсь, — заверил ее водитель.

Стелла узнала машину: это был мини-грузовичок, развозивший пиццу. Потом она узнала и водителя.

— Вы чуть меня не переехали, — сказала Стелла, испытывая облегчение оттого, что за рулем сидел знакомый.

Тут она увидела, какая судьба ждет разносчика: одним туманным летним днем где-то в Мэне он попадет в дорожную аварию. Нет, она ни за что не сядет к нему в машину. Даже если бы от этого зависела ее жизнь.

— Я должен доставить пиццы, пока они горячие. Так что ты решила — едешь или нет?

— Нет, спасибо. Я хочу пройтись.

Стелла осталась на месте, с трудом переводя дыхание, хотя это был всего лишь разносчик пиццы, который помахал и уехал.

— Не гоните! — прокричала она ему вслед.

На небе показалась луна в виде белого серпа. Лесные яблони стояли в цвету, и, пока Стелла шла по дороге, она насчитала много видов: с белыми кремовыми цветками, с розовым ободком по краям лепестков, с темно-красными бутонами цвета человеческой крови. В этот вечер, казалось, весь мир дышал полной грудью. В воздухе носилась мошкара, лягушки квакали в канавах, шелестела листва тополей и ясеней, словно деревья делали вдох и выдох.

Стелла невольно подумала, не этой ли тропой шли горожане в тот холодный день, когда кровь Ребекки оросила лед. Может, поэтому Стелла сейчас так нервничала? Может, поэтому ей хотелось пуститься бегом? И тогда она дала себе клятву в этой темноте: если доберется благополучно до чайной Халлов, то принесет жертву во имя Ребекки. Ей всего лишь нужен был один знак. Мимо проехала еще одна машина, чуть притормозила, но Стелла даже головы не повернула в ее сторону. Синтия Эллиот как-то рассказывала, что четыре года назад какая-то машина сбила девочку на Локхарт-авеню, водителя так и не нашли. По ее словам, тело оставили на углу Локхарт и Ист-Мейн, набросив сверху одеяло, так что казалось, что девочка уснула в канаве.

Стелла сосчитала шаги до старого дуба, а потом побежала. Джулиет Эронсон утверждала, что если сосчитать шаги в лунном свете, то, добравшись домой, узнаешь первую букву имени своего возлюбленного. Но у Стеллы в данный момент не было своего дома, к тому же она знала, кого любит, вопреки здравому смыслу, поэтому шаги считала ради самого счета. Наконец она дошла куда хотела и метнулась вверх по лестнице. Лиза как раз была в холле, но успела лишь прокричать приветствие вслед умчавшейся на второй этаж молнии.

— Мы договаривались, что я буду кормить тебя три раза в день. Неужели ты не хочешь поужинать? Сегодня у нас тушеная говядина. Твой

отец обещал прийти.

Каждый день доказывал, что Джулиет Эронсон была права в своей догадке. В последнее время Уилл Эйвери ошивался вокруг чайной, все равно как тот дрозд в ожидании крошек.

— Я не голодна! — прокричала в ответ Стелла. — Все равно спасибо. Я просто устала и хочу лечь пораньше.

— Наверное, ты подхватила грипп, который сейчас повсюду, — сказала Лиза.

Когда Стелла наконец осталась одна и улеглась на узкой кровати, только утром застеленной чистыми белыми простынями, она по-прежнему думала, как легко могут люди исчезнуть. Она размышляла о воробьях и розах, о невидимых чернилах и девочках, оставленных на обочине. Ложась спать, она сунула диссертацию Мэтта Эйвери под подушку и всю ночь слушала, как шелестят ее страницы, словно листва за окном. Жизнь так устроена, что тебе что-то даруется, а чего-то ты лишаешься; но некоторые вещи остаются с человеком навсегда. Стелле снились озера и камни и девочки с черными волосами; она видела тот же сон, какой снился ее матери, и бабушке, и всем женщинам их семейства до нее. Проснувшись утром, она уже знала, какую принесет жертву.

Задолго до того, как Лиза спустилась на кухню, чтобы поставить тесто для дневной выпечки, задолго до того, как ее мать пришла на работу, а бабушка отправилась в сад, Стелла заперлась в ванной. Тряхнув волосами, она взглянула на себя в зеркало. Бледная, как звездочка, которую видно только в темноте. Хорошо, что Джулиет не увезла с собой сумку со всеми вещами, украденными во время выходных в Юнити, среди них было несколько коробочек краски для волос. Все время, что Стелла простояла, наклонившись над раковиной и подставив голову под струю воды, она думала о том дне, когда лед сковал озеро с такой холодной водой, что женщина обратилась в камень; в тот день поля были черными от воронья, и тысячи воробьев слетелись к берегу и не улетали, даже когда их пытались прогнать палками.

Не прошло и часа, как самая привлекательная черта Стеллы, ее длинные светлые волосы, которые Джулиет Эронсон советовала всегда распускать, чтобы они падали на спину льняной копной, превратились в черные. Потом она взяла маникюрные ножницы и коротко обкорнала себя, точно так, как обкорнали Ребекку в то утро, когда она утонула, оставив после себя косу, компас, звезду и колокольчик — вещи, которые Чарлз Хатауэй запер в ящик своего стола вместе с десятью наконечниками от стрел, выращенных кровью Ребекки. Там это все и лежало до тех пор,

пока дочь Ребекки не вернула вещи туда, где им было место. Первое, что сделала Сара Спарроу, покинув дом Хатауэв, — смастерила шкафчик, где до сих хранились эти реликвии. Она хотела, чтобы о них помнили. Шкафчик застеклили гораздо позже, но сам он сохранился в первозданном виде, тщательно изготовленный из дуба, боярышника и ясеня. Сара не нуждалась в отдыхе, поэтому она не сомкнула глаз всю ночь, пока работа не была завершена. Только тогда она отдала несколько прядок материнских волос воробьям, терпеливо ждавшим подношения. Каждая прядка была быстро вплетена в их гнезда, устроенные в камышах, и ветренными днями эти прядки напоминали о себе, пугая лошадей и местных мальчишек, что-то нашептывая любому, кто набирался храбрости, чтобы пройти по тропе, где ничего не росло, но где давным-давно, вопреки времени года, распустились подснежники, пробив толстый лед, — это был подарок ангела печали.

Заклинание

1

Это время года жители Юнити проводили в своих садах, отбраковывая померзшие зимой клены, которые затем распиливались на дрова для будущего года. В это время года расцветали персиковые деревья, и весенняя лихорадка была в разгаре. Обычно в такое время Мэтт Эйвери работал сверхурочно, но в этом году он даже перестал подходить к телефону. Старый дуб до сих пор стоял, хотя остался без листьев. Люди поговаривали, что он завывает на ветру. Мэтту было наплевать на это дерево; он, привыкший подниматься в половине шестого утра без всякого будильника, теперь не мог выбраться из кровати. Он слушал, как брат гремит посудой на кухне, заваривая кофе, и болтает по телефону с Лизой, а сам лежал, укрывшись с головой, убеждая себя, что встать, одеться, почистить зубы или просто дышать слишком тяжело.

Мэтт стал жертвой гриппа, мощного весеннего вируса, от которого вскипала кровь и кружилась голова, а еще ломило кости и мучил кашель, сотрясавший все ребра. Возможно, он заболел потому, что совсем не сопротивлялся болезни: потеряв диссертацию, он, как ему казалось, потерял все. Мир перестал его интересовать. За что бы он ни брался в этой жизни, все шло наперекосяк. И теперь Уилл вставал чуть свет; тот, кто привык просыпаться не раньше полудня, теперь с первыми лучами солнца смешивал протеиновые коктейли. Тот, кто предпочитал виски и джин, теперь пил одну только минеральную воду. И совсем невероятным было то, что Уилл Эйвери пристрастился бегать. Он покидал дом в шесть и не возвращался до восьми; тогда Мэтт слушал, как брат насвистывает в душе какую-то прелюдию Шопена, от которой можно было спятить, если хочешь только тишины и покоя.

Уилл начал давать уроки музыки, приспособив под это дело их старенький «Стейнвей», тот самый, на котором они учились в далеком детстве: тогда и выяснилось, что у Мэтта нет слуха, а Уилл наделен от природы способностями. Вообще-то учитель сказал их матери, что Уилл — настоящий талант, тогда как Мэтт... откровенно говоря, Мэтт — безнадежен. Так оно и было. А теперь он умудрился куда-то засунуть свою диссертацию, умножив и без того многочисленные неудачи. Пропала работа, итог его многолетнего труда, которую полагалось сдать в конце недели. Разумеется, у него остались какие-то записи и черновые варианты первых шести глав. У него была и последняя страница, та самая, которую он переделывал, когда случилась эта чертовщина. Найдется ли второй

такой дурак, который не побеспокоился о том, чтобы снять копию с готовой работы? Нет, видимо, он один такой: двадцать лет потратил, чтобы завершить образование, но так и не добрался до конца.

Стоило Мэтту Эйвери чего-то захотеть, как это ускользало у него между пальцев, как вода. Ну не получилось у него с любовью, не осталось никакой надежды, но, по крайней мере, он мог бы преподавать, во всяком случае он так полагал. Заведующий кафедрой истории при государственном колледже Брайан Льюис предложил Мэтту взять вечерников в осеннем семестре, но он, разумеется, откажется от своего предложения, как только станет известно, что диссертация Мэтта ушла в самоволку. Размышляя о своей судьбе, Мэтт невольно задумался о последних днях Чарлза Хатауэя: тот слег, когда внучка ушла из дома и поселилась возле озера, его била лихорадка, он бредил, хотя жена поила его ромашковым чаем и делала примочки из листьев тополя. Чарлз Хатауэй писал в своем дневнике, что Ребекка Спарроу снилась ему так часто, что казалось, будто она его не покидает и в часы бодрствования — присаживается на краешек кровати, вся мокрая от зеленой воды, и тут же ускользает, стоит ему протянуть к ней руку.

Когда Мэтту все-таки удавалось встать с постели, чтобы выпить воды или таблетку тайленола, он даже не удосуживался проверять оставленные ему телефонные сообщения. Он просто отказался от надежды. Да, конечно, миссис Гибсон расклеила по всей библиотеке объявления, но потерять рукопись — совсем не то, что потерять собаку. Она не вернется по твоему зову; ее не взяли к себе и не покормили добрые соседи; и уж конечно, она не ожидает тебя в приюте, сидя в клетке и помахивая хвостом. Все равно звонили только Уиллу, ибо теперь он хозяйничал в доме. Мэтт гадал, что бы подумали матери учеников Уилла, если бы узнали, что Уилл Эйвери всю свою взрослую жизнь угробил как пьяница и лгун. Но все дело в том, что Уилл окончательно бросил пить. Насколько мог судить Мэтт, брат и лгать перестал.

«Подъем, подъем, братишка!» — каждый раз кричал Уилл через стенку, прежде чем отправиться на пробежку, да и почему бы старине Уиллу не радоваться? Все обвинения с него были сняты, после того как на авансцене появилась подружка убитой женщины и рассказала, что жертва подумывала о том, чтобы заручиться судебным запретом против своего бывшего друга, который никак не хотел оставить ее в покое. Бойфренд пропал, но Уилл признал в нем по фотографии самозванца-репортера, который брал у него интервью и украл модель Кейк-хауса. Приезжал сотрудник телевизионного журнала новостей, чтобы побеседовать с

Уиллом на городском лугу, и поговаривали, будто телевизионное шоу «Сегодня» пришлет целую команду в День памяти павших, 30 мая. Уилла попросили быть обер-церемониймейстером парада. Уилл Эйвери, который не навещал мать на смертном одре, который лгал ради удовольствия и изменял жене, который растратил по мелочам все свои таланты и был никудышным отцом, занимавшимся своим ребенком только в дни рождения и по особым случаям, побежит рядом с белым открытым «кадиллаком» мэра в сопровождении своих учеников и будет швырять в толпу шоколадные батончики и леденцы.

Уилл никому не рассказывал — кроме Лизы, которой теперь обо всем докладывал, — почему вдруг стал бегать по утрам. Это была реакция на страх, который поднялся в нем, когда он, приехав на вокзал в Бостон, увидел фотографию человека, укравшего модель домика. Уилл вернулся в Юнити, но был настолько встревожен, что отправился в полицию и поговорил о безопасности Стеллы с начальником, Робби Хендриксом, когда-то учившимся с Уиллом в одной школе, только на три класса младше. Робби уверил Уилла, что Стелле ничего не грозит, но, насколько мог понять Уилл, самое трудное дело, с которым полицейским города Юнити пришлось разбираться, — избавить горожан от семейства бешеных енотов, забравшихся на чердак к Эллиотам. Где уж там ожидать, что они выследят хладнокровного убийцу.

Уилл не питал особого доверия к полицейскому департаменту города Юнити, хотя у них были самые лучшие намерения. Вот он и занялся бегом. Он превратился в глаза и уши города и успел довольно хорошо изучить привычки большинства его обитателей. Генри Эллиот, к примеру, каждый день выезжал в Бостон в 6.15. Илай Хатауэй обычно бывал первым клиентом заправочной станции на углу Мейн-стрит. Энида Фрост открывала двери вокзала ровно в 6.30. В ясные дни она подметала платформу, а когда шел дождь — щеткой разгоняла лужи.

Уилл выяснил, что обежать город можно за два часа, если сделать петлю, начиная с пустыря, затем двинуться по Локхарт, мимо библиотеки и начальной школы, мимо магазинов на Мейн-стрит, а оттуда рукой подать до чайной, на крыльце которой частенько стояла Лиза Халл, специально выходившая, чтобы его подбодрить. В последнее время Уиллу начало казаться, будто кто-то высосал из него весь яд; без алкоголя, без груза лжи ему вдруг стало легко и свободно, и он уже не бежал, а несся стремглав, хотя никогда не предполагал, что способен на такую скорость. Он познакомился с еще одним любителем бега, Соланж Гибсон, дочерью библиотекаря, и она показала ему несколько упражнений, чтобы ноги не

сводило судорогой. Иногда во время пробежки по установившемуся маршруту он встречал кого-нибудь из своих учеников с родителями, и те так радовались встрече, что Уилл даже думал поначалу, будто люди по ошибке приняли его за брата или кого-то другого, всеми уважаемого человека, которого волновали другие вопросы, а не то, как легко ему все дается или как мало труда он в это вкладывает.

Когда он услышал, что Дженни слегла от весенней простуды, то так растрогался, что даже нарвал флоксов в материнском саду, где всегда рано расцветали многолетники, таким неожиданным всплеском белого посреди майской зелени. Утром он совершил пробежку до Кейк-хауса, пока Мэтт валялся в кровати, сокрушаясь по поводу своего прошлого и будущего. Как раз пришла пора цвести глицинии, и весь город благоухал ее ароматом. Даже мутное озеро, прославившееся своими утопленниками, пахло чем-то пряным, похожим на корицу, а не обычным дерьмом.

— Я знаю, что вы меня терпеть не можете, — заявил Уилл, когда Элино́р открыла дверь.

Хозяйка заморгала, никак не ожидая увидеть его на своем крыльце.

— Я пришел, чтобы навестить Дженни. Даю слово, что ничего не украду.

— Ты ведь не собираешься вернуться к Дженни? — поинтересовалась Элино́р, прежде чем позволить ему войти, а сама косилась на цветы — несколько стеблей полураспустившихся флоксов; Кэтрин сгорела бы от стыда, что такой жалкий букетик нарвали в ее саду.

— Нет-нет, — заверил Элино́р ее бывший зять. — Мы с ней расстались окончательно.

Способность Элино́р различать ложь, видимо, начала ее подводить; или другой вариант: Уилл на самом деле говорил правду.

— Лиза сказала мне, что у Дженни грипп. Я подумал, что будет невежливо не зайти.

— Значит, теперь пришел черед Лизы. — Элино́р распахнула дверь пошире. Какое облегчение узнать, что он в конце концов переключился на другую. — Так бы сразу и сказал.

Уилл взбежал по лестнице через две ступеньки, потом прошел по коридору до спальни Дженни. Когда-то она потихоньку выбиралась из своего окошка ночью, торопясь к нему на свидание: спускалась вниз по скрученным стеблям глицинии, оплетавшим крышу, и потом от нее пахло цветами, отчего он принимался чихать. Он был так подвержен аллергии, что Лиза убедила его носить с собой в кармане противоаллергический автоинжектор на тот случай, если его укусит пчела. Быстрее всего он

пробежал мимо дуба на Локхарт, поскольку внутри мертвого дерева поселился огромный рой пчел. Пробегая мимо, Уилл слышал их гудение и невольно ускорял темп. Некоторые из тех, кто ездил на работу в Бостон или Норт-Артур, даже не узнавали его: для них он был просто промелькнувшим сбоку пятном. Человеком, бегущим от всего того, чем он был прежде.

— Выглядишь ужасно, — сказал Уилл, увидев Дженни в постели: с красным носом, во фланелевой пижаме, хотя день на дворе стоял чудесный.

— Большое спасибо.

Дженни попыталась пригладить пальцами спутанные волосы. Недавно она вновь начала рисовать, и теперь у нее на коленях была пристроена дощечка с акварелью.

— Симпатичный пейзажик, — заметил Уилл.

Дженни рассмеялась, затем высморкалась.

— Тут на холме тигр, если потрудишься присмотреться.

— «Тигр, тигр, жгучий страх, Ты горишь в ночных лесах»^[7]. Но, подозреваю, не на холмах Юнити. А я не знал, что ты умеешь рисовать.

— А что вообще ты обо мне знал? — не удержалась от колкости Дженни, хотя как раз в эту минуту Уилл пристраивал цветы, которые принес, в ее стакане с водой.

— Немного. О своей матери я тоже мало знал. Даже понятия не имел, что она увлекалась садоводством, но, видимо, так и было. Эти кусты понапиханы вокруг всего дома.

— Флоксы, — пояснила ему Дженни, невольно набравшаяся кое-каких знаний по садоводству от родной матери, хотя сама за всю жизнь не вырастила даже росточка. — Они хорошо приживаются, и если за ними не ухаживать, то растут еще лучше.

Дженни сощурилась, когда Уилл принялся наводить порядок на ее тумбочке. Он передвинул колокольчик, который оставила ей мать, чтобы Дженни позвонила, если понадобится. Нелепая, в сущности, идея. Элинор сама еле ходила и вряд ли была способна за кем-то ухаживать. Впрочем, когда такое было? Во всяком случае, не тогда, когда Дженни болела в детстве, не в тот день, когда она сама набрала телефон доктора Стюарта. У нее была высокая температура, болело горло, а мать тем временем работала в саду, не обращая внимания ни на что за его пределами.

— Он разве не из шкафчика? — спросил Уилл, имея в виду колокольчик, приятно звеневший, стоило его приподнять и потрясти — Он, кажется, принадлежал Ребекке?

Дженни отняла у него колокольчик и поставила рядом со стаканом воды, заполненным флоксами. От его суетливой заботы ей стало не по себе.

— Зачем ты здесь? Чего тебе надо? Если честно, я удивлена, как это мать пустила тебя в дом. Особенно после того, как стало ясно, что ты украл наконецник стрелы в самый первый раз, когда я тебя сюда привела.

— Это было ужасно, — опечалился Уилл.

— Вот именно. Так что тебе понадобилось сейчас, когда ты вернулся на место преступления?

— Мне понадобилось твое прощение.

Дженни рассмеялась, хотя у нее и болело горло. Потом она взглянула на Уилла. Он не шутил.

— И я должна это сделать, потому что...

— Потому что для нашей дочки будет лучше, если мы станем действовать заодно.

Дженни уставилась на него, как громом пораженная:

— И когда на тебя снизошло сие откровение?

— Вообще-то я не самостоятельно додумался до этого, — признался Уилл, — Мне помогли.

— Женское влияние, — догадалась Дженни. — Мариан Куимби?

Мариан всегда ревновала, она хотела Уилла для себя. Все годы учебы она обзывала Дженни наездницей дохлой лошади и блудницей из Кейкхауса. Она как тень бродила за Уиллом, хотя без всякого толку: в конце концов Мариан уехала учиться на юриста, и сейчас у нее была практика в Норт-Артуре.

— Кто-кто? — Если начистоту, то эта самая Мариан была первой девушкой, с которой у него случился секс, на диване в подвале дома ее родителей. Летом после восьмого класса. — Господи, нет, конечно. — Тут его пронзила ужасная мысль. — Ты ведь не думаешь, что Стелла закрутила с внуком доктора Стюарта? Ты ведь не думаешь, что она с ним спит?

— Конечно нет. И сейчас мы разговариваем о тебе, так что не пытайся увилить. Кто эта женщина?

— Лиза.

— Лиза Халл? Моя Лиза?

Дженни сбросила с колен акварель. Уилл, который прежде никогда не смотрел в глаза собеседнику, теперь уставился прямо на нее. Только сейчас до Дженни дошло, что он стал стройным — видимо, сбросил вес, — и цвет лица у него улучшился. Пил он теперь только воду, носил кроссовки, что было совершенно не в его стиле. Когда в последний раз он пропускаял

стаканчик виски, лгал, портил кому-то жизнь? Как могло случиться, что он изменился, а Дженни этого не заметила?

— Та самая Лиза, — ответил Уилл.

Самая некрасивая девочка в их классе, теперешний босс Дженни, женщина, которую больше волновал рецепт теста, чем собственный вид. До недавнего времени. Лиза уже несколько раз поинтересовалась у Дженни, что та думает по поводу ее нарядов — какого-то старомодного брючного костюма или скучного практичного платья, — и только на прошлой неделе Дженни застала Лизу в ту минуту, когда она рассматривала свое отражение в зеркале буфета, надув губы, как будто ее внешность вдруг стала иметь значение.

— И ты отвечаешь на это... — Дженни пришлось подыскать слово, — чувство?

— Лиза — удивительная женщина. Она знала, что я невиновен, задолго до того, как с меня сняли все обвинения. Ты видела ее в телевизионных новостях? Она стояла рядом со мной, рука об руку.

— Нет, ну надо же. И теперь ты хочешь, чтобы я тебя простила?

— Очень хочу. Мы столько с тобой пережили, Джен, столько всего повидали в нашей взрослой жизни. Твое прощение много бы для меня значило.

Что такое с Уиллом сотворила Лиза Халл? Околдовала, что ли? Помогла ему найти собственное «я»? Или просто-напросто поверила в него?

— Скажи мне одно. В тот день, когда вы с братом впервые пришли сюда, ты признался, что я описываю твой сон.

Уилл кивнул:

— Черный ангел, пчела, которая не кусает, бесстрашная женщина.

— Да. Именно это.

— Я хотел бы, чтобы это оказался мой сон, но в ту ночь я слишком боялся, чтобы уснуть. Ты знаешь меня, в хорошую ночь я редко вижу сны, но в тот раз я был напуган до смерти, что из озера поднимется дохлая лошадь. Так и пролежал, не сомкнув глаз. Брат рассказывал, что лошадь принадлежала Чарлзу Хатауэю и что она встала на дыбы, когда он пытался заставить ее проехать по тропе, где некогда ходила Ребекка Спарроу. Мэтт уже в то время увлекался местной историей, но кто бы мог подумать, что внутри его сидел такой сон.

Люди все время совершают ошибки, иногда стоит кого-то простить, пусть даже этим кто-то оказывается Уилл. Пусть даже его первые слова, сказанные ей, были лживыми.

— Неужели ты не догадывалась, что это был Мэтт? Вы даже гриппом умудрились заболеть одновременно, — заметил на прощание Уилл. — Это должно было бы тебе что-то подсказать.

Что любовь заразна, как обычный насморк? Или она больше похожа на вирус, поражающий человека постепенно, до тех пор, пока ничего не подозревающая жертва полностью не заболевает, оказываясь во власти всех последствий? Как только Уилл ушел, Дженни Спарроу почувствовала, что кровь в ее жилах буквально вскипает. Так, может, голова у нее кружилась не столько от гриппа, сколько от мыслей о Мэтте? Почему только разобраться в собственном сердце оказалось столь же трудной задачей, как нанизать бусины на призрачную нить, или разжечь костер сырыми дровами, или найти дорогу в темноте без лампы, фонарика и даже тонкого полумесяца?

В дверь постучали. Вошла Элиноор. Она опиралась на палку, но все же умудрилась принести поднос. Она услышала звон колокольчика, когда Уилл приподнял его с тумбочки, и вот явилась на зов с чаем, который не принесла своей дочери тридцать лет тому назад, чаем, который так и не был приготовлен, зато явился причиной немалой горечи.

— Что это? — удивленно спросила Дженни.

— Жаропонижающий чай по рецепту Элизабет Спарроу. Мята с лимоном и лавандовым медом. А еще я принесла какое-то ужасное месиво, которое мне удалось приготовить. Пудинг «Птичье гнездо». По-моему, он тебе не повредит.

И действительно, на подносе стояла тарелка с печеным яблоком, залитым чем-то невообразимым, похожим на пудинг. Меньше всего Дженни сейчас хотелось есть, но она заставила себя отведать пудинга. Чтобы доставить удовольствие матери, как она сама поняла. «Странно, — подумала Дженни, — мы стараемся доставить друг другу удовольствие. Как все это поздно. Как не похоже на нас».

— Нежный пудинг, — сказала Дженни. — Сама приготовила?

Любовь никогда не бывает ошибкой, даже если она безответна. Она совсем как те флоксы из сада Кэтрин Эйвери — забытая, брошенная, но цветет себе, и все тут.

— Уверена, что это в рот нельзя взять, — сказала Элиноор. — Тебе вовсе не обязательно стараться мне потрафить.

— А я думала, ты всегда различаешь, говорит ли человек правду. По крайней мере, так всегда казалось.

— Я различаю ложь. Это не то, что знать правду. Ну не странно ли, но, насколько я могу судить, Уилл перестал лгать.

— Он влюбился в Лизу Халл.

— Нам стоит порадоваться за Лизу или посочувствовать ей?

— Порадоваться. — Дженни кивнула. — Определенно.

Элино́р потянулась к небольшой акварели с тигром на холме.

— Прелестно. Мне приснилось это прошлой ночью. Вот этот холм за озером.

— Но в Юнити нет никаких тигров.

— Я знаю. Мне снились тигровые лилии.

Обе посмеялись над ошибкой Дженни; она увидела кошку вместо цветка, лгуна вместо того, кто говорил правду.

— Я снова все перепутала, — вздохнула Дженни.

Элино́р вынула из кармана компас Ребекки.

— Возможно, он тебе пригодится.

— Это не из шкафчика в гостиной?

— Какой толк от компаса, если он лежит под стеклом? Я подумала, что ты могла бы им пользоваться.

Весь день, пока ее не отпускала лихорадка, Дженни думала о словах матери. Она размышляла о тигровых лилиях, чашках чая и странностях любви. Вечером Элино́р снова зашла к дочери — принесла овощной бульон и холодный компресс на лоб, и вскоре лихорадка отступила. Еще минуту назад Дженни горела как в огне, а в следующую уже ощутила прохладу и свежесть — вероятно, помог чай Элизабет. Жаропонижающий. Он сломал ход болезни, как ломают все правила, если нужно.

Дженни сбросила фланелевую пижаму и быстро оделась; ее охватило безумное желание глотнуть свежего воздуха, хотелось и еще чего-то. Она вышла на крыльцо, на западном горизонте увидела Стрельца. В противоположной стороне, на востоке, высоко горел Пегас. В темноте дом под многослойной белой краской действительно выглядел как свадебный торт. Она прошла мимо лавра, мимо сирени и продолжала идти, пока не свернула за угол, где стоял старый дуб, наполовину покрытый листвой, наполовину высохший в щепу. Она не совсем понимала, куда идет, пока почти не достигла конца пути. Компас оттягивал карман. Совсем скоро она разглядела флоксы, сиявшие, как маленькие звезды, выстроившиеся в ряд.

Дженни постучала в дверь черного хода, и, когда никто из Эйвери не вышел, она нашла ключ под ковриком, где он всегда хранился. Кухня была погружена в темноту — Уилл, должно быть, ушел к Лизе, — но в доме явно кто-то был. Дженни чувствовала, что этот человек видит сон. И снилось ему, что он потерялся на длинной дороге. Это была аллея без начала и конца, которая продолжалась дальше, когда спящему казалось,

что он сейчас выйдет из нее. В этом сне начала спускаться ночь, но время бежало так неестественно быстро, что звезды буквально носились по небу, и невозможно было различить ни одно созвездие. Даже Полярная звезда, самый неизменный ориентир, поменяла свое расположение.

Он потерялся, Дженни чувствовала это. Она подошла к двери его спальни, где были опущены все шторы. Он так крепко спал, что не открыл глаз, пока она не улеглась рядом. Дженни вспомнила, как он держался всегда поодаль, шагах в двух, и не сводил при этом с нее глаз. Так было и в то утро, когда ей исполнилось тринадцать и когда она была слишком молода, чтобы понять, что происходит.

Он проснулся, и она вложила ему в руку компас. Она чувствовала жар его тела, лихорадку, которая не отступала уже тридцать лет. Дженни Спарроу скинула одежду; она не хотела, чтобы им что-то мешало. Она была прохладная, словно камешек, выуженный из озера. Она была так близко, словно волна, накрывшая его с головой. Он давно убедил себя, что доволен собственной жизнью; он давно перестал думать, как все могло бы сложиться иначе. Дженни оказалась рядом с ним, и он почувствовал, что тонет. Вот что могло сделать с человеком желание. Вот что оно сделало с ним.

— Мне снится сон? — произнес Мэтт Эйвери — Я потерял диссертацию? Ты в самом деле здесь?

Давным-давно некоторые женщины в Юнити носили на шее косточку от летнего персика, надеясь на любовь. До сих пор многие жители полагали, что именно благодаря этому обычаю, а вовсе не кораблекрушению, выбросившему на берег сажены, в их лесах и на задних дворах росло так много диких персиковых деревьев. При строительстве нового дома каждый раз находили целое ведро персиковых косточек, а ребяташки, нашедшие косточку по дороге в школу, считали это за большую удачу, несмотря на то что их ждало впереди: забытая любовь, неудавшаяся любовь, любовь вопреки всем препятствиям, вечная любовь, любовь спустя долгое время.

Дженни работала в чайной воскресным днем. Любой, кто ее видел, ни за что бы не подумал, что когда-то это была мрачная девочка, мечтавшая поскорее вырваться из дома, по большей части несчастливая, пребывающая в вечном ожидании самого плохого. Сегодня она нарезала сливовый пирог, напевая песенку о любви, и вспоминала поцелуи Мэтта. Не успела она дорезать пирог до половины, как в дверь ввалилась странного вида девица, а за нею как привязанный вошел Хэп Стюарт. Вид у него был таинственный. Дженни, между прочим, не перестала думать о Мэтте. Последние две ночи она уходила прогуляться, после того как Элинор укладывалась спать, и оказывалась почему-то у дома Эйвери, стучалась потихоньку, чтобы не услышал Уилл, а потом на цыпочках пересекала гостиную, словно девчонка, вернувшаяся в те времена, когда поцелуй что-то означал, когда от него подкашивались ноги.

Влюбившись в Мэтта, она начала вести себя безответственно, как подросток: опаздывала на работу, забывала повидаться с родной дочерью. Дженни была так увлечена собственными мыслями, что не обратила внимания на подошедшую к стойке девушку, а только кивнула Хэпу, прежде чем взять два меню. Когда она раскладывала меню на стойке, вошла Лиза с блюдом малиновых пирожных.

— Эй, Джен, не хочешь поздороваться со своей дочкой?

Лиза с тем же успехом могла бы оглушить ее кувалдой или швырнуть пригоршню злющих ос в сливовый пирог, который Дженни только что разрежала. Неужели эта нелепая девица была ее чудесным ребенком, ее девочкой, родившейся в равноденствие, ее малышкой, ее целым миром? Что больше всего расстроило Дженни в облике дочери? Неровно остриженные черные волосы? Жирная обводка глаз? Или то, как подросла Стелла в последнее время? Пять футов семь дюймов — рост женщины. Или ее больше всего расстроило, что девочка казалась такой бледной, что особенно подчеркивалось иссиня-черным цветом волос? Или дело было просто в том, что она смотрела на Дженни как на чужую, будто родная мать равным счетом ничего о ней не знала? Точно так Дженни смотрела на собственную мать в тот день, когда, пробежав по дорожке, юркнула в машину Уилла, готовая уехать в Кембридж и целиком изменить свою жизнь.

В последнее время Уилл заглядывал в чайную ближе к вечеру, и, пока ждал Лизу, они с Дженни за чашкой кофе говорили о дочери, единственной

общей их заботе, обсуждение которой не заканчивалось ссорой. Продолжают ли ее посещать видения? Крутит ли она любовь с Хэпом? (Уилл считал, что, возможно, да, но Дженни с ним не соглашалась.) Не слишком ли много времени она проводит с доктором Стюартом, посещая умирающих и безнадежно больных? Да и что это в самом деле за хобби для девочки? Когда в последний раз кто-то из них слышал, чтобы Стелла громко смеялась? Не опасно ли ей помогать бабушке в саду, раз ее местопребывание следовало держать в секрете?

— Это что, теперь всегда так будет? — поинтересовалась Дженни.

За стойкой сидела брюнетка, слегка напоминавшая ее дочь, мрачная и озлобленная, готовая к перепалке. Чернила — вот какой цвет приходил на ум при взгляде на волосы Стеллы. Настоящие чернила, а не те, невидимые. Девчонка фыркнула, но отвечать не стала.

— А знаете, миссис Эйвери, этот пирожок выглядит аппетитно, — с нервной улыбкой сказал Хэп.

Напряжение, возникшее между матерью и дочерью, можно было хоть ножом резать, тем самым, с пятнами от слив, что держала в руке Дженни. Хэп побарабанил пальцами по стойке. В одном из ночных телефонных разговоров с Джулиет Эронсон она сказала ему, что у большинства людей только одна привлекательная черта, но у него их две — рост и цельность.

— Я бы съел кусочек.

— Моя фамилия Спарроу, а не Эйвери, — поправила его Дженни, — я в разводе.

— И поэтому ты спишь с моим дядей?

Стелла взяла кусок пирога и сунула в рот. На стойку упала большая капля сливового сиропа. Она была похожа на чернильную кляксу, на половинку крыла бабочки, на ложь, повторенную дважды. Джимми Эллиот случайно обронил, что видел ее мать, когда возвращался домой из чайной в два часа ночи: она выходила из дома Эйвери. Разумеется, она ходила туда не для того, чтобы повидаться с Уиллом.

— Что ты такое несешь? — вспыхнула Дженни.

Ложь.

— Я ни с кем не сплю.

И еще раз ложь.

— Угу. — Стелла подхватила со стойки пальцем упавшую каплю и слизала. — Я тоже.

Дженни устала на дочь, а в голове у нее засела одна-единственная ужасная мысль: «Джимми Эллиот».

Стелла посмотрела ей прямо в глаза и провела пальцами пару раз по

своей груди со словами:

— Вот те крест.

Ложь бывает присуща кому-то по характеру, а случается и так, что к ней прибегают по необходимости, под давлением обстоятельств. Но некоторые люди просто оступаются и попадают в ложь, честные люди, которые неожиданно падают и тонут в словах. Так случилось и со Стеллой, хотя, наверное, когда каждый день видишь смерть, то поневоле станешь лгуном. Только вчера, к примеру, Стелла сказала учителю естествознания, мистеру Грилло, что принесет работу, срок которой давно истек, в понедельник, тогда как на самом деле ей хотелось сказать совсем другое: «Перестаньте пить, вы разрушаете себе печень, вы умрете от цирроза, если не будете осторожны».

Ясно, что она не могла запросто подойти к человеку и рассказать, какое будущее для него видит. Правда, высказанная вслух, все равно что камень, упавший в воду, — обратно не получишь. Но и ложь никогда не оставалась неизменной: она расплывалась липкой лужицей. Ложь бывает откровенной, бессовестной и недосказанной. Ложь могла быть невысказанной, как, например, о диссертации Мэтта, и завуалированной — хотя Джимми Эллиот почти каждую ночь швырял камешки в ее окно и поднимался к ней в спальню, она не спала с ним в прямом смысле этого слова.

Когда Джимми рассказал, что ее мать бродит по городу среди ночи, Стелле захотелось знать, какой ему показалась Дженни — счастливой или расстроенной.

— Не знаю. — Они лежали под одеялом, и Джимми пылал огнем. Меньше всего на свете ему хотелось сейчас обсуждать мать Стеллы, но он был сам виноват, что заговорил об этом. — Она выглядела какой-то растерянной.

Точно так выглядел и сам Джимми, когда стоял там внизу в темноте и ждал, что Стелла швырнет ему ключ. Он каждый раз терялся, когда она целовала его, когда прогоняла, когда говорила, что больше не хочет его видеть, когда просила вернуться. Стелла прекрасно понимала, что это такое, поэтому ушла, даже не попрощавшись с матерью. Одного страдающего влюбленного на семью было больше чем достаточно.

— Ты видел ее волосы? — первое, что спросила Дженни, когда в тот день зашел Уилл. — Прямо тошно смотреть.

Лиза закрывала кухню, а все остальные успели разойтись.

— Где ты была? Все в городе уже видели ее волосы. — Уилл сделал

глоток из бутылки с минералкой. — И все знают, что ты спишь с моим братом.

— Это несправедливо. У твоего брата кризис.

— Ах да, потерянная диссертация. Большая важность. Вообще-то я прежде никогда не видел его таким счастливым, Дженни, так что, вполне вероятно, эта его диссертация лишь заменяла ему настоящую жизнь. Теперь у него есть то, о чем он мечтал с тех пор, как мы были детьми. У него есть ты.

— С тех пор, как вы были детьми?

Дженни, довольная, оперлась локтями на стойку и на секунду забыла обо всем — о приличиях, потерянных рукописях, дочерях с крашеными волосами.

— Это ему пришлось в голову провести ночь у озера. Ты ведь знала об этом? Он уже тогда сходил по тебе с ума. А у меня уже тогда была эта проклятая аллергия на пчел — я ненавидел вылазки на природу, но не мог позволить ему одержать верх. Все равно в чем. Пусть даже речь шла о тебе.

Что касается Мэтта, он протиснулся с надеждой отыскать диссертацию и в конце концов снова занялся старым деревом. Возможно, он так и не станет магистром, но его жизнь вдруг сделала такой поворот, что он даже не знал, что и думать. Все, что до сих пор было важным, теперь не имело для него почти никакого значения. Теперь он понимал, почему люди просят их ущипнуть, когда хотят убедиться, что не спят. Реальная жизнь могла быть гораздо причудливее, чем любой из его снов, в этом они с Дженни Спарроу пришли к одному мнению. Когда Дженни спала рядом, она видела его сны из прошлого Юнити, каждодневные подробности столетней и даже трехсотлетней давности. А еще ему снилась его работа, сирень и лилии, спутанные лианы древогубца, такого вездесущего, что у некоторых его клиентов это растение занимало целые акры земли, скрывая под собой березы и ели, начинавшие напоминать верблюдов под зеленой попой. Даже не разглядеть, что там под этим древогубцем. Как и не избавиться от него.

В тот день, когда Мэтт вновь приступил к работе, он, к своему удивлению, обнаружил, что насвистывает без всякой на то причины или, наоборот, по очень весомой причине — он сам точно не знал. Рой в мертвой половине дуба был огромный; пчелы, как ни старайся, все равно будут потревожены, но Мэтт надеялся перенести пчелиное семейство в леса или пристроить его на молочной ферме в Норт-Артуре, чей владелец предоставит пчелам кров в обмен на медовые соты. В Норт-Артуре целые поля занимал красный клевер, а еще там было с полдесятка хозяйств,

выращивавших клубнику. Клубнично-клеверный мед — просто объединение. Оставалось надеяться, что пчелы хорошо перенесут переезд на новое место жительства.

Две нижние мертвые ветви были срезаны, и Мэтт начал распиливать первую из них на небольшие бревнышки, чтобы легко их перевезти. В этот день ему полагался помощник: Джимми Эллиот получил предписание отработать на общественные нужды несколько часов. Время шло, но Джимми Эллиот все не появлялся — видимо, у него было что-то другое на уме. Его по-прежнему тянуло к чайной. Однажды ночью, когда он стоял на дороге и швырял в окно гальку, мимо случайно проезжал начальник полиции Робби Хендрикс. Позабыв о том, сколько хлопот он сам доставлял окружающим, когда бы мальчишкой, Хендрикс остановился и влепил Джимми штраф. За нарушение общественного порядка.

— Что с тобой такое? — спросил полицейский, выписывая штраф. Он вычеркнул сумму в двадцать пять долларов и вместо нее написал: «Общественные работы — 10 часов. Обратиться к Мэтту Эйвери». — Ты что, спятил? Разве не знаешь, что стекло бьется?

Ну конечно, Джимми знал это. И если на то пошло, он сам толком не мог объяснить, что с ним такое. Он угодил в любовные силки, хотя от него никак нельзя было ожидать, что он станет жертвой любви. Как бы там ни было, Джимми ни разу не явился в условленный час, чтобы отработать штраф. Из-за этого работа над старым дубом продвигалась медленно. Наверное, если бы Джимми все-таки пришел, у него закружилась бы голова от пчелиного гула или он опасался бы кружащих вокруг пчел, но Мэтт был поглощен только деревом. Он очень любил дубы, впрочем, ему нравились и ароматные фруктовые деревья. Запах персиковой древесины, к примеру, долго оставался на руках дровосека и никак не смывался. Срез яблони был розовым в центре. А у сливы было сердечко внутри ствола: ударишь по нему разок, и все дерево сразу падает.

Мэтт успел получить несколько заказов на бревна от этого старого дуба — миссис Гибсон хотела сделать книжную полку, Энида Фрост попросила подкинуть ей дровишек для вокзальной печки, старый Илай Хатауэй как-то подкатил на своем такси и подобрал деревяшку размером с четвертак, которую собирался, по его словам, всегда носить в кармане, чтобы в случае необходимости можно было дотронуться до дерева — на удачу. Синтия Эллиот остановилась по дороге на работу в чайную и, глядя, как Мэтт нарезает бревна, принялась лить слезы. Синтии недавно исполнилось шестнадцать, но выглядела она совсем ребенком с этими ее косичками и велосипедом, на котором ездила по городу, оплакивая судьбу дерева. Все-

таки когда-то она ходила мимо этого дуба в детский садик. Однажды летом в его ветвях запутался ее бумажный змей, и она со страхом смотрела, как брат Джимми вскарабкался на самую вершину, чтобы спасти змея, а она подумала, что он исчезнет в небе. Она забралась на этот дуб в первый раз, когда убежала из дома, и просидела в его ветвях всю ночь, убеждая себя, что никогда в жизни не заговорит с матерью. Но утром, успокоившись, она вернулась домой, хотя собиралась отправиться автостопом в Нью-Йорк или Бостон.

— Я думал, твой брат мне поможет. Не горюй, я, возможно, оставлю часть ствола, и он даст побегу, — сказал Мэтт Синтии, когда отключил пилу, снял очки, наушники и увидел, что она плачет. — Во всяком случае, с одной стороны.

И точно, половина дерева неожиданно покрылась листьями с опозданием на несколько недель, так что дуб действительно не полностью засох. Несколько классов начальной школы явились с экскурсией к старейшему дереву в штате. Ребятишки выработывали красивый почерк, практикуясь на письмах к мэру с протестами против уничтожения дуба. В прошлую пятницу весь третий класс водил хороводы вокруг дерева, пока Мэтт работал. Мальчики и девочки, взявшись за руки, хором распевали детскую считалку: «Раз, два, не делай из меня дрова! Три, четыре, пять, хочу цвести опять!»

Другой на его месте полностью бы убрал дерево, несмотря ни на какие мольбы, — разумеется, это было легче всего, — но Мэтт решил, что постарается спасти ту половину, которая еще не засохла. Он работал допоздна, работал по выходным. Жители города привыкли к жужжанию пилы, как привыкли к пчелам, гудевшим на их задних дворах и аллеях. Воздух был желт от опилок, когда Мэтт заметил чью-то знакомую походку. Он снял защитные очки, думая, что они искажают картину, но нет, так все и было: на углу улицы стояла Ребекка Спарроу, в джинсах и ботинках, с рюкзаком на плече.

— Нечего пялиться, — сказала она ему; он действительно пялился, хотя к этой минуте уже понял, что девушка на тротуаре — его родная племянница Стелла.

— Ты просто копия Ребекки. — Мэтт спустился по лестнице, прислоненной к дубу. — Видела ее портрет в читальном зале библиотеки? Была еще миниатюра, подаренная Ребекке автором, Сэмюелем Хатауэем, но она каким-то образом потерялась.

— Прости. В библиотеке я не была.

Ложь обожгла Стелле язык, поэтому она взяла мятный леденец из

упаковки, протянутой Мэттом, хотя в эту секунду ненавидела дядю. Кем он теперь ей будет, если они с матерью сойдутся? Дядей? Отчимом? Вообще никем? Наверное, ей следовало бы сжечь эту его диссертацию, которая теперь болталась у нее в рюкзаке. Было бы ему поделом. Оба перевели взгляд на старое дерево. В воздухе носилась янтарная пыльца и пчелы.

— Глаза б мои не смотрели, — сказала Стелла. — Какое уродство.

— Твоя подруга Синтия каждый раз плачет, когда проезжает мимо.

— Она любит пустить слезу. Такая чувствительная, что покрывается сыпью, стоит ей только увидеть объявление о потерянной собаке. Всем известно, что Синтия чересчур добрая, себе во вред.

— Не то что ее брат?

Мэтт продолжал смотреть на дерево, но почувствовал, как его обжег злобный взгляд Стеллы. Все равно, он видел, что Джимми кружит вокруг нее, не отставая. Последний раз, когда Джимми попадал в беду, ему было предписано помочь с уборкой снега. Напарник из него оказался угрюмый и молчаливый. Наверное, даже хорошо, что Джимми сейчас не явился на работу; если Мэтт не ошибался, то единственные слова, которые мальчишка тогда произнес за три дня: «Ну что, все?»

— Только не думай, будто что-то знаешь о Джимми, потому что это не так, — заявила Стелла.

— Зато ты, похоже, много о нем знаешь.

— Мы что, обсуждаем нашу личную жизнь? Взгляд ее совсем раскалился, прямо добела.

— Хочешь поговорить о твоей матери и обо мне?

— Ничего подобного. — Стелла пошла на попятную. — Господи, нет, конечно. — Она задумалась с весьма кислым выражением физиономии. Неужели мать влюбилась? От одной этой мысли начала болеть голова. Она взглянула на пчелиный рой. — Как много пчел. Не боишься, что тебя искусают?

— Смотри.

Мэтт подошел к пчеле, дремавшей на одной из срезанных ветвей, и схватил ее в кулак. Когда он разжал ладонь, то Стелла увидела, что пчела обалдело помедлила секунду, а потом спокойно полетела по своим делам.

Стелла расхохоталась:

— Ты спятил.

— А ты выкрасила волосы.

— Я сделала это в честь нее, — сказала Стелла, и ей почему-то захотелось заплакать. — Я хотела, чтобы хоть кто-то помнил о Ребекке.

— Я тоже этого хотел.

Стелла стояла на давным-давно знакомом углу и в то же время чувствовала себя потерянной. Неужели они с Мэттом хотели одного и того же?

— Я думаю, ты его заслужила.

С этими словами Мэтт достал из кармана компас, который принесла ему Дженни.

— Это подарок твоей матери. Кажется, он достался ей от бабушки. Но думаю, он предназначался тебе.

— Ты что, пытаешься купить мою дружбу?

— Не-а.

— Тогда что ты пытаешься сделать?

— Убрать уродливое дерево.

Мэтт вернулся к работе, а Стелла еще какое-то время понаблюдала за ним. По всему городу разносилось эхо от гула пчел и его пилы. Людям приходилось кричать, чтобы их услышали, а некоторым, кто никогда не любил сладкого, даже захотелось меда.

Потом Стелла решила испробовать компас Ребекки. Он показывал строго на север и сам был на ее ладошке холодный, как север. Она прошла с полмили, а когда подняла глаза, то оказалось, что она стоит перед библиотекой. Вот куда он ее привел.

Миссис Гибсон уже запирала дверь, но согласилась впустить Стеллу, чтобы та пробежалась по залу и поискала потерянный браслет. Миссис Гибсон прекрасно все понимала. Она была не склонна к поверхностным суждениям; ее родная дочь Соланж, когда была подростком, выкрасила волосы в синий цвет и убежала в Нью-Йорк, чтобы стать актрисой.

«Ступай», — велела миссис Гибсон, отпирая дверь, вырезанную из местной древесины, еще одного огромного дуба, поваленного в те времена, когда еще не успел родиться ни один из нынешних жителей города.

Стелла последний раз солгала, но эта ложь была безобидной. Браслет, подаренный отцом, как всегда, висел на запястье. Ложь легко слетела с ее языка — вот насколько близка она была к правде.

«Две минуты!» — прокричала ей вслед миссис Гибсон, но Стелле вполне хватило этого времени, чтобы вбежать и оставить дядину диссертацию на столе читального зала в историческом отделе. Рядом стоял шкаф с важными экспонатами: городская печать Юнити, дарственная земель от короля, письмо Линкольна родителям Антона Хатауэя, в котором говорилось о храбрости юноши, отдавшего жизнь за свою страну.

— Я вижу, ты нашла то, что искала, — сказала миссис Гибсон, когда Стелла вышла из библиотеки.

Девочка подняла руку и позвенела колокольчиком на цепочке.

— Каждый раз, когда кто-то умирал в этом городе, звонили в колокол, что висел в старом Городском собрании. Но для Ребекки звонить не стали. Мэтт написал об этом в своей диссертации.

— Разве?

— Городское собрание сгорело дотла во время большого пожара. Тогда же и колокол расплавился. Мэтт рассказывал мне об этом.

Стелла вспомнила слова о колоколе в последней главе диссертации. Она невольно проследовала за миссис Гибсон к ее машине, желая еще послушать про дядю Мэтта.

— Он хороший человек, из него выйдет хороший преподаватель. Я рада, что он все-таки получит свой диплом.

— Почему бы ему не получить его? — сказала Стелла.

— Вот и я о том же, — согласилась библиотекарьша. — Диссертация обязательно найдется.

Миссис Гибсон села в машину и укатила, а Стелла постояла еще немного, глядя, как дым из выхлопной трубы превращается из черного в синий, а затем в серый. Покинув парковку, Стелла отправилась в чайную окружным путем. Она прошла мимо пожарной каланчи, которой никогда бы не было без Лиони Спарроу, начальной школы, основанной Сарой Спарроу, и Городского собрания, построенного спустя несколько лет после того, как Розмари Спарроу промчалась по лесу, как лань, и спасла всех мальчиков, воевавших с врагом. В этот час весь город казался синим — и белые дома, и церковь со шпилем, и Городское собрание, и вокзал с часами, отбивавшими время. Синими были и тени платановых деревьев, и сирень, и тротуары; такая синева случается перед наступлением темноты, когда опускается глубокая ночь и большинство людей спит хорошо, а остальным — с беспокойной совестью, влюбленным, старикам, горемыкам — приходится просто ждать того, что принесет с собою ночь.

Старик Илай Хатауэй заболел; его подвело, чего он всегда опасался, сердце. Вначале его доставили в Гамильтонскую больницу, затем отвезли в Бостон, чтобы там проконсультироваться со специалистами, а потом, когда ему начало казаться, что он превратился в посылку, которую не могут доставить ни по одному адресу, его привезли в Норт-Артур, в дом престарелых, что стоял в конце Хоупвелл-стрит. Несмотря на возраст, Илай был крепок и выдержал несколько сердечных приступов, смертельных для любого другого. В его роду часто страдали болезнями сердца и рано умирали, поэтому он всю жизнь старался держаться подальше от всех сердечных дел. Он так и не женился, не завел детей, не растратил ни цента из семейного капитала, который только увеличивался с годами по мере того, как постепенно распродавались, акр за акром, земли из первоначального надела Хатауэев. Илай мог бы не работать, но предпочел водить такси; ему нравилось, что все в городе знают его по имени. С возрастом жители Юнити начали считать его обаятельным, а вовсе не сварливым. Соседи кормили его обедами и рождественскими пирогами, Энида Фрост, заправлявшая билетной кассой на вокзале, каждый день последние двадцать два года заваривала Илаю Хатауэю кофе и ни разу не попросила взноса в «кофейный фонд».

Но теперь, в доме престарелых, Илай сделался совсем сварливым, но кто бы стал его винить? Медсестры беспрестанно кололи ему пальцы иглами, чтобы проверить уровень инсулина, или нацеживали целые площадки крови для подсчета белых кровяных телец. Он умирал, это было видно без всяких тестов, и перспектива не слишком его радовала. Новый водитель, некий тип из Монро, купил у Илая такси по дешевке и, вероятно, уже драл три шкуры с людей, которых просто нужно было подвезти домой. Илай никогда не запрашивал больше пяти долларов, и никто из пассажиров не догадывался, что его счет в сберегательном банке достиг таких размеров, что президент банка, брат Генри Эллиота Натан, каждый год приглашал Илая на обед в День благодарения. Банк следил за всеми инвестициями Хатауэя, так как Илай был убежден, что финансовые операции плохо сказываются на сердце, а при его наследственности он не мог этого допустить. Все это время богач водил такси и считал пару ботинок никудышной, если они служили ему меньше десяти лет. Но даже если бы он воспользовался своим богатством, разве это что-то изменило бы? Все равно он в конце концов оказался бы в доме престарелых с

багажом самого необходимого: немного одежды, стаканчик для бритья, очки, от которых было мало толку, старомодная бритва, пользоваться которой ему запретили сестры, и серебряная звезда на цепочке, которую он носил на шее.

Когда доктор Стюарт пришел навестить пациента, Илай поначалу его не узнал, хотя лечился у него лет сорок. Илай принял дока за какого-то старикана из соседней палаты, который от нечего делать блуждал по коридорам и осматривал людей. Илай натянул простыню до шеи и велел доктору убираться, но умолк на полуслове, когда заметил девочку. Он сразу ее узнал. Доктор Стюарт наклонился, чтобы спросить у Илая, где тот находится, но Илай от него отмахнулся.

— Пришла Ребекка, — сказал он. У него бешено забилося сердце и появился сладковатый привкус во рту. — Должно быть, я умираю, если ты здесь.

Илай Хатауэй закрыл глаза и принялся ждать рая или ада — что там было ему уготовано. Когда ничего не случилось, он вновь открыл глаза. Перед ним по-прежнему стояли доктор Стюарт и девочка с черными волосами, оба смотрели на него так, словно он был пришельцем с Марса или танцующим цыпленком.

Стоя в палате субботним утром, в тот час, когда ее сверстницы все еще спали, Стелла увидела, что Илай Хатауэй умрет в этой самой комнате, когда у него случится сильный сердечный приступ; меньше чем через сутки у него задержаются веки и участится дыхание. Другая девочка испугалась бы Илая, запаха смерти, который, казалось, к нему прилип, сморщенного тела, синих вен, просвечивавших под кожей, но только не Стелла. Здесь, в доме престарелых, смерть была повсюду; Стелла видела ее в каждом коридоре, в каждой палате. Некоторые смерти были очень быстрыми, настолько молниеносными, что Стелла их едва не пропустила. Другие смерти были долгими, тягучими, каких не пожелаешь никому, даже злейшим врагам. В столовой этого дома Стелла разглядела столько смертельных исходов, что однажды утром она не выдержала и опустилась прямо на линолеум, ее поразила не столько печаль происходящего, сколько человеческое достоинство и почти сверхъестественная способность стоять лицом к пропасти и в то же время заказывать яичницу-болтунью с жареным хлебом на завтрак.

В палате Илая Стелла взглянула на доктора Стюарта и убедилась, что он так же ясно, как она, видит скорый исход. Бабушка как-то говорила ей, что Брок Стюарт — самый честный человек в ближайших пяти штатах, но, по мнению Стеллы, он лгал не меньше, чем она. Во-первых, он сказал

неправду во время последнего визита в дом престарелых. Какая-то старуха, хрипя и брызгая кровью, спросила у него: «Я умираю?» Стелла видела выражение его лица. Доктор Стюарт не обратил внимания на вопрос и вместо ответа заговорил о внуках пациентки и о щедрой весне, бурное цветение которой вызвали рекордные осадки в апреле. «Здесь за окном цветет сирень, — весело подхватила женщина, позабыв о том, что спрашивала. — Стоит мне закрыть глаза, я все равно вижу все сиреневое и слышу пчел».

«Вы не сказали ей правды», — упрекнула доктора Стелла, когда они ехали домой.

«Правды нет. Пора бы тебе это понять».

Сейчас доктор Стюарт придвинул стул к кровати Илая.

— Вас пришла навестить Стелла Спарроу, — сказал доктор больному. — А Ребекка умерла больше трехсот лет тому назад. Так что, если вы ее видите, друг мой, значит, вы видите ангелов.

Доктор Стюарт измерил Илаю пульс. Стелла считала вместе с доктором. Сердце билось слабо. Так слабо, что было ясно — больному осталось недолго. Илай, несмотря на болезнь, не обращал на доктора внимания. Он был убежден, что узнал девочку, оказавшуюся у него в палате.

— Я знал, что увижу тебя, перед тем как умру. Я знал, что ты меня простишь.

Доктор и Стелла переглянулись. Илай Хатауэй умрет к утру, они оба чувствовали это. Хатауэй поманил к себе Стеллу, и Брок Стюарт восхитился ее выдержкой. Даже в медицинской школе нашлись бы студенты, которых отпугнул бы вид старика с торчащими из носа и вен трубками, такого, как Илай, от которого несло, как от больничной утки, и которого била дрожь, хотя во всем доме отопление работало на полную мощность для удобства пациентов.

— У меня кое-что есть для тебя, — сказал Илай.

Он попытался расстегнуть верхнюю пуговицу полосатой пижамы. Он всегда терпеть не мог пижам и теперь, в последний его день на земле, эта самая пижама доставляла ему неудобство. Стелла помогла ему справиться с пуговицей. Вот и она, серебряная звезда, та, что Илай не снимал с тех пор, как его отец передал ему звезду на смертном одре, что делали все Хатауэй, после того как обнаружили ее среди вещей Чарлза Хатауэя, когда его лошадь утонула в озере Песочные Часы, в самом глубоком месте.

Илай не сумел расстегнуть замочек цепочки, это сделала Стелла.

— Твоя.

Илай много чего хотел добавить, но губы его пересохли, горло растрескалось; слова не давались ему, и приходилось их экономить, лелеять каждое, если он хотел высказать свою последнюю просьбу.

Все равно Стелла была тронута подарком. Она чуть не расплакалась, но сдержалась. Вместо этого она надела звезду на шею. Илай внимательно за ней следил и улыбался, хотя у него кружилась голова. Он смотрел на Стеллу и видел чашу, полную звезд, и бесконечную, непостижимую синеву. Конечно, это будет рай, теперь он в это верил, его ждали звезды, и свет, и прощение.

— Я оставляю все свое имущество городу, но я хочу, чтобы ты решала, как с ним поступить, — сказал он темноволосой девочке, той самой, которую ждал всю свою жизнь. — Принесите мне лист бумаги, — потребовал он у доктора. — Вы будете моим свидетелем.

— Вы уверены, что хотите так поступить? — спросил доктор Стюарт — Она пока не достигла совершеннолетия.

— Разве возраст имеет значение? Сколько тебе было лет, когда тебя утопили? — спросил Илай у Стеллы, все еще веря, что перед ним Ребекка.

Прочитав диссертацию Мэтта, находящуюся теперь, к всеобщей радости, на кафедре истории в государственном колледже, Стелла знала ответ.

— Семнадцать с половиной. Это случилось шестнадцатого ноября.

— Когда с ней это сотворили, ей не было восемнадцати, разве не так? — спросил Илай.

— Он в здравом уме? — прошептала Стелла, обращаясь к доктору Стюарту.

— В каком штате мы живем, старина? — поинтересовался у больного доктор Стюарт.

— Не знаете, что в Массачусетсе, и называете себя доктором? Как не стыдно.

— Он соображает, — сказал доктор, — и способен принять решение.

Стелла сбегала на пост медсестер за бумагой и ручкой, потом вернулась и записала под диктовку все, что сказал Илай Хатауэй. Его счета в банке, инвестиции, недвижимост, все, чем он владел в этом мире, переходило к городу, а Стелла Спарроу назначалась доверенным лицом.

— Ты уверена, что не хочешь указать свое имя как Ребекка? — переспросил девочку Илай.

— Сойдет и Стелла.

Хатауэй подписал документ, хотя так ослаб, что доктору Стюарту пришлось помочь ему держать ручку; затем доктор тоже поставил свою

подпись.

— Теперь я свободен, — произнес Илай. — Больше никаких поездок по городу. Вместо меня это делает другой парень, хотя, как я слышал, он ни черта не знает.

— Ваша правда, — ответил доктор Стюарт. — Сисси Эллиот хотела съездить в супермаркет, а новый водитель каким-то образом умудрился высадить ее у прачечной. Она застряла там на несколько часов.

— Зато Ребекка знает, что делает.

Стелла сидела на подоконнике. Илаю с его затуманенным зрением казалось, что она похожа на птицу, примостившуюся на краю окна. А еще она напоминала ему свет в бездонной темноте. Что касается Стеллы, ей приятно холодила кожу блестящая звезда на шее. Этот амулет был на Ребекке, когда та вышла из леса; теперь он вернулся туда, где ему и полагалось находиться. В обмен на его возвращение Стелла оказала услугу последнему из Хатауэев. Хорошо хоть она захватила с собою рюкзак: у нее было большое задание на дом по алгебре, а еще нужно было написать ненавистный реферат по истории США о Поле Ревире^[8]. Им еще долго придется здесь сидеть, но Стелла решила остаться до конца. Это был ее долг перед Илаем: она побудет с ним. Она проводит его.

Стелла принялась за работу, пока доктор Стюарт дремал. Пульс Илая Хатауэя так сильно замедлился, что казалось, еще немного — и время повернет вспять. Когда свет за окном сменился сумерками, Стелла одолжила у медсестер настольную лампу, чтобы они с доктором могли сразиться в карты. Брок Стюарт был горд за Элинол, что у нее такая внучка. Ему было жаль, что Элинол сейчас не с ними, но он понимал, что ей нужен отдых, и невольно спрашивал себя, не для того ли он потерял столько людей, чтобы подготовиться к потере Элинол Спарроу? По вечерам, ровно в восемь, он звонил ей по телефону. Он всегда с нетерпением ждал этого часа, когда они могли обсудить прошедший день до самых мелких, незначительных подробностей. Теперь он боялся этого часа и каждый раз, набирая ее номер, испытывал в душе нестерпимый ужас: «Что, если на этот раз она не снимет трубку? Что, если это уже случилось?»

— Возможно, придется ждать всю ночь, — сказал Стелле доктор, устроившись поудобнее в кресле, с одеялом на плечах, после того как целый час они просидели за картами. — Я мог бы вызвать тебе такси.

— И я окажусь неизвестно где. Вы ведь слышали, что рассказывал Илай о новом водителе. Нет. Я остаюсь.

До этого дня прошло три сотни лет, так что там какие-то несколько

часов? Сидя в темной комнате, где теперь спали двое мужчин, Стелла словно парила в космосе. Они делали вдох, потом выдох, а потом началось что-то другое. Где-то после двух часов ночи у Илая Хатауэя случился инфаркт. Начались конвульсии, затем изменилось дыхание, глаза заволгло туманом, так что он уже не видел этого света. Из Гамильтонской больницы вызвали машину, и, пока она мчалась в Юнити, Стелла оставалась у постели Илая.

— Он уходит, — произнес доктор Стюарт.

В этот самый момент в комнате вместе с ними находилась смерть. Если девочка поймет, что не в силах этого выдержать, она сейчас уйдет. Придумает предлог — мол, живот разболелся или нужно выйти на свежий воздух. Но вместо этого Стелла держала руку Илая Хатауэя, а он отвечал на ее рукопожатие что было сил. Он был хороший человек и всю жизнь прожил под тяжелым бременем; и свое такси он водил дольше, чем жили многие. По ночам ему снились дороги и аллеи. Он крепко держал ее за руку, словно вообще не собирался отпускать, пока девочка не наклонилась и не прошептала, что все хорошо, он может отпустить руку: он прощен. Спустя столько времени он обрел свободу.

Однажды утром Хэп вышел на кухню, чтобы налить стакан воды, и вдруг остановился без всякой причины. Он просто почувствовал какую-то перемену — перепад давления, возможно, или необычную тишину. Было рано, и Хэп даже не успел еще окончательно проснуться. Взглянув сонными глазами на лужайку, он подумал, что видит огромную кучу сена и листьев. Из любопытства он сунул ноги в ботинки и вышел из дома. Рядом с конем Торопыгой, который умер ночью, сидел дед и плакал. Конь успел остыть.

— А ведь нам всем казалось, что он протянет вечность.

Доктор Стюарт, видевший десятки смертей, сообщавший тяжелую новость вдовам и детям, сейчас вдруг плакал из-за коня, чересчур задержавшегося на этом свете, тем более что с самого начала не хотел брать его к себе.

— Теперь Стелла успокоится, а то она вбила себе в голову, что я усядусь на него верхом и сломаю себе шею.

Хэп опустился на землю рядом с дедом. Лужайка была сырой от росы, но Хэп не обращал на это внимания. Его дедушка, самый сильный из всех, кого он знал, не скрывал своих слез.

— Нам придется нанять Мэтта Эйвери, чтобы он приехал на своем бульдозере и похоронил Торопыгу прямо здесь. Для этого коня не

существовало понятий «рано» или «поздно», для него существовала только вечность.

Доктор Стюарт покивал. Его внук был умный, хороший мальчик; по крайней мере, об этом можно было не волноваться. Если на то пошло, он понимал его гораздо лучше, чем собственного сына, Дэвида. Наверное, он сам виноват: много работал, был молод, эгоистичен. Доктор похлопал по холодному крупу Торопыги и вспомнил, что мальчишкой где-то читал, будто первооткрыватели холодного Запада иногда при крайних обстоятельствах забивали своих лошадей и забирались внутрь туши, чтобы не замерзнуть ночью. Доктор просидел рядом со своим конем четыре часа, но все равно пропустил момент смерти. Теперь он полагал, что конь просто выдохнул в конце и у него, как у человека, отлетела душа. Так, может быть, Торопыга все еще здесь, на лужайке, среди травы и стогов сена? Или он в воздухе, которым они теперь дышат?

В тот же день, только попозже, доктор с внуком отправились в муниципалитет. Там был собран совет, с тем чтобы обсудить дар Илая Хатауэя городу, а доктора попросили присутствовать в качестве свидетеля завещания. Явившись к назначенному часу, Хэп уселся в коридоре и развернул газету «Юнити трибьюн», а его дед и Стелла вместе с членами городского совета прошли в конференц-зал. Там были миссис Гибсон, Гарри Стронг, владелец рынка, и Натан Эллиот, президент банка. Хэп был не прочь подождать. Он любил знакомиться с полицейскими отчетами, с которых всегда начинал. На Готорн-стрит вскрыли машину. Спаниель по кличке Мици искусал соседей и почтальона. Джимми Эллиота застукали на месте преступления — он швырял камни в чайную, так что ему впаляли дополнительные десять часов общественных работ.

— Кажется, Джимми Эллиот вновь на вас трудится, — сказал Хэп Мэтту Эйвери, когда тот проходил мимо, явившись на собрание без приглашения, чтобы выступить от имени Стеллы.

— Должен был. Но не явился. За что его повязали на этот раз?

— Его взяли, когда он бросал камни в окна чайной.

— Глупое занятие.

— По-моему, он влюблен.

— А-а. — Мэтт сочувственно кивнул. Даже Джимми Эллиот не застрахован от такой напасти. — Я побывал у дома твоего деда, снял часть забора и завел бульдозер на лужайку, — сказал он Хэпу. — Завтра утром постарайся увести куда-нибудь дедушку позавтракать. Думаю, ему не следует оставаться дома, когда я начну рыть яму для Торопыги.

— Его здорово подкосило.

— Да, двадцать пять лет он притворялся, что терпеть не может этого коня.

Мэтт ушел на собрание, в коридоре стало тихо, и Хэп вновь принялся за полицейскую страничку. Люди в конференц-зале тоже вели себя на удивление тихо и выслушали, несколько оцепенев, пояснения доктора Стюарта, рассказавшего, что Илай Хатауэй попросил Стеллу решить, как поступить с его имуществом. В эту минуту многие члены городского совета задавались вопросом, не было ли со стороны Илая Хатауэя злого умысла, когда он назначал своей душеприказчицей сопливую девчонку; и вот теперь этот ребенок был наделен властью решать, как потратить кучу денег — никто даже не подозревал, что Илай так богат. Все поняли, о какой огромной сумме идет речь, только когда Натан Эллиот зачитал список всего имущества, ценных бумаг, банковских счетов, инвестиций. Не хотел ли старик посмеяться над членами совета и городом, когда выбрал Стеллу управлять всем этим?

Но нет, как оказалось, никто и не думал шутить; Стелла явилась на собрание с готовым планом. На земле Хатауэя должна была появиться клиника с полным штатом врачей и медсестер — таково было решение Стеллы; людям, если они заболеют, не придется ездить в Норт-Артур или Гамильтон. Но это еще не все: напротив библиотеки будет возведен Центр досуга имени Хатауэя. Там будут заниматься с детьми по специальной программе после уроков, а летом давать всем желающим уроки плавания. Отличная идея, между прочим, просто превосходная. Члены городского совета почувствовали облегчение, но тут слово взял Мэтт Эйвери. Это всех удивило, ибо Мэтт никогда не отличался ораторским искусством. В то же время, так долго проработав на очистке снега и валке деревьев, так долго пробыв в одиночестве, он, видимо, никак не мог наговориться. Когда в конце концов осенью он окажется перед классом, то будет читать лекцию час или два без перерыва, даже не передохнув и не выпив воды.

И сейчас Мэтт за час не уложился, рассказывая историю Ребекки; те члены городского совета, которые до сих пор не проклинали про себя Илая Хатауэя, теперь распекали его на все корки. Но когда поднялась Стелла и поблагодарила Мэтта за историческую справку к ее самому важному решению, даже инакомыслящие умолкли. Теперь пришел черед второго сюрприза, менее приятного. На Стелле была серебряная звезда, подарок Илая, та самая звезда, с которой Ребекка вышла из леса.

Стелла сообщила собравшимся, что с разрешения мэра и совета построит в центре города мемориал Ребекки. Каменотесы, получившие заказ, как раз сейчас везли из Нью-Гемпшира шестифутовую гранитную

глыбу; и с литейной мастерской в Лоуэлле тоже договорились. Если кто-то и посчитал такой памятник кощунством, то не высказался вслух в тот день — в конце концов, приходилось учитывать то, что городу очень нужен больничный центр. Да и в Центре досуга детишки смогут научиться плавать. Поэтому с созданием памятника проволочек не было.

Если кто и ожидал, что сейчас посыплются письма с протестами, то он был глубоко разочарован. Для большинства жителей города Ребекка Спарроу была всего лишь портретом в библиотеке, одной из первых поселенцев в Юнити, девчушка с черными волосами. Народ привык к мысли о том, что у Ребекки будет памятник, как привык видеть Стеллу на общественном лугу, лежащую на травке, как в хорошие, так и в ненастные дни. То, что так долго ждало своего часа, теперь происходило молниеносно, в самом центре луга, в окружении платанов и лип. На верхушку простого гранитного камня водрузили бронзовый колокол, звон которого, если в него ударить, разнесся бы на много миль вокруг. Тишине настал конец, во всяком случае в этом городе.

Элино́р и Дженни пришли на луг майским ветреным вечером, когда колокол установили на место. Обе женщины принарядились. Все-таки торжественный случай. Стелла не захотела устраивать торжеств, ни тебе фейерверка в честь завершения мемориала, ни песен хором. Прежде всего это было семейное дело. Теперь за рулем сидела Дженни, она же помогла матери пройти по тропе, проложенной через луг. Стелла набрала букетик фиалок и поставила его в маленькой стеклянной вазочке у подножия памятника.

— Ну как, ничего?

Элино́р замерзла и тяжело дышала, но, увидев памятник, поняла, что не зря проделала весь путь от Кейк-хауса. Она одобрительно кивнула. Памятник действительно был красив. Она думала о том, что осталось невидимым глазу: смелость, честь, боль, любовь. Элино́р прищурилась, и на мгновение памятник исчез, но потом снова оказался на своем месте, прямо перед ними.

— Он превосходен, — ответила Дженни Спарроу.

Наступил час, когда свет быстро меркнет, все окрашивая в синеву — дома и колокольни, ограды и тротуары. Во времена, когда в этом городе жила Ребекка Спарроу, люди верили, что синий цвет способен защитить их от зла, и потому часто пришивали к белью и швам одежды темно-синие домотканые лоскутки. А еще они верили, что красная нитка может излечить от болезней, будь то лихорадка, дурной сон или приступ кашля, что благородный лавр защищает от молнии и что если помочь слепому, то

это принесет удачу. Они верили, что память о давно ушедшем человеке способна вернуть его обратно, нужно только сильно сосредоточиться, выйти из дома в ветреную ночь и попытаться сосчитать все звезды, рассыпанные по небу, как рис по столу, или камни на дне озера, или подснежники в траве.

Если какой-то путешественник оказывался в этой части Массачусетса без карты, он мог легко сбиться с пути. На непросвещенный взгляд, деревеньки все сливались в одну, особенно если смотреть на них из окна проезжающего мимо поезда. Повсюду белые башенки, городские собрания, дома с черными ставнями. Затем идут торговые центры, парковки, трехквартирные дома, а еще дальше — зеленые леса, ручьи, поля черноглазых рудбекий и ячменя. Все это напоминало лоскутное одеяло без орнамента: сиреневый кусочек, потом зеленый, а вокруг не разберешь какие лица, камни, облака, кирпичные кладки и железнодорожные пути. Представьте, мимо каких вокзалов нужно проехать: Конкорд, Линкольн, Гамильтон, Монро, Норт-Артур, Юнити. Последний из перечисленных был построен в 1930 году из коричневого гранита. Его сооружали приезжие рабочие, из Бостона или Нью-Хейвена, так стосковавшиеся по труду, что готовы были спать на раскладушках, установленных в Городском собрании. По ночам им снился дом, поезда и коричневая гранитная пыль, оседавшая при резке камней повсюду — на их лицах и легких.

Когда Элизабет Спарроу приходилось кормить этих людей, она привозила несколько котлов рагу из девяти лягушек и больше сотни буханок хлеба. Элизабет слышала, как мужчины плакали во сне, молясь о том, чтобы увидеть знакомое лицо, услышать доброе слово, отведать ужин, приготовленный с любовью. Она и была этим лицом, этим словом, этим хлебом целый год. Вокзал построили с мыслями об Элизабет; ее имя оказалось вырезанным на граните во многих местах, хотя с первого взгляда и не скажешь, но если присмотреться, то можно различить буквы. В основном жители города этого не замечали; для них это были всего лишь царапины на камне, неразборчивые письма, которые действительно нельзя было прочитать, если стоять слишком близко.

Здесь часто бывал Илай Хатауэй: сидел на парковке в своем такси или болтал с билетершей, Энидой Фрост. У Илая даже появилось хобби — считать, сколько раз имя Элизабет написано на камнях. Последний подсчет дал цифру 1353. Но дни, когда Илай Хатауэй считал ее имя, прошли. Теперь у вокзала парковался другой водитель, Сэм Дьюи, переехавший из

Монро. Сэм был чрезмерно словоохотливым парнем, готовым поделиться с любым пассажиром тем, что он пытается после развода начать новую жизнь в Юнити. Ему еще многому предстояло научиться. Со времени того неприятного случая с Сисси Эллиот, когда он высадил ее у прачечной и она простояла на улице несколько часов в надежде, что мимо проедет кто-нибудь из соседей и ее подвезет, Сэм прилежно изучал местные карты. Ему не приходилось больше спрашивать у пассажиров: «А как проехать до Локхарт-авеню? Какой самый короткий путь до торгового центра в Норт-Артуре?»

Семнадцатого мая, ранним утром, с поезда сошел пассажир. Сэм Дьюи уже начал сомневаться, удастся ли ему заработать себе на жизнь в этом городе водителем такси. Поэтому в тот день он заключил сам с собой пари, хотя вообще-то не был азартным человеком, во всяком случае с тех пор, как от него ушла жена, заявив, что он якобы проводит больше времени в казино, чем с ней. Как бы там ни было, Сэм решил, что если господин на платформе сядет к нему в такси, то он останется в городе. Если, однако, этот тип, что сошел с поезда, повернется и уйдет или если его сейчас встретит друг или родственник и увезет на своей машине, то Сэм переедет во Флориду. Одна мысль о городке Бойнтон-Бич, в котором он побывал как-то во время отпуска, и о солнечной жизни, которая, возможно, ждет его впереди, весьма приободрила Сэма. Но тут пассажир с поезда вышел из телефонной будки, где просматривал «Желтые страницы», и направился к такси. Это был хорошо одетый мужчина лет тридцати пяти, темноволосый, симпатичный, не обремененный багажом, если не считать рюкзака на плече.

«Проходи мимо», — подумал Сэм, поскольку проработал здесь всего несколько недель, а уже начал чувствовать, как его тело сливается с вмятинами на кресле, оставленными малоподвижным Илаем, который просидел в нем так много лет. Но оказалось, что с переездом в Бойнтон-Бич придется подождать. Сэм останется в Юнити, по крайней мере, на ближайшее время. У него появился пассажир.

— Мне повезло, что вы здесь, — сказал пассажир.

Он немного запыхался, да и одет был не так хорошо, как сначала показалось Сэму. Костюмчик староват — впрочем, кто такой Сэм, чтобы судить? Он сам был в потрепанном свитере и хлопчатобумажных твидовых брюках с пятнами кофе.

— А я думал взять машину напрокат, — добавил незнакомец.

— В Юнити? Это вы не туда попали. Погодите секунду, может, вам действительно нужно в другой город, — пошутил Сэм, напрашиваясь на

чаевые. — К кому вы приехали?

Когда пассажир ответил, что он здесь проездом и намерен поселиться в мотеле, Сэм Дьюи еще раз повторил, что тогда ему нужно в другой город. Ближайший мотель, «Ночная сова», находился в Норт-Артуре, поэтому если он хочет переночевать, то лучше всего это сделать в гостевом доме Лори Фрост. Это была дочь билетерши Эниды, очень симпатичная; Сэм был бы не прочь пригласить ее отобедать и теперь надеялся, что она не откажет, раз он ей составил рекомендацию. На самом деле гостевой дом Лори представлял собой переделанный гараж, но смотрелся он неплохо. Сэм подождал, пока его пассажир прошел к дому по тропе, обсаженной хостами, потом вышел из машины и, прислонившись к капоту, закурил. Мимо пробежал знакомый, Сэм ему кивнул.

— Не торопитесь! — прокричал вслед бегуну Сэм, испытывая к Уиллу Эйвери добрые чувства.

Уилла не пугало, что дом Лори находился на вершине холма, но он не хотел растрачивать силы на болтовню.

— Поберегите себя! Воспользуйтесь такси! — предложил Сэм, но Уилл только помахал ему рукой и продолжил маршрут, как делал каждое утро, совершая пробежку по Юнити.

Вернулся пассажир и попросил покатать его немного по городу. Он несколько раз чихнул и выругался, когда они ехали вниз по холму.

— Это все пыльца, — заметил Сэм, взявший на себя роль местного знатока. — Сирень, трава, дикие цветы. Пыльца повсюду, куда ни глянешь. Я так полагаю, что вы городской житель.

Пассажир описал исторический дом, о котором слышал, похожий на свадебный торт, и Сэм Дьюи заверил, что для него не проблема подъехать туда. Разумеется, не имея адреса, Сэм не представлял, где это может быть, поэтому он поколесил немного вокруг, размышляя, сколько запросить за эту экскурсию с пассажира, а потом остановился на минуту у здания муниципалитета, забежал внутрь и быстро оглядел карту в холле, где перечислялись все достопримечательности. Кейк-хаус. Самое старое уцелевшее здание в городе. Должно быть, это и есть тот дом.

Они миновали старый дуб, окруженный оранжевыми стрелками, так как ветви с одной стороны стали опасно хрупкими, проехали по Локхарт и добрались до места, известного среди местных жителей как аллея Дохлой Лошади.

— Дальше нельзя, — сказал Сэм Дьюи, когда впереди показались три каминные трубы и кусочек крыши. — Моей колымаге ни за что не проехать по таким рытвинам. Взгляните сами!

Он показал на яму, такую глубокую, что там скопилась вода. В центре ямы возвышался как будто большой камень, но на самом деле это была кусающая черепаха.

— Здесь легко можно сломать ось.

Пассажир расплатился и вышел. На этот раз он сказал Сэму, чтобы тот не ждал. Он позволил водителю поверить, будто поселился в гостевом доме, когда на самом деле все, что он сделал, — подобрал экземпляр «Юнити трибьюн», лежавший на ступенях, и сунул его в рюкзак. Он не хотел показаться бродягой, хотя, по сути, в эти дни он и был самым настоящим бродягой. Любопытному водителю он сказал, что любит пройтись пешком, и Сэм Дьюи, удовлетворившись объяснением, уехал. Пассажир пошел по аллее, обходя грязные лужи. Впереди виднелся белый дом, так похожий на модель, которую он украл со столика в передней квартиры на Мальборо-стрит. То же самое крыльцо, те же окна со странными неровными стеклами, та же лавровая изгородь, такая душистая, что пчелы, зависшие над цветками, совсем опьянели, в отличие от фетровых, приклеенных к искусственному лавру, крылышки которых никогда не шевелились.

Из всего, что он сказал, только одно было правдой: он действительно оказался здесь проездом. Однако ему понадобится место для отдыха, поэтому он свернул в лес. В действительности он вовсе не был городским жителем, как решил идиот таксист. Он вырос на севере, на границе Нью-Гемпшира, и там он жил, пока его девушка не разбила ему сердце, переехав в Бостон. Он последовал за ней, чтобы вернуть, но она снова его бросила. Дважды с ним такие номера не проходили.

Сейчас, вновь оказавшись в лесу, он почувствовал себя как дома. Он продолжал идти, пока не достиг «стола и стульев»; он поразился, до чего причудливые формы иногда порождает природа, достал из рюкзака газетку, украденную с крыльца Лори Фрост, и походный завтрак — бутерброд с ветчиной, приготовленный горничной из мотеля в Медфорде, где он провел прошлую ночь. В обмен на бутерброд и бесплатный ночлег он оставил модель Кейк-хауса — подарил четырехлетней дочурке горничной, которая, не имея выбора, приводила ребенка с собой на работу по утрам, так как оплачивать няню ей было не по карману. И почему он не мог подарить кукольный домик ребенку? Самому ему эта вещь больше была не нужна; к этому времени в его памяти отпечатался каждый кирпичик, каждый камешек, каждый кусочек стекла.

Покончив с завтраком, он все убрал, чтобы не оставить после себя ни крошки. Он всегда оставлял лес таким, каким его находил; ему нравилось

то, как выглядит природа, не потревоженная человеческим вмешательством. И вообще он старался держаться от людей подальше. Ему просто повезло, когда он случайно наткнулся на остатки старой хижины, которую едва не уничтожил огнем Уилл много лет тому назад. Тем не менее кое-что сохранилось: вся центральная часть трубы и очага, которому предстояло стать его кровом. Он шагнул внутрь и сразу почувствовал себя дома. Увидев, что в кладке не хватает одного кирпича, он сунул туда руку и достал маленький портрет. В тот день, когда Уилл впустил его в квартиру, он успел заметить фотографию в передней. Там волосы девочки были светлые, но все равно это была та самая особа, от которой он хотел избавиться. Он был уверен. Как только он покончит с этой сующей нос не в свои дела девчонкой, которая разглядела то, что он только собирался сделать, ни одна живая душа больше не свяжет его с преступлением, хотя, конечно, его бывшая девушка получила по заслугам, как, впрочем, все на этом свете. Лично он спокойно спит по ночам с тех пор, как она сказала ему свои последние слова: «Как ты можешь так поступать? Как могла твоя любовь дойти до такого?»»

Узел

1

Это случилось чудесным субботним утром, таким ярким, что Уилл проснулся с первыми лучами солнца и отправился бегать раньше обычного, в пять утра, когда город еще спал, так что компанию ему составили только птицы. В пять тридцать по городу прогрохотали мусорные машины, одна из них остановилась у чайной Халлов, где накануне вечером новый помощник по кухне выставил мусор в аккуратных контейнерах. Лиза уже не спала, разумеется, пекла черничные плюшки и смотрела в окно, не появится ли Уилл, каждый день пробегавший мимо и оставлявший на ступеньке заднего крыльца то газету, то букетик фиалок в бумажном стаканчике, а то просто записку с одним-единственным словом: «Ты».

Элино́р Спарроу всегда бодрствовала в этот час. У нее не так много осталось времени, чтобы растрчивать его попусту, поэтому спала она урывками. Если все-таки ей удавалось забыться на несколько часов беспокойным сном, то каждый раз она видела снег. Дженни, осаждаемая снами матери, нарисовала целую серию снежных пейзажей, разместившихся на комодe и подоконнике. За последние несколько дней она скупила столько тюбиков белой краски, что Мейвис Стрикланд, следившая за ассортиментом небольшого отдела художественных принадлежностей при местной аптеке, посоветовала Дженни обратиться непосредственно к поставщику.

Но Дженни не могла обойтись одной белой краской. Она давно поняла, что снег бывает голубым, фиолетовым или бледно-розовым. Случается так, что он становится неотъемлемой частью чьей-то жизни: ее любовь к Мэту напоминала снежную бурю, внезапную, беспощадную, не дававшую возможности дышать. Волосы Стеллы, когда она их срезала, наверняка упали на пол в Лизиной ванной, как снег, бесконечным ослепляющим вихрем. Снег — это мука в кухне чайной, когда ее просеивали в миску, или мыльные хлопья, когда Дженни стирала простыни матери; снег — это рисовый пудинг, который Дженни приносила наверх на посеребренном подносе, одно из немногих блюд, не вызывавших пока у Элино́р отвращения. Звезды, как снег, опускались черной ночью. Снег был и в пылинках, что высвечивались в солнечных лучах, проникавших в окно библиотеки. Снег в скрипе последней засохшей ветви старого дуба на углу Локхарт и Ист-Мейн, до сих пор не срезанной, но сохранившей тонкие листочки, которые подрагивали, как дрожит воздух перед бурей, перед тем

как воцарится полное спокойствие, в ожидании того, что неминуемо пройдет. Снег собирался в лепестках цветущих персиковых деревьев, распускаясь по всему городу одновременно розово-белым покровом, неся аромат близкого лета. Не удивительно, что в некоторых языках так много слов обозначают снег, точно так, как существует бесконечное множество вариантов для понятий «любовь» и «печаль» или названий дождя, которые выдумала Элинора.

У лжи тоже было много видов, и Стелла Спарроу Эйвери выдумала еще один. Она прибегла к последней маленькой лжи, совершенно безобидной. Бедная Лиза принесла наверх Стелле овсяное печенье и стакан молока, желая поговорить по душам. Услышав на лестнице шаги, Стелла натянула до подбородка одеяло, надеясь, что ее оставят в покое, но от Лизы оказалось не так-то легко отделаться — пришлось лежать тихо, как мышка, и выслушивать вопросы о ее чувствах. Стелла не против, если Лиза будет рядом с ее отцом? Или им следует подождать? А может быть, всем вместе нужно съездить к психологу в Норт-Артур и обсудить новый расклад в их жизни?

— Я не против, — быстро отрезала Стелла.

Если это была и не белая ложь, то, во всяком случае, розовая, окрашенная любовью выдумка ради душевного спокойствия Лизы. На самом деле Стеллу совершенно не радовало то, что оба ее родителя завели себе возлюбленных. Разве им не полагалось быть старыми и разумными, а ей — необузданной и дикой? Но даже если бы Стелла захотела возмутиться поведением Лизы, то это было бы трудно; Лиза была тем человеком, которого невозможно ненавидеть. Зато можно солгать, поэтому Стелла улыбнулась, пожелала ей спокойной ночи, поблагодарила за печенье и проследила, чтобы Лиза ушла и закрыла за собой дверь.

Ложь по недосмотру, ложь подростка, ложь с пожеланием доброй ночи, прежде чем вылезти из окна, ложь обещания объяснить все утром, если откроется, что ночь проведена не в своей постели, но если ничего не обнаружится, то, разумеется, никому ничего не нужно будет объяснять. Белая ложь, розовая ложь, иссиня-черная ложь. И вовсе не на встречу к Джимми торопилась Стелла, а к Хэпу Стюарту, и опять же не для веселья и развлечения. Хэп сердился на нее, его тревожило, что их совместный научный проект до сих пор не сдан, а все потому, что Стелла слишком много времени проводила с Джимми. И правда, после ужина она теперь каждый день бегала на свидания к Джимми в лес, где лежали валуны «стол и стулья»; они часами целовались, хотя у Стеллы была сотня неотложных дел. Она звонила ему поздно ночью в заранее оговоренное время, просто

для того, чтобы услышать его голос. Этот мальчишка был не способен сдать даже простейший экзамен по школьной программе — представить только, курс естествознания он проходил уже по третьему разу, — но, когда Стелла видела его на дороге с горстью камешков в руке, чтобы швырять в ее окно, когда она видела его растерянность, словно он явился сюда без всякой причины и против воли, она думала, что было бы прекрасно, если бы Джимми Эллиот оказался единственным человеком на земле и ничего, кроме его лица, ей больше не суждено было увидеть.

Чтобы успокоить заброшенного Хэпа, над которым теперь висела угроза провалить экзамен из-за не сданной вовремя работы, Стелла придумала план. Им нужен еще один образец воды, который никто в классе не смог добыть, — тогда они объяснят, почему припозднились с проектом. Хэп предложил озеро Песочные Часы, а Стелла развила идею, сказав, что им следует провести ночь на берегу, а утром, пораньше, взять образец. Она надела на здоровое плечо рюкзак со спальным мешком и, выбравшись из окошка чайной, спустилась по решетке, которую в июне обвивают клематисы. Еще она захватила с собой шесть бутербродов с арахисовым маслом, чтобы подкрепиться, несколько стеклянных пробирок и фонарик. Хэп, поджидавший ее на углу, где рос дуб, внес свою лепту — палатку, пахнущую сырým подвалом, где она и пролежала пятнадцать лет. Ночь была теплой и влажной, повсюду гудели комары.

— Все эти легенды о дохлой лошади — сплошная ерунда, — сказал Хэп, когда они свернули на аллею, где, по преданиям, лошадь испугалась и понесла Чарлза Хатауэя — Но я слышал, как ребята на спортплощадке за школой клялись, будто это правда.

— Полная чушь, — согласилась Стелла.

Они рассмеялись, вспомнив, как в первый раз тоже сошлись во мнении, что это нелепость.

— Не бойся, — сказал Хэп.

— А я и не думала бояться, — ответила Стелла.

Однажды вечером во время ужина отец Стеллы рассказал ей и Лизе о том случае, когда они с братом, еще мальчишками, переночевали на берегу озера, ожидая, что со дна поднимется дохлая лошадь. По словам Уилла, Мэтт заснул как убитый, а он остался дрожать и следить за темной водой в одиночку. «Чарлз Хатауэй, — заявил он грязной воде, — я не боюсь ни тебя, ни твоей лошади».

— Люди сочинили это давным-давно, — сказала Стелла, — в те дни они все еще боялись глупых вещей.

— Точно.

Хэп подумал о Торопыге, закопанном на лужайке, и вспомнил лицо дедушки. Теперь, когда Хэп проходил мимо луга, на котором столько лет пасся Торопыга, он всякий раз пускался бежать, словно его вспугнул ветер, или облака, или шелест листьев. За последние несколько месяцев он здорово вытянулся и теперь возвышался над Стеллой этакой каланчой. Она казалась ему чужой с короткими и перекрашенными волосами, но по сути осталась прежней.

— Иногда, когда лишаешься самой привлекательной черты, оказывается, что это не имеет никакого значения, потому что твоя истинная привлекательность в чем-то совсем ином.

Стелла удивленно уставилась на него:

— Ты что, разговаривал с Джулиет?

— Джулиет? — переспросил Хэп.

Фактически, он разговаривал с ней почти каждую ночь, когда все в доме засыпало. В такие часы вселенная состояла всего из двух вещей: темноты и голоса Джулиет. Они не собирались ничего скрывать от Стеллы, делать тайну из своих бесед по ночам, но именно так и произошло. И теперь Хэп почувствовал смущение, хотя не мог понять почему. Он даже был рад тому, что никогда не торопился с ответом, вот и теперь пауза затянулась настолько, что время ответа, видимо, прошло; сейчас все их внимание поглотила дорога — как бы не угодить в рытвину.

В воздухе пахло зеленью, фиалками и грязью. На небе светила убывающая луна, молочная луна, подсказывающая садоводам, что пора делать посадки. Лагерь разбили на дальнем берегу озера Песочные Часы. Оказавшись в этом месте, они поняли, почему озеро получило такое название: ровно посередине противоположные берега симметрично сходились, создавая узкий проход, где могли разъехаться только две гребные лодки, как те, что были спрятаны в высокой траве. Хэп споткнулся об одну из них и, наклонившись, начал притаптывать вокруг сорняки. Лодками не пользовались очень давно, с тех пор как Дженни рыбачила с отцом, который называл ее в этих случаях Жемчужиной и учил, что сидеть тихо важнее улова.

— Отправимся на самую середину, — сказала Стелла. — Добудем воды в том месте, где до нас никто не бывал. Мистер Грилло поразится и забудет, что мы сдали работу немного позже срока.

— Мы опоздали на целых две недели, Стелла. И потом, мы ведь, кажется, собирались ждать до утра.

Хэп стоял, держа в руках два найденных весла, пострадавших от времени и полевых мышей, но все еще годных для дела. Все равно он не

планировал ночной рыбалки. Несмотря на луну, стояла крошечная тьма. И потом, нельзя было забывать и о дохлой лошади, которая лично его совершенно не волновала.

Стелла начала волочить к воде одну из лодок, на борту которой было выведено название — «Жемчужина».

— Интересно, кто была эта Жемчужина.

Стелла, конечно, не представляла, что когда-то ее мама была маленькой девочкой, которая любила рыбачить и плавать с отцом и которая как-то раз насчитала среди камышей девяносто две кувшинки. Заквакали лягушки, мягко зашлепала вода, когда лодку вытянули на мелководье. Стелла забралась в лодку.

— Живее, — подстегнула она Хэпа, и тот неловко полез в лодку, держа в руках стеклянные пробирки.

«Жемчужина» наклонилась под его весом, и Стелла расхохоталась.

Длинные и черные в ночи камыши напоминали пряди черных волос, упавшие с головы Ребекки Спарроу. Лодка продрейфовала немного и приблизилась к середине озера, откуда гребцы могли разглядеть похожий на свадебный торт дом. На кухне горел свет. Кто-то не мог заснуть. Наверное, Элинор приболела; а кто-то другой наверняка сейчас готовил ей чай. Стелла и Хэп тем не менее были абсолютно уверены, что останутся незамеченными. Обоих посетило предчувствие, что их дружба в самом скором времени изменится, не то чтобы укрепитя, а станет другой. Это уже произошло из-за Джимми Эллиота, а теперь, видимо, прибавилась и Джулиет. Стелла была не дура; она почувствовала, что двое ее лучших друзей стали ближе друг к другу, чем к ней.

Наверное, поэтому они и оказались теперь с Хэпом на озере, держа курс на середину, где немалое количество листьев лилий угодило под весла. Пройдет несколько часов, и желтые кувшинки раскроются, но сейчас они были похожи на лягушек, сидящих на зеленовато-черных блестящих листьях.

Послышался всплеск, и Стелла замерла. Ей почему-то показалось, что им не следовало находиться здесь в этот час.

— Лягушка, — прошептал Хэп.

Стелла, успокоившись, откинулась назад и взглянула на звездный водоворот в вышине.

— Как бы мне хотелось... — прошептала она.

Тут ей в мысли явился незванный-непрошенный Джимми Эллиот.

Лягушка перепрыгнула с одного круглого листа на другой, на секунду перепугав гребцов.

— Господи, — пробормотал Хэп.

Лодка закачалась, и оба, схватившись за борта, рассмеялись:

— Джеремая!

Стелла вспомнила старую песенку, которую иногда наигрывал ее отец; идея о лягушке с именем Джеремая заставила их вновь рассмеяться, хотя они старались, как могли, задушить смех.

На мгновение они полностью сосредоточились на том, чтобы не быть пойманными, а потому ничего, кроме своего сдавленного смеха, не слышали. Они не подозревали, что в воде есть кто-то еще, пока в них не врезалась вторая лодка. Та самая лодка, которую они оставили в траве, «Морской конек». Стелла рассердилась, решив, что ее выследил Джимми, но он как раз в эту минуту, побросав камешки в окно, сворачивал на Локхарт, направляясь домой в глубоком разочаровании из-за того, что она куда-то делась.

У Стеллы во второй раз промелькнуло в голове название лодки «Морской конек», и тут ее гнев перерос во что-то совершенно другое. Она отбросила первое слово из двух и осталась со вторым, страшным, как тьма.

Когда другая лодка ударила в их борт, черноту ночи протаранило весло, направленное в них. Хэп оказался молниеносно сброшен за борт, все произошло в одно мгновение, быстрее, чем могла бы прыгнуть лягушка. Секунду назад он наклонился через борт, чтобы зачерпнуть воды в пробирку, пытаясь не смеяться, а уже в следующую — его поглотила чернота.

Стелла повернулась посмотреть, куда делся Хэп, и тут ее ударило весло. Удар пришелся между лопаток, самое слабое ее место, где при рождении были сломаны косточки. Она выгнулась от боли, уйдя из-под весла. Она тоже наверняка упала бы за борт, если бы не браслет, отцовский подарок на день рождения, — цепочка зацепилась за винт, которым было прикручено сиденье «Жемчужины». Стелла дернула рукой, и браслет лопнул. Он упал в воду без звука, словно проглоченный целиком.

У Стеллы помутилось в голове; разумеется, она не думала, что кто-то попытается с ними расправиться. Должно быть, в темноте они не заметили какой-нибудь ветки или другого препятствия. Все ее мысли сейчас были о Хэпе. Стелла вскочила, забыв об осторожности, так что лодка закачалась, и закричала в темноту. Этот крик пронесся над озером, лужайкой, влетел в окно кухни, где ее мать заваривала ромашковый чай, и достиг аллеи, где Джимми, собравший пинками целую кучу сухих дубовых листьев, как раз подносил к ним спичку, пытаясь спалить разочарование самим собой за все свои глупые, необдуманные поступки.

В ту ночь Дженни Спарроу почти не спала, ухаживала за матерью, которую мучила лихорадка. Сначала Дженни решила, что Элино́р подхватила весенний грипп, но доктор Стюарт заверил ее, что это не так. Болезнь прогрессирует — другого объяснения он не нашел и посоветовал Дженни согревать Элино́р одеялами и горячим чаем. Больную сильно трясло, но доктор Стюарт умолчал, что чай и одеяла здесь не помогут. Холод шел изнутри: кровь Элино́р потеряла свою силу, словно протекала по льдинкам. Брок Стюарт не стал рассказывать Дженни Спарроу, что ему доводилось ухаживать за больными, чье последнее дыхание, вырываясь из синих губ, было ледяным.

Дженни как раз поставила на поднос чайник и чашки, когда услышала крик. Босиком, в футболке и спортивных брюках, она сразу побежала. Любая мать узнает крик своего ребенка, и Дженни не была исключением. Она только услышала, как за спиной грохнула дверная рама с москитной сеткой, но, как она ее открывала, даже не почувствовала. Она слышала крик лягушек в озере, но не ощущала травы под босыми стопами. Наверху, в спальне Элино́р, начал лаять Аргус, и его лай пробился сквозь сон хозяйки. К этому времени Дженни уже промчалась по лужайке, где когда-то стояли Уилл и Мэтт и глазели на ее окошко; она была на середине подъездной аллеи, изрытой такими глубокими ямами, что любой другой, кто о них не знал, наверняка бы споткнулся. На темной воде она разглядела лодки, показавшиеся ей плавучими гробами. Она увидела Стеллу: девочка наклонилась к воде слишком близко, а потом вообще исчезла, когда нырнула за борт в отчаянной попытке найти Хэпа. В то же время Дженни услышала крик какого-то мальчишки со стороны аллеи — это Джимми Эллиот несся как сумасшедший в ту же сторону, что Дженни, выкрикивая имя Стеллы, перескакивая через заросли сорняков, не обращая внимания на крапиву и скунсовую капусту.

В одной из лодок стоял, выпрямившись во весь рост, человек. Он увидел, как Джимми мчится сквозь заросли, и сразу подумал, что его выследил полицейский. Он проследовал за Стеллой и Хэпом на «Морском коньке», более непредсказуемой из тех двух лодок, как всегда говорил отец Дженни; управлять ею было труднее, а переворачивалась она легко. Человек, который вовсе не бесцельно оказался в этом городе, прыгнул за борт, радуясь, что вода такая темная. Ему, конечно, не удалось достать девчонку, но он хотел убраться оттуда поскорее, пока кон не подобрался ближе. Миссию он свою не выполнил. Человек проклял и себя, и бегущего сквозь высокую траву полицейского, и всех, кого он когда-либо знал. Будь он хорошим пловцом, пустился бы за девчонкой, а так ему еще повезло,

что удалось удрать, прежде чем Джимми Эллиот выбежал на берег.

А в доме Элинора потянулась к телефону. Как только она нажала кнопку с цифрой «1», ее автоматически соединили с Броком. Доктор привык к звонкам Элинора в неурочное время и нередко повторял, что спит с телефоном на подушке. Должно быть, он говорил правду, потому что снял трубку после первого звонка и заверил Элинора, что немедленно известит полицию и вызовет «скорую» помощь. Элинора хотелось самой увидеть, что там происходит, но к тому времени, как ей удалось выбраться из постели, Дженни уже доплыла до перемычки песочных часов и нырнула. Стеллу трудно было разглядеть с большого расстояния; девочка крутилась в воде на одном месте, перебирая ногами и дрожа от холода, но не оставляла попыток нащупать тело Хэпа. Она кричала и как безумная колотила по воде руками. Дженни подтащила ее к лодке.

— Оставайся здесь, — велела она дочери, и впервые Стелла ее послушала. — Я сама его найду.

Тем временем Джимми Эллиот стянул ботинки и рубашку на берегу. Он не видел Стеллы, барахтавшейся по другую сторону «Жемчужины», но все равно прыгнул в воду. Пловец он был никудышный, однако до лодки доплыть ему удалось. Он помог Стелле забраться в лодку и начал озираться в поисках Дженни, выплевывая воду, отдававшую лягушками.

Дженни нигде не было видно, но потом она вынырнула, отфыркиваясь, чувствуя на зубах песок и грязь.

— Оставайся со Стеллой, — приказала она Джимми.

Дженни понятия не имела, кто это такой. В ту секунду ей показалось, что это какой-то темноволосый подросток, который при виде ее испугался. Но хорошо, что было кому присмотреть за Стеллой, пока она вновь отправилась под воду на поиски. Вместе с ней нырнула луна и разлилась рифленным серебристым пятном, а затем исчезла, оставив после себя крошечную тьму. Дженни нащупала что-то длинное и тонкое — то ли ногу, то ли кости старой лошади, то ли останки Ребекки Спарроу. Но оказалось, что это всего-навсего дрейфующие корни какой-то кувшинки, спутавшиеся в косу. Потом Дженни ухватила что-то потяжелее и подумала, что на сей раз это Хэп, но на поверхность она подняла лишь старый ботинок, который поспешно отшвырнула, прежде чем нырнуть в третий раз.

Стелла перевесилась через борт «Жемчужины» и протянула холодную руку к Джимми, который цеплялся за лодку. Его рука была поразительно горячей, хотя он оставался в ледяной воде.

— Твоя мать отыщет его, — сказал Джимми. — Она отлично плавает.

Только сейчас Стелла додумала желание, которое начала загадывать, когда они только отъехали от берега озера. В тот день, когда топили Ребекку Спарроу, все было белым, ослепительно белым. Ослепительное солнце, ослепительный лед, снег, сверкавший как звезды. Только вода была темной, как и сейчас; она тянула Ребекку вниз, обертываясь вокруг нее простыней, а водоросли и гладкие корни кувшинок оплетали ее лодыжки, запястья, талию.

Элинор подошла к окну спальни. Неизвестно откуда налетел ветер и потряс кронами деревьев. С того места, где она стояла, Элинор разглядела внучку в лодке посреди озера. Но Дженни она не увидела. И тут же она спросила у себя, что, черт возьми, делала все эти годы, зачем ей понадобилась роза, которая, возможно, никогда не расцветет, почему она потратила столько времени, не видя Дженни, зачем она закрылась от всех. Любовь иногда так поступала с людьми, и они даже не подозревали, сколько всего прошло мимо них; они просто оставались на том месте, где любовь их покинула, а мир тем временем продолжал вертеться.

Что-то тянуло Дженни на дно — возможно, вес собственного тела или инерция. В первую секунду она решила в темноте, что перед нею бревно, но все равно вцепилась в него изо всех сил. Она уже начала подумывать, что ей самой не выбраться, воздуха в легких не осталось, зато ей был виден лунный свет, и поверхность воды колыхалась совсем близко, и Джимми Эллиот протягивал к ней руку, пока она тянула за собой Хэпа Стюарта, вцепившись мертвой хваткой в этого мальчишку, который обязательно выживет, хотя его и скинули в воду, раздробив часть позвоночника. Хэпа подняли в лодку, а там уже Стелла вдохнула в него жизнь: она не останавливалась, пока он не заморгал и не открыл глаза, пока он не увидел звезды на небе, но не со дна черного водоема, а из лодки, подпрыгивавшей на воде. Тем временем «скорая» помощь и пожарные машины мчались по Локхарт-авеню так быстро, что отметины их шин продержались на асфальте до октября. Да и позже на Локхарт-авеню осталось по белой полосе с каждой стороны дороги, и некоторые жители города каждый раз притормаживали, сворачивая с Ист-Мейн-стрит, чтобы подумать, как все-таки им повезло.

Да и что такое сирена, как не крик, возвещавший соседям, что с кем-то случилась беда, как происходит каждый день, каждый вечер. Кто-то пострадал, и в эту ночь пострадавшим был Хэп; в эту ночь, когда поднялся ветер и прогнал все воспоминания о прекрасном дне. По аллее, грязный и мокрый, бежал человек, который убил свою бывшую подружку в Брайтоне, который ударил веслом Хэпа, хотя метил в Стеллу. Эта самая Стелла была

чересчур умна, совсем как его бывшая подруга. Никто бы и не заметил исчезновения его бывшей пассии, если бы не эта девчонка и не ее папаша, раздувший шумиху. У его бывшей не было ни семьи, ни многочисленных друзей; о ней давно всем следовало бы забыть. Но нет, люди помнили. В Брайтоне, на углу той улицы, где стоял дом жертвы, соседи оставляли венки из лилий и плюща, словно она была важной персоной. Организовали комитет по сбору средств, благодаря которому было куплено место на кладбище и могильный камень. Только на прошлой неделе Массачусетский университет, где она начала заниматься, готовясь получить ученую степень, учредил стипендию в ее честь. И все потому, что эта проклятая девчонка обратила на нее внимание в ресторане. И все потому, что люди решили, будто у нее за плечами была какая-то история, раз ее убили: никчемная история, если говорить об этом человеке, женская история, не имеющая начала, только конец. А на самом деле толку от нее было не больше, чем от пчелы, гудевшей теперь возле его уха. Человек отмахнулся от насекомого и потрусил дальше по Локхарт-авеню.

— Пропади ты пропадом, — сказал он пчеле, и Стелле, и женщине, которую, как ему когда-то казалось, любил.

Это она была виновата во всех его теперешних напастях — незачем было его отвергать. Это они были во всем виноваты, особенно проклятая пчела, никак не оставлявшая его в покое. Если не поостеречься, то ее жужжание засядет у него в голове, и ничего другого он больше не услышит, и тогда наступит беда. Он побежит вперед, как слепой.

Мимо проехало еще несколько пожарных машин, вызванных из Норт-Артура, но он продолжал бежать, теперь быстрее, потому что за ним летело гораздо больше пчел. От пчел исходил сладкий запах, их тельца были полностью покрыты пылью лавра и красного клевера, но гудели они устрашающе. Прошло совсем немного времени, как их собралась уже сотня, потом вторая, а затем за его спиной гудело целое облако, которому не приходилось прилагать усилия, чтобы не отстать. Убежать от них было невозможно, но он надеялся найти способ, точно так, как надеялся, что все сразу позабудут о женщине, от которой он избавился в Брайтоне. Он даже не представлял, что больше всего пчелы любят мертвые деревья; если у них есть выбор, то они всегда возвращаются в сердцевину засохшего дерева, ибо древесина там мягкая, как костный мозг.

Человек, удиравший от пчел, был не местный, он не знал, что его ждет впереди. В отличие от Уилла Эйвери, который всегда обходил угол, где стоял старый дуб, так как единственный пчелиный укус мог убить его на месте. В отличие от Мэтта Эйвери, который достаточно знал о пчелах,

чтобы не волноваться, когда они собирались в рой. Мэтт понимал, что пчелы любят порядок и что резкие движения или буйное поведение могут вызвать в них агрессию. Разъяренный рой за спиной никому не нужен, но именно это теперь получил человек, который уже не мог бежать быстрее.

Джимми Эллиот помог вытянуть лодку на берег и тут же начал преследовать замеченную фигуру, но, не пробежав и половины расстояния, вынужден был остановиться. Он стоял в конце аллеи Дохлой Лошади и пытался отдышаться, давая себе зарок отныне и навсегда бросить курить. Вообще-то он дал себе несколько зарок, когда стоял на берегу, промокнув до нитки, умирая от любви и тревоги. Выпрыгнув из лодки, он единственный заметил, как кто-то пустился наутек. Всего лишь мгновение, всего лишь тень, но Джимми знал, как легко спрятаться в темноте; в свое время он ограбил несколько домов по соседству, и, хотя он оставил это занятие с тех пор, как его поймали и заставили работать на общественные нужды, он не забыл, как все это было. Если люди не удосуживаются взглянуть в тень, это не означает, что там никого нет.

Когда мимо по дороге прогромычала старая колымага доктора Стюарта, в заросли крапивы метнулся не человек, а скорее его тень, преследуемая пчелами. Человек-тень сильно обжегся и припустил во всю прыть, хотя никакого плана отступления у него в голове не было; он собирался вернуться поездом в Бостон и уже там все обдумать и спланировать. Неожиданно он остановился, позабыв о пчелах. Ему показалось, что на углу он увидел слона, серо-коричневого, громко трубящего. Тот, для кого убийство было пустяком, так что он добровольно пошел на него дважды, стоял как вкопанный и не мог пошевелиться. Из его холодного грязного тела вырывалось горячее дыхание. Наверное, его все-таки подвело зрение. Но тут слон мотнул в его сторону хоботом. Когда последняя мертвая часть дуба упала, она сочилась медом; над ней кружились пчелы, единым облаком, единым существом, и каждая косточка в теле человека, который перестал бежать, была сломана, и все, чем он был в прошлом, растворилось в тихой темной ночи.

Хэпа Стюарта отвезли в Гамильтонскую больницу, а оттуда переправили самолетом в Бостон для срочной операции. Стелла отправилась в город вместе с доктором Стюартом. Во время поездки они не разговаривали, впрочем, слова им были не нужны. Брок Стюарт выжимал восемьдесят миль на шоссе, но Стелле хотелось, чтобы он ехал еще быстрее. Они даже не стали искать мотель — не было необходимости. Стелла так и не сменила промокшую одежду, а просто набросила поверх рубашку Джимми Эллиота и застегнула, перекосив на одну петлю. В

ботинках у нее хлюпала вода с водорослями, волосы слиплись и торчали во все стороны, как перья. Ей было на это наплевать, как и на то, что она поскрипывала при ходьбе, оставляя за собой по всему больничному вестибюлю темные лужицы. Они решили «разбить лагерь» в комнате ожидания, и там доктор Стюарт забылся сном где-то под утро. А вот Стелла, должно быть, унаследовала что-то от Сары Спарроу, ибо она тоже могла бодрствовать всю ночь. И наутро никто бы не догадался, что она глаз не сомкнула. И никто бы не догадался, как сильно она чего-то желала.

Операция длилась одиннадцать часов, все это время Стелла рисовала в своем воображении лицо Хэпа, его сияющие глаза, вспоминала, как он смеялся за несколько секунд до того, как получил удар веслом. Увидев, что к ним направляется хирург, Стелла разбудила доктора Стюарта, тряхнув его за плечо, и он еще долго моргал под яркими лампами дневного света, пока хирург сообщал им хорошую новость. Кто-то другой не счел бы хорошей новостью реабилитацию от шести месяцев до года, но для Стеллы и доктора это было радостное известие. Одна нога у Хэпа теперь стала короче, и он, разумеется, будет прихрамывать, но даже эта новость была для них хорошей.

С самого начала доктор Стюарт готовился к худшему, и, когда хирург ушел, Брок, видимо, дал слабину. Он откинулся на пластиковом стуле, что стояли в комнате ожидания, и расплакался, как плакал частенько во время обходов. Сын доктора Дэвид, уезжавший по делам, примчался прямо из аэропорта, потрясенный, растерянный. С тех пор как умерла его жена, он тщательно ограждал себя от всех печалей и теперь чуть не рухнул в объятия отца.

— Он все еще наш Хэп. Полгода реабилитации в Гамильтонской больнице. И будь готов увидеться с ним — голова у него стянута металлическим обручем.

— Господи. А я был в Балтиморе.

Девочка с темными волосами, сидящая рядом, показалась ему до странности знакомой.

— Это Дженни Спарроу? — спросил оторопело отец Хэпа, который учился с Дженни в одном классе и знал, что ей должно быть столько же лет, сколько ему, то есть она сейчас совсем старая, потрепанная и бесполезная и лет на сто старше девчушки на скамейке.

— Это ее дочь, — сказал доктор. — Внучка Элинора.

— Что у него — перелом шеи?

— К счастью, нет. Но дело почти такое же серьезное. Поврежден позвоночник. — Доктор умолчал о том, что, если бы удар весла пришелся

на полсантиметра правее или левее, Хэп остался бы парализованным. — От этой железки он сойдет с ума.

Стелла решила, что неважно, если Хэп больше не будет таким высоким; неважно, если теперь он станет сутулым или хромым, все равно у него останется то, что привлекает в нем. Извинившись, она ушла и дозвонилась до Джулиет Эронсон из автомата. Джулиет не посещала больницы с тех пор, как умер ее отец, у нее была фобия к подобным заведениям, но, когда Стелла объяснила, что произошло, она взяла такси и приехала меньше чем через двадцать минут. Когда Джулиет влетела в холл, Стелла не узнала подругу. Джулиет не стала тратить время на косметику, просто набросила поверх ночной рубашки плащ и сунула ноги в пластиковые шлепанцы. Вот в таком виде входит любовь — кое-как одетая, ошарашенная, объятая паникой, раздавленная, не заботящаяся о том, что подумают другие.

— Господи, ну и видок, — сказала Стелла, ведя Джулиет по коридору.

— У тебя не лучше, — попробовала рассмеяться Джулиет, но осеклась.

Стелла обняла подругу, они на секунду замерли, потом Джулиет отстранилась:

— Ты насквозь мокрая.

— На нем обруч. Одна из тех металлических штук, что ввинчивают прямо в череп. Поврежден позвоночник.

Лицо Джулиет оставалось напряженным, но она была хорошенькой без обычной раскраски на лице; лишившись бравады, она вовсе не казалась старше Стеллы.

— Мне наплевать, что там у него, если он сохранил свою цельность, — сказала она. — Это его лучшая черта.

В послеоперационной палате Хэп Стюарт медленно дышал, погруженный в полусон от наркоза, который только начал проходить. Ему казалось, что он лежит в лодке, плывущей по черной воде. Ему казалось, что в воздухе звенят комары и повсюду мерно гудят пчелы. Ему казалось, что над ним наклонилась красивая девушка и прошептала: «Я всегда буду рядом». Это был голос из телефонной трубки, голос той, кто знал его изнутри, Джулиет Эронсон. Он улыбнулся от одной только мысли, что она тут. День начинается с одного, а заканчивается совсем по-другому, как никто бы и не подумал, с обручами, пчелами, истинной любовью, вихрем звезд под лампой дневного света и везением, когда его ожидаешь меньше всего. Хэп Стюарт в точности знал, кто он такой, целую секунду, а ведь большинство людей не могут похвастаться даже этим. Прежде чем вновь погрузиться в морфий и сон, он вслух произнес: «Счастливчик», будто одно это заветное слово было и молитвой, и защитой и его стоило

повторять каждый день жизни.

2

— Ей больше не снится снег.

Мэтт работал на болоте, и Дженни принесла ему обед. Теперь, когда матери снились другие сны, ей больше не приходилось скупать белую краску, тюбик за тюбиком.

— А что снится? — спросил Мэтт.

— Думаю, она видит во сне свою жизнь, так что у меня не остается другого выбора, кроме как узнать ее.

Они находились в нескольких шагах от того места, где Констанс Спарроу поджидала своего мужа, когда он уходил в море. Констанс могла оставаться под водой почти двадцать минут, ее часто звали помочь с поисками утонувших моряков, и каждый раз она надеялась, что тот, кого она ищет, не ее собственный муж. Она зажигала фонарь, служивший сигнальным огнем морякам; позже на этом месте построили маяк Юнити, прямо на черных скалах. Недалеко отсюда на мель сел корабль «Селезень», произошло это на много лет раньше, когда болото представляло собой глубокую гавань, — скорее всего, благодаря этому кораблекрушению между камышами теперь росли сотни персиковых деревьев. Или, возможно, такое изобилие было вызвано тем фактом, что влюбленные женщины приходили сюда с потаенной мольбой, а на шеях у них висели на шнурках персиковые косточки.

Как бы там ни было, каждую весну город прибегал к услугам Мэтта, который срезал вокруг ангара проросшие саженцы, мешавшие людям спускаться на воду свои лодки. Он успел защитить диссертацию и поступить на работу в колледж. Осенью придется нанимать кого-то другого, чтобы расчистить участок Эллиотов от веток и собрать листья с общественного луга. Кто-то другой будет убирать снег будущей зимой, а затем в апреле смывать поливальной машиной цветочную пыльцу с тротуаров вокруг Городского собрания и библиотеки. Но в это время года всегда будет достаточно работы для двух человек; следующим маем, когда распустят учеников, Мэтт вернется сюда, к ангару, и будет срезать персиковые саженцы, работая так усердно, что ничего не услышит, кроме собственного размеренного дыхания.

Дженни достала из корзинки последние работы и разложила на траве. Там была девочка с черными волосами. Там был зеленый сад с единственным лазурным цветком, голубым, как гортензия, голубым, как небо, голубым, как вода в те далекие времена, когда болото было глубокой

бухтой, куда приплыли саженцы персиков, предназначенные для доставки в Бостонскую гавань. Прошлой ночью Дженни видела сон, наполненный странным узором красных и голубых линий, переплетенных, как паутина. Только нарисовав этот сон, она поняла, что перед нею человеческое сердце, жизнь ее матери в цвете — алом и синем. Покормив Мэтта, Дженни полежала несколько минут на траве. Когда он был рядом, ее сердце начинало биться невероятно быстро. Любовь бывает и такой — она словно непонятный сон, в котором ты не всегда знаешь, на что смотришь, пока оно не оказывается прямо перед тобой.

Любовь подстерегает, лежа в засаде, выжидая дни или годы. Любовь — это красная ниточка, персиковая косточка, поцелуй, прощение. Любовь преследует тебя, ускользает от тебя, она невидима, она все, даже для того, кто находится в самом конце жизни, как Элино́р Спарроу. Чем больше Элино́р спала, тем больше снов она видела, но это не означало, что она не была привязана к этому миру. Пусть было слишком поздно для лекарств, вмешательства, надежды, но не было слишком поздно для того, чтобы одарить другого. Дочери она подарила сны из своей юности. Внучке она подарила колокольчик Ребекки, чтобы никто и никогда не мог заставить ее утихнуть.

Иногда Стелла сидела у постели бабушки и держала ее руку, и это было единственное, что связывало Элино́р Спарроу с этим миром: ниточка, тянувшая ее обратно. Иногда Дженни приносила ей воды или чая, и это тоже служило единственной связью: иголка, тянувшая нитку. Иногда Брок Стюарт выносил ее в сад погреться на солнышке, что тоже не отпускало ее из этого мира, одеяло, которое укрывало ее и удерживало на месте, и она оставалась среди своих родных, словно засохший листок, зацепившийся за ветку, тонкий и такой прозрачный, что сквозь него можно было заглянуть в другой мир.

Но даже у тех, кто почти не привязан к земному, находится повод для волнений. Элино́р беспокоилась о судьбе Аргуса. Если никто не останется жить в Кейк-хаусе, куда денется пес?

— Когда я умру, тебе придется взять его к себе, — сказала она Броку однажды в саду.

Накануне ей приснился Аргус. Он был щенком, который никак не хотел с ней разлучаться. Она привязывала его к ножке стола и велела сидеть на месте, а он тянул за собой стол, таскаясь за ней по пятам.

— Еще одно животное, которое отказывается умереть? Элли, ты не можешь так со мной поступить. Я только что избавился от Торопыги.

— Прости. Вопрос решен. Я завещаю собаку тебе.

— Эх, Аргус, — доктор наклонился, чтобы почесать голову верного пса, — живи хорошо, но не очень долго.

Элино́р рассмеялась:

— Ты вредный, вредный тип.

— Да, я жесток, — согласился доктор. — Уверен, моя стряпня доконает беднягу совсем скоро, раз он привык у тебя питаться цыпленком с рисом.

Долгое время Элино́р вообще ничего не чувствовала и теперь удивлялась новизне ощущений. Логично было бы предположить, что внутренняя пустота дарит человеку иллюзию легкости, но на самом деле она приносит огромную тяжесть. Все минувшие годы ей казалось, что кости у нее из железа, а на ногах свинцовые ботинки. Только сейчас, сидя с Броком в саду, Элино́р скинула эти ботинки. У ног дремал Аргус. Трава под ступнями была теплой. Почти как летом. Что это — сон или реальность? Она заморгала под яркими лучами солнца.

— Как ты думаешь, где сейчас Торопыга? — спросила Элино́р.

— Он по-прежнему на моей лужайке. В земле. В траве.

Доктор отвернулся и утер глаза обеими руками.

— Кто бы мог подумать, что ты когда-нибудь будешь плакать из-за этой старой клячи.

Но дело было вовсе не в том, Элино́р сразу это поняла, как только взглянула в лицо доктора, когда он повернулся к ней. Дело было в привязанности, той самой, что он испытывал и к ней самой.

С крыльца донеслись голоса, смех, затем стукнула дверь. Пришли Стелла и Джимми Эллиот.

— Он переболел менингитом в восьмимесячном возрасте, — сказал доктор о Джимми. — Не думал, что он выживет. Помню, что отвел Генри Эллиота в сторону и посоветовал готовиться к худшему, но вот он, жив-здоров, на твоём крыльце.

— Устраивает бедлам, — прокомментировала Элино́р.

В последнее время Джимми зачастил в Кейк-хаус. Да что там, только вчера вечером он притащил Элино́р поднос с едой и даже не удосужился постучать в дверь. Он назвал ее «бабуля» и поставил вазочку с цветами на комод.

— Живет полной жизнью, — сказал доктор. — Повезло Джимми Эллиоту. С какой стати он будет ходить, когда можно бегать? Возможно, он помнит, как близко подошел к последней черте. И пока он еще здесь, можешь быть уверена — мимо него ничто не пройдет.

Когда-то доктор ошибся насчет Джимми точно так, как Стелла ошиблась насчет Хэпа. Она предвидела, что он упадет с лошади и сломаёт

шею, а он тем не менее благополучно вернулся домой и теперь лечится у физиотерапевта из Монро и смотрит телевизор. И все время разговаривает по телефону со своей девушкой из Бостона, так что доктор Стюарт предполагал, что с каждым днем внук идет на поправку.

— Это такой возраст. — Элино́р не забыла, как Дженни постоянно болтала с Уиллом, словно зачарованная слушала его голос. Элино́р не забыла, как она и доктор держали телефоны на подушках, так что казалось, будто они рядом, хотя это было не так. — Им есть о чем сказать друг другу. По крайней мере, первое время.

— Как нам с тобой.

Брок Стюарт подумал о том, как водил маленького Хэпа, когда тот переехал с отцом к нему, собирать фиалки на холм за Кейк-хаусом, потому что мать Хэпа часто так делала. Каждую весну они гуляли по склону, пока Хэп однажды не сказал, что больше в этом нет необходимости. «Все в порядке, дед. Тебе вовсе не нужно приводить меня сюда. Я помню. Я ее не забыл».

— Твой конь на лужайке. — Раз или два ей снилось это животное. Элино́р видела, как оно бежало — то ли в этом мире, то ли в следующем. — Во всяком случае, ты так утверждаешь. Л куда мы уходим?

— Раньше я думал, что существует план, пусть приблизительный, но все-таки план, — признался доктор. — А теперь я полагаю, что существует тысяча планов. Каждый вдох, каждое решение влияет на этот план, расширяет его, укорачивает, полностью переделывает. Он постоянно изменяется. Тем из нас, кому везет, удается состариться, несмотря на огромное количество возможных болезней и несчастных случаев. Мы устаем. Мы закрываем глаза.

— А потом? Куда мы попадаем потом?

Глупо было спрашивать его об этом, словно он что-то знал, но доктор на самом деле ни секунды не сомневался. Он взял руку Элино́р и положил себе на грудь, к сердцу:

— Вот сюда.

Элино́р улыбнулась и подумала: «Наконец-то». Наконец кто-то сказал ей правду. Она видела это, чувствовала, пока дни сливались один в другой, превращаясь в сны. Время теперь текло именно так, поэтому вчерашний день не отличался от сегодняшнего, хотя проходила целая неделя. Они по-прежнему сидели в саду, однако пролетело семь дней. Клумбы заросли сорняками, в каменной ограде появились щербины. Спускалась тьма.

— Как красиво, — сказал Брок Стюарт о саде, заложенном Ребеккой в незапамятные времена.

Заплакав, он уже не мог остановиться, это вошло у него в привычку, от которой никак не избавиться. Началось с того утра, когда Лиза потеряла младенца, и теперь он едва замечал свои слезы. Бывало, останавливался в коридоре больницы, чтобы просмотреть записи, и даже не понимал, что происходит, пока на странице не начинали расплываться чернила. Или выходил в сад и считал, что идет дождь, пока не обращал внимание на то, что небо чистое.

— Скоро сад придет в упадок, — заверила доктора Элино́р. — Приглядывай за ним.

— Все равно он будет красивым. Даже тогда.

Элино́р отдыхала на скамье, подаренной ей когда-то доктором, но теперь она с трудом на ней сидела. Поерзав, она опустила голову на плечо доктора и услышала ровное биение его сердца.

— Ты был прав, — сказала она. — Я устала.

На каменной стене сидели тринадцать воробьев, на тринадцати клумбах росли розы. Время здесь летело очень быстро. Не успела Элино́р обернуться вокруг себя и двух раз, как оно все вышло. Хорошо хоть она успела сбросить те свинцовые ботинки и кости больше не казались железными. Она воспарила, как ей казалось, и даже не попыталась остановиться. Она ощущала необыкновенную легкость, словно в ее жилах был воздух, а не холодная, замерзшая кровь. Она устала, но воздух источал сладостный аромат. Свежий воздух мая, пахнувший зеленью.

Стелла настаивала, что бабушка проживет до зимы — в видении ей грезился снег, — но Брок Стюарт знал, что ничего утверждать нельзя. Он сам не раз бывал свидетелем того, как люди, которые, по его мнению, должны были выздороветь, протягивали всего несколько дней. А те, кто, как он считал, не имели ни малейшего шанса увидеть следующее утро, жили еще много лет. Он знал, что Элино́р с каждым днем слабеет — это был факт — и вряд ли дождется зимы. Иногда она дремала в саду до сумерек, пока не начинал гаснуть жемчужно-молочный майский свет.

Порой вечерами доктору приходилось уносить ее в дом на руках; прошло немного времени, и он уже носил ее и туда, и обратно, завернутую в одеяло, хотя погода стояла теплая. Доктор думал о своем старом коне, оставшемся на лужайке, по которому очень скучал вопреки собственным ожиданиям. Он думал о том, как Лиза Халл на прощание поцеловала своего младенца, о внуке на больничной кровати и обо всех тех людях, которым он помог появиться в этом мире и оставить его. Он считал, что ему повезло, раз он сидит в последние зеленые дни мая в саду рядом с Элино́р. Он так много лет любил ее, что будет продолжать любить и

дальше, с ней или без нее.

Он знал, что привязанность — это только для живых, и поэтому совершил благородный поступок. Он отпустил ее. Наклонился поближе, так чтобы она услышала, и сказал, что она может его оставить. Они поняли, что это произойдет именно сейчас; что-то изменилось в воздухе, как всегда бывает. Даже Аргус, который давно поскуливал, теперь притих. Это был не сон, а нечто большее. Она вздохнула, и в этом вздохе было каждое произнесенное ею слово, каждый сделанный шаг, каждый, кого она когда-либо любила.

Над каменной оградой возвышалось одно дикорастущее персиковое деревце — вероятно, потомок тех саженцев, что прибило к берегу в далеком прошлом после кораблекрушения. Или оно выросло из любовного амулета, брошенного наземь за ненадобностью. Здесь и по всему городку Юнити пахло персиками; когда поднялся ветер, лепестки цветов посыпались, как снежинки. Если не шевелиться, если сидеть неподвижно, то лепестки падают и остаются на одежде, на волосах, белые как снег, тихие как снег, мягко летящие с небес, чтобы укрыть и унести домой.

Поминальная служба по Элинор Спарроу проходила в старом молельном доме на Честнат-стрит в последнюю неделю мая, когда садоводы высаживают томаты и кукурузу, когда дети не желают рано укладываться спать, так как вечера становятся светлее, когда на западном горизонте ночного неба появляется лев и не видит агнца. Семья хотела оставить Аргуса дома, но он добежал до Локхарт-авеню с удивительной для его возраста резвостью. Ничего не оставалось, кроме как остановить джип на углу; Мэтт и Уилл выбрались из машины и затащили волкодава в кузов. Верность чего-то заслуживает, в этом все согласились: доброты, по крайней мере, и, естественно, внимания; но прежде всего — права на общее горе.

В молельном доме их ждала большая толпа, человек двести, многие из которых потом поехали в Кейк-хаус на поминки, впервые в жизни избегая рытвин на подъездной дороге. Люди, которых отпугивали слухи о кусающихся черепахах и утопленниках, приехали, чтобы повесить куртки в шкаф и послоняться по гостиной, где Лиза Халл накрыла большой раскладной стол хорошим серебром и расставила огромные блюда с бутербродами и кексами.

Поначалу гости перешептывались, потом осмелели. Сисси Эллиот разместилась на одном из диванов, требуя у дочерей принести ей то фруктовый салат, то чай. Несколько ребяташек примостили стаканы с пуншем на стеклянный шкафчик и принялись носиться друг за другом вокруг стола, пока матери не приструнили их. Хэп Стюарт, быстро шедший на поправку с помощью своего физиотерапевта, при большом скоплении людей все еще пользовался инвалидным креслом; в этот день он буквально утонул в пожеланиях скорейшего выздоровления. Джулиет Эронсон накануне приехала поездом и обосновалась у Лизы; во время поминок она почти не отходила от Хэпа. Она оказалась права насчет его самой привлекательной черты. Хэп сказал ей, что не будет в обиде, если она предпочтет кого-то другого, кого-то повыше, скажем, кого-то не хромого. В точности, как предсказывала Джулиет, — цельность и чистота. Как и оказалось, рост значения не имел. Она сама это подозревала: самое главное то, что внутри человека.

Синтия Эллиот вызвалась разливать чай и собирать пустые тарелки, но из-за неожиданного наплыва людей она понадобилась также и на кухне, чтобы приготовить еще бутербродов с семгой и огурцом. На столе лежала

книга для гостей, где расписались абсолютно все: Эдди Болдуин, водопроводчик, привел все свое семейство. Пришли Фостеры и Куимби, включая Мариан, которая, как всегда, мечтательно пялилась на Уилла, хотя давным-давно была взрослой женщиной с тремя детьми и адвокатской практикой. Она попыталась с ним пофлиртовать, но он мог говорить только о Лизе и говорил, казалось, не переставая. Собралось так много соседей, что те, кто не виделись по пять или шесть лет, теперь сели рядом и за чашкой чая обсудили все сложности своей жизни. Когда кто-то уходил, его место тут же занимал другой. Синтия Эллиот взяла в оборот своего брата, и Джимми, который за всю жизнь не приготовил ни одного бутерброда, пикнуть не успел, как уже намазывал творожную массу на поджаренные хлебцы.

Джимми Эллиот стал своего рода местной знаменитостью благодаря тому, что наплевал на общественный труд и не срезал последнюю ветвь с дуба на Локхарт-авеню. Его пригласили провести беседу с учениками третьего класса, которые протестовали против уничтожения старого дерева, и он полдня водил с детьми хоромы вокруг ствола, резвился и распевал песенки.

«Иногда умнее не слушаться приказов», — заявил Джимми восхищенным третьеклашкам, к ужасу миссис Коул, которая в свое время тоже учила Джимми и прекрасно помнила, как он однажды взобрался на шкаф и отказался оттуда спуститься.

«Неужели все в этом городе ослепли? Совершенно не разбираются в людях, — посетовал позже Джимми в разговоре со Стеллой. — Рано или поздно они все-таки поймут, что я из себя представляю. Но пока этого не произошло, я могу порадоваться».

«Они прекрасно знают, кто ты, — ответила ему Стелла, — и я знаю».

Уиллу Эйвери тоже нашлось полезное дело в день поминальной службы по Элиноу. Он помог Лизе доставить большие кофейники, а позже обносил крошечными булочками самых старших гостей, тех, кто устроились на креслах и диванах и поднялись за все время только один раз: чтобы разойтись по домам. Дженни единственная не знала, куда себя деть; она стояла в передней, словно собиралась уйти. Вопрос только куда. Она не могла заставить себя отойти от шкафа, куда поместили металлическую урну с прахом Элиноу. Попыталась было направиться на кухню, чтобы помочь Лизе, но оказалось, что не способна сделать ни шага.

— Как ты?

Подошел Мэтт Эйвери, принес ей чашку крепкого черного чая.

— Просто превосходно.

Но на самом деле Дженни казалось, будто она приклеена к полу. Она, которая прежде с такой легкостью сбежала из дома, теперь не могла сдвинуться ни на дюйм.

— Ужасно, — призналась она.

— Он тоже.

Тут же стоял доктор, смотрел в окошко рядом с входной дверью. Отсюда он мог разглядеть сад, но картина получалась какой-то мутной и зеленоватой. Что же он там видел? Последний вздох Элино́р, рассыпавшийся на тысячи молекул? Может быть, именно это он теперь вдыхал? Ее суть, ее саму, человека, о котором он будет тосковать каждый день, свою самую плохую пациентку, свою самую ворчливую соседку, своего самого дорогого друга.

— Там Стелла, — сказал он, когда Дженни подошла и встала рядом.

Она посмотрела, и в первую секунду ей показалось, что она видит в саду свою мать. Ей показалось, что там над землей склонилась Элино́р, как склонялась от горя много лет тому назад, когда потеряла все. Но теперь там была Стелла. Там была ее дочь, которая видела снег, хотя на самом деле это были всего лишь лепестки, опадавшие с персиковых деревьев, которая видела время, хотя на самом деле никакого времени больше не было.

Тут только Дженни поняла, что может идти. Еще секунду назад она стояла как парализованная, не способная сдвинуться с места, а уже в следующую оказалась на крыльце. Цветущие плети глицинии источали дивный аромат. Гудели ленивые пчелы, насытившиеся пурпурной сладостью. На крыльце лежал Аргус и смотрел на дорогу, словно ждал, что сейчас там появится его хозяйка. Дженни погладила старого пса по голове, затем прошла на лужайку. Она услышала, что пес пошлепал за ней. До нее доносились голоса гостей из дома, зов кардиналовой овсянки из леса. Пчелы успели перелететь с глицинии на лавр.

Люди когда-то верили, что кусочек сахара, положенный в рот ребенку, принесет ему сладкую жизнь, но некоторых детей нельзя накормить насильно, они вынуждены самостоятельно добиваться везения. Эти дети вместо сладкого едят желуди и корни лилий, еду им приносят дикие птицы, и они довольствуются чаем из вербейника или сушеных листьев малины. Им приходится обходиться тем, что у них есть.

Стелла сразу направилась к матери, когда увидела у нее в руках металлическую урну. Садовая калитка за ней закрылась, девочка услышала щелчок. В этот день она зачесала волосы назад, и у корней виднелась светлая полоска. Яркая, как звезды. Она проплакала всю ночь, сидя возле памятника, так что теперь глаза болели. Джимми Эллиот был с ней рядом.

«Вот что иногда делает с людьми любовь, — сказала ему Стелла. — Беги, пока не поздно». Но над ними вошла молочная луна, та самая, что заставляет все кругом расти, хочешь ты этого или нет, и Джимми Эллиот остался на месте.

Позже, когда он провожал Стеллу домой, она нашла персиковую косточку, брошенную на дороге птицей. Стелла подхватила косточку, сунула ее в карман и почувствовала себя лучше. Не каждый день находишь амулет, способный напомнить о том, что у тебя было, о том, что ты потеряла, о том, что еще придет. Стелла заснула, спрятав косточку под подушку. Ей приснилось, что косточка упала с дерева, которое прибило к берегу, когда в гавани затонул старый корабль «Селезень», и в тот день весь город пропах персиками. Ей приснилось, что косточку швырнула на дорогу девушка, после того как все ее желания осуществились, а позже из этой единственной косточки выросли сотни деревьев. Ей приснилось, что ее бабушка взглянула наверх и увидела падающий персиковый снег, такой тихий и непохожий на снежную бурю, такой благоуханный, что мог вызвать слезы у взрослого мужчины.

Элинор оставила Стелле все, что у нее было, — хватит и на колледж, и на медицинскую школу, если таков будет выбор внучки. Но дом она оставила дочери. Дженни. Генри Эллиот передал Дженни документы на Кейк-хаус в тот же вечер, когда умерла ее мать. Документы были составлены и засвидетельствованы в год, когда Дженни убежала из дома. Кейк-хаус все это время принадлежал ей. Дом, который был ей не нужен, который она презирала, модель которого теперь служила игрушкой маленькой девочке из Медфорда, и та считала его самым красивым домом на свете. Дом, напоминавший свадебный торт, дом с множеством окон, дом бессонных ночей и боли, которая никогда не чувствовалась, дом, где варили пудинги «Птичье гнездо», дом, где писали невидимыми чернилами и хранили наконечники от стрел, дом, вокруг которого рос самый высокий в штате лавр и кружили пчелы, никого не кусая.

Дженни думала, что они развеют прах Элинор в розовом саду, но в последний момент ей показалось это неправильным. Они отправились с дочерью в лес, к валунам «стол и стулья». Аргус последовал за ними через все живые изгороди, мимо сирени, мимо лачуги, где между кирпичей до сих пор хранился портрет Ребекки. В это время года возвращались желтые древесницы, балтиморские иволги и все другие обитатели массачусетских лесов. Весенние лазурные бабочки, стрекозы, лесные дрозды, крошечные колибри, так яростно охранявшие свою территорию, что готовы были сразиться насмерть, защищая свой дом. В этот день благодаря хлопотам

Мэтта впервые прозвучал колокол на мемориале Ребекки. Звон пронесся над всем городом — над домами и башнями, магазинами и фермами, и полетел дальше, достигнув Норт-Артура и Монро, Эссекса и Пибоди, чего никто не ожидал. Те, кто шел в тот день по Бикон-стрит в Бостоне, клялись, что слышали звук колокола. В общественном парке детишки на карусели начали вытягивать ручки, словно хотели поймать светлячков, хотя в воздухе ничего не было, кроме тихого эха.

Дженни и Стелла осторожно обходили орхидеи венерин башмачок, проросшие сквозь сосновую кору и перегнутой. Они шли мимо саррацений и красоднегов, пока не достигли чащи, в которой, по уверению местных жителей, росли дикие розы, никнувшие под взглядом человека. Мать и дочь шли за собакой, которая, как казалось, выбрала известную ей одной тропу. Маршрут был трудный, но преодолимый. Здесь, где росли дурман и пятнистый вех, и было то самое место за камнями «стол и стулья», куда впервые вышла Ребекка Спарроу. Пройдет много лет, а местные жители будут рассказывать любому желающему послушать, что в этом месте круглый год цветут голубые цветы. Они будут упорствовать, утверждая, что здесь слышится гул пчел даже в те дни, когда кругом лежат снег и лед. Закройте глаза и прислушайтесь, советуют такие рассказчики, затем пройдите на двадцать шагов дальше, чем, как вам кажется, необходимо. И когда вы окончательно уверитесь, что потерялись, то как раз и окажетесь в том самом месте. Тогда и открывайте глаза.

Примечания

1

Кусающаяся черепаха — единственный вид из одноименного рода в семействе каймановых черепах; обитает в пресных водоемах Америки; имеет крупные острые челюсти, похожие на короткий клюв. — *Здесь и далее прим. перев.*

2

Планшетка для спиритических сеансов с нанесенными па нее буквами алфавита, цифрами от 1 до 10 и словами «да» и «нет».

3

Sparrow (*англ.*) — воробей.

4

Элитарный колледж, принадлежащий к лиге женских университетов «Семь сестер»; основан Софией Смит в 1871 г.

5

Персонажи сказки братьев Гримм, попавшие в домик из хлеба с пряничной крышей и сахарными наличниками.

6

Имеется в виду сказка братьев Гримм «Гном Тихогром».

7

Начальные строки стихотворения «Тигр» Уильяма Блейка в переводе К. Бальмонта.

8

Пол Ревир (1734–1818) — американский ремесленник, ставший одним из самых известных Героев Войны за независимость.